Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 1 (789)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES

Issue 1 (789)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 1 (789)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г.Р.Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И.А.Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М.С.Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О.К.Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А.Я.Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г.Ф.Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С.С.Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А.И.Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А.Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Т. В. Писанова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание
И. Василюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
З. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение
А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (Литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (Ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология
А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки
В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лощилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Безрукова Л. Г.
Типологическое описание трансформаций языкового образа с метафорическим значением (при переводе с немецкого языка на русский) 13

Воронина Л. А.
К вопросу о выделении моделей аспектного обучения практическому корейскому языку в вузе (на примере направления 45.03.02 «Лингвистика») 21

Гурьева А. А.
Проблема буквального перевода в контексте межкультурной коммуникации (при обучении корейскому языку на начальном уровне) 31

Жиеналина Б. Т.
Культурологический аспект обучения русскому языку как второму 43

Жумсакбаев А. Т.
Этнокультуроведческий аспект изучения фразеологизмов русского языка 51

Камилова С. Э.
Типологические схождения / отличия в проекции авторского «Я» в современном русском и узбекском рассказе 60

Кирсанова Е. М., Мороз Н. Ю.
Формирование навыков сопоставительной прагмасемантики 67

Куцулаб В. И., Родионова А. С.
Особенности молдавского билингвизма в разговорной речи. Русизмы в румынском языке 77

Магзумбекова А. К.
Формирование полилингвальной личности в Казахстане 82

Мамаева Г. Б.
Национально-культурный аспект изучения фразеологических единиц русского и казахского языков 88

Меликсетян Л. С.
Стратегия перевода современных армянских рассказов 97

Мозоль Т. С., Похолкова Е. А.
Сопоставительный анализ обращений
в корейском и русском языках 105

Нарбут Е. В.
Лагерная художественная литература: вчера и сегодня 120

Нечаева К. К., Сержантов С. В., Мороз Н. Ю.
Организация и инкорпорация художественного перевода в учебный
процесс на начальной стадии обучения переводу и критерии оценки
(на опыте переводческого факультета ФГБОУ ВО МГЛУ
и Центра славянских языков и культур Лиссабонского университета) 128

Никуличева Д. Б.
Выпускная квалификационная работа
как зеркало профессиональной компетенции переводчика:
размышление об итогах «круглого стола» 138

Новицкая О. В.
Прагматическая адаптация в художественном переводе:
цели, задачи, методы 146

Овсянникова А. А.
Билингвизм как результат межъязыковых контактов
на примере языковой ситуации на Украине 162

Осипова Т. В.
Культурологический аспект и его передача при переводе
художественных текстов 171

Пакулова Я. Е.
Спорные методические решения и грамматические моменты,
требующие переосмысления, на начальном этапе обучения
корейскому языку 179

Парфенова Л. В.
Российский образовательный благотворительный фонд
в контексте развития межкультурной коммуникации.
Лингвистическая самостоятельность обучающихся 191

Писанова Т. В.
Современные проекты национально-культурной идентичности
в странах – партнерах СНГ 200

Похолкова Е. А., Селезнёва Д. В.
Неологизация в современном корейском языке 216

Рустамова З. И.
К вопросу о сюжетных параллелях мифологии шумер, греков и Пятого боя «Китаби Деде Коркуд» 227

Сон Е. Д.
Формирование межкультурной компетенции студентов 234

Сыздыкова Г. О.
Синонимия падежных форм в текстах казахского героического эпоса 242

Тадинова Р. М.
К вопросу о ценности фразеологических единиц в репрезентации ментальности народа 250

Тимофеева И. М.
Типологические особенности сингальского имени существительного на фоне русского субстантива 258

Тлешова К. Е.
Культурно-лингвистическое наследие деятелей «Алаш» и современность 273

Токсанова С. К.
Особенности языковой адаптации современных заимствований в СМИ 278

Ускова Т. В.
Некоторые особенности речи юриста в Англии и США 287

Хамидова А. Х.
Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка СМИ 293

Шаталова Н. С.
Межкультурная образовательная стратегия подготовки иностранных студентов будущих переводчиков 300

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Махортова В. А.
Образ королевы Жинги в романе Ж. Э. Агуалузы 311

Соловьев В. А.
Формирование единых профессиональных стандартов в информационном пространстве стран СНГ 319

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Афанасьевская Н. В.
К вопросу о языке фотографии 332

Захарова А. Г.
Прецедентное имя как культурный феномен 342

Саввина Л. В., Саввин А. В.
«Механический балет» Д. Антейла как образец музыкального текста художественной памяти XX века 352

Филиппова М. М.
Изучая концепт «hypocrisy» (лицемерие) в культурах англоговорящего мира: что полезного мы можем почерпнуть? 365

Шиженский Р. В.
Современное русское язычество как пример «воображаемого сообщества» 382

ОТОЗВАНА 28.10.2020

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Васильев В. А., Блинова А. С.
И. А. Ильин о пути духовного обновления человека 398

Евдокимов А. Ю.
Экологическая теология: вопросы и проблемы 408

Силантьев Р. А., Крганов А. Р., Саввин А. В.
Деятельность структур Фетхуллаха Гюлена в России как пример масштабной экспансии деструктивной идеологии 424

СОДЕРЖАНИЕ

LINGUISTICS

Bezrukova L. G.
Typological Description of Transformations
of the Linguistic Image with Metaphorical Meaning
(in Translations from Germany into Russian) 13

Voronina L. A.
The Problem of Identifying Aspects
in Teaching Practical Korean at the University 21

Guryeva A. A.
Problem of Literal Translation in the Context of Intercultural
Communication (when teaching basic level of Korean) 31

Zhienalina B. T.
Cultural Aspect of Teaching Russian as a Second Language 43

Zhumsackbaev A. T.
Ethno-Cultural Aspect of Studying Phraseological Units
of Russian Language 51

Kamilova S. E.
Typological Similarities / Differences in the Projection of the Author's "I"
in the Modern Russian and Uzbek Narrative 60

Kirsanova E. M., Moroz N. Yu.
Developing Skills of Comparative Pragmasemantics 67

Kutsulab V. I., Rodionova A. S.
Specifics of Moldavian Bilingualism in Colloquial Speech.
Russisms in Romanian Language 77

Magzumbekova A. K.
The Formation of Polylingual Personality in Kazakhstan 82

Mamaeva G. B.
National-Cultural Aspects of the Study of Phraseological Units
of Russian and Kazakh Languages 88

Meliksetyan L.
Strategy of Translation of Contemporary Armenian Stories 97

Mozol T. S., Pokholkova E. A.
Comparative Analysis of Address Forms in Korean and Russian 105

Narbut E. V.
Concentration Camp Prose: Past and Present 120

Nechaeva K. K., Serzhantov S. V., Moroz N. Yu.
Competition of Literary Translation Marking Criteria
(based on experience of the faculty of translation and interpreting
of Moscow State Linguistic University and the departement
of Slavic languages of the University of Lisbon) 128

Nikulicheva D. B.
Graduation Thesis as a Reflection of a Translator's Professional
Competence: on the Results of Roundtable Discussion 138

Novitskaya O. V.
Pragmatic Adaptation in Literary Translation:
Targets, Strategies, Methods 146

Ovsyannikova A. A.
Bilingualism as a Result of Inter-language Contacts
on the Example of the Language Situation in Ukraine 162

Osipova T. V.
The Culturological Aspect and Its Rendering
When Translating Fiction Texts 171

Pakulova Ya. E.
Controversial Methodical Decisions and Grammatical Aspects
at the Beginning Stage of Teaching Korean 179

Parfenova L. V.
Russian Educational Charity Foundation in the Context
of Intercultural Communication Development.
Linguistic Self-Dependence of Students 191

Pisanova T. V.
Modern Projects of National Cultural Identity
in CIS Countries Partners 200

Pokholkova E. A., Selezneva D. V.
Neologization in the Modern Korean Language 216

Rustamova Z. I.
Revisiting Narrative Parallels Between the Fifth Battle
of ***the Book os Dede Korkud*** and Sumerian and Greek Mythology 227

Son E. D.
The Formation of the Intercultural Competence of Students 234

Syzdykova G. O.
The Synonymy of the Case Forms
in the Texts of the Kazakh Heroic Epos 242

Tadinova R. A.
To the Question of the Value of Phraseological Units
in Representation OS People's Mentality 250

Timofeeva I. M.
Typological Features of the Sinhalese Noun on the Background
of the Russian Substantive 258

Tleshova K. E.
Cultural-Linguistic Heritage of "Alash" Figures and Modernity 273

Toksanova S. K.
Features of the Language Adaptation of Modern Borrowings
in the Media 278

Uskova T. V.
Certain Peculiarities of a Lawyer's Speech in England and the USA 287

Khamidova A. Kh.
Medialinguistics: a New Paradigm in Language Learning Mass Media 293

Shatalova N. S.
Cross-Cultural Educational Strategy of Training of Foreign Students
of Future Translators 300

LITERARY STUDIES

Makhortova V. A.
Representation of Queen Ginga in the Novel by J. E. Agualusa 311

Solovyev V. A.
Formation of Common Professional Standards
in the Information Space of the CIS Countries 319

CULTUROLOGY

Afanasevskaia N. V.
To the Question of the Photography Language 332

Zakharova A. G.
Precedent Name as a Cultural Phenomenon 342

Savvina L. V., Savvin A. V.
"Mechanical Ballet" D. Anteyla as a Sample of the Musical Text
of the Art Memory of the XXth Century 352

Philippova M. M.
Studying the Concept "Hypocrisy" in English-Speaking Cultures:
What Good Things Can We Learn from It? 365

Shizhenskiy R. V.
The Modern Russian Paganism
as an Example of "Imagined Community" 382

RETRACTED 28.10.2020

PHILOSOPHY

Vasiliev V. A., Blinova A. S.
I. A. Ilyin about the Way of the Spiritual Renewal of a Person 398

Evdokimov A. U.
Ecological Theology: Issues and Problems 408

Silantiev R. A., Krganov A. R., Savvin A. V.
Activity of Fethullah Gülen Structures in Russia as an Example
of a Scale Expansion of Destructive Ideology 424

УДК 81'13

Л. Г. Безрукова

кандидат филологических наук, профессор
каф. перевода немецкого языка переводческого факультета
ФГБОУ ВО МГЛУ; тел.: 8 (499) 245 23 50

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА С МЕТАФОРИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ (при переводе с немецкого языка на русский)

В статье анализируются узуальные метафоры немецкого языка и описываются способы их перевода на русский язык с установкой на нового адресата. Контрастивно-сопоставительный анализ немецких и русских метафор позволил определить способы перевода языкового образа. В арсенале переводчика в зависимости от его стратегии известны следующие способы: с помощью полного эквивалента, через аналог, нейтрализация метафоры с использованием описательного перевода. Принимая решение, переводчик выступает как интерпретатор и как эвристическая личность. Материалом исследования послужили словарные статьи лексикографических источников и публикации прессы. В статье содержатся интересные выразительные метафоры, наделенные коннотативным значением.

Ключевые слова: метафора; компаративные фразеологизмы; эквивалент; аналог; функционально-адекватная замета; лакуна; словообразовательная модель; композиты; адресат; интуитивно-эвристический метод.

L. G. Bezrukova

PhD (Philology), Professor, Department of the German Language,
Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
тел.: 8 (499) 245 23 50

TYPOLOGICAL DESCRIPTION OF TRANSFORMATIONS OF THE LINGUISTIC IMAGE WITH METAPHORICAL MEANING (in translations from Germany into Russian)

The article is devoted to the analysis of usual metaphors of the German language and their translation into Russian. The contrastive comparative analysis of German and Russian metaphors used by the author, allowed to single out ways of transferring the linguistic image in translation. The author stresses that due to his chosen

strategy, the translator can use a number of ways to fulfil this task, such as use of a full equivalent, analogue and neutralization of a metaphor through its descriptive translation. Choosing one of these ways, the translator acts as both an interpreter and heuristic personality.

Keywords: metaphor; phraseological units; equivalents; analog; equivalent substitutes; lexical gaps; word-building models; composites; addressee; intuition–search method.

Объектом исследования статьи является языковой образ в немецком языке, содержащий в себе метафорическое значение. Цель предлагаемой работы – проследить, что происходит с немецким языковым образом, какие изменения он может претерпевать при переводе на русский язык.

Материалом контрастивно-сопоставительного анализа языкового образа являются словарные статьи надежных лексикографических источников (см. список литературы), а также публикации немецкой и российской прессы. Анализу подлежат в первую очередь общеязыковые, т. е. узуальные метафоры немецкого языка, в отличие от авторских (окказиональных) метафор, которые встречаются в ярких образцах публицистики, в художественных текстах и придают описанию высокую степень выразительности.

Метафорические значения – это всегда переносные значения, возникающие на основании сходства, аналогии, параллели в образном мышлении. Согласно словарю лингвистических терминов, **метафора** (*нем.* **Metapher**) – это вид тропа, которому соответствует некоторая концептуальная модель действительности, определяющая мышление человека и влияющая на выбор альтернатив в процессе принятия решений [Баранов, Добровольсий 2006, с. 241].

Метафоры как правило самобытны, неповторимы, передают национальный колорит, содержат историко-культурный компонент и выполняют ярко выраженную экспрессивную функцию; основы их происхождения не рациональные, а эмоциональные. В речи, в повествовании они выполняют роль маркера и являются «народной физиономией языка» (по В. Белинскому).

Известно, что общеязыковые метафоры (во всяком случае, большинство из них) существуют параллельно с компаративными фразеологизмами, построеннымы всегда на сравнении. Контрастивно-сопоставительный анализ таких фразеологических единиц (далее – ФЕ)

в немецком и русском языках позволяет сделать вывод, что во фразеологическом фонде обоих языков есть **полные эквиваленты**. В этом случае сравнительные обороты совпадают по образу, значению и по оценочной характеристике (положительной или отрицательной). Другими словами, они являются тождественными, взаимозаменяемыми и не представляют трудности при переводе, т. е. при перенесении их в транслят.

Приведем примеры полных эквивалентов.

schlau (listig) wie ein Fuchs = *рус*. хитрый как лис
dumm wie ein Esel = *рус*. глупый как осел
fleißig (emsig) wie eine Biene = *рус*. прилежный как пчела
treu wie ein Hund = *рус*. верный (преданный) как пес

Однако в переводческой практике встречаются случаи (и довольно часто), когда метафорический образ в исходном языке (далее – ИЯ) не имеет эквивалента в языке перевода (далее – ПЯ). Более того, он вызывает у нового адресата другие представления и другие ассоциации. В качестве примера возьмем русское существительное *ворон* (*нем*. Rabe / Krähe).

Эта лексема, функционирующая как метафора, в разных языках и у разных народов имеет разные переносные значения, возникшие иногда исторически или связанные с какими-либо обычаями и традициями.

ВОРОН

Известно: ворон замечает раненого оленя и уже не теряет его из виду в предчувствии пира. Древние наши предки, сближаясь с врагом для сражения, замечали: вороны следуют вслед за войском. Это не могло не породить представление о вороне, как о птице зловещей, угрюмой, сулящей беду. У многих народов отношение к ворону неприязненно-боязливое. («Черный ворон, черный ворон, что ты вьешься надо мной…»). Но не у всех. Исландцы, например, издревле воронов почитают, и умная птица, не чувствуя к себе враждебности, селится вблизи человеческого жилья. Издавна воронов привечали в лондонском замке «Тауэр». Сложилось даже поверие: «Пока живут вороны, зáмок будет несокрушимым». Англичане, бережно относящиеся к традициям, поныне этих воронов сохраняют и охраняют.

«*Комсомольская Правда*»

Если внимательно проанализировать словарную статью к немецкому существительному *Rabe* / *Krähe*, то обнаружится, что в метафорическом значении эта лексема имеет, как правило, отрицательное значение. Например:

gefräßig wie ein Rabe – очень прожорливый
Er stiehlt wie ein Rabe – он крадет всё, что попало, что плохо лежит

В словарях за этим словом фиксируется также фамильярное значение «негодяй, безобразник». Обращает на себя внимание целый ряд немецких композитов с первым компонентом *Raben*-, все эти составные немецкие слова носят отрицательную коннотацию. Приведем несколько примеров.

Rabenbotschaft – дурная весть
Rabeneltern – плохие (жестокие) родители
Rabenmutter – плохая (жестокая) мать; мать, бросающая своих детей
Ср.: *рус*. мать-кукушка, мать-ехидна

Другие примеры см. [Москальская 1996] и [Бинович, Гришин 1975].

Общепризнанно, что составные слова, в том числе и немецкие композиты, обладают большим семантическим объемом («факт сгущения информации», по И. Р. Гальперину). Можно также утверждать, что немецкие композиты с метафорическим значением выявляют повышенную степень образности, в этом случае наблюдается факт концентрации выразительности.

С точки зрения перевода особенно интересными (и подчас трудными) представляются метафоры и компаративные ФЕ немецкого языка, которые строятся на ином образе, а иногда выделяют или обобщают иные стороны явления, другие качества. Например:

Hummel – *рус. букв.* шмель
eine wilde Hummel – *разг. шутл*. непоседа, стрекоза, егоза, шалунья (*переводчику следует здесь также обратить внимание на гендерный аспект*)

Spinne – *рус*. *букв*. паук
giftig wie eine Spinne – ядовитый (злой) как змея
sie ist mager wie eine Spinne – она суха как щепка

Reitgerte – *рус. букв.* хлыст
dürr wie eine Reitgerte – худой как щепка (спичка)

Ochse – *рус. букв*. бык
dumm wie ein Ochse – глуп как пробка

Другие примеры см. [Лепинг, Страхова, Лейн, Эккерт 1976, с. 45–55].

При переводе вышеприведенных примеров переводчику для достижения адекватного перевода и получения «обратной связи» со стороны нового получателя приходится использовать ***аналог*** в ПЯ, т. е. прибегать к функционально-тождественной замене. Однако самый сложный случай в переводческой практике, создающий подчас «тупиковую ситуацию», наблюдается тогда, когда некоторые немецкие лексемы с метафорическим значением и компаративные ФЕ не имеют аналогов среди соответствующих единиц ПЯ.

Такие ситуации для переводчика – настоящие камни преткновения. Метафоры в тексте, обнаруживающие лакуны в ПЯ, как бы бросают вызов переводчику, проверяют его мастерство и напоминают, что перевод – это не только ремесло, но и искусство. Именно в подобных случаях повышенной сложности переводчик выступает, с одной стороны, как особый тип языковой личности, с другой – рассматривается как эвристическая личность. Нельзя не согласиться с позицией многих теоретиков перевода, которые обращают особое внимание на важную роль переводческой интуиции и вариативности в процессе перевода. Их тезис звучит так: «Можно предположить, что во многих случаях именно интуитивно-эвристический метод принятия решений является главным, решающим в переводческом процессе» [Безрукова 1985, с. 93].

Вот несколько ярких примеров отсутствия метафорического значения в ПЯ, т. е. в другой языковой системе образуется лакуна.

Gimpel – 1. снегирь; 2. *разг*. простофиля, простак
Kauz – 1. сова, сыч; 2. чудак
Ср. также: drolliger (komischer, närrischer) Kauz – чудак, чудаковатый малый
Nudel – 1. лапша, вермишель; 2. *разг.* странный тип
Ср. тж.: eine dicke Nudel (*разг.*) – толстуха
eine ulkige (lustige) Nudel – чудак, комик, смешной субъект
Gans – 1. гусь, гусыня; 2. *бран*. дура, глупая женщина

Переводчику важно не только найти правильное переводческое решение, но и верно запрограммировать восприятие языкового образа со стороны нового иноязычного адресата. Вероятно, в области перевода

можно говорить об особом виде творчества, которое представляет собой соединение понимания и изобретательности и которое можно классифицировать как «перетекстовое творчество» (по В. Н. Комиссарову).

В случае, если переводчик, выступая в роли интерпретатора текста оригинала, не найдет решение, обеспечивающее адекватное представление о новом языковом образе, это может привести к нежелательным последствиям. Для подтверждения этого положения приведем статью, опубликованную в газете «Московский комсомолец» под рубрикой «Скандал». В ней дается ссылка на публикацию в немецком журнале FOCUS, где приводится подробный анализ «политического ландшафта» накануне выборов в бундестаг, которые состоялись 24 сентября 2017 г. Как известно, главным кандидатом на пост Федерального канцлера была г-жа Ангела Меркель.

FOCUS ОБЪЯСНИЛ ОСКОРБЛЕНИЕ В АДРЕС ПУТИНА «ИГРОЙ СЛОВ»

В пресс-службе немецкого журнала Focus прокомментировали недовольство Посольства России в Германии, потребовавшее извинения за оскорбительную публикацию в адрес российского Президента Владимира Путина.

В редакции говорят, что имело место не оскорбление, а «ироничная игра слов», а российские дипломаты перевели все буквально. Речь идет о статье, посвященной канцлеру ФРГ Ангеле Меркель, где есть такая фраза: «**Конечно, она боится собаки Путина, но она точно не боится собаки-Путина**». Российское Посольство сочло высказывание «безвкусным и глупым» и потребовало от немецких журналистов извинений. В среду, 13 сентября, представитель пресс-службы журнала Focus Алиса Вагнер рассказала, что намерений оскорбить у редакции российского лидера не было. Она объяснила, что в немецком слове **собака** (**der Hund**) имеет еще и значение, которое можно перевести как «крепкий орешек». «В основном это было ироничной игрой слов со словом «собака», – пояснила Вагнер. Она также добавила, что, к сожалению, полностью перевести иронию этой фразы адекватно на русский язык невозможно.

МК, 14.09.2017

Если попытаться ответить на вопрос: почему произошла данная пикантная ситуация, то главной причиной, на наш взгляд, является

тот факт, что немецкое слово *Hund* (*рус.* собака), наделенное метафорическим значением, может выявлять в различных контекстах как положительные коннотации (*ср.* treu wie ein Hund), так и отрицательную оценочность (*ср.* faul wie ein Hund). Более того, метафорические значения со знаком минус сохраняются в целой серии немецких композитов с первым компонентом *Hunde-*. Например:

Hundearbeit – тяжелый каторжный труд
Hundegeld – жалкие гроши
Hundekälte = собачий холод
Hundeleben = собачья жизнь

Вышеприведенные составные образные композиты являются очередным подтверждением того факта, что словосложение – специфическая словообразовательная модель немецкого языка, играющая важную роль в постоянном расширении лексического фонда. Разные словообразовательные возможности немецкого и русского языков могут создать для переводчика определенную сложность: «Всегда есть риск, что полный эквивалент для немецкого сложного слова отыскать не удается, то есть вероятность лакунарности в русском для этой категории лексем довольно высока» [Павлова, Светозарова 2012, с. 221]. Вот такую лакуну при передаче на русский язык немецкого окказионального образования *Hund-Putin* мы наблюдаем в корреспонденции журнала FOCUS.

Проанализированные примеры немецких метафор позволяют сделать следующие выводы. Довольно часто метафорическое значение реализуется в сравнениях, в компаративных фразеологизмах. В арсенале переводчика имеется несколько способов передачи языкового образа в функции метафоры средствами ПЯ: с помощью полного эквивалента, через аналог путем функционально-адекватной замены, нейтрализация метафоры с использованием описательного перевода.

Наиболее сложные случаи при переводе метафор наблюдаются тогда, когда языковой образ у иноязычного адресата вызывает неадекватную реакцию или в ПЯ образуется вероятность лакунарности. Именно в таких случаях переводчик выступает в роли творца-интерпретатора, и особую важность при принятии решения приобретает интуитивно-эвристический метод. Если переводчик в тексте оригинала сталкивается с авторской метафорой (тем более если она в текстовом окружении

создает стилистический эффект игры слов или двуплановости), ему следует быть особенно осторожным при попытке передать языковой образ средствами ПЯ. Всегда нужно иметь в виду, что яркий образ оригинала (узуальный или окказиональный) может быть не понятен и не принят новым адресатом. Дословный перевод языкового образа, его прямое «переложение» в транслят может оказаться неприемлемым переводческим решением, о чем убедительно свидетельствует вышеприведенный пример.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безрукова Л. Г. Лексико-фразеологические проблемы перевода. Текст лекций по курсу перевода (немецкий язык). М.: МГПИИЯ, 1985. 80 с.

Большой немецко-русский словарь (БНРС) : в 2 т. / под рук. О. И. Москальской. М. : Русский язык, 1980. 161 с.

Комиссаров В. Н. Интуитивность перевода и объективность переводоведения. Вып. 426. М. : МГЛУ, 1996. С. 91–99.

Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. М. : Русский язык, 1975. 279 с.

Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. СПб. : Антология, 2012. 480 с.

Русско-немецкий словарь / сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, К. Лейн, Р. Эккерт. М. : Русский язык, 1976. 89 с.

Словарь лингвистических терминов с английскими эквивалентами / сост. А. Н. Баранов, Д. О. Добровольсий. М. : АСТ-ПРЕСС, 2006. 139 с.

УДК 811.531

Л. А. Воронина

кандидат педагогических наук; доцент каф. восточных языков
ФГБОУ ВО «РГПУ им. А. И. Герцена»; e-mail: fareast-korean@inbox.ru

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ МОДЕЛЕЙ АСПЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОМУ КОРЕЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ (на примере направления 45.03.02 «Лингвистика»)

Статья посвящена рассмотрению преимуществ и недостатков различных моделей аспектного распределения аудиторных часов, выделяемых на практическое изучение корейского языка в вузе. В работе обосновывается актуальность выделения моделей и дается их описание. Автором выделяются три возможные модели в контексте обучения корейскому языку. В статье оговаривается обязательное управление самостоятельной деятельностью студентов с помощью электронной образовательной платформы Moodle, а также возможность краткосрочного обучения в стране изучаемого языка.

Ключевые слова: аспектное обучение; модель аспектного обучения; параметры для описания модели аспектного обучения.

L. A. Voronina

Ph.D., Associate professor of Oriental Languages Department
of Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: fareast-korean@inbox.ru

THE PROBLEM OF IDENTIFYING ASPECTS IN TEACHING PRACTICAL KOREAN AT THE UNIVERSITY

Present paper is devoted to consideration of the advantages and disadvantages of various models for the distribution of Korean classroom hours at the University. There is an urgency of creating models and their descriptions for different educational programs in order to optimize teaching Korean as a foreign language. The author identifies three models of distribution of the hours for classroom study of the Korean language, depending on the ultimate goal of learning. The paper also stipulates the management of individual students' activity via the educational platform ("Moodle").

Key words: learning environment, aspect division models, models' description parameters.

Корейский язык становится всё более популярным в европейской части Российской Федерации. В связи с этим увеличивается число университетов, вводящих корейский язык как одну из дисциплин в предлагаемые основные и дополнительные образовательные программы.

При этом каждый университет пытается учесть свою специфическую направленность и востребованный «профиль обучения» [Щукин 2003, с. 76], опираясь на современные требования общества. Благодаря сложившейся ситуации возникает большое разнообразие образовательных программ, где основной дисциплиной, тем не менее, остается «Практический курс первого / второго иностранного языка» или «Практикум по культуре речевого общения на первом / втором иностранном языке»[1] (в нашем случае это корейский). В силу большого разнообразия подобных дисциплин в разных вузах остановимся на условном обозначении дисциплины для практического овладения корейским языком как «практический корейский язык».

Вместе с фактом различного наименования подобных дисциплин каждый вуз имеет практику различного распределения аудиторных часов, выделяемых на изучение практического корейского языка и обозначаемых в учебном плане одной цифрой. Причиной этому служит отсутствие в соответствующих нормативных документах точных указаний для аспектного деления. Аспект в данной статье имеет методический контекст и понимается как «направление в преподавании иностранного языка, при котором отдельно отрабатываются языковые явления разных системных уровней (фонетика, лексика, грамматика, стилистика) с выходом в речевую практику» [Азимов, Щукин 1999, с. 27].

В продолжение мысли об аспектном обучении нельзя не упомянуть традиционное условное разделение учеными-методистами практического курса иностранного языка на аудирование, устную речь, чтение и письменную речь. Аналогичное деление известно и у зарубежных ученых, причем как в англоязычных странах (Listening, Speaking, Reading, Writing), так и в восточных, например в Республике Корея (듣기 [тытки] «аудирование», 말하기 [мальхаги] «говорение», 읽기 [ильки] «чтение», 쓰기 [сыги] «письменная речь»). Тем не менее отечественная и зарубежная традиции несколько отличаются друг от друга. Именно поэтому к перечню дисциплин общепринятого в мире аспектного разделения практического иностранного языка российскими учеными добавляются так называемые Практическая фонетика, Практическая грамматика и другие дополнительные компоненты.

[1] Название и перечень подобных дисциплин в разных учебных планах могут варьироваться.

Экспериментальное комбинирование различных аспектов практического корейского языка с целью формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов, обучающихся по направлению 45.03.02 «Лингвистика», на протяжении определенного времени позволило автору выделить три модели аспектного обучения:

1) модель первого иностранного языка;
2) модель второго иностранного языка;
3) модель курсового обучения, но для более подробного знакомства с ними целесообразно сначала остановиться на параметрах их описания.

На современном этапе развития методической мысли для описания различных форм «образовательной среды» [Спичко 2006, с. 32] ученые используют понятие «условия обучения», которое не является однозначным: до сих пор в него включаются «самые разнообразные факторы, сопутствующие процессу обучения, связанные с ним и оказывающие определенное воздействие на его протекание» [Московкин 1999, с. 45] (Б. А. Лапидус, 1980; П. Г. Чеботарев, 1983; Н. В. Баграмова, 1993; А. А. Карасев, 2013 и др.). Проблема выделения факторов обучения тому или иному иностранному языку напрямую зависит от успешности его последующего усвоения. Поэтому каждый ученый-методист, рассматривая «условия обучения» по-своему, т. е. наполняя данное понятие разным содержанием, придерживается собственной классификации факторов.

Для описания предлагаемых моделей аспектного обучения практическому корейскому языку в вузе автором было выбрано шесть факторов: 1) количество часов; 2) итоговый уровень [владения]; 3) аудитория; 4) аспекты обучения; 5) управление самостоятельной деятельностью; 6) возможность стажировки в стране изучаемого языка, которые требуют некоторого пояснения.

Первый фактор, количество часов, указывает на количество аудиторных часов в неделю (с указанием на протяженность полного курса обучения), подразумевающих определенную интенсивность лингводидактических тренировок и одновременно задающих уровень вовлеченности обучаемых в социокультурный контекст носителей изучаемого языка. Здесь следует указать на принятую в российской системе непрерывного образования условную единицу временно́го промежутка, «аудиторный час», равную сорока пяти минутам: для вузовского

обучения, как известно, используется термин «занятие», понятие которого вмещает два аудиторных часа.

Второй фактор, итоговый уровень, является показателем сформированности определенного уровня иноязычной коммуникативной компетенции в соответствии с общепринятой европейской шкалой: A1, A2, B1, B2, C1, C2. Как известно, уровень владения корейским языком определяется результатом сдачи международного экзамена TOPIK [Test of proficiency in Korean] и указывается в соответствующем сертификате. В виде фактора условно показывает конечную цель обучения, к которой стремится конкретная модель аспектного обучения практическому корейскому языку. Здесь следует подчеркнуть, что эффективность достижения заявляемого уровня зависит от усердности выполнения студентом всех требований преподавателя.

Третий фактор, аудитория, описывает возможный контингент обучаемых корейскому языку, большинством которых для всех трех моделей являются студенты. Тем не менее для первой модели известны случаи возрастного диапазона от 17 до 55, хотя их процентное соотношение к студенческой категории, как правило, достаточно низкое. Нестудентами обычно являются члены интернациональных семей, сотрудники совместных предприятий или индивидуальные предприниматели, планирующие развивать деловые отношения с представителями корейских бизнес-структур. Безусловно, такие студенты сильно отличаются от студенческой категории, но по причине частого укрытия своих намерений создают до определенного момента некоторые трудности в образовательной среде: их возможно отделять в отдельную группу и корректировать конечную цель обучения.

Четвертый фактор, аспекты обучения, перечисляет все возможные аспекты определенной модели. При делении на аспекты влияние оказала как указанная выше общемировая позиция, так и традиционное выделение российскими учеными-методистами понятий «навык» и «умение» [Пассов 2015, с. 83] в рамках категории «содержание обучения». На каких-то этапах обучения необходимо отдельное формирование определенных навыков, например фонетических в самом начале или грамматических на всем протяжении начального этапа и т. п. Такой взгляд на моделирование образовательной среды представляется более эффективным, так как позволяет учитывать специфические особенности методики обучения иностранному языку, в том числе

и корейскому, например, при выделении аспекта «иероглифика» на начальном этапе и др. Для каждой конкретной модели проверенным является определенный набор аспектов, но для второй и третьей он меняется год от года единого образовательного цикла.

Пятый фактор, управление самостоятельной деятельностью, предполагает различную для каждой конкретной модели интенсивность работы с одной из электронных образовательных платформ, например, Moodle, благодаря которой становится возможной управляемая самостоятельная деятельность студентов на основе индивидуального подхода. В основном, выбор такой платформы зависит от решения управляющих органов вуза. В ином случае преподаватель создает сайт своими силами, но представить современную образовательную среду без нее уже затруднительно и малоэффективно.

Шестой фактор, возможность стажировки в стране изучаемого языка, также некоторое время назад был необязателен в российской образовательной политике по иностранному языку хотя бы по причине так называемого железного занавеса. Однако в современных условиях трудно представить отсутствие в курсе обучения у студентов-лингвистов стажировки в стране изучаемого языка. Тем не менее нельзя не отметить тот факт, что подобное мероприятие может иметь и отрицательное влияние на эффективность усвоения иностранного языка, если оно имеет непродуманные сроки по протяженности и включенности на определенном этапе обучения. Этот фактор малоизучен и желателен для глубоких и масштабных исследований, но какие-то закономерности удалось учесть в моделировании аспектного обучения и отобразить в каждой заявленной модели, описание которых состоит в следующем.

Первая модель (или модель первого иностранного языка) является, с точки зрения распределения аспектов, самой сложной, так как количество часов для практического корейского языка варьируется с четырнадцати (7 занятий) на первых курсах до шести (3 занятия) на старших (см. табл. 1). Полный срок обучения – восемь месяцев, в течение которых предусматривается 14 лекционных дисциплин, благодаря чему студенты оказываются в условиях своеобразного погружения в культуру носителей корейского языка, хотя и искусственного.

Для первого года изучения предполагается следующий набор аспектов:

1) практическая фонетика с элементами аудирования;

2) практическая грамматика (4 академических часа или 2 занятия);
3) иероглифика;
4) практика устной речи;
5) практика письменной речи;
6) чтение.

Для второго года:
1) аудирование;
2) практическая грамматика;
3) практика устной речи (2 занятия);
4) практика письменной речи;
5) чтение.

Для третьего и четвертого годов обучения:
1) практика устной речи;
2) практика письменной речи;
3) новости.

Таблица 1

Модель первого иностранного языка

№ п/п	Факторы	Содержание
1	количество часов	14→6
2	итоговый уровень	A2–B1 после 3 семестров B1–B2 после 4 семестров B2–C1 после 6 семестров C1–C2 после 8 семестров
3	аудитория	студенты лингвистического факультета
4	аспекты обучения	практическая фонетика → аудирование
		практическая грамматика
		иероглифика
		практика устной речи
		практика письменной речи
		чтение
		новости (газета, теленовости)

№ п/п	Факторы	Содержание
5	управление самостоятельной деятельностью	проверяется письменная речь через ресурсы «Глоссарий», «Задание» и «Вики»
6	возможность стажировки в стране изучаемого языка	рекомендована после второго семестра

Вторая модель (или модель второго иностранного языка) предусмотрена для шести академических часов (три занятия) в неделю с полным курсом обучения за шесть семестров (см. табл. 2). Она подходит студентам лингвистических факультетов, изучающих корейский язык как второй иностранный при любом первом, как правило, английском. Модель достаточно эффективна, так как благодаря доминирующим трансференционным психолингвистическим процессам не требует отдельной тщательной работы над формированием умений, а требует, в основном, отработки их фонетической, лексической и грамматической сторон на корейском языке.

Таблица 2

Модель второго иностранного языка

№ п/п	Факторы	Содержание
1	количество часов	6
2	итоговый уровень	A2-B1 после 4 семестров B1-B2 после 6 семестров
3	аудитория	студенты лингвистического факультета
4	аспекты обучения	практическая грамматика с элементами практической фонетики
		развитие умений устной речи (аудирование, говорение) по определенной теме
		развитие умений письменной речи (чтение, письменная речь) по определенной теме

№ п/п	Факторы	Содержание
5	управление самостоятельной деятельностью	проверяются чтение и письменная речь через ресурсы «Глоссарий», «Задание» и «Вики»
6	возможность стажировки в стране изучаемого языка	рекомендована после третьего семестра

Кроме того, курс практического корейского языка сопровождается двумя лекционными дисциплинами («История, география и культура второго иностранного языка», «Основы теории второго иностранного языка»), которые на междисциплинарной основе позволяют дополнительно укреплять нейронные связи у студентов и способствуют более успешному овладению ими языком.

Стажировка в стране изучаемого языка может быть эффективной, начиная с четвертого семестра обучения, когда уровень обучения не ниже А1. Следует отметить случаи, когда отстающие в силу увлеченности первым иностранным языком студенты после языковой стажировки в вузах Республики Корея кардинально меняли языковой приоритет и достигали наибольшего уровня по второму иностранному языку.

Третья модель (или модель курсового обучения) рассчитана на четыре академических часа (два занятия) в неделю с полным курсом обучения до четырех семестров (см. табл. 3). Изначально модель разрабатывалась для корейского языка как третьего иностранного, что согласно учебным планам после перехода на Болонскую систему и сокращение учебных часов вытеснило его как обязательную дисциплину, но за счет разных возможностей конкретного вуза оставило как возможную на договорных условиях в рамках дополнительной образовательной программы или вынесло за рамки вуза в виде предмета на так называемых лингвистических курсах.

Временем для реализации дополнительных образовательных программ в вузе (которые предусмотрены и для всех остальных желающих, а не только студентов) является период с пяти до девяти вечера, что совпадает с желательным временем для изучения иностранного языка взрослыми по причине их трудовой занятости. Именно поэтому

в студенческой аудитории для изучения корейского языка иногда появляются и лица из других областей, но их массовая доля мала, что позволяет преподавателю не вносить серьезные изменения в учебный процесс.

Таблица 3

Модель курсового обучения

№ п/п	Факторы	Содержание
1	количество часов	4
2	итоговый уровень	A1 после 2 семестров A2 после 4 семестров
3	аудитория	студенты, а также члены интернациональных семей, сотрудники совместных предприятий, индивидуальные предприниматели
4	аспекты обучения	практическая грамматика с элементами практической фонетики
		комплексное развитие умений (аудирование, говорение, чтение, письменная речь) по определенной теме
5	управление самостоятельной деятельностью	проверяются чтение и письменная речь через ресурсы «Глоссарий», «Задание» и «Вики»
6	возможность стажировки в стране изучаемого языка	рекомендована после окончания курса обучения

Другой специфической особенностью этой модели является неэффективность такого обучения более, чем в течение четырех семестров. Это объясняется бóльшим, чем при изучении западных языков, количеством интерференционных психолингвистических процессов, сопровождающих усвоение корейского языка и требующих определенного учета при его обучении.

Что касается аспектов, то удачным получается сочетание двух занятий в неделю: 1) комбинация грамматики, крайне необходимой для

начального этапа обучения, и фонетики с учетом того, что большинство фонетических явлений корейского языка связаны с грамматикой [Шевчук 2011, с. 77] и последующим; 2) занятием по комплексному развитию умений аудирования, говорения, чтения и письменной речи, объединенных одной коммуникативной темой.

Языковая стажировка рекомендуется после курса обучения (т. е. четырех семестров) по причине недостаточной сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, что может отрицательно сказаться на мотивации к дальнейшему обучению.

Обучение практическому корейскому языку во всех описанных выше моделях предваряет вводный фонетический курс, занимающий 12 занятий, где у студентов формируются фонетические навыки, а также навыки техники чтения и письма, уделяется внимание развитию некоторых учебных умений для усвоения корейского языка.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что описанный выше перечень моделей аспектного обучения не является законченным: благодаря постоянным социальным изменениям в нашем обществе спрос на обновление образовательных программ – величина постоянная. Сегодня одной из самых востребованных позиций рассматривается обучение корейскому языку студентов неязыковых факультетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб. : Златоуст, 1999. 472 с.

Московкин Л. В. Теоретические основы выбора оптимального метода обучения (русский язык как иностранный, начальный этап). СПб. : СМИО Пресс, 1999. 160 с.

Пассов Е. И. Методика как наука будущего. Краткая версия новой концепции. СПб. : Златоуст, 2015. 172 с.

Спичко Н. А. Проектирование эффективной образовательной среды при обучении английскому языку на I курсе педагогического вуза: Грамматический аспект, факультет английской филологии : дис. … канд. пед. наук. М., 2006. 199 с.

Шевчук Н. М. Просодия фразы в корейской региональной разновидности английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 202 с.

Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие для вузов / А. Н. Щукин. М. : Высш. шк., 2003. 334 с.

Test of Proficiency in Korean [Электронный ресурс]: Wikipedia. URL : en.wikipedia.org/wiki/Test_of_Proficiency_in_Korean

УДК 811

А. А. Гурьева

кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения, СПбГУ;
e-mail: nastyagur@hotmail.com

ПРОБЛЕМА БУКВАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (при обучении корейскому языку на начальном уровне)[1]

Статья касается такой актуальной для формирования корееведческой компетенции области, как различия в картинах мира носителей русского и корейского языков. Примеры, которые, не являясь очевидными, могут стать причиной серьезного непонимания между собеседниками, анализируются в статье в контексте проблемы буквального перевода. Уместность различных вариантов перевода в зависимости от коммуникативной ситуации, связь примеров с особенностями корейской культуры, в частности деловой культуры, являются основным объектом рассмотрения.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; преподавание корейского языка на начальном уровне; буквальный перевод; разница лингвокультур; корейская языковая картина мира, деловая коммуникация.

A. A. Guryeva

Ph.D., Associate professor of Department of Philology
of South-East Asia and Korea, Saint Petersburg University;
e-mail: nastyagur@hotmail.com

PROBLEM OF LITERAL TRANSLATION IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION (when teaching basic level of Korean)

This paper deals with a sphere, which may be considered as one of the principle ones in terms of forming a Korean studies specialist competence, i.e. a difference between the mental pictures of the world of representatives of Korean and Russian cultures. The examples, which are not obvious and which, at the same time, potentially may cause a serious misunderstanding between the counterparts, will be analyzed in the context of the 'literal translation' problem. Adequacy of different translation variants depending on a communicative situation as well as relation of the examples with specifics of Korean culture, including business culture, are the main objects of examination in the body of the paper.

Key words: intercultural communication; teaching basic level of Korean language; literal translation; linguocultural difference; Korean language mental picture of the world; business communication.

---

[1] Данная работа подготовлена при поддержке Академии Корееведения, Республика Корея в2013 году (AKS-2010-CAA-2101).

Различия в картинах мира носителей русского и корейского языков представляют собой один из барьеров при общении представителей двух культур. Таким образом, помимо овладения грамматическим строем корейского языка и существенным лексическим запасом, принципиально важным элементом компетенции специалиста, призванного способствовать успеху коммуникации, является знание этих особенностей и умение учитывать их в различных ситуациях. В монографии «Текст как явление культуры» отмечено: «Первое место среди национально-специфических компонентов занимает язык. Язык в первую очередь способствует тому, что культура может быть как средством общения, так и средством разобщения людей» [цит. по: Тер-Минасова 2000, с. 15].

При такой значительной разнице лингвокультур, которая имеет место в случае с корейским и русским языками, возрастает и значимость переводческих ошибок в плане достижения целей межкультурной коммуникации. В связи с этим задача обучения адекватному переводу стоит перед преподавателем любого из аспектов корейского языка, а также при подготовке корееведов-специалистов любого профиля: исследователей, переводчиков (устного или письменного), консультантов и т. п. Данная статья посвящена проблеме буквального перевода на материале корейского языка при преподавании на начальном уровне, а также в связи с особенностями корейского мировосприятия.

Одним из условий адекватного перевода является правильное звучание фразы в переводе на русский / корейский язык и содержание в ней нужных коннотаций. Примеры, использованные в статье, соответствуют уровню сложности корейского языка при изучении на начальном этапе. С одной стороны, они призваны продемонстрировать рассматриваемое явление различий в языковой картине мира носителей двух культур в первый период знакомства с Кореей. Соответственно, они удобны и для демонстрации некорректности или невозможности буквального перевода. С другой стороны, данная подборка включает в себя примеры таких различий, которые могут составлять сложность, поскольку не являются очевидными и «программными», но в то же время могут стать причиной серьезного непонимания между собеседниками. В соответствии с задачей статьи, которая заключается в том, чтобы обратить внимание на определенную разницу лингвокультур и описать наиболее важные для

установления успешной коммуникации случаи, подборка, безусловно, не является исчерпывающей.

В отношении того, что буквальный перевод нежелателен, вряд ли может быть иное мнение. Особенно это касается художественного текста. По этому поводу К. И. Чуковский в своей работе, посвященной искусству перевода, отмечает: «Точная, буквальная, копия того или иного произведения поэзии есть самый неточный, самый лживый из всех переводов» [Чуковский 2011, с. 64]. Сказанное справедливо и для устной коммуникации. Как пишет С. Г. Тер-Минасова, «случаи эквивалентности слов в всем объеме их семантики и реального функционирования в речи, по-видимому, чрезвычайно редки» [Тер-Минасова 2000, с. 51]. Однако вынесенное в название статьи понятие буквального перевода будет употребляться в достаточно широком смысле: перевод, близкий к тексту.

Основная цель статьи – обратить внимание на то, что передача заложенных в тексте значений может быть различной в зависимости от задач перевода, от целевой аудитории и прочих факторов. В каких случаях допустим или даже желателен перевод «близко к тексту»? Какие варианты перевода могут стать «коммуникативной помехой»? Особенно важно рассматривать эти вопросы с учетом того, что корейская культура высококонтекстна (терминология Эдварда Холла). Смысл высказывания в значительной мере выходит за рамки его лексического обрамления, а часто может не совпадать с ним вообще.

Рассмотрим следующий пример. Частотное выражение: 어려울 것 같다 [орёуль кот ката], которое буквально переводится как «пожалуй, это будет трудновато», является распространенным вариантом ответа на вопрос. По сути, оно употребляется вместо отрицательного ответа и эквивалентно слову 불가능하다 [пульганынхада] «невозможно», что осознается самими носителями языка (например, по моей просьбе определить значение этого выражения члены руководящего состава одной южнокорейской корпорации дали именно это определение). Такое замещение объясняется культурологически и связано, в частности, с установкой на поддержание «настроения» (기분 [кибун]) собеседника. Однако выбор варианта перевода может различаться в зависимости от конкретной ситуации.

Так, в ситуации устных переговоров буквальный перевод («пожалуй, это будет трудно») может ввести российскую сторону в заблуждение

относительно намерений корейской стороны. В ответ на такую реплику наши соотечественники склонны предлагать способы преодоления трудностей и стремятся убедить собеседников в возможности реализации предложения. Особо отрицательное отношение к планируемой непрямой коммуникации В. В. Дементьев относит к национально обусловленным аномалиям общения, связанным с русскими коммуникативными ценностями [Дементьев 2013, с. 265], в первую очередь с выраженной оппозицией официальности-неофициальности [там же, с. 15]. Таким образом, предпочтительно довести до российской стороны реальную позицию собеседников. При этом можно смягчить формулировку такими вводными оборотами, как «Боюсь, что…»; «Увы, но…» или «Вероятнее всего…». Однако, если речь идет о художественном тексте, можно предложить и буквальный перевод, который позволяет передать особенности корейской риторики, снабдив его необходимым комментарием.

Другой пример: корейский речевой этикет предписывает при высказывании своего мнения оформлять фразу модальным суффиксом -겠- кет- или употреблять конструкции -지않을까 싶다 [-чи анылькка сиптта], -지 않을까 생각이 들다 [-чи анылькка сэнгаги тыльда], -(으)ㄹ 것 같다 [-(ы)ль кот ката], которые при своем значении предположительности делают фразу менее категоричной и, соответственно, более учтивой. Ср.:

> 이렇게 하면 옳지 않을까 생각이 듭니다. [Ирокхе хамён ольчхи анылькка сэнгаги тымнида]. – «Думаю, так делать было бы неправильно».

При письменном переводе такой осторожный характер высказывания можно сохранить, тем самым передавая особенности корейского стиля общения. Однако, если отражать его при переводе в условиях бизнес-коммуникации, он может стать серьезной коммуникативной помехой, поскольку частое употребление оборотов типа «Вероятно, …»; «Кажется, …»; «Думаю, не так ли это……» может создать впечатление о неуверенности, нерешительности партнера по столу переговоров или отсутствии активного интереса к обсуждаемому вопросу и, следовательно, привести к негативному результату.

В принципе, при переводе таких фраз желательно следует учитывать фоновые знания аудитории, на которую направлен перевод. В случае, если аудитория не знает о названных особенностях культуры

общения, но они могут оказаться полезными в будущем, проинформировать аудиторию следует. Это, в свою очередь, потребует двух вариантов перевода: буквального и того, который соответствует лингвокультуре в русском языке.

Базовые предикативы и их сочетаемость с другими частями речи

Рассмотрим несколько характерных примеров образных выражений, лексически не совпадающих с аналогичными выражениями в русском языке.

눈이 높다 [нуни ноптта] – в значении «требовательный»;

성격이 급하다 [сонккёги кыпхада] – «взрывной», «раздражительный» (*о характере*), «суетливый», «нетерпеливый»;

마음이 좁다 [маыми чоптта] – «малодушный», «черствый», «мелочный».

Примечательно, что для антонимичной фразы 마음이 넓다 [маыми нольтта] «щедрый», «широкой души [человек]» в русском языке существует аналогичное выражение, при этом приведенное выражение в русском языке буквального аналога («[человек] узкой души») не имеет и переводится обычно так, как указано выше. Однако, в зависимости от стилистики высказывания, его можно ввести в текст при помощи отрицания: «не широкой души [он] человек» и т. д. Метафоричность некоторых таких словосочетаний делает их для студентов особенно интересными.

Также, начиная с азов, следует обращать особое внимание студентов на так называемых ложных друзей переводчика. Приведем несколько примеров корейских лексических единиц базового уровня, семантика которых отличается от семантики в русском языке. Выражение 기분이 좋다 [кибуни чотха] – имеет два значения: «настроение хорошее», и «приятно», в то время как словосочетание: 기분이 나쁘다 [кибуни наппыда] эквивалентно русскому «неприятно», значение же «настроение плохое» передается при помощи отрицания 기분이 안 좋다 [кибуни анчжотха]. С учетом значимости понятия *кибун* в корейском языке особенно важно правильно понять значение словосочетания. В данном случае важно дать адекватный перевод именно в ситуации реальной устной коммуникации, в контексте художественного перевода разница между двумя фразами не столь принципиальна.

На объяснение студентам значимых в изучаемой культуре понятий не стоит жалеть времени. Особенно это касается лексики, которая может рассматриваться как безэквивалентная. Например, при знакомстве с предикативом 빠르다 [ппарыда] «быстрый» можно обсудить одно из ключевых понятий – 눈치 [нунчхи]. Так, выражение 눈치가 빠르다 [нунчхига ппарыда] в словарях часто переводится на русский язык как «догадливый», но, по сути, означает «умеющий верно оценить ситуацию и действовать сообразно ей». Для корейцев это важная черта, на которую обращают внимание, например, при приеме на работу. Лексический ряд можно продолжать: 눈치를 보다 [нунчхирыль пода] «пытаться угадать настроение собеседника»), 눈치를 채다 [нунчхирыль чхэда] «догадаться, верно оценить ситуацию» и т. п. Эти же примеры могут служить хорошим материалом и для обучения особенностям перевода с русского языка на корейский язык.

Несовпадение базовых разговорных формул может обсуждаться в процессе обучения в связи с различным изучаемым материалом. Так, обсуждая категорию времени в корейском языке, можно обратить внимание на нюансы перевода на таких примерах, как сочетание наречия 잘 [чаль] «хорошо» с глаголами в прошедшем времени в разных значениях: значении благодарности 잘 먹었습니다 [чаль могоссымнида] «спасибо [за трапезу]» 편지를 잘 받았습니다 [пхёнчжирыль чаль падассымнида] «спасибо [за письмо]»), или одобрения: 잘 왔습니다 «хорошо, что Вы пришли», 잘 했습니다 [чаль хэссымнида] «молодец». Однако значение выражения может быть иным, если оно стоит не в прошедшем времени: 잘 먹다 [чаль моктта] в настоящем времени значит «любить то или иное блюдо», «предпочитать», 잘 먹겠습니다 [чаль моккессымнида] – этикетная фраза, которая не имеет прямого аналога в русском языке. 잘 쓰겠습니다 [чаль ссыгессымнида] – *букв*. «буду использовать хорошо» (эта фраза употребляется, например, в ответ на врученный подарок). Такие фразы можно истолковать как своего рода благодарность, высказанную заблаговременно. Эти же фразы служат заверением собеседника в том, что его щедрость, его усилия оценены. В связи с этим, наиболее адекватным переводом указанных выражений на русский язык может служить слово «спасибо». Отметим, что корейский вариант слова «спасибо» может также сопровождать эти выражения. Таким образом, для переводчика, обеспечивающего перевод с русского языка, важно сделать

корейскую фразу достаточно вежливой, снабдив ее привычными для корейской стороны дополнительными фразами.

Рассмотрение таких очевидных примеров приучает студентов к соответствующему подходу: во-первых, перепроверять очевидное, думать о возможном несовпадении семантических полей слов и выражений в двух языках, во-вторых, внимательно относиться к нюансам и учитывать культурный «шлейф» переводимого текста, не забывая о том, какую роль он может сыграть в различных коммуникативных ситуациях.

Ошибка в переводе, связанная **с несовпадением семантических полей лексических единиц в двух языках**, может повлечь за собой недопонимание, затрагивающее сферу человеческих взаимоотношений. Приведем следующий пример: слово 미안하다 [мианхада] *букв.* «испытывать неловкость», как правило, становится известным студентам на самом начальном этапе изучения языка как одна из разговорных формул. Оно усваивается как вариант просьбы об извинении, в связи с чем обычно переводится как «прости[те]», «извини[те]» и т. п. Однако указанное значение слова позволяет употреблять это слово также в тех случаях, когда говорящий выражает свое отношение к ситуации, и просить прощения неуместно – те случаи, когда в русском языке употребляются слова *неудобно*, *неловко*. Ср.:

– 지금 전화해볼까요? [хигым чонхвахэ польккаё] – Может, сейчас позвоним?

– 열시 넘었는데 미안해서 전화 어떻게 해요. [ёльси номоннынде мианхэсо оттоккхе хэё] – Уже одиннадцатый час, неловко звонить.

Или:

미안해서 부탁 안했어요. [мианхэсо путхак анхэссоё] – Я не стал обращаться к нему с просьбой, поскольку это неудобно.

Если в первом случае контекст подсказывает значение указанного слова, то во втором неполное представление о возможных вариантах его перевода и ассоциирование его с ситуацией вины может привести к искаженному пониманию, например: «Я не стал обращаться к нему с просьбой, поскольку был виноват перед ним».

Возможна и обратная ситуация при переводе указанных примеров на корейский язык: при буквальном переводе слова «неудобно»

выбор слов с соответствующим значением 불편하다 [пульпхёнхэё] «неудобный» – искажает смысл исходного высказывания. Семантика настроенности говорящего на субъект высказывания сменяется фокусом на самом говорящем: «Я не стал обращаться к нему с просьбой, поскольку это создавало для меня неудобства». Фраза приобретает значение акцентирования личного дискомфорта, в то время как в оригинале подразумевается опасение проявить невежливость по отношению к третьему лицу.

Категорию вежливости при выборе варианта перевода следует учитывать особо, поскольку, как известно, в корейской культуре этикет является одним из ключевых элементов для установления успешной коммуникации, в том числе межкультурной коммуникации. В связи с этим в задачи переводчика входит не только передача смысла высказывания, но и **корректное оформление фразы с учетом требований правил вежливости**. Это делает буквальный перевод в большинстве случаев нежелательным.

В качестве примера приведем несколько предложений, по сути, представляющих собой предложения в повелительном наклонении, которые, в соответствии с требованиями этикета, превращены в развернутые фразы-сообщения:

> 오늘 이 서류를 보내셔야 될 것 같습니다. [оныль и сорюрыль понэсёя твель кот кассымнида] – *букв*. Похоже, сегодня Вам будет нужно отправить эти документы.

> 이 행사에 꼭 가시는 것이 좋습니다. [и хэнсае ккок касинын коси чоссымнида] – *букв*. Хорошо бы Вам непременно пойти на это мероприятие.

По мнению некоторых зарубежных исследователей, например, М. А. Холлидея, для русского менталитета свойственны достаточно категоричные коммуникативные модели [цит. по: Дементьев 2013, с. 12]. Для корейской речи такая императивность нехарактерна. Эти примеры демонстрируют необходимость корректировать перевод, чтобы он был в достаточной степени учтивым (при переводе на корейский язык) или же чтобы он звучал естественно по-русски (при переводе с корейского языка).

В контексте рассматриваемой проблемы особенно актуально освоение фатических выражений или выражений, необходимость

употребления которых в корейском языке диктуется этикетом. Например, уже на начальном уровне обучения студенты знают слово 좀 [чом] – *букв.* «немного», функциональное назначение которого обычно не совпадает с буквальным значением. Это позволяет рассмотреть функцию слова «чом» и потренировать двусторонний перевод выражений:

물 좀 주세요 [муль чом чусеё]. – Дайте, пожалуйста, воды (*смягчение просьбы*).

저는 좀 많이 아파요 [чонын чом мани апхаё]. – Я себя чувствую весьма неважно (*смягчение фразы, содержащей жалобу*).

저는 성악을 좀 배웠어요 [чонын сонагыль чом пэвоссоё]. – Я немного занималась вокалом (*смягчение фразы, содержащей скрытое самовосхваление*).

좀 그렇지 않아요 [чом кырочхи анаё]. – Да не совсем так (*смягчение несогласия*).

По мере развития языковой компетенции можно расширять запас таких выражений, которые в русском языке не звучат. Например: 필요하신지 모르겠지만 … [пхирёхасинчжи морыгетччиман] – «Не знаю, пригодится ли Вам [это]», 작은 선물이지만 … [чагын сонмуричжиман] – «[Мой] подарок скромен, но…» и пр. Соответственно, при переводе на русский язык корейской фразы, содержащей подобные слова или обороты, следует добиваться ее естественности, при переводе на корейский – не забывать о необходимости их употребления. Эти же фразы можно обсуждать со студентами также с точки зрения вариантов перевода, исходя из соответствия ситуации.

В ряде случаев, помимо лексических средств, могут употребляться и грамматические. Так, например, корейский речевой этикет предлагает различные варианты смягчения вопроса, в частности при помощи окончания -지(요) [-чи(ё)] или параллельных окончаний -나/는가 / (으)ㄴ가 [-на / нынга / (ы)нга]. Например:

메일을 받으셨나요? [меирыль падысённаё]. – Вы получили письмо (по электронной почте)?

В большинстве случаев смягчению подлежит и отрицательный ответ, чему служат уступительные конструкции, часто – форма на -는데 / (으)ㄴ데(요) [-нынде / -(ы)нде(ё)]. В русском же языке эту функцию

выполняют вводные обороты: «боюсь, что…», «вообще-то….», «извините, [но]…», «понимаете,…» и пр.

– 번역을 다 했어요? [понёгыль та хэссоё] – Закончили перевод?
– 아직 못했는데요. [ачжик мотхэссоё] – Пока не успел, [извините].

– 아주머니, 더 큰 사이즈는 있으세요? [ачжумони, то кхын саичжынын иссысеё] – У вас есть размер побольше?
– 없는데요. [омнындеё] – Нет, [увы].

Приведенные выше примеры демонстрируют также необходимость учитывать при переводе возможное несовпадение средств выражения в корейском и русском языках. Эту особенность можно проследить на примере фразы «Как Вы думаете?». Для выяснения мнения собеседника в корейском языке, как правило, используется грамматическая конструкция -(으)ㄹ까요? [-(ы)лккаё]? Ср.:

Как Вы думаете, этот цвет подходит? 이색깔이 잘 어울릴까요? [и сэккари чаль оуллилькkаё?].

При буквальном переводе этой же фразы на корейский язык, т. е. с использованием лексики с соответствующим значением, получается стилистически «шероховатое» выражение, состоящее из двух самостоятельных предложений: 어떻게 생각합니까? 이 색깔이 잘 어울립니까? [оттокхе сэнгакхамникка? и сэккари чаль оуллимникка?].

В корейском языке выражение 어떻게 생각합니까? [оттокхе сэнгакхамникка] в первую очередь употребляется в тех случаях, когда цель высказывания состоит в том, чтобы узнать об отношении собеседника к тому, о чем говорится в вопросе. Ср.:

– 그 프로그램을 어떻게 생각하세요? [кы пхырогырэмыль оттокхе сэнгакхамникка] – *букв.* «Что Вы думаете об этой передаче», т. е. «Каково Ваше отношение к ней?», «Нравится ли Вам эта передача?».

Еще один пример несовпадения средств выражения – корейский аналог русского слова «конечно» в функции ответа на вопрос. Если в качестве утвердительного ответа использовать слово, которое, как правило, буквально переводится как «конечно» 물론 [муллон], такой ответ может создать у собеседника ощущение, что он задал неуместный вопрос об очевидном. При этом данное слово может употребляться как вводное, например:

물론 이 문제를 해결해야 합니다 [муллон, и мунчжерыль хэгёрхэя хамнида] – Конечно, эту проблему следует решить.

По этой же причине вариант ответа: 단영하다 [танёнхада] «естественно» также, как правило, не употребляется младшим при общении со старшим. При употреблении официально-учтивого стиля речи, максимально учтивой формы социальной ориентации, первой ступени социальной ориентации, желательно употребить вариант 그렇습니다 [кыроссымнида], который образован от слова 그렇다 [кыротха] «такой». В ситуации, предполагающей употребление данной формы, обычно не принято явное выражение эмоций, но, начиная со второй ступени социальной ориентации, это возможно: в слове 그렇지요 [кырочхиё] эмоциональной окрашенности служат исключительно грамматические средства (употребления окончания -지(요) [-чиё]. В зависимости от ситуации возможен перевод «конечно!», эмоциональность фразы тогда будет отражена в интонационном контуре высказывания, но эту же фразу можно перевести так: «Ну, конечно же!», подчеркнув ее эмоциональность на лексическом уровне. Отметим минимальность лексических средств в оригинале: в корейском языке само слово «кыротха» не имеет прямого значения «конечно», и буквальный перевод здесь исключается.

Такие навыки могут оказаться востребованными, в частности при оказании пользующихся спросом услуг по переводу переписки российских и корейских партнеров. Пожалуй, именно перевод деловых эпистолярий – это тот случай, когда буквальный перевод может нарушить налаженные взаимоотношения, поскольку стили корейского и русского делового письма принципиально различаются. Корееведческая компетенция переводчика должна позволить ему снабдить корейский перевод необходимым «арсеналом», к которому можно отнести, например, упоминание погоды даже в самом кратком послании. (Следующий несколько утрированный пример не противоречит реальности: «У нас в Корее уже совсем тепло и расцвели вишни, а в Санкт-Петербурге, должно быть, еще холодно. Где обещанные документы?!»). В связи с этим, российская сторона часто предоставляет переводчику только суть содержания письма, поручая оформить его по-корейски должным образом. Таким образом, в обязанности переводчика в данном случае входит не перевод как таковой, а адаптация оригинального текста требованиям иной лингвокультуры, чтобы

обеспечить максимально успешную межкультурную коммуникацию. Умение сделать это правильно высоко ценится как принципиально важное для успешного сотрудничества.

Говоря о том, какая степень буквальности допустима в различных случаях, следует обратить внимание на важность понимания текста оригинала как одного из основных условий эквивалентного перевода. Это важно хотя бы потому, что существует ряд ситуаций, в которых буквальный перевод может оказаться единственно правильным. Например, в ситуации перевода научного текста, посвященного вопросам корейской лингвистики, или составления языкового пособия, где приводится соответствующий комментарий по буквальным значениям фраз или их внутренней структуре. В этой и прочих ситуациях может потребоваться именно буквальный перевод. В таком случае перевод литературный функционально вторичен по отношению к буквальному.

Поскольку тематика статьи предполагает в первую очередь рассмотрение перевода в сфере преподавания, такой аспект проблемы, как понимание приобретает особую актуальность. Умение правильно понять корейский текст, а также адекватно передать его смысл при переводе с учетом задач перевода, фоновых знаний аудитории, для которой он осуществляется, является важным компонентом профессиональной компетенции корееведа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипов Г. А. Текст как явление культуры / Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Новосибирск, 1989. 197 с.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с. (Studiaphilologica).

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово (Slovo), 2000. 624 с.

Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб. : Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2011. 448 с.

Halliday M. A. Language as Social Semantic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London : Arnold, 1978. 256 c.

УДК 81'24

Б. Т. Жиеналина

магистр педагогических наук, ст. преподаватель
каф. русской филологии Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Астана

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ

Статья посвящена вопросу культурологического аспекта в обучении русскому языку как второму в вузе. Автор рассматривает практическое использование прецедентных текстов при изучении научного стиля русского литературного языка студентами неязыковых специальностей .

***Ключевые слова*:** русский язык; казахский язык; второй язык; прецедентный текст; научный текст; компетентность; специальность; профессия.

B. T. Zhienalina

Master of Education Sciences, senior teacher, faculty of Russian philology,
The Eurasian National University of. L. N. Gumilev, Kazakhstan, Astana;
e-mail: bakyt_zhienalina@mail.ru

CULTURAL ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE

The article is sanctified to the question of culturological aspect in educating to Russian as second in institution of higher learning. An author examines the practical using of precedent texts for the study of scientific style of literary Russian by the students of unlanguage specialities.

Key words: Russian language; Kazakh language; second language; text; precedent text; scientific text; competence; specialty; profession.

Обучение русскому языку в вузах Республики Казахстан осуществляется как обучение второму языку, предполагающему наличие определенных знаний и навыков русского языка. Это объясняется его поэтапным изучением в системе образования: дошкольное – школьное – вузовское. При этом выпускники школ с казахским языком обучения сдают ЕНТ по русскому языку, что априори предполагает завершение обучения основам русского языка: выпускники, в большинстве своем, бегло говорят по-русски, еще лучше знают грамматику русского языка, могут выучить наизусть текст почти любой сложности. Однако для формирования компетентной коммуникации

этого недостаточно, так как современный русский язык характеризуется строгими нормами, без знания которых человек не может считать себя образованным.

Программа курса обучения русскому языку в вузе в конечном результате предусматривает не только формирование межкультурной компетенции как способности к межкультурной коммуникации у личности, определяемой как субъект межкультурной коммуникации, но еще и «формирование и совершенствование речевых навыков и умений, связанных с научной сферой коммуникации, способствует овладению дополнительным к родному языку средством общения. Доступ к научной информации по специальности не только на родном, но и на русском языке, ее эффективное усвоение обеспечивает получение качественного образование» [Типовые учебные программы цикла общеобразовательных дисциплин 2016, с. 3].

Каким образом вывести студентов на связный компетентностный уровень коммуникации? Опыт работы показывает, что наряду с традиционными заданиями вслед за теоретической справкой – выполнить определенные задания, ведущая роль отводится текстам, при этом трудно переоценить функцию прецедентных текстов (далее – ПТ) на занятиях. И хотя «прецедентный текст – текст, фиксированный в сознании носителей языка данной общности, представляющий факт культуры в широком понимании и актуализирующий некоторую ситуацию. К числу ПТ относят произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино»), тексты песен («Подмосковные вечера», «Ой, мороз, мороз...»), рекламы, политические и публицистические тексты и др.» [Барышникова, Клепач, Красс 2008, с. 224], мы исходим из «актуализирующей некоторую ситуацию» функции ПТ. Именно на первых занятиях по научному стилю, при рассмотрении структуры научного текста, подчеркиваем, что кроме языковых, важны и так называемые текстовые характеристики стиля. В текстах научного стиля употребляются такие типы речи, как описание и рассуждение. Обращаем внимание обучающихся на то, что «научный текст (далее – НТ) имеет, как правило, стереотипную композицию; в нем преобладают фактическая и абстрактная информация, тематические, логические и грамматические средства связи; логические средства воздействия на адресата. НТ – это обычно монологи. Размер текста варьируется (ср.: тезисы, статья, монография)» [Барышникова, Клепач, Красс 2008, с. 149].

Практическая работа показывает, что при членении текста на фрагменты, смысловым и синтаксическим каркасом текста служат «зачиный фрагментов» (или первые предложения). Для наших студентов наиболее убедительным, понятным и доступным является текст, в котором начальные предложения – это тезисы всего сообщения: идеи, мысли, аргументируемые далее во фрагменте, что можно представить следующей схемой:

Анализ научного текста

Логическая схема текста

Комментарий к схеме

Основной тезис – это утверждение, которое требует обоснования. Он включает в себя предмет речи (о чем говорится в тексте) и главный анализируемый признак (что говорится об этом предмете).

Аргументы – это обоснования тезиса, доказательства.

Иллюстрации – примеры, подтверждающие теоретические положения.

Вывод содержит аналитическую оценку ситуации, намечает переспективы исследования [Барышникова, Клепач, Красс 2008, с. 150].

Для первого анализа НТ можно предложить следующий, общий для восприятия студентами гуманитарных и социальных специальностей, текст – образец с заданием: рассмотрите особенности научного стиля литературного языка на примере.

Педагогика – совокупность теоретических и прикладных наук, изучающих воспитание, образование и обучение. Педагогикой называется также учебный курс, который преподается в педагогических и других учебных заведениях по профилирующим программам.

Педагогика включает проблемы учебно-воспитательной, культурно-просветительной, агитационно-пропагандистской работой со взрослыми.

Воспитание изучают и другие науки: социология рассматривает воспитание как функцию общества и государства; психология – как условие духовного развития личности. Педагогика исследует закономерности процесса воспитания, его структуру и механизмы, разрабатывает теорию и методику организации учебно-воспитательного процесса, его содержание, принципы, организационные формы, методы и приемы [Педагогическая энциклопедия 1963, с. 357].

Форма речи данного текста – письменная; общие свойства текста – объективность, логичность, ясность изложения, сжатость при насыщенности содержаний. Для данного текста характерна научная терминология: педагогика, воспитание, образование, обучение, учебно-воспитательная работа, общество, государство, социология, психология и др. Преобладает абстрактная лексика: теория, проблемы, функции, развитие, принципы, формы, методы, приемы. Слова употребляются преимущественно в прямом номинативном значении, образные средства языка, эмоциональность отсутствуют. Нужно отметить присутствие в тексте особого сочетания метонимии и олицетворения, ведущего не к образности слова и речи, а, с одной стороны, к разнообразию синтаксической организации текста, с другой – к упрощению синтаксической структуры предложения (педагогика включает, исследует, разрабатывает; социология рассматривает). Повторяется ключевое слово *педагогика,* что в данном тексте не является недостатком. Значительно преобладание существительных над глаголами (41/7). Глаголы употреблены в форме настоящего времени несовершенного вида (*называется, преподается, включает, исследует*), используется причастие (*изучающих*). Предложения носят повествовательный характер, преимущественно имеют прямой порядок слов, содержат ряды однородных членов. Преобладают сложные синтаксические конструкции. Тип речи, используемый в тексте, – описание. Речь монологична. Основные средства связи тематические и грамматические. Предполагаемая реакция адресата на текст – восприятие.

Для дальнейшей работы и дифференциации текстов по научным направлениям предлагаем тексты со следующими заданиями: сравните два приведенных ниже текста. Докажите, что они относятся

к разным областям науки (теологии и психологии). Для этого выпишите слова и словосочетания терминологического характера, относящиеся к сходным явлениям. (например: особый дар – свойство личности).

«Харизма (*греч.* духовный дар) – в Новом Завете особый дар (дарования), которым наделяются отдельные члены общины для выполнения особых поручений в общинной службе. Рассматривается как сверхъестественная способность, имеющая источник в Святом Духе; критерием для этого, однако, служит действительная польза общине. В раннехристианской церкви, очевидно, любое должностное лицо считалось носителем харизмы. Но в то же время подчеркивался особенный дар, например прорицание, сила веры, позволяющая исцелять или творить чудеса, а также способность различать, исходит ли действие от демонов или от Святого Духа».

«Харизма (от *греч.* charisma – подарок) – наделение личности свойствами, вызывающими преклонение перед ней и безоговорочную веру в ее возможности. Этот феномен характерен для малых и особенно больших групп, склонных персонифицировать свои идеалы в процессе сплочения. Харизма чаще возникает в экстремальных исторических обстоятельствах. Харизматическому лидеру приписываются все успехи его сторонников, даже явные неудачи обращаются его прославлением (бегство воспринимается как спасение, любые потери – как необходимые жертвы, абсурдные утверждения – как непостижимая мудрость). Способности харизматического лидера, выступающего на религиозной или политической арене, мистифицируются; для него типична функция избавителя. Харизма возникает, когда появляется соответствующая социально-психологическая потребность. Харизма обычно воспринимается в обращенном виде: внимание сосредоточивается на лидере, а не на создающих харизму его последователях. В религиозной психологии харизма предстает как милость Божья».

Для внеаудиторной работы можно предложить следующее задание с небольшой справкой, дающее студентам представление о новой лексеме: сравните приведенные ниже тексты. Все три текста так или иначе связаны с понятием «энтропия», которое в словаре имеет два толкования.

1. Физическая величина, характеризующая термодинамическое состояние тела или системы тел и возможные изменения этих состояний.

2. В теории информации – мера неопределенности ситуации (случайной величины) с конечным или четным числом исходов, например опыт, до проведения которого результат в точности неизвестен.

В обыденном сознании энтропия – разрушение, хаос, то, чему противостоит упорядоченность. Так, например, выполнить следующие задания к тексту:

– выпишите из текстов слова, которые относятся: 1) к общенаучной лексике; 2) к терминологической лексике.

– найдите общеупотребительные слова. В каких значениях они используются? При помощи толкового словаря определите другие значения этих слов. Какие языковые средства выражают в данных текстах логические связи между понятиями?

Текст 1

Второй закон термодинамики указывает нам существенное различие двух форм передачи энергии – теплоты и работы. Он утверждает, что процесс преобразования упорядоченного движения тела как целого в неупорядоченное движение частиц самого тела и внешний среды является необратимым. Упорядоченное движение может переходить в неупорядоченное без каких-либо дополнительных (компенсирующих) процессов, например при трении. В то же время обратный переход неупорядоченного движения в упорядоченное, или, как часто неточно говорят, «переход тепла в работу», не может являться единственным результатом термодинамического процесса, т. е. всегда должен сопровождаться каким-либо компенсирующим процессом.

Энтропией называется функция S состояния системы, дифференциал которой в элементарном обратимом процессе равен отношению бесконечно малого количества тепла, сообщенного системе, к абсолютной температуре последней.

Текст 2

Энтропия. Математическая теория передачи информации многим обязана существованию простого выражения, являющегося мерой свободы выбора в сообщениях, а также мерой средней информации в длинных сообщениях, передаваемых по каналам связи. Это выражение совпадает с введенным Больцманом и Гиббсом выражением для энтропии в статистической механике. Такое совпадение позволяет руководствоваться математическими методами статистической механики и при разработке

теории и информации. Термин «энтропия» сохраняется за указанным выше выражением также и в теории информации.

В теории информации энтропия максимальна, когда имеет место полная беспорядочность. Точки зрения различны, однако математический аппарат один и тот же.

Текст 3

Мифопоэтическая концепция хаоса является порождением относительно поздней эпохи, предполагающей уже определенный уровень спекулятивной мысли об истоках и причинах сущего. Наиболее архаичные культуры (например, австралийских аборигенов) практически не знают понятия хаоса, и, наоборот, идея хаоса особенно полно, широко и успешно разрабатывалась в древнегреческой традиции на стыке мифоэпического и ранненаучного подходов. К характеристикам хаоса, регулярно повторяющимся в самых разных традициях, относится связь Хаоса с водной стихией, бесконечность во времени и в пространстве, разъятость вплоть до пустоты или, наоборот, смешанность всех элементов (аморфное состояние материи, исключающее не только предметность, но и существование стихий и основных параметров мира в раздельном виде), неупорядоченность и, следовательно, максимум **энтропических тенденций**, т. е. абсолютная изъятость хаоса из сферы предсказуемого (сплошная случайность, исключающая категорию причинности), иначе говоря, предельная удаленность от сферы «культурного», человеческого, от логоса, разума, слова и, как следствие, – ужасность, мрачность. Но возможно, важнейшая черта хаоса – это его роль лона, в котором зарождается мир, сожержание в нем некой энергии, приводящей к поражению.

Совокупность заданий, как и всего процесса обучения русскому языку как второму, ориентирована на создание «прецедентных высказываний» (далее – ПВ) на заданные темы и ситуации самими студентами. Прецедентное высказывание в работах доктора филологических наук, профессора Е. А. Журавлевой трактуется как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, в КБ (когнитивная база) входит само ПВ как таковое, ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка» [Журавлева, Капаров 2007, с. 151].

Говоря о ПТ как единицах обучения русскому языку, мы имеем в виду любой готовый текст, используемый именно в «точном», без купюр, варианте как образец и объект анализа для создания обучающимся в последующем своих ПТ. Тексты, отбираемые как ПТ, должны соответствовать будущей специальности студентов, быть познавательными в профессиональном, культурологическом и историческом аспектах, мотивировать их на создание своих ПТ на заданные темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барышникова Е. Н., Клепач Е. В., Красс Н. А. Речевая культура молодого специалиста. М. : Флинта : Наука, 2008. 224 с.

Журавлева Е. А., Капаров Ж. Д. Прецедентные тексты начала XXI века. М. : Флинта : Наука, 2007. 256 с.

Педагогическая энциклопедия. М. : Советская Энциклопедия, 1963. 357 с.

Типовые учебные программы цикла общеобразовательных дисциплин. Русский язык. Алматы : Университет аль-Фараби, 2016. 30 с.

УДК 80801

А. Т. Жумсакбаев

магистр педагогических наук, преподаватель каф. русской филологии
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева Казахстан, Астана;
e-mail: aman-zhumsabaev-91@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена изучению фразеологизмов русского языка в этнокультуроведческом аспекте в вузе. Автор рассматривает фразеологизмы с с точки зрения их национальной специфики.

Ключевые слова: этнокультуроведческий аспект; национально-культурная специфика; фразеологические единицы; менталитет.

A. T. Zhumsackbaev

Master of Pedagogical Sciences, Teacher of Chair of Russian Philology,
The Eurasian National University of L. N. Gumilev, Kazakhstan, Astana;
e-mail: aman-zhumsabaev-91@mail.ru

ETHNO-CULTURAL ASPECT OF STUDYING PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the study of phraseological units of Russian language in the ethno-cultural aspect of the University. The author examines the phraseological units from the point of view of their national circumstances.

Key words: ethno-cultural aspect; national-cultural specifics of phraseological unit; mentality.

В современных методических исследованиях, посвященных вопросам обучения русскому языку как неродному, всё большее внимание уделяется работе над лексико-фразеологическим материалом с ярко выраженным экстралингвистическим планом.

В настоящее время данный аспект получил несколько названий: в обучении русскому языку иностранцев используются термины «лингвострановедение», «лингвострановедческий аспект» (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин), при обучении русскому языку как неродному – «этнокультуроведение», «этнокультуроведческий аспект» (Л. А. Шейман), «краеведение», «краеведческий подход» (Р. А. Абузяров), но, называя этот аспект по-разному, исследователи имеют в виду то общее, что выделяет его в особое направление методики обучения

русскому языку: « через посредство русского языка и в процессе его изучения» осуществляется знакомство с основами культуры русского народа [Верещагин, Костомаров 1990, с. 3].

Важной особенностью современных лингвистических исследований является более подробное изучение национально-культурного аспекта языка, так как язык является компонентом культуры, отражающим и сохраняющим в себе культурно-исторические сведения традиционного характера и множество фактов современности. Язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, ее хранителя. Национальный характер культуры, согласно концепции В. Гумбольдта, находит свое отражение в языке посредством особого видения мира.

Фразеологический фонд языка – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них отражены представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении и т. д. В силу своего семантического богатства, образности, колорита, лаконичности и яркости фразеологические выражения играют в языке важную роль. Они придают речи оригинальность и изящество. В любом национальном языке находят свое отражение природные условия проживания нации, ее история и культура, тенденции общественной мысли, науки, искусства, ход мирового исторического развития, социальное устройство. Язык служит выразителем и общечеловеческих и национальных черт культуры. В любой момент развития культуры обслуживающий ее язык отражает ее полностью и адекватно, т. е. общество определяет прогресс в языке. В языке отражаются реальный мир, окружающий человека, реальные условия его жизни, общественное самосознание народа, менталитет, национальный характер, образ жизни, система ценностей, его мироощущение. Совокупность этих знаний составляет мир изучаемого языка, без проникновения в который невозможно полностью понять языковые явления.

Программа курса обучения русскому языку в вузе предусматривает формирование этнокультуроведческой компетенции студентов на занятиях практического русского языка [Типовые учебные программы цикла общеобразовательных дисциплин 2016, с. 30]. В этой связи при изучении раздела «Лексика. Фразеология» нами предусмотрен учет экстралингвистического фактора фразеологии русского языка.

Как известно, к источникам сведений и культуре народа, несущим национально-специфическую окраску, относят следующее:

1) традиции, обычаи, обряды;
2) бытовую культуру, тесно связанную с традициями;
3) повседневное поведение (привычки представителей культур, принятые в социуме нормы общения);
4) художественную культуру, отражающую традиции того или иного этноса.

Национально-культурный компонент фразеологизмов рассматривают на трех уровнях.

а) В совокупном фразеологическом значении

Национально-культурная специфика фразеологизмов в совокупном фразеологическом значении связана с безэквивалентными фразеологическими единицами. Они существуют в любом языке, это явление объясняется избирательностью носителей языков. Концепты, передающие семантику таких фразеологических единиц, присутствуют в языковой картине мира данного народа, поэтому семантика безэквивалентных единиц передается с помощью лексических единиц или словосочетаний, которые при передаче на другой язык также передаются с помощью отдельных лексем или набора лексем, когда образ, на основе которого построен фразеологизм исходного языка, понятен представителям языка рецептора.

б) В прямом значении свободного словосочетания, которое было образно переосмыслено

Фразеологические единицы, которые имеют в своем составе национально-культурный компонент, являются немногочисленными в обоих языках. Маркированность национальной специфики создается наличием специфических для данного народа слов, входящих в состав ФЕ, либо для обозначения каких-либо реалий, известных только носителям одной нации или нескольким, связанным общностью культуры или религии, а также своеобразные топонимы, антропонимы, гидронимы, характерные для какой-либо страны.

в) В значении отдельных лексических компонентов

Национальная специфика фразеологизма может также отражать историю народа и его своеобразные традиции, обычаи, его характер, изначально заложенные в его прототипе [Арсентьева 2006, с. 127].

Фразеологические обороты представляют собой наиболее своеобразную часть выразительных средств языка. Во фразеологизмах отражаются особенности культуры данного народа, его истории, народные представления о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира. Это хорошо видно на примере фразеологизмов, в основе которых лежит сравнение. Так, для русского языкового сознания эталоном крепкого здоровья является *бык*: *здоров как бык*; эталоном глупости – *баран*: глуп как *баран*; эталоном стройности женской фигуры – *березка: стройная как березка*.

Национально своеобразными могут быть фразеологизмы, формирующиеся на основе различных верований, народных обычаев и обрядов. Так, фразеологизм *как рукой сняло* (т. е. прошло быстро и бесследно) связан с верой в способность некоторых людей исцелять больных с помощью движений рук над больным местом (или над всем телом человека).

Национально-культурная семантика фразеологических сочетаний формируется из трех составляющих. Во-первых, фразеологизмы отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всем своим видом идиоматичным значением (ср.: *Пальчики оближешь* (вкусно)). Во-вторых, фразеологизмы раскрывают национальную культуру расчленно, единицами своего состава, т. е. словами. Некоторые из таких слов принадлежат к числу безэквивалентных. Например, слово *ферт* во фразеологизме *ходить фертом*: «*держать руки в боки*, принимать самоуверенную, вызывающую позу». В таких фразеологизмах, как: *аршин проглотил, коломенская верста, тертый калач, лыка не вяжет, семи пядей во лбу, лезть на рожон, косая сажень в плечах, слова аршин, коломенская, верста, калач, лыко, пядь, рожон, сажень* – используются как исконно русские понятия, являющиеся безэквивалентными словами. В-третьих, фразеологизмы отражают национальную культуру своими прототипами, поскольку свободные словосочетания, ставшие фразеологическими, описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое. Вот что об этом пишут лингвисты Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в книге Язык и культура [Верещагин, Костомаров 1990, с. 264]: Прототипы фразеологизмов могут рассказать о русской грамотности*: начать с азов, не знать ни аза, от доски до доски, от корки*

для корки, с красной строки и т. д. Прототипы фразелогизмов могут рассказать о детских играх: *играть в прятки / кошки-мышки / в жмурки / в бирюльки, куча мала, нашего полку прибыло*; о денежной системе*: за длинным рублем, ни гроша / ни копейки / ни алтына за душой, гроша ломаного не стоит; о ремеслах (вить веревки, бить баклуши)*; о традиционном врачевании*: заговаривать зубы, выжигать каленым железом, до свадьбы заживет; об охоте и рыбной ловле: забрасывать / закидывать / сматывать удочку, подцепить на удочку, вывести на чистую воду, ловить рыбу в мутной воде*; о типичном растительном мире*: с бору да с сосенки, елки-палки, через пень- колоду; кто в лес, кто по дрова; как в темном лесу, наломать дров и животном мире: дразнить гусей, как с гуся вода, куры не клюют, брать быка за рога, ни бе ни ме, как баран на новые ворота, жевать жвачку, как корове седло, волком выть, медвежий угол, медведь на ухо наступил.*

Фразеологизмами стали многие привычные фольклорные обороты (из сказок, былин, песен): *на все четыре стороны, скоро сказка сказывается, подобру-поздорову, ни жив, ни мертв, по щучьему веленью и др*. Фразеологизмы обнаруживают тесную связь с пословицами: пословица может просто разделиться на две части, на два фразеологизма, но чаще она усекается (*не в свои сани не садись – садиться не свои сани; за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь – гоняться за двумя зайцами; близок локоть, да не укусишь – кусать себе локти).*

Группа фольклорных фразеологизмов очень интересна не только со страноведческой, но и с эстетической точки зрения. К ней примыкают фразеологизмы, восходящие к художественной литературе: *остаться / оказаться у разбитого корыта* (Пушкин), *рыльце в пушку*; *зелен виноград* (Крылов), *человек в футляре* (Чехов).

Однако большинство фразеологизмов каждого языка отличаются своей национальной спецификой. Это различие проявляется в оттенках значения фразеологизма, его национальной образности, в лексическом составе. Например, в русском языке понятие тесно передается фразеологизмами как *сельдей в бочке*, *яблоку негде упасть*, что отражает элементы русского традиционного быта (соление рыбы, выращивание яблок).

Для более точного образного восприятия студентами необходимо привести примеры фразеологизмов из разных языков, имеющих общий смысл, но различную образную форму:

рус.: Родиться в рубашке / сорочке.
фр.: Родиться в чепчике.

рус.: Ехать в Тулу со своим самоваром.
каз.: Орманга отын алып бару (*ехать в лес с дровами*).

рус.: Делать из мухи слона.
фр.: Делать гору из ничего.
англ.: Делать гору из кротовой кучки.
бурятск.: Из мухи делать медведя.

Ср.:

рус.: Здоров как бык.
вьетнам.: Здоров как слон.

рус.: Сесть в калошу. Сесть в лужу.
англ.: Встать в грязь.
нем.: Сидеть в чернилах.
бурятск.: Сесть в грязь.

рус.: Дождь льет как из ведра.
англ.: Дождь идет кошками и собаками.

рус.: На воре шапка горит.
нем.: Видно по кончику носа.

Таким образом, во фразеологической картине мира любого языка можно выявить общие универсальные свойства и национальные особенности, проявляющиеся как в плане выражения, так и в плане содержания и являющиеся критериями сопоставительно-типологического исследования различных фразеологических систем.

На занятиях по русскому языку вполне приемлемо рассмотрение отношений людей в обществе и поведенческая деятельность. Фразеологизмы данной группы характеризуют социальные отношения людей с точки зрения этических и моральных норм: хорошо относиться – плохо относиться, хорошее поведение – плохое поведение. Например:

быть в дружбе – быть в ссоре, враждовать;

рус.: водой не разольешь, душа в душу (*жить с кем-либо*), быть на короткой ноге с кем-то – *жить как кошка с собакой, черная кошка пробежала между кем, быть на ножах с кем-то*;

каз.: олардың арасында және жел өтпейді (*букв.*: между ними и ветер не пройдет), олардың арасында және шек тырбанбайды (*букв.*: между ними и струна не влезет), бір денеден, бір жаннан (*букв.*: из одного тела,

из одной души), тұр- сияқты мысық итпен (*букв.*: жить как кошка с собакой), пышақтарда бол- (*букв.*: быть на ножах).

Имеют место фразеологизмы, связанные с историческими событиями:

Было дело под Полтавой. О каком-нибудь происшествии, памятном событии. Первая строка песни на стихи И. Е. Молчанова (1809–1881) о битве русских со шведами под Полтавой.

В долгий ящик (положить, отложить что-л.). На неопределенный срок, надолго (отложить). С XVII в. к стене дворца царя Алексея Михайловича был прикреплен длинный («долгий») ящик, предназначенный для прошений царю; прошения, опущенные туда, рассматривались очень долго (или вообще не рассматривались).

Москва слезам не верит. Нет веры чьим-л. сетованиям и плачу. Восходит ко времени возвеличивания Москвы, когда московские князья вели себя жестоко по отношению к покоренным.

Филькина грамота. Фальшивый или не имеющий силы документ. Филька – глупый, недалекий человек. Время возникновения иногда относят к царствованию Ивана Грозного, который преследовал московского митрополита Филиппа, выступавшего против бесчинств царя: царь презрительно называл разоблачительные послания митрополита филькиными грамотами [Большой фразеологический словарь русского языка, 2006].

Заимствования из латинского и греческого языков:

греч.: Авгиевы конюшни.
лат.: Альма-матер.
греч.: Ахиллесова пята.
лат.: Белая ворона.
греч.: Всё течет, всё изменяется.
лат.: Деньги не пахнут.
греч.: Лебединая песня.

Фразеологизмы, восходящие к высказываниям известных людей и цитатам из мировой литературы:

А все-таки она вертится. Аппетит приходит во время еды. Большому кораблю большое плавание. Быть или не быть. Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Лучше поздно, чем никогда. На седьмом небе.

Заимствования из других языков:

нем.: Адамово яблоко.
тюрк.: Баш на баш.
фр.: Быть не в своей тарелке.
фр.: Быть под каблуком.
фр.: Ворона в павлиньих перьях.
нем.: Вольная птица.
нем.: Голубая мечта.
англ.: Кто платит деньги, тот и заказывает музыку.
фр.: На войне как на войне.
фр.: Нет дыма без огня.

На самом формировании фразеологизмов, т. е. в отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами). Естественно, что наиболее интересными для нас в плане выявления культурно-национальной специфики являются именно эти фразеологизмы, ибо они имеют культурно-обусловленные причины либо культурно-значимые следствия.

Фразеологизмы, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры. Однако не все ФЕ могут стать носителями культурно-национальной информации. Много в славянских языках фразеологизмов, которые связаны с общечеловеческим знанием о свойствах реалий, вошедших в образное основание, – *смотреть в корень; между двух огней; не вешать нос* и др. Отличие их от подобных в других языках объясняется не столько их культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации в разных языках. Например, китайские выражения *проточная вода не гниет* (в значении – бесполезность, бесцельность действий) и *в дверной петле червь не заводится* (в значении – надежда на благополучный исход, уверенность в нем) по-русски звучат: *как мертвому припарки и как дважды два, комар носа не подточит*, т. е. имеют иное образное основание в русском языковом сознании. Но если учесть, что и эти фразеологизмы основаны на образно-метафорических смыслах, то и они участвуют в формировании языковой картины мира и различаются в культурно-

национальном отношении. Отсюда вывод, что, хотя и с некоторой натяжкой, их можно считать носителями культурной информации.

Таким образом, фразеологизмы, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры. Всякий фразеологизм – это хранитель культурной информации. Но если мы слышим фразу типа «язык помнит и хранит тайны...», то должны понимать, что это не более чем метафора. Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). Казань, 2006. 219 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. М. : АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М., 1990. 264 с.

Типовые учебные программы цикла общеобразовательных дисциплин. Русский язык. Алматы : Университет Аль-Фараби, 2016. 30 с.

УДК 80.81

С. Э. Камилова

доктор филологических наук, заведующая каф. мировой литературы факультета зарубежной филологии Национального университета Узбекистана, Узбекистан, Ташкент; e-mail: ksaodate@mail.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ / ОТЛИЧИЯ В ПРОЕКЦИИ АВТОРСКОГО «Я» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ РАССКАЗЕ

В данной статье предпринимается попытка обозначить роль типов авторского «Я» в современном русском, узбекском рассказе и способы их передачи в процессе перевода. В современных рассказах обнаруживаются интровертированный, ювенально-ретроспективный и лирические типы авторского «Я». Дана подробная характеристика каждого из типов, а также представлен примерный алгоритм перевода прозаического современного рассказа с русского на узбекский или с узбекского на русский с учетом вышеназванных типов.

Ключевые слова: перевод; рассказ; типы авторского «Я»; интровертированный; ювенально-ретроспективный; лирический; деталь; автор-повествователь – герой.

S. E. Kamilova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Head of the Department of World Literature, Faculty of Foreign Philology, the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Uzbekistan, Tashkent; e-mail: ksaodate@mail.ru

TYPOLOGICAL SIMILARITIES / DIFFERENCES IN THE PROJECTION OF THE AUTHOR'S "I" IN THE MODERN RUSSIAN AND UZBEK NARRATIVE

In this article, an attempt is made to identify the role of author's "I" types in the modern Russian, Uzbek narrative and to observe the ways of their transfer in the process of translation. It is stated, that in modern stories, introverted, juvenile-retrospective and lyrical types of the author's "I" are revealed. The article gives a detailed description of each type, and taking them all in account, it presents an approximate algorithm for translating a prosaic modern story from Russian into Uzbek or from Uzbek into Russian.

Key words: translation; story; types of author's "I"; introverted; juvenile-retrospective and lyrical; author; narrator; hero.

Техника перевода современной прозы, на наш взгляд, существенно отличается от перевода реалистической прозы, к примеру XX в. Дело в том, что от переводчика требуется не только отличное знание

языка и понимание художественного произведения как такового, но и знание законов построения современного текста, в котором миксуются порой разнополярные техники письма, синтезируются различные формы повествования. Помимо этого, современные прозаические произведения часто – это жанры-«трансформеры», сочетающие в себе не только признаки других эпических жанров, но и лирических, драматургических и публицистических.

Поэтому данная статья будет содержать две части. Первая часть – это мысли автора и выводы на тему: «Типы авторского “Я”» в современном русском и узбекском рассказе», вторая часть будет представлена примерным алгоритмом перевода прозаического современного рассказа с русского на узбекский или с узбекского на русский исходя из личной практики.

В первую очередь, что бросается в глаза при знакомстве и последующем анализе современных русских и узбекских рассказов, это процесс изменения статуса выявленного, репрезентируемого текстом авторства, изменения качества предъявляемого в прозе авторского сознания. Речь идет об утрате привилегированного положения автора как «всезнающего» и «всевидящего» «Мастера». Дистанцируясь от такой позиции, современный автор «растворяется» в «многоуровневом диалоге точек зрения». Точка зрения рассказчика в этом случае не доминирует, тем самым создавая условия для «вариативного толкования изображаемого».

В современной малой прозе появился и существует целый пласт произведений, где триада «автор – повествователь – герой» реализуется иначе, ее элементы приходят в иное соотношение. Можно сказать, что три составляющих ее начала соединяются в одной точке. Этой «точкой» становится автор. Имеется в виду не автор как создатель произведения, а автор внутритекстовой. Он становится одновременно и рассказчиком, и действующим лицом художественного текста. Причем наблюдается или частичное, или полное совпадение повествователя с автором, дистанции как таковой здесь нет.

В таких рассказах, вне зависимости от объекта отражения реальной действительности, повествование ведется от первого лица и носит субъективный характер. Рассматривать их логично в соответствии с той или иной спецификой типа предъявленного авторства. Вследствие этого нами разработана классификация типов авторского «Я», которая представлена интровертированным, ювенально-

ретроспективным и лирическим типами авторского «Я» в современных русских и узбекских рассказах.

Характерной чертой **интровертированного** типа авторского мировидения в определенном массиве малой прозы является, как точно заметила М. Ремизова, «интровертированная депрессивность», где «главное в ней – создание психологического автопортрета» [Ремизова 2007, с. 17]. Типического героя как личность, способную на активные действия и поступки, заменяет автор-индивид, замкнутый на себе, на своих личностных переживаниях и «маленьких трагедиях», желающий понять лишь себя, прислушивающийся к собственным эмоциям и чувствам. Его монолог о себе – главный прием генерирования художественного произведения. «Рассеянный характер», безындивидуальность, деперсонилизация личности, апатия, одиночество, неприкаянность и инертность – классифицирующие черты современного рассказа с интровертированным типом авторского «Я». Причем в таких художественных текстах сюжет, как правило, адинамичный с ослабленной сюжетной линией, лишенный определенных кульминационных точек.

Такой тип авторского «Я» представлен в русских рассказах И. Клеха «Псы Полесья», Ю. Горюхина «Канцелярский клей Августа Мебиуса», В. Голованова «Эти квартиры», Б. Евсеева «Слух», а также в рассказах узбекских прозаиков: У. Хамдама «Река души моей», Р. Рахмата «В бездне сознания», С. Вафо «Гора Бутан», Б. Нуритдинова «Потусторонний покупатель». Рефлексирующий герой имеет двойственное сознание: с одной стороны, он хочет обрести свободу, причем не знает, что делать с этой свободой, и поэтому авторы не предоставляют ему возможности осуществить это желание, с другой – пытается избежать любых трудностей, а это, в свою очередь, главное препятствие на пути к обретению свободы, отсюда явная зависимость героя от обстоятельств.

Авторское мировидение зиждется на чувстве собственной неполноценности, тотальном одиночестве, неспособности сделать сознательный выбор, жалости к себе, проявляющейся в монологах, дневниковых откровениях, депрессивных медитациях, бездейственной созерцательности и склонности размышлять над любой эмоцией. Форма повествования от первого лица – это, по сути, практически единственный способ самовыражения рефлексирующего сознания.

В рассказах происходит трансформация понимания человека и его места в мире: человек приравнивается к вещи, становится сторонним наблюдателем, он больше не хозяин мира и пространства, мир вещей выходит на первый план, человек же осознает свою чуждость вещам и временному пристанищу. Самоидентификация в пространстве становится главной задачей героя.

В рассказах с **ювенально-ретроспективным** (от лат. *juwenalis* – юный, неполовозрелый) [Русский язык: Энциклопедия 1997, с. 596] типом авторского «Я» преобладают попытки проследить истоки формирования собственной личности, надежда или на обновление через детское восприятие окружающего мира, или на преодоление неполноценности своей жизни, или на выявлении незнания, непонимания даже самого себя. Детство выступает как мерило сегодняшнего «Я» писателей, для которых напряженный разговор с самим собой, обнажение самого себя, покаяние, возможно, способы понять себя и свое время. Детские воспоминания воспринимаются либо как «утраченный рай», либо как глобальное одиночество, либо как постоянный страх, либо как рефлексия над детской эмоцией (рассказы С. Солоуха «Метаморфозы», О. Зайончковского «Любовь после дружбы», И. Полянской «Утюжок и мороженое», Е. Шкловского «Улица», З. Прилепина «Грех», Л. Усыскина «Длинный день после детства», С. Василенко «Город за колючей проволокой» / Х. Султанова «Воспоминания о далеком «Артеке», И. Султана «Рыба», Мухаммада Шарифа «Кулдиргич», У. Рузиева «Голуби, вернувшиеся на рассвете» и др.).

Если в русских рассказах, относящихся к данному типу, самопознание себя в детстве становится не только работой памяти, не только этическим критерием собственной личности, но и способом оценки ушедшей эпохи, способом «привносить поколения людей в историю», то в узбекских рассказах исследование ситуации травмы часто приводит к безапелляционным решениям, ведущим к инфантильному мировосприятию жизни, когда личность способна следовать этическим нормам, но не способна противостоять среде, где эти нормы нарушаются.

Третий тип предложенной классификации – **лирический тип** авторского «Я», в котором главное – лирическое сознание автора-рассказчика, отличающегося сосредоточенностью на своем внутреннем мире, где сквозь призму личностного мировидения обобщены

вопросы общественно-социального характера. В рассказах с данным типом авторского «Я» сюжетообразующим центром становится определенный поток переживаний, выстраивающийся из ассоциаций, воспоминаний, созерцаний и медитаций. Классифицирующие признаки – ассоциативное мышление, алогизм, спонтанная смена эмоций и настроения, хронотопическая многоплановость. Авторы рассказов фиксируют моменты подлинности существования через лирико-экзистенциальное переживание, любовную страсть, озарения типа дзен, а также посредством исследования глубинных пластов человеческой психологии (рассказы В. Маканина «Неадекватен», М. Тарковского «Замороженное время»; М. Вишневецкой «Т. И. Н. (опыт сада)», М. Бутова «В карьере» Д. Гуцко «Осенний человек», И. Абузярова «Почта», / Ш. Холмирзаева «Хоразм, жонгинам», Н. Эшонкула «Собака Баховуддина» У. Хамдама «Тюльпаны», «Камень», «Пиала воды» И. Султона «Чаша на воде», «Ночной ураган», «Страх», «София», С. Вафо «Мелодия зла».

В целом анализ рассказов с учетом специфики типов авторского «Я» позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, отказ от объективированной формы письма имеет следующее объяснение: для писателя реальность оказывается чужда сама по себе, он сосредоточен на себе, на своем внутреннем мире, его характерная черта – замкнутость, созерцательность, склонность к рефлексии. Данная проза, на наш взгляд, восходит к «авторской прозе» (термин Н. Ивановой) 60–80-х гг. XX в., в основе которой «стремление обнажить самого себя, напряженный диалог с самим собой, где взгляд от «мира», от действительности направляется внутрь самого художника» [Иванова 1988, с. 7].

Вероятно, на характер мировидения таких художников слова наложили отпечаток историко-общественные и социокультурные перемены, когда появился, как точно отмечает Е. Ермолин, «…исторический максимум свободы … мы попали в мир, где нет иерархии, где нет монопольных ценностей, где сильно ослаблено представление о норме вообще, где все проблематизировано и где человеку предоставлена возможность непринужденно раскрывать себя и в художественном творчестве, и в жизни» [Ермолин 2015, с. 6].

Такая ситуация застигла врасплох писателей, которые в одночасье оказались в духовном вакууме и не знали, как поступить

с нахлынувшей свободой (свободой слова в том числе), обернувшейся обманутостью многих ожиданий в момент социального и культурного кризиса, породив состояние потерянности. Это выразилось в недоверчивом отношении к жизни вообще, в сомнениях в правильности, истинности человеческих ценностей, в открытом нежелании не только осмыслять существующую действительность, но и принимать ее.

Во-вторых, субъективизм может быть и приемом, элементом, рассудочной писательской техники. При переводе современных русских и узбекских рассказов, на наш взгляд, необходимо учитывать вышеизложенное, так как трактовка текста без учета специфики предъявленного авторства в рассказе, может полностью изменить содержательный рисунок рассказа, превратив его в шаблонный набор фраз по определенной теме.

Как же переводить современный рассказ? Мы предлагаем следующий примерный алгоритм:

1. Определить форму повествования. Если это перволичная форма, то выяснить каков тип авторского «Я» доминирующий.
2. Учитывая то, что современный рассказ – площадка поисков и экспериментов на уровне формообразования, необходимо выявить признаки жанров, синтезированных в рассказе.
3. Общеизвестно, что деталь является жанрообразующим признаком рассказа, поэтому необходимо выделить наиболее существенные детали, позволяющие реализовать статус автора. Подобрать адекватные (наиболее подходящие) варианты перевода данных деталей, учитывая специфику языка оригинала и языка, на который переводится текст.
4. Подготовка подстрочника (учет «говорящих» фамилий, метафорики, игровой формы, символики образов, религиозного мифологизма, диалектной речи, стилистики и т.д.).
5. Переложение подстрочника в соответствии с требованиями речевых законов языка, на который делается перевод.
6. Редактирование текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ермолин Е. А. Медиумы безвременья: Литература в эпоху постмодерна, или Трансавангард. М. : Время, 2015. 206 с.

Иванова Н. Точка зрения. О прозе последних лет. М. : Советский писатель, 1988. 264 с.

Ремизова М. Только текст. Постсоветская проза и ее отражение в литературной критике. М. : Совпадение, 2007. 447 с.
Русский язык: Энциклопедия. М. : Дрофа, 1997. 721 с.

УДК 378.143:811.111

Е. М. Кирсанова, Н. Ю. Мороз

Кирсанова Е. М., кандидат филологических наук, доцент;
заведующая каф. английского языка переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: elena.kirsanova@mail.ru

Мороз Н. Ю., кандидат филологических наук, заведующая каф. лингвистики
и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: nataschamoroz@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ПРАГМАСЕМАНТИКИ

В статье рассматриваются методические подходы к формированию навыков сопоставительной семантики и прагматики у студентов-переводчиков. Владение данными аналитическими навыками позволяет более полно извлекать заложенную в языковом знаке информацию, а также точнее интерпретировать авторский замысел.

Ключевые слова: семантика; прагматика; перевод; лингводидактика.

E. M. Kirsanova, N. Yu. Moroz

Kirsanova E. M., Ph.D. (Philology), Associate Professor; Head of the Department
of the English language, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: elena.kirsanova@mail.ru

Moroz N. Y., Ph. D., Head of Linguistic and Professional Communication Department
in the Sphere of Media Technology, MSLU; e-mail: nataschamoroz@yandex.ru

DEVELOPING SKILLS OF COMPARATIVE PRAGMASEMANTICS

The article touches upon the methods of developing skills of comparative semantics and pragmatics with student-translators. These specific skills allow to extract more information from the language sign and more accurately interpret an author's conception.

Key words: semantics; pragmatics; translation; linguodidactics.

Эффективность профессиональной подготовки любого специалиста зависит от четкого представления преподавателя о профессиональной специфике его будущей деятельности, соотношении и приоритетности необходимых ему знаний, умений и навыков. Залог эффективной подготовки профессиональных переводчиков – ясное представление преподавателя о составных частях их профессиональной компетенции, как универсальных языковых, так и специфических переводческих. В данной связи можно говорить об определенных

методических усилиях, нацеленных на выработку специфических переводческих умений и навыков.

Так, развитие навыков сопоставительной семантики и навыков экспликации скрытой семантики слов – важная часть учебного процесса, которое направлено на формирование аналитических способностей у студентов-переводчиков, необходимых во всех видах перевода независимо от жанра переводимого текста.

Одной из проблем, с которыми преподаватель сталкивается в процессе обучения переводчиков как межкультурных и межличностных посредников, является отсутствие у студентов должного прагмасемантического «тонуса». Иначе говоря, студенты испытывают значительные трудности с идентификацией, анализом и атрибуцией разнообразной прагматической информации, заложенной в языковых единицах оригинала, т. е. той информации, которая определяет авторское осмысление единицы в конкретном контексте, формирует ее дискурсивный смысл как часть иерархии смыслов оригинального текста.

Обычно при выявлении преподавателем очевидных ошибок в интерпретации авторского текста студенты ссылаются на право иметь собственное понимание текста. Однако за «правом на собственное понимание текста» часто стоит интеллектуальная инертность, аналитическая неопытность, иногда даже банальное человеческое тщеславие. В таких случаях приходится обращаться к доскональному разбору прагмасемантики текстов оригинала и перевода.

На понимание исходного текста и вербализацию переводческого замысла решающее влияние оказывает структура языковой личности переводчика, представляющая собой иерархическую интеграцию жизненного опыта, лексикона и мотивационных установок [Караулов 1987].

В силу профессиональной специфики тезаурус и ассоциативно-вербальная сеть переводчика шире, чем у рядового носителя родного языка. Прагматикон же языковой личности переводчика (если только он не читает текст для себя с познавательной целью) содержит специфическую установку на дальнейшее использование текста оригинала, которая может быть реализована через его прагмасемантическую реконструкцию или его прагмасемантическую адаптацию, что изначально определяет вектор интерпретации оригинального текста.

Если переводчик задается целью максимально исчерпывающе передать опыт автора и сознательно ограничивает влияние своего опыта

на конечный результат перевода, мы вправе говорить об объективной установке на перевод. Если же переводчик в силу объективных причин руководствуется субъективными установками, то тогда речь пойдет об адаптации оригинала.

В любом случае объектом скрупулезного исследования при обучении переводчиков является текст как объективная реальность и данность для переводчика. И стратегической целью, на которую должны быть направлены методические усилия по обучению переводчиков как языковых аналитиков, является развитие умения извлекать максимальную информацию из текста оригинала для ее потенциального использования

Проблема текста – одна из центральных проблем теории перевода. Текст является предметом анализа на первом этапе перевода, связанном с интерпретацией оригинала, и текст является предметом синтеза на заключительном этапе. Мы согласны с мнением Р. Штольце, что в основе перевода лежит возможность герменевтического анализа текста как целого и системного явления [Stolze 1994].

Текст представляет собой системную коммуникативную единицу. Понятие системы предполагает существование внутри текста определенной иерархии отношений составляющих его компонентов: прагматического и семантического. Коммуникативный замысел автора составляет прагматический компонент смысловой структуры текста, языковое содержание – его семантический компонент. В иерархии взаимоотношений этих двух компонентов в структуре текста семантический компонент выполняет подчиненную роль: каждое высказывание строится для того, чтобы реализовать определенную комбинацию коммуникативных целей с помощью определенных языковых структур.

Прагматическая и семантическая составляющие смыслового содержания отличны друг от друга по своей природе. Коммуникативный замысел текста имеет экстралингвистическую природу, так как содержит отсылку к субъекту речевой деятельности, таким образом, он является субъективной категорией. Семантический формант смыслового содержания текста является более объективной категорией, так как отражает взаимодействие в тексте различных языковых значений.

Однако объективность семантического форманта также в определенной степени относительна. Как указывает Т. Виноград, «значение

многомерно, формализуемо только в терминах целого комплекса целей и знаний (как лингвистических, так и экстралингвистических), имеющихся и у пишущего и у читающего (соответственно, у говорящего и слушающего)» [Виноград 1983, с. 126].

Как было отмечено выше, в процессе вербализации замысла прагматическая установка автора носит приоритетный характер, но парадокс понимания заключается в том, что в процессе понимания текста читатель может игнорировать прагматическую установку автора в силу специфики самого процесса понимания, который управляется механизмом интереса, детерминированного личным опытом читателя. Лишь интересные для читателя слова, отмечают Р. Шенк, М. Лебовиц, Л. Бирнбаум, подвергаются полной обработке в процессе понимания текста. Многие слова в тексте вообще пропускаются. Интересные же слова активизируют сценарии и фреймы [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум 1983]. Таким образом, именно механизм интереса играет ключевую роль в управлении познавательными или интерпретационными процессами при восприятии текста.

Учитывая вышесказанное, свой задачей при обучении переводчиков мы видим развитие умения смещать фокус интереса, т. е. фокусировать интерес на том, что интересно другому, а не тебе.

Поскольку обнаружить точные семантические соответствия между знаками сопоставляемых языков практически невозможно, одной из актуальных задач обучения специалистов в области межкультурной коммуникации является выработка умения выявлять семы, отражающие специфичность и самобытность национального и авторского образа мысли. С методической точки зрения представляется целесообразным введение в процесс обучения переводчиков специальных упражнений, направленных на выявление возможностей отдельно взятого языкового знака к передаче разноплановой информации. В качестве учебного материала можно предложить лексику, которая не считается безэквивалентной и которая обслуживает базовые социально-бытовые потребности человека, в частности лексику, принадлежащую рубрикам «Питание», «Одежда», «Дом и жилище», «Домашняя утварь», «Животный мир», «Растительный мир» и т. п., поскольку данная лексика, несмотря на ее кажущуюся простоту и универсальность, высокоинформативна и в высокой степени национально (этнически) маркирована.

Целью такого рода упражнений является выработка способности ограничивать влияние своей языковой личности на процесс перевода, а также развитие лингвистической цепкости и культурологической настороженности, т. е. готовности к тому, что любое, даже самое простое, на первый взгляд, самое привычное, давно известное слово иностранного языка может быть насыщено совершенно неожиданной информацией и может быть потенциальным носителем непривычных для принимающей культуры смыслов.

Речь идет о глубоком истолковании и осмыслении наличных ресурсов языка, его скрытых, никогда до конца не выявляемых возможностей, поскольку в тексте даже бедное по своему семантическому содержанию слово может получить значительное смысловое содержание.

В качестве примера можно предложить ряд упражнений с дидактической установкой на расширение прагмасемантического кругозора.

На первом этапе предлагается подобрать тексты, содержащие лексику базовых семантических полей, и предложить учащимся определить актуализированную в предложенном контексте прагматическую информацию (сенсорную, образную, оценочную, символическую, стилистическую и т. д.).

На следующем этапе было бы полезно провести сопоставительное культурологическое исследование некоторого набора сходных языковых единиц-символов, выявить культурологические расхождения.

Далее на материале оригинальных текстов на русском и иностранном языке можно перейти непосредственно к семантическому анализу выделенных давно усвоенных «простых» лексических единиц с упором на анализ коннотаций.

Например, на основе анализа следующего отрывка из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» предлагается провести сопоставительный компонентный анализ слов *хлебосольство* и *гостеприимство*, особенно акцентируя внимание на специфическом русском компоненте в структуре значения слова *хлебосольство*: «Граф, со дня основания клуба, был его членом и старшиною. Ему было поручено от клуба устройство торжества для Багратиона, потому что редко кто умел так на широкую руку, *хлебосольно* устроить пир, особенно потому, что редко кто умел и хотел приложить свои деньги, если они понадобятся на устройство пира [Толстой 1979, с. 570].

Затем можно проанализировать перевод данного отрывка и задать студентам вопрос: «Почему переводчик прибегает к приему семантической экспликации?»:

> “The Count had been a member and a committteeman of the Club from the day it was founded. He was entrusted with the arrangements of the fete for Bagration because few men knew how to plan a banquet as *lavishly and hospitably* as he” [Tolstoy 2001, c. 373].

На материале фрагментов сопоставимых оригинальных текстов на русском и иностранном языке предлагается выявить парадоксальные расхождения в наборе коннотаций.

В качестве примера дискурсивного осмысления противоположных коннотаций трофонимов-символов в английском и русском языках можно привести следующую пару межъязыковых соответствий:

> *bread and butter – хлеб с маслом* (*англ.*: скудный, насущный – *рус.*: богатый), которые закреплены в пословицах: *They that have no other meat, bread and butter are glad to eat* ↔ *Хлеб у него всегда с маслом.*

Для последующего анализа можно предложить современные русские и английские тексты.

Так, одна из статей в газете USA Today содержит дискурсивную развертку прагматического смысла приведенного английского выражения. В концентрированном виде эта развертка дается в виде следующего заголовка: *Pork to some; bread and butter to others*. В названии статьи обыгрывается метафорическое значение слова *pork* (свинина; «кормушка», жирный кусок; правительственные дотации, привилегии, предоставляемые по политическим соображениям) и значение идиомы *bread and butter* (скромные средства к существованию) (*USA Today, 12.03.07, by R.Wolf*).

И для сравнения предлагается проанализировать противоположную коннотацию из русского текста:

> Многие поколения, ожесточенно работая лапками, взбивали интеллектуальные и нравственные сливки, пока не загустела спасительная твердь – масло либерализма. Вот только чертовски трудно размазывать масло по воздуху. Необходима основа – то есть хлеб. Либеральные ценности крепко ложатся поверх базовых – природных, корневых. Тут еще надо учитывать, что в России, как свидетельствовала наглядная агитация нашего детства, именно хлеб – всему голова. Это у них там сначала бутер, потом брот. Нам гораздо привычнее хлеб с маслом. Масло с хлебом у нас

не едят. А без хлеба тем паче. Слишком жирно получается, может вытошнить. Появится хлеб российской жизни, возникнет и вполне естественная потребность в либерализме (*Известия, 20.11.07, Е. Ямпольская*).

Наконец, на следующем этапе можно переходить к анализу текстов оригинала и перевода (переводов), содержащих рабочие семантические единицы с целью определения семантических потерь в переводе, нарушений смысла, переводческих неудач и находок.

Например, в «Рождественской песне в прозе» Ч. Диккенса читаем следующее описание предрождественского застолья:

> There were more dances, there were forfeits, and more dances, and there was cake, and there was negus, and there was a great piece of *Cold Roast*, and there was a great piece of *Cold Boiled*, and there were mince-pies, and plenty of Beer [Dickens 2002, c. 46].

В переводе на русский язык Т. Озерской мы находим такое описание этого праздника:

> А затем снова были танцы, а затем фанты и снова танцы, а затем сладкий пирог, и глинтвейн, и по большому куску холодного ростбифа, и по большому куску холодной отварной говядины, а под конец были жареные пирожки с изюмом и корицей, и вволю пива [Диккенс 2004, с. 156].

Анализ оригинала и перевода позволяет прийти к заключению, что переводчица оставила без внимания ту особую значимость, которую великий британский писатель придал некоторым блюдам, написав их названия с большой буквы. В оригинале *Cold Roast* и *Cold Boiled* – не просто основные блюда, но царствующие на праздничном столе. Согласно теории К. Леви-Стросса, они имеют четко выраженный гендерный характер (жареные блюда ассоциируются с мужским – маскулинным – началом и атмосферой праздника, а вареные, напротив, с женским – фемининным – и ежедневной трапезой [Lévy-Strauss 1966, c. 104–105]. В контексте же кельтской праздничных традиции две эти противоположности являют собой единство и символизируют королевский союз. Во время королевского пиршества правящей чете подавались именно свиной окорок и грудинка: окорок – королю, а грудинка – его супруге. Это было обусловлено, в частности, тем, что свинина считалась у кельтов сакральным продуктом. В мифопоэтической традиции кельтов мясо кабана обладало

магическими свойствами: придавало человеку особую физическую силу, неукротимость и отвагу [Росс 2003]. Данные коннотативные семы не утрачены со временем, незримо присутствуют на периферии значения английских единиц и актуализируются в тексте Диккенса, однако русские эквиваленты значительно беднее коннотативным содержанием, их использование в тексте не может пробудить в русском читателе глубинных ассоциаций, поэтому перевод становится более «стерильным», его прагматическое воздействие уменьшается.

Сопоставив нижеприведенные отрывки, можно обсудить вопрос несовпадения прагматических установок автора и переводчика: почему при наличии словарного эквивалента переводчик изменил лексему *вино* на *водку*, причина в сохранении ритма или усилении русского колорита?

Ёжусь, зашвырнувшись в трактирные углы,
вином обливая душу и скатерть [Маяковский 1988, с. 18].

I huddle, slumped in corners of saloons;
with *vodka* drenching my soul and the cloth [Mayakovsky 1975, с. 147].

В нижеприведенном переводе предлагается проанализировать возникающее логическое несоответствие:

Ходят слухи, что он совершенно перестал пить *портвейн* и пьет только водку, настоянную на смородиновых почках, отчего очень поздоровел [Булгаков 2004, с. 482].

There are rumours, that he never touches *port* these days, that he only drinks vodka distilled from black currants and is much healthier from it [Bulgakov 2003, с. 438].

Для русского читателя *портвейн* в советские времена – это дешевое красное вино, и его замена на качественную водку действительно может улучшить самочувствие. Однако как объяснить английскому читателю, почему поздоровел один из героев Булгакова, если он перестал пить *port* (очень качественное португальское вино) и заменил его на водку, хоть и настоянную на смородиновых почках.

В следующем отрывке предлагается обсудить выбор С. Моэмом лексемы *tart* (в буквальном значении – *открытый сладкий пирог*, в метафорическом – *потаскуха*, *шлюха*) для характеристики главной героини Джулии Ламберт, которая изменила мужу, но которой сам автор, безусловно, симпатизирует. Далее логично перейти к анализу

предложенного переводческого решения: выбор уменьшительно-ласкательного суффикса для смягчения строгости моральной оценки ее легкомысленного поступка:

> Raped, my dear. Practically raped. At my time of life. And without so much as a by your leave. Treated me like a *tart*. Eighteeenth-century comedy, that's what it is [Maugham 2001, с. 76].
>
> Изнасилована, голубушка. Самым натуральным образом. В мои-то годы! И даже без всяких там «с вашего позволения». Словно я – обыкновенная *потаскушка*. Комедия восемнадцатого века, вот что это такое [Моэм 1982, с. 127].

Таким образом, для совершенствования процесса подготовки переводчиков необходимо не только их целенаправленное ознакомление с экстралингвистической информацией, но и формирование умения быть готовым видеть новое в известном и, казалось бы, хорошо знакомом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М. : Детская литература, 2004. 498 с.

Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 12. Прикладная лингвистика. М. : Радуга, 1983. С. 123–170.

Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе / пер. с англ. Т. Озерской. М. : Радуга, 2004. 170 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 263 с.

Маяковский В. В. Сочинения в двух томах. М. : Правда, 1988. Т. 2. 767 с.

Моэм У. С. Театр / пер. с англ. Г. Островской. М. : Правда, 1982. 347с.

Росс Э. Кельты-язычники / пер. с англ. Н. Ю. Чехонадской. М. : Центрполиграф, 2003. 215 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Война и мир. М. : Художественная литература, 1979. Т. 4. 399 с. ; Т. 5. 427 с. ; Т. 6. 446 с. ; Т. 7. 430 с.

Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая система // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М. : Радуга, 1983. С. 401–449.

Bulgakov M. The Master and Margarita / Translated by Michael Glenny. L. : Vintage, 2003. 445 p.

Dickens Ch. A Christmas Carole in Prose. Dickens, Charles. The Cricket on the Hearth. Чарльз Диккенс. Сверчок за очагом / ориг. и пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой. М. : Радуга, 2002. 157 с.

Lévy-Strauss C. The Culinary Triangle. Partisan Review, 1966.

Mayakovsky V. The Bedbug and Selected Poetry / translated by Max Hayward and George Reavey ; transcribed by Mitch Abidor. Bloomington : Indiana University Press, 1975. 317 p.

Maugham W. S. Theatre. Random House Inc., 2001. 292 p.

Stolze R. Überzetzungstheorien: Eine Einführung. Tübingen : Narr, 1994. 253 S.

Tolstoy L. War and Peace / Translated by Ann Dunnigan. NY: Signet Classic, 2001. 397 p.

УДК 821.135.1

В. И. Куцулаб, А. С. Родионова

Куцулаб В. И., магистр филологических наук,
преподаватель румынского языка в Центре языка и культуры
Республики Молдова МГЛУ; e-mail viorica.23@mail.ru

Родионова А. С., студентка IV курса каф. политологии
факультета ИМО и СПН МГЛУ; e-mail rodionova.anastazia@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ МОЛДАВСКОГО БИЛИНГВИЗМА В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ. РУСИЗМЫ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье кратко описывается развитие румынского языка в Румынии и Молдове, рассматривается влияние русского языка на формирование билингвизма в Молдове, приводятся некоторые случаи проявления билингвизма и использования русизмов в румынском языке на территории Молдовы.

Ключевые слова: билингвизм; румынский язык; славянизмы; русизмы; разговорный язык; неформальная речь.

V. I. Kutsulab, A. S. Rodionova

Kutsulab V. I., Mgr. of philology, professor of Romanian language
in the Centre of the Language and Culture of Moldova,
Moscow State Linguistic University; e-mail viorica.23@mail.ru

Rodionova A. S., 4th-year student, Institute of International Relations
and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University;
e-mail rodionova.anastazia@gmail.com

SPECIFICS OF MOLDAVIAN BILINGUALISM IN COLLOQUIAL SPEECH. RUSSISMS IN ROMANIAN LANGUAGE

The article briefly describes the development of Romanian language in Romania and Moldova, touches upon the influence of Russian language on Moldavian bilingualism, gives several examples of usage of Russianisms in Romanian language in Moldova.

Key words: bilingualism; Romanian language; Slavisms; Russianisms; colloquial language; informal conversation.

Молдавский билингвизм не является чисто лингвистическим явлением. Оно тесно связано с этнокультурными, социальными, общественными, историческими и другими экстралингвистическими обстоятельствами. Поэтому интерес к данному вопросу проявляют разные науки, в том числе социология, этнология, этнолингвистика, социолингвистика и т. д. Билингвизм, несомненно, оказывает

лингвокультурное влияние на общество и вносит свой вклад в формирование и коррекцию его мировоззрения.

Республика Молдова – многонациональная страна. На ее территории, помимо молдаван, проживают украинцы, русские, гагаузы, румыны, болгары и другие. Согласно Декларации независимости, официальным языком Республики является румынский язык. Русский является языком межнационального общения. В 2004 году в Молдове была проведена перепись населения. Благодаря этой переписи была получена информация о языках на которых обычно разговаривает население. 58,8 % от всего населения Молдовы указали, что они обычно разговаривают на молдавском языке; 16,4 % – на румынском; 16,0 % – на русском; 3,8 % – на украинском; 3,1 % – на гагаузском и 1,1 % – на болгарском. Другие языки использует 0,4 % всего населения. Такую же долю составляет население, не указавшее язык, на котором обычно разговаривает [3].

Для Молдовы билингвизм является явлением обыденным. Изменения в структуре и функционировании языков определяются изменениями в социальном и политическом контекстах. Чтобы иметь отправную точку в деле решения проблемы двуязычия в Молдове, необходимо отметить, что функционирование, развитие и метаморфозы румынского языка в Молдове имеют свои истоки в историческом прошлом данной территории. Лингвонимы «молдавский язык» и «румынский язык» лингвисты считают равнозначными. На территории Молдавии говорят на молдавском диалекте румынского языка. Язык формировался под влиянием языков славянских народов, которые окружают румын. Например:

а) глаголы: *надеяться → a nădăjdui, читать → a citi, любить → a iubi, платить → a plăti*;
б) существительные: *поп → popă, боб → bob, тайна → taină, боярин → boier, лебеда → lebădă*;
в) прилагательные: *веселый → vesel, вредный → vrednic «упрямый», жалкий → jalnic, честный → cinstit, слабый → slab, больной → bolnav.*

Тем не менее во второй половине XIX в. литературная норма переживала разные процессы в Румынии и Молдове. В появившейся в 1859 г. Румынии начался период *пуризма*, т. е. коррекции языка, из которого активно изымались славянские лексемы и вводились

новые французские, латинские и итальянские корни. В XIX–XX вв. в лексику румынского языка было введено значительное количество научных терминов из латыни. В результате около 30 % лексики в румынском языке было славянского происхождения. Сейчас в языке встречается около 20 % слявянизмов, а в научных текстах – около 10 %. В Бессарабии же, которая в 1812 г. стала частью Российской Империи, язык вобрал в себя еще большее количество заимствований из русского языка. Проводимая сначала российским, а потом и советским правительствами политика русификации населения оставила значительный след в первую очередь в лексическом составе языка. Множество заимствований из русского и украинского языков смешались с румынскими словами. В молдавских деревнях часто можно услышать странную «смесь»: в речи то и дело проскальзывают русские слова. После Великой Отечественной войны советское правительство предприняло ряд мер для поддержания развития молдавской идентичности, отличной от румынской. Одной из этих мер было переименование «румынского языка» в «молдавский язык» и положение об отмене латинской графики. Так появился молдавский язык на основе кириллического письма. Этот язык учили во всех школах, как молдавских, так и русских. Неговоря уже о том, что русский язык также изучался в школе. С 1950-х гг. проходил обратный процесс сближения молдавской и румынской языковых норм. Так, к концу 1980-х гг. они стали практически неотличимы. Тем не менее на уровне бытового общения русский язык используется до сих пор. Так сформировался феномен двуязычия в Молдове [Бережан 2007].

Наиболее ярко билингвизм проявляется в речи молодежи. Взрослые образованные люди, часто выражая свои мысли, выбирают один из языков. А вот молодые люди, для придания комичности высказываниям, очень активно смешивают языки и не заботятся, особенно о культуре речи и ее лингвистической правильности. Ярким примером может послужить глагол *a se pricoli* («прикалываться») и однокоренное наречие *prikolno*. *Te pricoleşti?* («Ты прикалываешься?») или такие фразы:

Şi eu *tipa* am mers! – И я типа пошел.
Foarte *bespantovîi* film! – Очень беспонтовый фильм.
Da *ne gavari*! – Да не говори!

Karoci! – Короче!
Te-ai *abijît*? – Ты обиделся?

Преимущественно в молодежной среде создаются и шутливые стихотворения, которые цитируются несколькими поколениями. Как, например, стихотворение:

Cine a fost la armată,
Тот не забыл никогда,
Как нас кормили sare cu pîine
şi un pahar de *вода*... [Бережан 2007]

Сюда же можно отнести и людей, связанных с коммерцией и сферой обслуживания, которые вынуждены решать проблемы коммуникации с носителями обоих языков. Примеры:

Otravă pentru *taracani.* – Отрава для тараканов.
Cît costa *şuba* asta? – Сколько стоит эта шубка?
Opriţi la *astanovkă* vă rog! – Остановите на остановке, пожалуйста!
Maşină nu se *zavodeşte.* – Машина не заводится [Ионова 2007].

Сознательное смешение говорящими материала двух языков и возникающий при этом шутливый эффект оказываются уместными в различных ситуациях. Такие фразы смягчают резкость замечания:

Tu n-ai *sovesti*! – У тебя нет совести!
Tu eşti *besovestnaia*! – Ты бессовестная!

Кроме того, если речь идет о пожилых людях или, наоборот, о детях, то во многих случаях, «смешивая» языки, билингвы не в состоянии различить в словарном запасе свое и чужое и не осознают, что существует понятие нормированного литературного языка [Ионова 2007].

Очевидно, что подобное смешение русского и румынского может с легкостью рассматриваться как речевая неряшливость, встречающаяся у людей без должного уровня образования. Тем не менее чаще всего лексические заимствования из русского языка, соответствующим образом грамматически оформленные, используются в обиходной речи с игровой установкой. В данной языковой игре осознанное употребление говорящим необычных, в том числе ненормативных, языковых средств с целью создания комического эффекта обоснованно добавлением экспрессивности выражению, смягчению или выражению резкости высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ионова И. А. Причуды заимствования в условиях двуязычия // Русин. 2007. № 4. С. 127–130.

Ионова И. А. Функции молдовенизмов: двуязычие как источник речевой игры // Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии : материалы конф. 2007.

Национальное бюро статистики Республики Молдова.

Berejan S. Degradarea vorbirii orale într-un stat, în care funcționează paralel două limbi oficiale // Akademos. № 4. Chişinău : ed. Academiei de Ştiințe a Moldovei, 2007.

Dumeniuk I. Politica lingvistică a URSS şi destinele limbilor naționale // Revista Limba Română. № 3–4. Chişinău, 1991.

УДК 378.811.112.2

А. К. Магзумбекова

старший преподаватель кафедры практического казахского языка
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, Астана; e-mail: amina-0301@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Статья посвящена вопросу полиязычия как прогрессивному феномену в условиях глобализации, поскольку способствует взаимопониманию и сотрудничеству народов, развитию родных языков, повышению общей культуры человека. Автор рассматривает формирование языковой компетенции обучающихся, включающей компетенцию лингвистическую, языковую, коммуникативную, культурологическую.

Ключевые слова: полиязычие; полилингвальная личность; глобализация; коммуникативная компетенция; лингвистическая компетенция; культурологическая компетенция.

A. K. Magzumbekova

Senior teacher, faculty of Kazakh philology,
The Eurasian National University of L. N. Gumilev Kazakhstan, Astana;
e-mail: amina-0301@mail.ru

THE FORMATION OF POLYLINGUAL PERSONALITY IN KAZAKHSTAN

The article addresses the issue of multilingualism as a progressive phenomenon in the context of globalization because it promotes understanding and cooperation between the peoples, development of native languages, to raise the General culture of the person. The author considers the formation of linguistic competence of students, including linguistic competence, linguistic, communicative, and cultural.

Key words: multilingualism; prelingually identity; globalization; communicative competence; linguistic competence; cultural competence.

Наша эпоха – эпоха положительных перемен. Сегодня мы являемся свидетелями усиления ориентации на развитие личности в процессе становления новой системы образования. Этот процесс сопровождается существенными изменениями в педагогической теории и практике учебно-воспитательного процесса. Предлагаются новое содержание, новые подходы, новое право, иные отношения. Содержание образования обогащается новыми процессуальными умениями, развитием способностей оперирования информацией, творческим

решением проблем науки и практики с акцентом на индивидуализацию образовательных программ (увеличивается роль науки в создании педагогических технологий, адекватных уровню общественного знания).

Современное общее образование характеризует полилингвизм как его составную часть, способствующую усвоению студентами других языков, культурных ценностей народов и традиций, образа жизни, воспитания молодежи в духе уважения иноязычных жизненных мировоззренческих ценностей. Необходимость в формировании полиязычной личности, владеющей как минимум тремя языками: казахским, русским и английским – насущная необходимость казахстанского общества [Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 27 января 2012 года «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» 2012, с. 1].

Основу полилингвального образования составляет личность, обладающая многоязычной и поликультурной компетенцией. Полилингвальное образование является наилучшим средством для межъязыковой интеграции учебно-познавательного процесса, для формирования полиязыковой и поликультурной личности.

Высшая школа, выполняя Государственную программу функционирования и развития языков на 2011–2020 гг., ставит целью «Развитие лингвистического капитала казахстанцев», что предполагает, в частности, организацию системной работы по сохранению функционирования русского языка в коммуникативно-языковом пространстве Казахстана [Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 гг. 2011, с. 4].

Полилингвальный подход к обучению языку в вузовской практике представляет собой содружество лингвистических дисциплин, основанное на межъязыковой интеграции и закладывающее основу для формирования личности студента-полилингвала как субъекта познания. Система работы по формированию ЗУН на занятиях казахского, русского, английского языков дает возможность для их переноса на межпредметный уровень, т. е. на другие предметы вузовского курса, создавая целостную картину мира, и тем самым способствует подготовке будущего выпускника к самообразованию на любом из изучаемых языков. Модернизация высшего образования связывается, прежде всего, с качественным обновлением содержания и обеспечением его развивающего

культуросообразного характера. В связи с этим особое внимание уделяется созданию условий для развития творческого личностного потенциала обучающегося и расширению возможностей современного углубленного образования, в том числе и языкового. В рамках углубленного языкового образования такие условия формируются в процессе обучения на полилингвальной основе. Полилингвальное обучение позволяет осуществить глубокое проникновение в культуру другого народа, расширяет возможности активного использования изучаемых языков, что является предпосылкой успешной адаптации выпускников вуза к условиям общеевропейского рынка. Суть полилингвальной системы образования состоит в том, что наряду с родным языком второй язык используется как средство обучения и поликультурного воспитания. Все народы и культуры мира сейчас стали намного ближе друг другу и желают полноценного общения. И такую роль в Казахстане играет русский язык. Русский язык как один из ключевых факторов формирования позитивного восприятия Казахстана в мировом сообществе продолжает быть средством межнационального общения между народами нашей Республики, инструментом диалога в международных организациях. Русский язык один из официальных языков ООН.

На сегодняшний день русский язык в образовательном пространстве является проводником основного потока учебной и научной информации. Полилингвальный подход к обучению русскому языку в вузе понимается нами как межъязыковая интеграция с целью формирования полилингвальной личности на основе создания полилингвальной картины мира и последующий перенос интеллектуально-речевых умений на межпредметный уровень, создающий основу для формирования целостной картины мира.

Знание русского языка дает студентам возможность получать систематические сведения о мире, так как в языке заложено видение мира, его осмысление и оценка, т. е. отношение к нему. В процессе учебной деятельности, развивая речь студентов, мы развиваем личность с лингвистическим сознанием.

Обучение русскому языку строится на основе технологий обучения языкам:

– коммуникативно-ориентированного подхода к обучению языкам;
– коммуникативного изучения иноязычной культуры;
– культурно-деятельного и личностно-ориентированного подхода.

Осуществление коммуникативно-деятельностного подхода развивает общеучебные интеллектуально-речевые умения студентов неязыковых специальностей – осмысливать тему высказывания, основную идею, задачу общения, контролировать логику развития мысли. Речевая деятельность предполагает развитие умений:

- ориентироваться в речевой ситуации;
- планировать высказывание (определять его границы, обдумывать тему высказывания);
- умение вести речеподготовительную работу (отбор нужного материала, работа со словарями русского языка, составление плана высказывания);
- умение осуществлять самоконтроль.

Основная цель дисциплины «Русский язык» – формирование у будущих специалистов коммуникативной компетенции – способности решать лингвистическими средствами реальные коммуникативные задачи в конкретных речевых ситуациях научной сферы, воспитание творчески активной языковой личности путем формирования языковой, речевой, коммуникативной компетенций [Типовая учебная программа «Русский язык» 2012, с. 5].

Языковая компетенция – способность обучающихся употреблять слова, их формы, синтаксические структуры в соответствии с нормами литературного языка, использовать его синонимические средства, в конечном счете – владение богатством языка как условие успешной речевой деятельности. Однако термин «языковая компетенция» употребляется как синоним лингвистической компетенции. Необходимость их разграничения обусловлена тем, что овладение языком предполагает усвоение единиц языка и правил их построения, а с другой стороны, знание о языке, его системе. Языковую компетенцию составляют освоение языковой системы, овладение языковым материалом.

Лингвистическая компетенция представляет собой результат осмысления речевого опыта студентами. Она включает в себя знание основ науки о русском языке, предполагает усвоение комплекса лингвистических понятий. Усвоение сведений о роли языка в жизни общества и человека, на которых воспитывается постоянный устойчивый интерес к предмету, чувства уважения и любви к русскому языку, элементы истории науки о языке, о выдающихся ученых-лингвистах, – все эти вопросы включены в лингвистическую компетенцию [Быстрова 1985, с. 5].

Усвоение знаний о языке не являются самоцелью. Одна из задач развития личности – учить мыслить. Лингвистическая компетенция обеспечивает познавательную культуру личности обучающегося, развитие логического мышления, памяти, воображения студента, овладение навыками самоанализа, самооценки, а также формирование лингвистической рефлексии как процесса осознания студентами своей речевой деятельности.

Коммуникативная компетенция – это способность к реальному общению адекватно целям, сферам, ситуациям общения, готовность к речевому взаимодействию и взаимопониманию, это умения и навыки с учетом того, с кем мы говорим и с какой целью.

Коммуникативная компетенция – это «знания, умения и навыки, необходимые для понимания чужих и порождения собственных программ речевого поведения, адекватного целям, сферам, ситуациям общения» [Быстрова 1985, с. 7].

В методике преподавания русского языка утвердился коммуникативный подход к работе по развитию речи обучаемых. Преподавателю следует продумывать следующие моменты: как ввести студентов в речевую ситуацию, как привить умение ориентироваться в ней, создать условия речевой активности, поставить задачи общения. Практика общения необходима для овладения студентами коммуникативно-речевыми умениями. Формирование коммуникативной компетенции на занятиях русского языка способствует разностороннему развитию личности, когда собственная учебная деятельность, в рамках которой формируются базовые знания, умения и навыки, сочетается с творческой деятельностью, позволяющей развивать познавательную активность, творческое мышление, способность решать коммуникативные задачи в изменяющихся речевых ситуациях.

Коммуникабельность, способность к сотрудничеству и социальному речевому взаимодействию, владение культурой слова, устной и письменной речью, способность эффективно, творчески решать неординарные задачи – это качество успешного человека, так нужного в современном обществе.

Культуроведческая компетенция. Современный период развития методики преподавания русского языка характеризует особый интерес к культуроносной функции языка, к обучению языку как средству приобщения к национальной культуре. Изучение языка должно развивать культуроведческую (этнокультуроведческую) компетенцию,

которая обеспечивает формирование русской языковой картины мира, овладение речевым этикетом [Быстрова 1985, с. 37].

Необходимо отметить, что цели формирования культуроведческой компетенции различны в обучении родному и неродному языкам. Так, при обучении русскому языку как неродному необходимы:

– взаимосвязь языка и культуры;
– отражение материальной и духовной культуры русского народа;
– взаимообогащение языков как результат взаимодействия национальных культур;
– соблюдение норм речевого поведения в различных сферах общения.

Культуроведческая компетенция должна реализовываться через познание культур других народов. Осознание многообразия духовного и материального мира, понимание и признание ценностей культуры другого народа позволят жить и общаться в нашем многонациональном государстве.

Формирование вышеописанных компетенций способствует разностороннему развитию языковой личности обучающихся. Высшая школа призвана развивать способность студентов неязыковых специальностей реализовать себя в новых динамичных социально-экономических условиях, адаптироваться к различным жизненным обстоятельствам. И характеристиками такой личности становятся коммуникабельность, способность к сотрудничеству и социальному речевому взаимодействию, владение культурой слова, устной и письменной речью в различных сферах применения языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Быстрова Е. А. Теоретические основы обучения русской фразеологии в национальной школе. М. : Педагогика, 1985. 135 с.

Государственная программа развития образования РК на 2011–2020 гг. Астана, 2011. 15 с.

Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 27 января 2012 года «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» // Казахстанская правда. Астана, 2012. 4 с.

Типовая учебная программа «Русский язык» / Ахмедьяров К. К., Мухамадиев Х. С. Алматы : Казахский университет, 2012. 16 с.

Шанский Н. М., Быстрова Е. А. 700 фразеологических оборотов русского языка. М. : Русский язык, 1984. 128 с.

УДК 81271/282

Г. Б. Мамаева

кандидат филологических наук,
доцент каф. казахского языкознания ЕНУ им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, г. Астана; e-mail: Gulnar_mb@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена вопросам изучения взаимосвязи языка и национальной культуры. Автор рассматривает национально-культурный аспект фразеологических единиц русского и казахского языков.

Ключевые слова: язык; культура; национально-культурный; культурно-национальное мировидение; языковая картина мира; фразеологические единицы.

G. B. Mamaeva

PhD (Philology), associate professor,
Department of Kazakh linguistics, The Eurasian National University
of. L. N. Gumilev Kazakhstan, Astana;
e-mail: Gulnar_mb@mail.ru

NATIONAL-CULTURAL ASPECTS OF THE STUDY OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES

The article is sanctified to the questions of study of intercommunication of language and national culture. An author examines the national and cultural aspect of phraseological units of the Russian and Kazakh languages. In modern linguistic science actual is a problem of correlation and cooperation of language and culture, history and life of people, his psychology, way of life and dispositions, customs and way of life.

Key words: language culture; national and cultural; cultural and national; language picture of the world; phraseological units.

В настоящее время в обществе возрастает интерес к истории, этническому прошлому, к национальной культуре. Вопросы национальной культуры рассматриваются во взаимодействии с культурой общечеловеческой. Современные исследователи (М. И. Богомолова, Т. Ф. Бабынина, С. П. Беловалова, Ф.С. Зевахина, Н. П. Овсянникова и др.) считают, что национальная культура, являясь частью общечеловеческой культуры, выступает как единичное в общем, «как оригинальный носитель неповторимых особых качеств нации». К особым

качествам относятся знания (исторические, естественные, топонимические, религиозные); умения (фольклор, авторское искусство, особенности жизнедеятельности: жилище, костюм, обычаи, ритуалы, кухня, праздники, традиции).

Язык тесно связан с национальной культурой. Осваивая язык своего народа, человек постигает параметры своей культурной принадлежности.

Родной язык играет важнейшую роль в формировании сознания растущего человека, в его вживании в культуру. Отражая в концентрированном виде духовную жизнь человечества, язык является сильнейшим средством воспитания. Усваивая язык, человек не только познает мир, но и учится жить в этом мире, приобретает ценностные ориентиры, глубже проникает в национальную и общемировую культуру, приобщается к духовным богатствам, хранимым языком, соотносит знания, получаемые на всех школьных уроках, с опытом повседневной жизни, в результате чего осознает свое место в современном обществе, приобретает навыки общения в разных ситуациях, т. е. социализируется.

Язык является средством знакового хранения социального опыта людей, он кодирует в своих единицах историческую практику народа, отражает его внутренний мир и своеобразие менталитета. Слова и выражения языка помогают сохранить преемственность и единство традиций культуры. Естественно, что в языке каждого народа преобладают лексические системы, обозначающие реалии, наиболее распространенные в обиходе носителей языка. Вследствие этого духовная сфера и различные отрасли хозяйства представлены неодинаковыми в количественном отношении лексическими системами.

Истоки народной художественной культуры, в том числе праздников и обрядов, необходимо искать в глубокой древности. Они тесно переплетаются с трудом и бытом наших далеких предков, находят свое выражение в мифах, былинах, сказаниях, верованиях, обычаях, традициях и т.д. В том или ином виде они сохранились до наших дней, передаваясь из поколения в поколение.

Народы каждой страны на протяжении многовековой истории создавали свои обычаи, обряды, ритуалы, всегда стремились торжественно отметить наиболее важные события своей жизни.

В настоящее время в лингвистике большое внимание уделяется вопросу взаимодействия языка и культуры. Культура, как и язык,

является формой сознания, отображающей мировоззрение человека. Язык служит средством накопления и хранения информации, он – вместилище знаний человека о мире.

Исследование взаимосвязи языка и культуры приобретает новый ракурс рассмотрения в связи с изучением картины мира и, в частности, языковой картины мира. Язык – это знаковая система, где зафиксирована не только реальность, но и символическая вселенная. Каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Он различен для всякого языка и во многом отличается от научной картины мира. У каждого народа разная природа, быт, история, ценности. Это и составляет национальную модель мира.

Особую роль, на наш взгляд, в формировании языковой картины мира играет фразеология. В образном содержании фразеологического состава языка воплощено культурно-национальное мировидение. Ведь недаром эти образы закрепились в словарях и сознании людей, сохранили свой смысл и актуальность. Вероятно, этому послужили близость образов фразеологических единиц ко взглядам народа, их точность и яркость. Сами фразеологические единицы приобретают роль культурных стереотипов. В языке закрепились и фразеологизировались именно те обороты, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами. За системой фразеологических единиц стоит культура.

Фразеологизмы – явления, которые встречаются в любом языке. Через фразеологизмы передается вся красота, богатство, острота языка. Они своего рода школа, которая учит красиво выражать мысль. Если мы хотим, чтобы речь была конкретной, аргументированной, чтобы брала за душу, мы должны взяться за истинное произведение народного творчества – изречения, выражения, фразеологизмы. Только изучив их основательно, мы сможем ответить на вопросы касательно того, что такое достоинство и богатство языка.

Прежде чем переходить непосредственно к особенностям фразеологизмов русского и казахского языков, остановимся на самом понятии фразеологизмов.

Фразеологизмы – это устойчивые обороты речи, как и в любом другом языке, они всегда остаются такими, какими закрепились в языковой практике. Во многих современных литературах по изучению фразеологизмов, говорится, что у них есть три основных признака.

Это структурная устойчивость, смысловое единство и постоянство в применении. Но еще хотелось бы отметить выразительность, как еще один неотъемлемый признак фразеологизмов.

Как считает С. Г. Тер-Минасова, язык можно соотнести с реальным миром, а слова – с конкретными предметами и явлениями. Однако между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка и культуры. Следовательно, представления о мире определенного народа отражаются в его языке. Также автор отмечает, что язык является «орудием культуры». Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка. Особенно наглядно и ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологиями, идиомами, пословицами, поговорками, т. е. тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость, вернее, результаты культурного опыта народа [Тер-Минасова 2000, с. 39]. В. А. Маслова отмечает в своих трудах, что фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [Маслова 2001, с. 17]. С мнениями вышеназванных ученых невозможно не согласиться, ведь действительно фразеологизмы являются неотъемлемой частью культуры народа, в них выражен многовековой опыт, накопленный поколениями носителей определенного языка.

Формирование фразеологического словаря на изучаемом языке паралельно обогащает лексический запас и фоновые знания инофона. Это в основном происходит за счет тех устойчивых единиц, которые совпадают в родном и изучаемом языках. Для понимания и уместного использования фразеологизмов необходимо обращаться к историко-этимологическому толкованию их значения. В рамках лингвокультуроведческого подхода национально-культурное своеобразие фразеологизмов выражается в упоминании тех или иных экстралингвистических реалий, характерных для данной культуры и принадлежащих к фоновым знаниям носителей языка.

Контрастивный подход к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов позволяет установить их национальный колорит, национально-культурные особенности фразеологических

аналогов разных языков. Сопоставление фразеологических эквивалентов в данном случае происходит с целью выявления различий, которые и составляют национально-культурное своеобразие фразеологических эквивалентов сопоставляемых языков [Рахимбекова с. 22].

Изучение национально-культурной специфики фразеологизмов традиционно проводится в плане ее выражения. Национально-культурным компонентом выступает та входящая в состав фразеологизма в большинстве своем безэквивалетная лексика, в которой содержится географическая, историческая и культурно-бытовая соотнесенность.

Попытка раскрыть и описать национально-культурную специфику фразеологизмов тесно смыкается с проблемами исследования человеческого сознания, восприятия мира и путей его осознания, отраженных в языке. Всё, что говорится человеком, проходит когнитивную обработку – интерпретацию через систему этнолингвистической информации. Взгляд на мир осуществляется через знаки культуры, ее стереотипы, символы, эталоны: значение языкового знака тем самым соотносится с культурно-национальной системой мировидения, воплощенной в знаках культуры. Общий смысл той или иной ситуации в реальном мире неодинаков для разных народов. Изучение фразеологизма вне идеографического массива, отображающего тот или иной фрагмент картины мира, не позволяет понять пути выделения и означивания данного фрагмента в языковом сознании носителей языка, специфику образного структурирования картины мира, запечатленной во фразеологизме.

Когнитивный анализ, заявленный новой парадигмой исследования ФЕ, базирующейся на введенном В. Н. Телия понимании фразеологизма как знака «с максимально полным семантическим набором, кодифицированным в форме значения в виде макрокомпонентов, охватывающим грамматику, денотацию, оценку, мотивацию, эмотивность и стилистическую маркированность» [Телия 1996, с. 35], является принципиально новым подходом к знаковой функции фразеологизма, которая не просто обозначает, но и выражает отношение к обозначаемому, не просто называет, но и сообщает, являясь как бы свернутым текстом, включающим в себя, помимо грамматического, несколько блоков информации, формирующих содержание фразеологизма.

Изучение фразеологии позволяет глубже проникнуть в далекое прошлое не только языка, но и истории, и культуры его носителей;

а также способствует более глубокому пониманию сложной и разнообразной природы устойчивых сочетаний слов.

В последнее время всё большее внимание лингвистов привлекают сопоставительные исследования. Обращение к межъязыковому анализу помогает лучше понять закономерности и особенности функционирования изучаемых языковых фактов, позволяет не только глубже проникнуть в структуру наблюдаемых явлений чужого языка, но и полнее осмыслить идиоэтнические особенности своего родного языка.

Национальное своеобразие и особенности семантики любого языка особенно ярко и наиболее ощутимо проявляются в области фразеологии. ФЕ одного языка, как правило, не находят готовых и полных соответствий среди фразеологизмов других языков. Трудности перевода привели к тому, что сопоставительное изучение фразеологии весьма актуально.

Сопоставительное изучение ФЕ дает возможность выявить универсальные и уникальные параметры казахского и русского языков. При раскрытии значения ФЕ, помимо адекватности в передаче смыслового содержания оригинала, важно учитывать эмоциональные и стилистические особенности ФЕ, поскольку фразеология двух языков развивалась в разных культурно-исторических условиях. Специфика ФЕ русского и казахского языков проявляется на всех уровнях языковой системы: лексическом, стилистическом, морфологическом и синтаксическом. Всё это обусловлено особенностями грамматического и синтаксического строя сопоставляемых языков и не влияет на полноту эквивалентности ФЕ. Вместе с тем расхождения ФЕ связаны со своеобразием оформления мысли у разных народов через грамматические категории, которые имеются в сопоставляемых языках и ведут к частичной эквивалентности. Нами выявлены следующие виды казахских соответствий ФЕ русского языка:

1. *Абсолютно тождественные, эквивалентные соответствия ФЕ* – совпадение по семантике, морфологическим и синтаксическим характеристикам. Этот вид является наиболее эффективным в практике перевода. Однако абсолютно тождественных эквивалентов в разноструктурных языках мало: *душа болит – жаны ауру*; *положить глаз – көз салу*; *пес его знает – ит біле ме* и др.

2. *Полные фразеологические эквиваленты*. Совпадение переводных ФЕ с переводными оборотами по семантике, стилю

и лексическому составу. Совпадение по морфологическим и синтаксическим характеристикам русских и казахских фразеологизмов может быть полным и частичным (последнее обусловлено отсутствием в казахском языке категории рода, вида или другим, по сравнению с русским языком, или же порядком слов). Например: *принимать участие – ат салысу*; *открывать рот – аузын ашу* и др.

3. *Неполные, или частичные, эквиваленты* – совпадение по семантическим, стилистическим и частично лексическим параметрам; морфологические и синтаксические характеристики могут быть как одинаковыми, так и различными: *носить на руках – төбесіне көтеру көтеру* (*букв.* носить на голове); *хватать за горло – кеудесіне жармасу* (*хватать за грудь*); *лица нет – жүзі кашу* (*букв*. лицо потерять) и др.

4. *Фразеологические аналоги* – совпадение по смыслу, стилю, возможно, по синтаксической структуре; другая разновидность аналога – совпадение ФЕ только в семантическом плане. К данному типу относятся немотивированные фразеологические сращения – идиомы. При фразеологических аналогических соответствиях раскрывается не только лексико-семантическая структура ФЕ, но и также их образность и экспрессивность. При фразеологической аналогии казахские эквиваленты русских ФЕ содержат лексемы, которых нет в соответствующих статьях словаря. Например: *ни с того ни с сего – аяк астынан* (*букв.* из-под ног) и др. А также эту группу русско-казахской идиоматичности представляют случаи, когда между русскими ФЕ и их казахскими соответствиями нет семантических совпадений ни в одном из компонентов или наблюдаются значительные структурные различия. Например: *пальцем о палец не ударить – шөп басын сындырмау* (*букв.* кончик соломинки не сломит); *не сходит с языка – аузынан тастамайды* (*букв.* изо рта не выпускает) и др.

5. *Описательные соответствия* – этот способ встречается довольно часто, заключается в передаче русских ФЕ путем описания, толкования, объяснения. Например: *битый час – Үзак уакыт бойы*, т. е. очень длинное время; *белый свет не мил – дүниеден безіп кеткендей болу*, т. е. *от мира отказаться* и др. Или же казахские специфические ФЕ, которые составляют образно-фоновую основу национального языка, переводятся этим же путем.

Безусловно, в каждом языке организация образных средств, воплощенных в фразеологическом виде наименования, имеет свой

национальный характер, заключающийся в специфике фразеологического значения, в грамматических моделях, в лексическом составе и особенностях функционирования фразеологизмов. Так, в русском языке для обозначения событийной качественности наименования денотата *никогда* употребляется фразеологизм – *когда рак на горе свистнет*, а в казахском языке – ФЕ с *букв*. значением «когда хвост верблюда достанет землю»). Образные значения данных фразеологизмов реализуются в результате нарушения «логической» сочетаемости данных компонентов. В практике перевода очень часто встречаются комбинированные соответствия, когда русские фразеологизмы передаются аналогичным и описательным способом. Например: *два сапога пара – апама жездем сай* (*букв*. сестре ее муж пара) и др.

6. *Фразеологические кальки* – способ раскрытия значений русских ФЕ при помощи буквальных соответствий, которые представлены в виде дословных переводов. Это означает, что носители казахского языка в процессе контакта с носителями русского языка восприняли русские ФЕ, подобрав к ним точные соответствия, переводя их дословно. Например: *белая ночь – ак тӊн; лучше поздно, чем никогда – ештен кеш жаксы* и др. Фразеологическое калькирование – воспроизведение структуры и семантики соответствующих иноязычных (в данном случае русских) ФЕ – рассматривается как один из способов фразеологического заимствования. В результате фразеологической миграции в казахском языке сформировались интернациональные типы ФЕ и фразеологические соответствия, эталонами которых являются английские, французские, латинские ФЕ, которые вошли через язык-посредник – русский. Например: *Ахиллесова пята – Ахиллесті өкшесі* и др. Этот способ раскрытия русских ФЕ необходим для обозначения реалий, не существующих в казахском быте. Как справедливо отмечали Ш. Балли и И. Пизани, заимствования и кальки отличались лишь по форме, но мало чем по происхождению и своим основным свойствам; они вызваны к жизни одной и той же причиной и играют одинаковую роль в пополнении словаря.

Как в русском, так и в казахском языке фразеологизмам уделяется должное внимание. Это культурное наследие, которое досталось нам от предков. В основах фразеологизмов любого из этих языков лежит история, культурное богатство, образованность, красноречие. В любом языке, у любого народа, в трудах любого писателя можно

встретить такие языковые элементы. Из вышесказанного можно легко сделать вывод, что фразеологизмы очень интересны и в то же время очень сложны по своей сути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высших учебных заведений. М. : ИЦ Академия, 2001. 208 с.

Рахимбекова М. К. Лингвокультуроведческий потенциал фразеологизмов и паремий при усвоении русского языка как второго. URL : articlekz.com/node/2081?page=2

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с. (Язык. Семиотика. Культура.)

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово/Slovo, 2000. 624 с.

УДК 81'24

Л. С. Меликсетян

кандидат филологических наук, доцент;
заведующая каф. русской и мировой литературы и культуры
Института гуманитарных наук Российско-Армянского (Славянского) университета;
e-mail: lilit.meliksetyan@rau.am

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННЫХ АРМЯНСКИХ РАССКАЗОВ

Перевод современной армянской прозы связан с рядом специфических черт, особенностей, требующих выработки адекватной переводческой стратегии. В статье выявляются и структурируются эти особенности, а также говорится о необходимости комбинирования сразу нескольких классических стратегий в современной, неклассической и нелинейной литературной парадигме.

Ключевые слова: стратегия перевода; современная армянская проза; множественность языковых систем; обсценная лексика; постмодернистская чувствительность.

Lilit Meliksetyan

PhD (Philology), Associate Professor;
Head of the Department of Russian and World Literature
and Culture, the Institute of Human Sciences of Russian-Armenian (Slavonic)
University; e-mail: lilit.meliksetyan@rau.am

STRATEGY OF TRANSLATION OF CONTEMPORARY ARMENIAN STORIES

Translation of modern Armenian prose is associated with a number of specific features, features that require the development of an adequate translation strategy. These features are identified and structured in this article, as well as the need to combine several classical strategies in a modern, non-classical and non-linear literary paradigm.

Key words: translation strategy; modern Armenian prose; multiple language systems; obscene vocabulary; postmodern sensitivity.

Не затрагивая историю возникновения термина «стратегия перевода» и некоторые разночтения в его понимании (соответствующую информацию можно найти в работах Х. Крингса, В. Комиссарова, И. Черкасс, А. Швейцера, О. Теремковой, Т. Казаковой, П. Ньюмарка и др.), сразу оговорим, что мы имеем в виду те потенциальные планы переводчика, которые он предполагает использовать для решения определенных переводческих задач и которые предусматривают

предпереводческий анализ текста, непосредственный процесс перевода и последующую доработку переведенного текста.

Перед армянскими переводчиками, равно как и переводчиками, представляющими культуру других небольших народов, стоит необходимость выработки сразу двух стратегических подходов, потому что им приходится переводить не только **на** армянский язык, но и **с** армянского языка. В нашем случае речь идет о переводе с армянского на русский язык. И хотя автор с благодарностью должен отметить, что его переводы публиковались в крупных российских журналах («Дружба народов», «Знамя») и выходили в виде отдельных книг и антологий, тем не менее, если вспомнить слова А. Я. Ливерганта о том, что «язык, с которого ты переводишь, – это в некотором смысле твой противник. Это как бокс – ты должен знать, в какой момент можешь нанести удар». Если продолжить эту мысль, можно сказать, что автору и его коллегам приходится вести «сеанс одновременного боя» сразу с двумя противниками, впрочем, горячо любимыми.

Поэтому при выработке стратегии перевода современной армянской прозы, в частности рассказов как наиболее динамичного и гибкого жанра, быстрее прочих реагирующего на изменения в социокультурной обстановке, нам приходится сталкиваться с целым рядом специфических обстоятельств, некоторые из которых автор хотел бы представить.

Во-первых, в современной армянской литературе имеет место сосуществование не просто разных поколений, но разных эстетических школ и направлений, парадигма которых достаточно широка: от писателей, сохранивших верность реализму, до прозаиков, придерживающихся, кажется, несколько анахроничных экзистенциалистских установок или экспериментирующих с пост- и метамодернизмом[1]. Для переводчика в этой ситуации необходима тщательная предпереводческая работа не только непосредственно с текстом произведения, но и с контекстом его создания, эстетическими установками авто-

[1] Термин был предложен в 2010 г. двумя голландскими философами-теоретиками Тимотеусом Вермюленом и Робином ван ден Аккером. Это глобальный культурный процесс, характеризующийся «колебанием» (осцилляцией) между двумя противоположностями (модерн и постмодерн, например) и одновременностью их использования. См. newtonew.com/culture/wow-metamodern.

ра, особенно имея в виду нередкое в современной армянской прозе стремление к стилизации и / или постмодернистскому ироническому переосмыслению той или иной установки. Эту необходимость, как ни странно, не всегда учитывают именно переводчики старой, условно говоря советской, школы. Замечательные, талантливые и внесшие неоценимый вклад в представление армянской литературы на других, в частности русском, языках, сегодня они оказались в растерянности – в лучшем случае, они понимают, что новые литературные веяния им чужды, и не берутся за перевод молодых авторов, в худших – переводят «слова», даже не догадываясь, насколько бесповоротно ускользает от них понимание смыслов, заключенных в этих словах.

Впрочем, подобный эстетический «разброс», пожалуй, свойствен любой национальной литературе, но в случае с армянской он осложняется и увеличивается за счет *второго обстоятельства*: проблемы множественности языковых систем внутри армянского языка. При том, что мы абсолютно согласны с высказыванием Александра Яковлевича Ливерганта, что в процессе перевода следует передавать культуру, а не язык. Речь идет об обусловленном историческими причинами сложном разделении и взаимодействии двух отличающихся языковых норм – западноармянского и восточноармянского литературного языка[1], что само по себе существенно усложняет жизнь переводчиков, особенно в ситуации, когда в тексте на восточноармянском языке какой-либо персонаж говорит на западноармянском, что не только определенным образом маркирует персонажа, но и моментально привносит в текст целый комплекс культурных, исторических, географических и политических коннотаций и подтекстов, передача которых в процессе перевода становится практически невыполнимой задачей.

Не меньшим вызовом является *третье обстоятельство*: нарастающее расхождение между литературным языком и языком литературы. Между ними всегда существовали определенные различия, однако в современной армянской прозе они либо приобретают характер чуть ли не разрыва, когда писатель сознательно пишет исключительно на так называемом высоком армянском (Вардан Ферешетян), адресуя свои произведения интеллектуальной и несколько рафинированной читательской аудитории, либо, наоборот, радикального смешения,

[1] О различиях между двумя языками – западноармянским и восточноармянским можно говорить долго.

вторжения разговорного в литературный текст. Обе тенденции очень сильны и имеют многочисленных сторонников и противников, однако для переводчика проблематична сама ситуация, поскольку два этих полюса связаны друг с другом, между ними идет скрытая полемика, иногда доходящая до конфронтации и интертекстуальных инвектив. Таким образом, переводя произведение одного армянского автора, вступающего в неявную полемику с другим армянским автором, переводчик сталкивается с *дилеммой не непереводимости, а сомнительности самой необходимости транслировать полемическую интенцию автора.*

Четвертое обстоятельство тесно связано с третьим. В современной армянской прозе и, в частности, в рассказах, используется разговорный язык, в котором немало русизмов и англицизмов, отражающих специфику современного глобализирующегося. Ситуация в чем-то напоминает берджессовскую. Но если при переводе «Заводного апельсина» Берджесса можно было так или иначе обыграть русские слова в английском тексте, либо выбрав латиницу для их выделения (Бошняк), либо заменяя их англицизмами (Синельников), потому что сама распространенность английского и русского позволяет переводчику рассчитывать на понимание аудитории, то в случае с переводами с армянского языка ситуация совершенно иная. И здесь у каждого литературного переводчика своя стратегия и свои приемы. Впрочем, не всегда удачные.

В этой связи примечательна ситуация с переводами произведений известной российской писательницы, лауреата премии «Ясная поляна» за 2016 год Наринэ Абгарян на армянский язык. Дело в том, что в своих произведениях она часто использует варваризмы и кальки с армянских поговорок, фразеологизмов и т. д., что явно нарушает каноны русского литературного языка, но одновременно придает своеобразие и национальный колорит тексту, создает, в том числе, юмористический эффект. При переводе же на армянский язык то, что было смешным и нелепым на русском, становится обыденным и несмешным. Исключение здесь, пожалуй, составляет перевод Нарине Гижларян, которая использовала для сохранения «эффекта остранения» (по терминологии Шкловского) шамшадинский диалект. Хотя для тех, кто его не понимает, все равно не смешно.

Пятое обстоятельство связано не столько с внутри- или межъязыковыми сложностями, сколько с постмодернистской чувствительностью

и интертекстуальными играми. А именно – распознаванием раскавыченной цитаты, используемой в художественном тексте уже в переведенном виде. Скажем, один из самых известных и одаренных современных армянских прозаиков Арам Пачян склонен к такого рода цитации, сложность в том, что цитируется уже перевод. То есть переводчику Пачяна нужно знать не только Аполлинера или Эко настолько хорошо, чтобы распознать их «на слух», но и знать их именно в армянском переводе, что делает его и других армянских прозаиков, играющих в интертекстуальные игры, кошмаром для переводчика. Впрочем, с тем же Пачяном может сложиться и иначе. Автор недавно искала стихи Джакомо Леопарди, цитируемые Пачяном на армянском в качестве эпиграфа к рассказу. Был перечитан весь корпус доступных в Сети русских переводов, друзей, знающих итальянский, заставила перечитать в оригинале – без толку. И только тогда, отчаявшись, обратилась к А. Пачяну, а он рассмеялся: это был выдуманный эпиграф, мистификация. Вполне в духе Леопарди, в том смысле, что итальянский поэт-романтик считал, что смысл жизни в поисках истины, которая, однако, оборачивается проклятием: «если богам истина говорит об их блаженстве, человеку (в данном случае – переводчику) она лишь открывает глаза на безысходность его страданий».

Шестое обстоятельство – эрос. Очевидно, что эрос и танатос – две движущие силы человеческого существования, и если тема смерти или стремления к смерти в армянской литературе представлена чуть ли не с истоков становления национальной литературной традиции, то с эросом всё значительно сложнее, хотя его замалчивание, игнорирование само по себе любопытно как важная для национального психотипа фигура умолчания.

Даже беглого взгляда на историю армянской литературы достаточно, чтобы убедиться, как нечасты у нас чувственные тексты. Помимо языческих мифов, легенд и фольклора в целом (в том числе и национального эпоса), в собственно литературной традиции до начала XX в., т. е. за полтора тысячелетия, мы можем вспомнить, пожалуй, всего несколько имен. Возможно, целомудрие армянской литературы как-то связано не только с тем, что Армения первой в мире провозгласила христианство государственной религией, но и с радикальным монофизитством армянской веры: даже Христу отказано в праве обладать телесностью. Ни куртуазная литературная традиция

Средневековья, ни раскованность эпохи Возрождения, ни либертинаж Просвещения или пасторальный эротизм, ни, тем более, позитивистский натурализм, характерные для европейской и российской литературной традиции, практически никак не отразились на скованности армянской литературы. Строго следующая христианским канонам, патриархальному и консервативному укладу жизни, ориентированная на решение насущных, а значит, прежде всего, национальных и социально-политических задач, она практически игнорировала эрос как таковой.

В постсоветский период ситуация изменилась и изменилась настолько радикально, что не могла не вызвать определенного шока у консервативной читательской аудитории. Сначала казалось, что это изменение – дань конъюнктуре, восполнение своеобразного «голода», вызванного «воздержанием» предыдущих эпох – некая пена дней, которая вот-вот спадет. Однако сегодня, когда Третьей Республике уже четверть века, мы видим, что ничего подобного не произошло. Более того, эротизация армянской литературы выказывает тенденции нарастания и углубления.

Было бы нелепо утверждать, что сегодняшние армяне сексуальнее армян прошлого, но совершенно очевидно, тема сексуальности, национальная рецепция эроса сегодня актуальнее, чем когда бы то ни было в истории армянской литературы. Если даже оставить в стороне поэзию, о которой нужен отдельный обстоятельный разговор, и не говорить о маргинальных сочинителях разной степени одаренности, сознательно и последовательно делающих себе имя именно на эпатажной, особенно для армянского социокультурного пространства, зацикленности на вопросах пола и проявлениях полового влечения, то, тем не менее, даже простая выборка текстов наиболее заметных представителей армянского литературного ландшафта покажет, что о чем бы ни шла речь в тексте, он неизбежно предполагает эротический дискурс.

> Скажем, для Григора Ханджяна эрос – одна из немногих, если не единственная сфера, в которой человеку дана свобода самовыражения, это самая необолганная форма проявления человеческого «Я». Отношение к эросу для него часто мерило человечности и человека, своеобразная проверка личности на фоне тотальной несвободы и лицемерия. Тело как последнее прибежище духа. В гротескном мире Ваграма Мартиросяна («Оползни») эротика столь же гротескна и может обернуться

асексуальностью сломанных манекенов. Такие писатели, как Оганес Текгезян, Армен Оганян («Возвращение Кикоса»), кажется, и вовсе сознательно обыгрывают дискурс постмодерна, который по определению пронизан эротизмом, фрагментарен и связан «не логикой, а противоречивыми и побочными ассоциациями», призванными передать «рассудочную комбинаторику наслаждения, телесности» [Ульянова]. В прозе Ваана Сагателяна («Крест кровью») эротические сцены носят характер инициации и / или проклятия, для Амбарцума Амбарцумяна («В тот вечер») – ироничная имплементация сериальных страстей в асексуальные и драматичные армянские будни, Гагик Хачатрян («Бутылка») умудряется описывать бутылку из-под дорогого алкоголя как предмет любовного вождения главного героя, а в сюжетах Нары Варданян затрагивается тема инцеста.

Здесь мы оказываемся перед серьезной проблемой – необходимостью обретения собственного языка эротики. Особенно остро эта необходимость встала даже не столько перед прозаиками, сколько перед переводчиками, вынужденными практически изобретать целый соматический лексикон. Изданные за последние годы переводы «Тропика Рака» Г. Миллера, «Улисса» Дж. Джойса, «1984» Дж. Оруэлла, романов Уэльбека стали не просто воспроизведением знаменитых текстов на армянском языке, но имплементацией определенного лексико-семантического пласта в литературный и речевой обиход.

И здесь мы сталкиваемся еще с одним, **седьмым**, обстоятельством – проблемой импрессивной эквивалентности при переводе. Потому что и соответствующий язык тела и телесного низа (по Бахтину), и тесно связанная с ним обсценная лексика, при том что получили достаточно широкое распространение в современной прозе, но их эмоциональная окрашенность существенно, и это еще мягко говоря, сильнее, нежели в русском. Для армянского писателя использование обсценной лексики – акт необычайной эмоциональной силы, взрыв чувств, это вспышка гнева, на мгновение как бы помрачающая разум. В этой ситуации крайне сложно, если не невозможно, сохранить импрессивную эквивалентность, и тут уж главный закон жанра – закон компенсации – начинает играть не просто существенную, но определяющую роль.

Фактически сегодня для выработки переводческой стратегии, адекватной выявленным проблемам и «болевым точкам», приходится комбинировать сразу несколько классических стратегий, если

воспользоваться классифицией Питера Ньюмарка. А именно: стратегию семантического перевода (точный перевод, больше внимания уделяется эстетической ценности текста оригинала); стратегию адаптации (вольный тип перевода, используется при переводе художественной литературы, особенно поэзии) и стратегию коммуникативного перевода (цель – привести текст в соответствие с нормами языка, на который выполняется перевод, сделать его как можно более комфортным для восприятия читателем). Безусловно, помня при этом, что любая общая стратегия должна быть максимально гибкой и адаптивной применительно к каждому конкретному автору и тексту. Или, как говорил Фауст, в пастернаковской интерпретации:

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ливергант А. Я. Надо создать у читателя иллюзию, что Дюма писал по-русски. URL : izvestia.ru/news/317698.

Ульянова М. А. Либертинаж и эротический дискурс в западноевропейской культуре (философско-культурологический анализ). URL : cheloveknauka.com/libertinazh-i-eroticheskiy-diskurs-v-zapadnoevropeyskoy-kulture#ixzz3VSwJaqRW.

Newmark P. Textbook of Translation. Harlow: Pearson Education Limited 2008. Цитируется по: *Володина Т. В.* Понятие «стратегия перевода» в рамках когнитивно-деятельностной парадигмы // Jazyk a kultúra číslo 23–24/2015. 363 с.

УДК 811.531

Т. С. Мозоль, Е. А. Похолкова

Мозоль Т. С., кандидат педагогических наук; доцент каф. восточных языков переводческого факультета МГЛУ; e-mail: yoondanhee@gmail.com

Похолкова Е. А., кандидат филологических наук; доцент каф. восточных языков переводческого факультета МГЛУ, декан переводческого факультета МГЛУ; e-mail: sirotina_e79@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Основной целью данной статьи является сопоставительный анализ современных тенденций употребления обращений к незнакомому адресату при устном непосредственном контактном общении в корейском и русском языках в ситуации нерегламенируемого общения на основе данных, полученных в ходе анкетирования среди корейских и русских респондентов.

Ключевые слова: косвенная формула обращения; прямая формула обращения; коллективистская культура; индивидуалистическая культура.

T. S. Mozol, E. A. Pokholkova

Mozol T. S., Ph.D., Associate professor of Oriental Languages Department of the Translation and Interpretation Faculty, MSLU; e-mail: yoondanhee@gmail.com

Pokholkova E. A., Ph.D, Associate professor of Oriental Languages Department, Dean of the Translation and Interpretation Faculty, MSLU; e-mail: sirotina_e79@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF ADDRESS FORMS IN KOREAN AND RUSSIAN

The aim of the present study is to comparatively analyze the address forms in contemporary Korean and Russian usage focusing on the address terms to unknown people in informal oral face-to-face communication. The study bases on the results of empirical surveys held among Korean and Russian respondents.

Key words: indirect forms of address; direct forms of address; collectivist culture; individualist culture.

Обращение является одним из ключевых элементов речевого этикета и его огромная социальная роль неоспорима. Оно как основная контактоустанавливающая коммуникативная единица обладает значительной культурной спецификой, тем самым проблема изучения форм обращения может быть выдвинута в число важнейших. Обращение

представляет собой емкое отражение социокультурных особенностей того или иного общества, а также происходящих в обществе социальных изменений. Анализ и сопоставление соответствующих обращений в русском и корейском языках позволит лучше изучить их специфику, а также понять происходящие на современном этапе изменения в системе речевого этикета двух языков. «Особенности языка и тем более культуры вскрываются при сопоставлении, при сравнительном изучении языков и тем более культур» [Тер-Минасова 2000, с. 33].

В данной статье предпринята попытка сопоставительного анализа обращений к незнакомому адресату при устном непосредственном контактном общении в русском и корейском языках в ситуации нерегламентируемого общения, нормы выбора обращений в которой испытывают большое влияние узуса. Как отмечает О. А. Лаптева, «узус мобилен и подвижен, он легко поддается всем факторам влияния – экономическим, социальным, профессиональным, возрастным, индивидуальным, пространственным» [Лаптева 2002, с. 34]. Кроме того, по мнению Р. Н. Ахметжановой, «обращения в обиходно-разговорной речи в ситуации спонтанного диалога с незнакомым адресатом являются одним из наиболее ярких показателей социокультурных отношений и отражают ряд факторов объективного (экстралингвистического характера): ментальность данной лингвокультурной общности, степень стратификации общества, обусловленную типом государственного устройства и идеологическими и морально-этническими ценностями» [Ахметжанова 2003, с. 108]. В связи с этим в качестве объекта исследования была выбрана именно эта сфера общения с целью проследить тенденции современного употребления обращений в русском и корейском языках, а также факторы, оказывающие влияние на формирование данных тенденций.

Проблема изучения обращений привлекала внимание многих ученых. Так, проблеме изучения современных обращений корейского языка посвящены труды Ким Сэчжун [김세중 2003, Со Минчжон [서민정 2008], Чон Ынчжу [전은주 2009], Мин Бёнгон, Пак Чэхён [민병곤, 박재현 2010]. Изучением современного состояния использования обращений в русском языке занимались Т. А. Карпекина (2013), А. А. Шмаков (2014), Т. С. Жукова (2015) и др. Вместе с тем трудов, посвященных параллельным исследованиям современных русских и корейских обращений, крайне мало (Квон Ён 2008, Ю Инча 2010,

Мозоль 2011, Хан Хёнхи 2016), а исследований, посвященных сопоставительному анализу современных тенденций использования обращений в русском и корейских языках, практически нет.

В корейском и русском языках можно выделить две большие группы средств адресации в зависимости от их прагматических функций: 1) прямая адресация: обращения с номинативной основой, непосредственно называющие адресата (имена собственные, термины родства, статусные наименования)[1]; 2) косвенная адресация: а) способы привлечения внимания без названия адресата, не указывающие на адресата и не называющие его, но привлекающие внимание и требующие получения ответной реакции[2]; б) опущение обращения.

Для исследования были выбрана ситуация, в которой говорящему необходимо обратиться к незнакомому человеку на улице с целью спросить дорогу. Для изучения употребления соответствующих обращений в корейском языке были использованы данные из

[1] Местоимения относятся всеми ведущими корейскими учеными (Пак Капсу [박갑수 1989], Пак Чонун [박정운 1997], Ли Иксоп [이익섭 2000]) к обращениям. В русском языке, как правило, местоимения не выступают в роли обращений, хотя в разговорной речи обращение может быть выражено личным местоимением [Литневская]. Данная работа строится на понимании того, что обращение – это слово или словосочетание, называющее того, к кому обращена речь говорящего [Шахматов 1941/2001, с. 261]. Местоимение непосредственно не называет адресата, а указывает на него. Кроме того, в ситуации обращения к незнакомому адресату с просьбой, как правило, несвойственно употребление личных местоимений в качестве обращения (как в корейском, так и в русском языках). В связи с этим обращения не были включены в данную классификацию.

[2] Разные исследователи предлагают разные термины для данного вида формы обращения. Так, Н. И. Формановская называет данный вид обращения «способы привлечения внимания без названия адресата» [Формановская 2005, с.138], О. Н. Морозова – «приглашение к общению без прямого названия объекта речевого воздействия» [Морозова 1994, с. 124], Е. А. Айсакова – «нулевые формы обращения» [Айсакова 2008, с. 14], Е. Н. Басовская – «стертые императивы» [Басовская 2003, с. 43]. Данная форма обращения используется, как правило, в случае, если «не избрана номинация адресата в связи с неопределенностью или слишком большой обобщенностью социальных признаков адресата, или в связи с отсутствием в языке и узусе подходящей номинации, или с отсутствием необходимости (или желания) такую номинацию реализовать в данных условиях» [Формановская 2002, с. 87].

диссертационного исследования Ли Сонхва [이선화2002], а для анализа данных обращений в русском языке автором статьи было проведено анкетирование среди русскоязычных респондентов. Ли Сонхва было проведено анкетирование среди 220 респондентов в возрасте от 20 до 50 лет [Ли Сонхва 2002, с. 6].

Таблица 1

Информация о корейских респондентах

Возраст	Мужчины	Женщины	Итого
20–30 лет	40	40	80
31–40 лет	40	40	80
41–50 лет	30	30	60
Итого	110	110	220

Подавляющее большинство респондентов имели среднее специальное или высшее образование (84 % респондентов). Все принявшие участие в исследовании респонденты проживали в Сеуле или провинции Кёнги[1].

Таблица 2

Ответы корейских респондентов

Адресат		Прямая адресация (в %)	Косвенная адресация (в %)[2]	Прочее (<10 %)
Возраст	**Пол**			
10–20 лет	Мужской	60 (학생)	33	7
	Женский	59 (학생)	32	9

[1] Таблицы и графики составлены автором настоящей статьи на основе данных, представленных в диссертационной работе Ли Сонхва [이선화 2002, с. 24].

[2] В соответствии с результатами анкетирования, проведенного Ли Сонхва [이선화 2002], были выделены следующие виды наиболее употребительных косвенных формул обращений: 1) обращение для привлечения внимания: 길 좀 묻겠습니다, 말씀 좀 묻겠습니다, 뭐 좀 물어볼게요, 죄송합니다(만), 실례하지(만), 미안합니다, 여보세요, 잠깐만요, 저 .., 저혹시…, 있잖아요 и др.; 2) обращения с локативными местоимениями: 여기요, 저기요, 3) опущение обращения.

Адресат		Прямая адресация (в %)	Косвенная адресация (в %)	Прочее (<10 %)
Возраст	Пол			
21–30 лет	Мужской	16 (아저씨)	67	17
	Женский	25 (아가씨)	55	20
31–40 лет	Мужской	42 (아저씨)	48	20
	Женский	15 (아줌마, 아주머니)	57	33
41–50 лет	Мужской	54 (아저씨)	38	8
	Женский	52 (아줌마, 아주머니)	39	19
51–60 лет	Мужской	53 (아저씨)	27	20
	Женский	55 (아줌마, 아주머니)	25	20
61–70 лет	Мужской	55 (36 % 아저씨, 19 % 할아버지)	25	20
	Женский	58 (35 % 아줌마, 아줌머니; 23 % 할머니)	24	18

Представим тенденцию использования форм обращения с номинативной основной и нулевые формы обращения в зависимости от возраста и пола собеседника, к которому обращена речь.

Рис. 1. Обращение к незнакомому мужчине в корейском языке

Рис. 2. Обращение к незнакомой женщине в корейском языке

Как видно из графиков, в большинстве случаев в корейском языке используются формулы обращения с номинативной основой. Исключением является обращение к молодым женщинам 20–40 лет, что является, главным образом, показателем происходящих в корейском обществе социальных изменений. В связи с тем, что корейские женщины всё позже вступают в брак, и растет число незамужних женщин, обращение 아줌마 [ачжумма] (*досл.* женщина), более уместное для замужних женщин, в настоящее время всё реже применяется к молодым женщинам 30–40 лет. Вместе с тем обращение к молодой девушке 아가씨 [агасси] (*досл.* девушка) в последнее время стало приобретать негативный оттенок, поскольку данное обращение широко применяется и к девушкам, работающим в развлекательных заведениях, в связи с чем употребление этого обращения к молодым девушкам 20–30 лет в настоящее время значительно сократилось. Как видно из представленных данных, номинативные обращения широко применяются к мужчинам всех возрастов. Однако, как и в случае с молодыми девушками, для молодых людей в возрасте 20–30 лет чаще применяется косвенное обращение вместо номинативного. Как отмечает Ли Сонхва, для мужчин этой возрастной категории сложно подобрать подходящее обращение: они уже вышли из школьного возраста и обращение 학생 [хаксэнъ] (*досл.* студент) уже может быть недостаточно уместным, а для обращения 아저씨 [ачжосси] (*досл.* мужчина) они еще молоды [Ли Сонхва 2002, с. 26].

Для изучения современного использования обращений к незнакомому в русском языке было проведено анкетирование среди 170 респондентов – носителей русского языка.

Таблица 3

Информация о русскоязычных респондентах

Возраст	Мужчины	Женщины	Итого
10–20 лет	4	9	13
21–30 лет	31	37	68
31–40 лет	23	15	38
41–50 лет	12	8	20
51–60 лет	6	6	12
61–70 лет	4	13	17
Итого	82	88	170

Подавляющее большинство респондентов имели среднее специальное или высшее образование (92 % респондентов). Все принявшие участие в исследовании респонденты являются жителями крупных городов (Москва, Владивосток, Санкт-Петербург, Петрозаводск и др.), из них бóльшая часть (64,1 %) – жители Москвы. Бóльшая часть респондентов (74,1 %) – люди в возрасте от 20 до 50 лет.

Таблица 4

Ответы русскоязычных респондентов

Слушающий		Номинативные обращения (в %)	Косвенные обращения (в %)[1]	Прочее (<10 %)
Возраст	**Пол**			
10–20 лет	Мужской	40,6 (мальчик)	34,1	25,3
	Женский	43,5 (девочка)	33,5	23

[1] В соответствии с результатами анкетирования были выделены следующие косвенные формулы обращения: 1) извинение (извините, простите, прошу прощения); 2) приветствие (здравствуйте, добрый день, привет); 3) просьба (будьте любезны, будьте добры, вас не затруднит мне помочь); 4) опущение обращения. В соответствии с результатами анкетирования, косвенная формула обращения в форме извинения является самой распространенной среди респондентов обоих полов всех возрастов.

Слушающий		Номинативные обращения (в %)	Косвенные обращения (в %)	Прочее (<10 %)
Возраст	Пол			
20–30 лет	Мужской	33,5 (молодой человек)	41,2	25,3
	Женский	44,7 (девушка)	37,6	17,7
30–40 лет	Мужской	30 (20 % молодой человек, 10 % мужчина)	45,9	24,1
	Женский	29,4 (девушка)	45,9	24,7
40–50 лет	Мужской	24,1 (мужчина)	52,4	23,5
	Женский	22,4 (женщина)	53,5	24,1
50–60 лет	Мужской	24,7 (мужчина)	52,9	22,4
	Женский	25,3 (женщина)	52,9	21,8
60–70 лет	Мужской	20,6 (мужчина)	54,7	24,7
	Женский	19,4 (женщина)	55,3	25,3

Рис. 3. Обращение к незнакомому мужчине в русском языке

Рис. 4. Обращение к незнакомой женщине в русском языке

Благодаря проведенному исследованию, было выявлено, что в русской коммуникации использование косвенных обращений при обращении к незнакомому адресату в обиходно-разговорной речи становится всё более отчетливой тенденцией, превалирующей над использованием номинативных обращений. Вместо форм с номинативной основой, чаще всего используются формулы привлечения внимания ‘извините’, ‘простите’, ‘прошу прощения’, т. е. обращения без прямого указания адресата. В ходе анализа результатов исследования была выделена следующая тенденция: номинативные обращения используются чаще к детям или молодым девушкам; при обращении к незнакомым людям более старшего возраста большинство респондентов используют косвенные формы. Кроме того, чем старше собеседник, тем выше частота использования косвенных форм обращения, что говорит о том, что с собеседниками более старшего возраста соблюдается большая дистанция.

Как показало исследование, использование номинативных обращений к незнакомому адресату больше свойственно корейской коммуникативной культуре. Однако нельзя не сказать о том, что в последнее время тенденция использования косвенных обращений также отмечается среди корейской молодежи в возрасте 20–30 лет [Ли Сонхва 2002, с. 53], что в определенной степени говорит о постепенном распространении западной культуры и индивидуалистических ценностей среди корейской молодежи.

Т. В. Ларина, говоря об употреблении номинативных форм обращения, отмечает, что «стремление назвать адресата характерно в случае меньшей социально-психологической дистанции между коммуникантами» [Ларина 2009, с. 368–369]. Таким образом, использование номинативных форм обращения более характерно для коллективистской культуры, где социальная дистанция между членами общества меньше. В индивидуалистической культуре социальная дистанция между членами больше, для этого типа культуры более характерным является использование косвенных форм обращения.

Рис. 5. Индекс индивидуализма[1]

[1] Показатель индекса индивидуализма для Республики Корея приведен с сайта Герта Хофстеде (*geert-hofstede.com/south-korea.html*). Исследования Хофстеде по России «проводились по косвенным (литературным) источникам, позже им была использована выборка в 70 человек (г. Иваново), в последних публикациях Хофстеде российская национальная ментальность оценивается на основе неопубликованной работы Боллингера (1988), которая содержит нерепрезентативную выборку в 55 человек» [Латов, Латова 2007, с. 49]. В связи с этим в данной работе индекс индивидуализма для России приводится из исследования Ю. В. Латов, Н. В. Латова 2007, проведенного по методике Хофстеде с количеством респондентов 1869 человек.

По шкале Г. Хофстеде[1] русская культура характеризуется более высоким индексом индивидуализма, чем корейская[2]. Показатели индекса индивидуализма представлены в виде графика (см. рис. 5).

Согласно нашему исследованию, опрошенные русскоязычные респонденты при обращении к незнакомому адресату в большинстве случаев используют косвенные формы обращения, у которых отсутствует номинативная функция обращения, т. е. можно сказать, что адресант избегает прямого называния адресата. Данное явление можно понимать как стремление к соблюдению дистанции с собеседником и демонстрации подобной дистантности. Рост употребления косвенных форм при обращении к незнакомому адресату можно объяснить разными причинами.

Во-первых, отсутствие в настоящее время приемлемых номинативных обращений к незнакомому человеку в русском языке. Распространенные до революции обращения (милостивый государь, ваше благородие и пр.) вышли из обращения под влиянием советской идеологии, ориентированной на ликвидацию социального неравенства. Обращения советского времени (товарищ, гражданин), которые позволяли демонстрировать равенство между собеседниками, в настоящее время также не являются уместными и практически не используются при обращении к незнакомому адресату в обиходно-повседневной ситуации. После окончания советского периода в истории в русском языке возникла ситуация, когда старые номинативные обращения, использовавшиеся для обращения к незнакомому человеку, вышли из употребления, а новые не получили широкого повсеместного распространения. В то же время всё более широкое распространение при

[1] Г. Хофстеде считается основоположником этнометрии, его методика является одной из наиболее широко применяемых. Хофстеде выделяет пять показателей, используемых для анализа национальной ментальности: индивидуализм, дистанция по отношению к власти, избегание неопределенности, маскулинность, долгосрочная ориентация. Данные показатели, как правило, измеряются по 100-балльной шкале.

[2] Неоспорим тот факт, что подобное деление не является однозначным, поскольку большинство культур сочетает в себе как индивидуализм, так и коллективизм. Индекс индивидуализма является относительным показателем того, насколько индивидуалистические черты в данной культуре преобладают над коллективистскими.

обращении к незнакомому адресату приобретают косвенные обращения, особенно среди молодежи. В ходе исследования была выявлена следующая тенденция: чем старше респонденты, тем чаще они используют номинативные обращения. Вероятно, что определенное влияние на данное явление оказало распространение западной культуры и индивидуалистических ценностей, что нашло максимальное отражение в языке более молодого поколения. Представим анализ частоты использования косвенных форм обращения русскоязычными респондентами в таблице (см. табл. 5).

Таблица 5

Частота использования косвенных форм обращения в русском языке

10–20 лет	20–30 лет	30–40 лет	40–50 лет	50–60 лет	60–70 лет
83,4 %	75 %	63,8 %	60,8 %	25 %	13,5 %

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в русском языке, как и в корейском, происходит постепенное изменение форм обращения, поскольку обращение как один из компонентов речевого этикета представляется собой продукт развития общества и находится в тесной связи с разными экстралинвистическими факторами (в том числе отношениями между людьми и социальным положением коммуникантов). Как отмечает Т. С. Жукова, «функционирование системы русских обращений в современной коммуникации характеризуется постепенным формированием новой системы, а также отсутствием универсальной, стилистически нейтральной формы обращений к незнакомому адресату» [Жукова 2015, с. 90]. В корейском языке также отсутствует подобное единое универсальное обращение (такое как, например, пан / пани, месье и пр.). Как отмечает В. В. Колесов, «нельзя использовать одно и то же слово общего пользования при обращении к конкретному человеку в самых разных обстоятельствах. Русский язык потому и противиться возникновению любых “общих” слов, что ему при его богатстве найти разнообразные формы включения в разговор: пожалуйста, простите, позвольте, – здесь соблюдена

необходимая мера почтительности и вместе с тем безличности» [Колесов 2008, с. 314][1]. Подобное замечание созвучно и с корейскими языковыми реалиями, где также отсутствует «общее слово» при обращении ко всем незнакомым адресатам, к каждому собеседнику обращаются по-своему.

В качестве характерной особенности русских обращений с номинативной основой также следует отметить наличие обращений по признаку возраста и пола, таких как ‘мужчина’ и ‘женщина’. В соответствии с результатами проведенного опроса данные обращения являются самыми распространенными среди обращений с номинативной основой к адресатам обоих полов старше 40 лет. Объяснением использования подобных обращений по гендерному признаку может стать исследование Н. В. Уфимцевой, которая, анализируя концепты «мужчина» и «женщина» в русском языковом сознании, отмечает, что «современные русские отдают предпочтение внешним, физическим качествам (сила, красота) и значительно меньше – внутренним» [Уфимцева 2003, с. 153]. Для сравнения в основе соответствующих корейских номинативных обращений к незнакомому адресату лежат термины родства: 아저씨 [ачжосси] «дядя», 아줌마 / 아주머니 [ачжумма / ачжумони] «тетя»,что можно объяснить влиянием на корейский язык и культуру конфуцианства, в котором важную роль играют семейные традиции и ценности. Отправной точкой конфуцианской этики является семья. Строго говоря, в конфуцианстве не существует отдельного индивида. Каждый человек существует как член определенной семьи. Данный концепт выражается даже в слове «страна» 국가 國家 [кукка], который состоит из двух иероглифов ‘страна’ и ‘дом, семья’, т. е. страна это – большой дом. Отсюда совершенно не случайно обращение даже к незнакомому человеку с использованием терминов родства – ‘тетя’, ‘дядя’, поскольку все являются членами одной большой семьи[2].

---

[1] Следует отметить, что ряд исследователей считает отсутствие единого универсального обращения в русском языке серьезной проблемой [Ахметжанова 2003, с. 47; Жукова 2015, с. 88].

[2] В корейском языке также существуют обращения эквивалентные русскому обращению ‘молодой человек’ и ‘девушка’ (젊은이, 아가씨). Однако, как видно из результатов анкетирования, в корейском языке данные обращения по полу и возрасту не так широко распространены, как в русском.

Таким образом, на основе проведенного сопоставительного анализа обращений к незнакомому адресату в корейском и русском языках можно сделать следующие выводы. Использование обращений с номинативной основой более свойственно корейской коммуникации с более высоким уровнем коллективизма, однако в настоящее время отмечается тенденция распространения косвенных форм обращения. Современной русской коммуникативной культуре с более высоким уровнем индивидуализма свойственно употребление косвенных формы адресации, что обусловлено различными социокультурными изменениями в русском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айсакова Е. А. Социальная и социокультурная дифференциация обращения в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук. М., 2008. 186 с.

Ахметжанова Р. Н. Вербальные обращения к незнакомому адресату: национально-культурная специфика формирования и функционирования. Ч. 1. // Вестник СПбГУ. Серия 2. Выпуск 1 (№ 2). 2003. С. 107–111.

Басовская Е. Н. Обращения, которые они выбирают (штрихи к речевому портрету молодого поколения) // Московский лингвистический журнал Т. 7. N2. 2003. С. 41–52.

Жукова Т. С. Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы: дис. … канд. филол. наук. М., 2015. 232 с.

Инча Ю. Лингвокультурологическая специфика обращения в русском и корейском языках // Вестник ИГЛУ. № 1. 2010. С. 77–81.

Карпекина Т. А. Прагматическая нагрузка операторов адресации в институциональном дискурсе // Язык и мир изучаемого языка. № 4. 2013. С. 31–38.

Квон Ён. Совершенствование лингвокультурной компетенции корейских учащихся при обучении русскому обращению : автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб., 2008. 354 с.

Колесов В. В. Гордый наш язык. СПб. : Азбука-классика. 2008. 352 с.

Латов Ю. В., Латова Н. В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной структуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. № 7. 2007. С. 43–72.

Лаптева О. А.Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сборник научных статей. М., 2002. 353 с.

Литневская Е. И. Русский язык: краткий теоретический курс для школьников. URL : gramota.ru/book/litnevskaya.php?part5.htm#34103

Мозоль Т. С. Обучение речевому этикету (на примере обращений в корейском языке) // Вестник Минского ГЛУ. 2011. Т. 2. № 20. 2011. С. 129–138.

Морозова О. Н. Некоторые особенности форм обращения в русском языке // Национально-культурная специфика социума и механизмы ее воплощения: сборник научных статей. Депон. ИНИОН. РАН. N49845 от 5.12.199. Воронеж, 1994. С. 121–127.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.

Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник научных статей. М., 2003. С. 152–154.

Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Русский язык, 2002. 216 с.

Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М. : Икар, 2005.

Шмаков А. А. Бытие текста с обращение в интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов и форумов) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2014. 24 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М. : Эдиториал. 1941/2001.

국립국어원(편). 계층별 언어 사용 실태 조사 연구 Ⅰ. 서울: 국립국어원. 2006.

김세중. 현행 표준 화법의 미비점 // 새국어 생활 13(1). 2003. 27–37.

민병곤,·박재현. 표준화법의 개정을 위한 직장, 사회에서의 호칭 지칭어 사용 실태 분석 // 화법연구 16. 2010. 199–225.

박갑수. 국어 호칭의 실상과 대책 // 국어 생활 9. 1989. 10 – 32.

박정운. 한국어호칭어체계 // 사회언어학 5. 1997. 507–527.

서민정. 한국어 여성 지칭, 호칭어의 변화 양상 // 우리 어문 연구 30. 2008. 327–349.

전은주. 호칭어, 지칭어의 '표준화법' 실태와개선방안 // 화법연구 15. 2009. 65–98.

이선화. 공공 상황에서의 한국어 호칭 연구. 석사 학위 논문. 서울, 2002.

이익섭. 사회 언어학, 서울: 민음사. 2000.

한현희. 러시아어와 한국어 호칭어의 사회 언어학적 비교 연구 // 노어노문학 28(2). 2016. 103–139.

УДК 811.111

Е. В. Нарбут

кандидат филологических наук, доцент,
проректор по развитию международной деятельности
ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», г. Магадан;
e-mail: narbut@rambler.ru

ЛАГЕРНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В статье рассматривается жанровое разнообразие текстов лагерной прозы, а также затрагивается важная проблема использования всего комплекса текстов лагерной художественной литературы при переводе этого специфичного литературного явления.

Ключевые слова: лагерная литература; литературные жанры; гипертекст; перевод.

E. V. Narbut

PhD (Philology), Associate Professor, Vice-rector for International Cooperation,
North-Eastern State University, Magadan;
e-mail: narbut@rambler.ru

CONCENTRATION CAMP PROSE: PAST AND PRESENT

The genre diversity of concentration camp prose is viewed in the article. The author touches upon an important problem of using the total of concentration camp literature texts in translation of this specific literary phenomenon.

Key words: concentration camp literature; literary genres; hypertext; translation.

Писатели и поэты разных народов часто обращаются к аналогичным проблемам. Вследствие этого возникают подобные литературные направления, обусловленные теми процессами, которые характерны для ряда стран. Лагерная литература – не исключение: она возникла из внутренней потребности некоторых писателей и бывших заключенных рассказать человечеству о том, что почти не поддается описанию.

Само понимание лагерной литературы как важного культурного явления стало формулироваться в отечественном литературоведении не так давно. Первые публикации, в которых литературные тексты, посвященные тюремной и лагерной жизни, стали осмысляться в жанровом аспекте, относятся к концу XX в. [Тимофеев 1991].

То, что лагерная литература стала изучаться с жанровых позиций, можно считать закономерным. О таком процессе размышлял М. Б. Храпченко, когда писал, что типологическое изучение литературы «предполагает выяснение не индивидуального своеобразия литературных явлений и не просто их сходных черт и не связей, как таковых, а раскрытие тех принципов и начал, которые позволяют говорить об известной литературно-эстетической общности, о принадлежности данного явления к определенному типу, роду» [Храпченко 1970, с. 256].

Следует заметить, что зарубежное литературоведение связывает в жанровом отношении «KZ-Literatur» с литературой холокоста («Holocaustliteratur») [Valencia]. Оно также включает понятие «KZ-Literatur» в более широкое жанровое образование «Gefangenenliteratur» или «Gefängnisliteratur» (тюремная литература, литература заключенных) [Keßler N. Schreiben 2001; Weigel 1982].

Отечественное литературоведение также изучает жанровые истоки лагерной литературы. Этому посвящена диссертация Ю. В. Маловой «Становление и развитие лагерной прозы в русской литературе XIX–XX вв.» [Малова 2003]. В ней автор рассматривает каторжную прозу русских писателей XIX в. как прообраз лагерной прозы, изучает жанровое своеобразие каторжной прозы, к которой относятся проблемы природы и свободы человека, мотивы одиночества и парадоксов человеческой психики, тему палача и палачества. Особое место в исследовании уделено образу лагеря как образу абсолютного зла в лагерной прозе XX в., которая развивает литературную традицию этого жанра, добавляя в него собственное своеобразие.

Очевидно, что лагерная литература стала осмысливаться как особый жанр, потому что она также прочно вошла в мировую литературу, как, например, военная проза, одними из лучших образцов которой являются отдельные главы «Войны и мира» и «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого, «Im Westen nichts Neues» («На Западном фронте без перемен») Э. М. Ремарка или же «A Farewell to Arms» («Прощай, оружие!») Э. Хемингуэя.

Свидетельства очевидцев, чудом выживших, спасшихся, восставших из мертвых, продолжают поражать читателя своей обнаженной правдой. Возникновение этой прозы – явление уникальное в мировой литературе. Всё, что написано о лагерях, тюрьмах, острогах – это

своеобразные исторические и человеческие документы, дающие богатую пищу для размышлений о нашем историческом пути, о природе общества и, что немаловажно, о природе самого человека, которая наиболее выразительно проявляется именно в чрезвычайных обстоятельствах, какими и были для писателей-«лагерников» страшные годы тюрем, острогов, каторги.

Тюрьмы, остроги, лагеря – это изобретение не Нового времени. Они существовали со времен Древнего Рима, где в качестве наказания применяли высылку, депортацию, сопровождающуюся наложением цепей и тюремным заключением, а также пожизненную ссылку. В Англии и Франции, например, весьма распространенной формой наказания преступников, за исключением тюрем, была так называемая колониальная высылка: в Австралию и Америку из Англии, во Франции – ссылка на галеры, в Гвиану и Новую Каледонию. В царской России осужденных отправляли в Сибирь, позднее – на Сахалин. Кстати, в 1890 г. А. П. Чехов совершил путешествие на о. Сахалин с целью «изучения быта каторжников и ссыльных», которое затем описал в книге «Остров Сахалин (Из путевых записок)».

Ученые-филологи, изучающие лагерную литературу, несмотря на молодость этого филологического направления, уже пришли к определенным выводам.

Ю. В. Малова, например, отмечает, что и каторжная литература, предшественница современной лагерной литературы, отличается разнообразием жанров и особенностями проявления авторской позиции. Жанровым особенностям каторжной прозы и своеобразию проявления авторской позиции в романе Ф. М. Достоевского посвящены работы В. Б. Шкловского «За и против: Достоевский», Е. А. Акелькиной «Записки из Мертвого дома: Пример целостного анализа художественного произведения», диссертации М. Гиголова «Эволюция героя-рассказчика в творчестве Ф. М. Достоевского 1845–1865-х гг.», Н. Живолуповой «Исповедальное повествование и проблема авторской позиции («Записки из подполья» Ф. М. Достоевского)», статья В. Б. Катаева «Автор в «острове Сахалин» и в рассказе «Гусев» [Малова 2009, с. 24–41].

Об особенностях лагерной литературы довольно подробно рассуждает магаданский литературовед М. И. Райзман. Он выделяет пять основных черт.

Прежде всего, отмечается автобиографический характер этих произведений. Обычно повествование идет от первого лица. Автор начинает и завершает рассказ эпизодами, связанными с арестом и освобождением или реабилитацией. В центре повествования обычно годы пребывания в тюрьмах, лагерях, ссылке. Во-вторых, очевидна установка авторов на достоверность, документальную точность изображения. Это касается не только мемуаров, что вполне естественно, но и художественных произведений. Авторы указывают точное время и место действия, имена и фамилии персонажей. В художественных произведениях у героев, как правило, есть реальные прототипы. Иногда имена и фамилии реальных героев заменяются вымышленными – из этических соображений. В-третьих, особенностью лагерной литературы является фактографичность, описательность. Стремясь никого и ничего не забыть, «вспомнить всех поименно», авторы приводят огромное количество сцен, эпизодов, историй. Такой замысел оказывает определенное влияние на композицию произведения, а порой и на его жанровую структуру. В мемуары, рассказы, повести, хроники включено необычно большое количество персонажей. В-четвертых, в большинстве произведений лагерной литературы композиция подчинена задаче описать ситуации, в которые попадают люди, причем акцент сделан не на том, что делают люди, а на том, что с ними делают, как реагируют люди на насилие. Действующие лица не столько действуют, сколько рефлектируют, отвечают своими поступками, мыслями, чувствами на перемену обстановки, условий жизни, времени и места действия. Характеры подчиняются обстоятельствам. В-пятых, обращает на себя внимание жанровое разнообразие этих произведений: рассказы, повести, записки, воспоминания, документальный очерк, документальное повествование, автобиографическая повесть, хроника, стихи и поэмы, наконец, лагерный фольклор. Уже этот перечень позволяет сделать вывод о том, что лагерная литература развивается успешно и занимает видное место в литературе [Райзман 2009, с. 13–16].

Лагерная литература прочно вошла в контекст мировой литературы, что позволяет нам рассматривать все произведения лагерной тематики, включая переводные тексты относящихся к этому жанру произведений как гипертекст. Речь идет обо всем комплексе текстов, связанных с лагерной литературой. И использование ресурсов гипертекста, думается, будет продуктивным, как для писателей, так и для переводчиков ввиду его «вселенности».

Если говорить о произведениях лагерной прозы, то они могут быть представлены следующими жанровыми формами в их конкретной реализации (ввиду ограниченности объема статьи приведем примеры из русской и немецкой литературы).

Романы: А. Солженицын «В круге первом», О. Волков «Погружение во тьму», В. Семин «Нагрудный знак “OST”», A. Seghers «Das siebte Kreuz», B. Apitz «Nackt unter Wölfen», W. Bredel «Die Prüfung» и др.

Повести: Б. Дьяков «Пережитое», К. Воробьев «Это мы, Господи!...», K. Mundstock «Sonne in der Mitternacht», S. Hermlin «Die Kommandeuse» и др.

Публицистические исследования: E. Kogon «Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager» и др.

Рассказы: В. Шаламов «Колымские рассказы», Л. Разгон «Непридуманное: повесть в рассказах», Г. Нурмина «На далеком прииске: Рассказы» и др.

Хроники: Е. Гинзбург «Крутой маршрут», Н. Ним «Пассажиры» и др.

Записки: Я. Цилинский «Записки пожизненно реабилитированного», И. Губерман «Пожилые записки. Прогулки вокруг барака», А. Сандлер «Узелки на память: Записки реабилитированного» и др.

Художественные исследования: А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ».

Пьесы: А. Солженицын «Республика труда. Драма в четырех действиях» P. Weiss «Die Ermittlung» и др.

Документальные повести: И. Таратин «Потерянные годы жизни», В. Янковский «Побег», Ф. Тараканов «Без вины – над пропастью: документальная повесть», G. Quittner «Weiter Weg nach Krasnogorsk. Schicksalbericht einer Frau» и др.

Воспоминания (мемуары): А. Сандлер, М. Этлис «Современники ГУЛАГа: Книга воспоминаний и размышлений»; «Поживши в ГУЛАГе», K. Fraedrich «Im GULAG der Frauen», P. Epp «Ob tausend fallen...» и др.

Письма: Д. Гачев «Колымские письма», В. Соболев «Письма с Колымы», M. Doerry «Mein verwundetes Herz. Das Leben der Lilli Jahn 1900–1944».

Дневники: Ю. Соколова «Из дневника (1937–1938 годы)», Н. Луговская «Хочу жить… Из дневников школьницы: 1932–1937. По материалам следственного дела семьи Луговских», «Das Tagebuch der Anne Frank», R. Laqueur «Schreiben im KZ. Tagebücher 1940–1945» и др.

Стихи: «Поэзия узников ГУЛАГа: Антология», В. Соколов «Глоток озона. Стихи и поэмы» и др.

Научно-исследовательские материалы: «История сталинского Гулага. Конец 20-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах» / редкол. Ю. Н. Афанасьев и др.; И. Д. Бацаев «Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой»; Бацаев И. Д., Козлов А. Г. «Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах: в 2-х ч.», G. Schwarz «Die nationalsozialistischen Lager», H. Langbein «...nicht wie die Schlafe zur Schlachtbank».

Говоря о многообразии жанровых форм лагерной литературы сегодня, нельзя не обратить внимание на тот факт, что многие произведения этого специфичного жанра не только публикуются, но и активно экранизируются, что, в свою очередь, говорит о непреходящем интересе к этой трагической и непростой теме.

Приведем лишь несколько таких примеров. В 1959 г. впервые был снят одноименный фильм по мотивам «Дневника Анны Франк», в 2009 г. другой киностудией – 5-серийный фильм с одноименным названием, в 2016 г. швейцарским режиссером это произведение было экранизировано под названием «Дневник Анны Франк. Das Tagebuch der Anne Frank».

«Побег из Шоушенка» – американский художественный фильм-драма 1994 г., снятый по повести С. Кинга «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка». «Чтец» – также фильм-драма, снятый по одноименному роману-бестселлеру Б. Шлинка в 2008 г. В этом же году на экраны вышел фильм «Мальчик в полосатой пижаме» по одноименному роману Дж. Бойна. В 2009 г. по книге Е. Матвеевой «История одной Зечки и других з/к, з/к, а также некоторых вольняшек» был снят фильм под названием «История одной Зечки».

Кроме того, следует заметить, что гипертекст лагерной прозы со временем начинает осваивать новую для себя жанровую форму – комиксы. Сам по себе жанр лагерной литературы не располагает, на первый взгляд, к тому, чтобы связывать его с жанром комикса. В широком понимании за комиксом стоит веселая, шутливая либо авантюрная история, либо и то и другое вместе взятое.

Такое мнение по отношению к связке лагерная литература – комикс пока еще свойственно читателям нашей страны. Европейский

читатель уже привык к тому, что серьезные, даже трагические, вещи можно выставлять в шутливой форме. Характерным примером такого подхода является французский еженедельник сатирической направленности Charlie Hebdo, в котором публикуются карикатуры на такие темы, как крушение самолета, террористический акт и т. п.

Уже во второй половине XX в. в европейской культуре стали появляться комиксы, связанные с лагерной тематикой. Одним из наиболее известных комиксов о лагерях по праву считается комикс «Maus: die Geschichte eines Überlebenden» Арта Шпигельмана [Spiegelman A. Maus 2015; Шпигельман 2014]. Этот комикс, вышедший в 1986 г., посвящен концлагерям фашистской Германии и теме Холокоста. В 1992 г. он получил Пулитцеровскую премию. Сам комикс интересен еще и тем, что в нем представители разных национальностей изображены разными животными: евреи – мышами, поляки – свиньями, американцы – собаками, а немцы – кошками.

Также во второй половине XX в., особенно в период «холодной войны», стали появляться комиксы, разрабатывающие тему ГУЛага. Достаточно вспомнить серию «Insiders (énumération française)», а в ней 6-й том «Destination Goulag», в котором главная героиня Наджа попадает в российский лагерь.

В России тоже стали появляться собственные авторы комиксов о ГУЛаге. Яркий пример – Д. С. Балдаев (1925–2005), служивший в правоохранительных органах, дослужившийся до звания «полковник». Она сам даже какое-то время был надзирателем в одном из наиболее известных следственных изоляторов «Кресты». Специалисты его знают как знатока тюремных, воровских татуировок, криминального фольклора. Еще он занимался составлением словаря «уголовного языка (фени)». В Германии был издан его альбом «ГУЛаг в рисунках» («Drawings from the Gulag»).

Развитие лагерной прозы, в том числе через освоение новых жанровых форм, наглядно демонстрирует, что этот феномен не только не исчерпал свои возможности, но и продолжает интересовать творцов и читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Малова Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв. : дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2003. 236 с.

Райзман М. И. Задержанная литература : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Магадан : Охотник, 2009. 108 с.

Тимофеев Л. Поэтика «лагерной прозы» // Октябрь. 1991. № 3. С. 182–195.

Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М. : Советский писатель, 1970. 391 с.

Шпигельман А. Маус : графический роман. М. : АСТ, 2014. 296 с.

Baldajew D. S. GULag: Zeichnungen. Frankfurt a. M. : Zweitausendeins, 1993. 342 S.

Destination Goulag. URL : www.goodreads.com/book/show/2711933-destination-goulag

Keßler N. Schreiben, um zu überleben: Studien zur Gefangenenliteratur / Mit einem Geleitw. von Martin Walser und einem Vorw. von Helmut H. Koch. Mönchengladbach : Forum-Verl. Godesberg, 2001. 621 S.

Spiegelman A. Maus: die Geschichte eines Überlebenden. Frankfurt a. M. : Fischer-Taschenbuch-Verl., 2015. 293 S.

Weigel S. «Und selbst im Kerker frei...!»: Schreiben im Gefängnis ; zur Theorie und Gattungsgeschichte der Gefängnisliteratur (1750–1933). Marburg/Lahn : Guttandin & Hoppe, 1982. 241 S.

УДК 13.00.8

К. К. Нечаева, С. В. Сержантов, Н. Ю. Мороз

Нечаева К. К., кандидат филологических наук,
заведующая каф. португальского языка переводческого факультета
ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: nechaeva.ksk@mail.ru

Сержантов С. В., кандидат филологических наук,
зав.кафедрой перевода немецкого языка переводческого факультета
ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: drserzhantov@gmail.com

Мороз Н. Ю., кандидат филологических наук, заведующая каф. лингвистики
и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: nataschamoroz@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И ИНКОРПОРАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НА НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ (на опыте переводческого факультета ФГБОУ ВО МГЛУ и Центра славянских языков и культур Лиссабонского университета)

Статья посвящена вопросам проведения конкурса на лучший художественный перевод среди студентов, целью которого является развитие компетенции в области владения иностранным языком; стимулирование творческой активности учащихся в области изучения родного и иностранного языка; повышение мотивации учащихся к дальнейшему совершенствованию своих знаний и навыков, а также приобщение учащихся к переводческой профессии. Задача статьи прагматическое описания целей, приемов работы и организации при обучении художественному переводу на начальном этапе, а также обобщение самых распространенных переводческих ошибок начинающих переводчиков.

Ключевые слова: художественный перевод; письменный перевод; преподавание перевода; конкурс; критерии оценки.

K. K. Nechaeva, S. V. Serzhantov, N. Yu. Moroz

Nechaeva K. K., PhD (Philology), Head of the Department
of Portuguese, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: nechaeva.ksk@mail.ru

Serzhantov S. V., PhD (Philology), Head of the Department
of the German Language, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: drserzhantov@gmail.com

Moroz N. Y., Ph. D., Head of Linguistic and Professional
Communication Department in the Sphere of Media Technology, MSLU;
e-mail: nataschamoroz@yandex.ru

COMPETITION OF LITERARY TRANSLATION MARKING CRITERIA (based on experience of the faculty of translation and interpreting of Moscow State Linguistic University and the departement of Slavic languages of the University of Lisbon)

This article is concerned with issues of a competition of literary translation among students aimed at development of foreign language skills; encouragement of creative thinking by students during their studies of native and foreign languages; providing motivation of students for improvement and broadening of knowledge and skills and also introduction of students to translation profession. Object of the article is pragmatic description of aims, working techniques and organization of training in literary translation at the initial stage and also generalization of the common translation mistakes of novice translators.

Key words: literary translation; translation; teaching translation; competition; marking criteria.

Конкурс на лучший художественный перевод среди студентов переводческого факультета МГЛУ проводится на переводческом факультете уже шесть лет подряд, начиная с 2012 г. Результатом его проведения является ежегодное издание сборника работ победителей.

На переводческом факультете МГЛУ нет специального, отдельного, направления по обучению художественному переводу. Однако будущие переводчики должны иметь хотя бы общее представление о проблемах художественного перевода, именно поэтому работа над переводом художественного текста, пусть в ограниченном объеме, но включена в общий образовательный процесс на старших семестрах по дисциплине «Письменный перевод».

Основной целью, как уже говорилось выше, является ознакомление студентов с проблемами художественного перевода и приобретение первичного опыта работы переводчика художественного текста.

Выбор материала осуществляется ведущим преподавателем, который должен учитывать множество аспектов, в том числе не только ценность самого переводимого текста как художественного произведения, но и социальную характеристику переводчика, в данном случае молодого человека (студента), имеющего небогатый жизненный опыт и специфическое видение мира с позиции нового молодого поколения, что неизбежно отражается в родном языке.

При выборе материала можно и нужно отдавать предпочтение тексту, отвечающему интересам и опыту молодого поколения, как

тематически, так и идейно. Тогда обсуждение результатов перевода будет проходить более живо и аргументированно.

Оптимальным и предпочтительным вариантом является художественный текст, автором которого является победитель национального конкурса молодых писателей страны изучаемого языка. Например, в Германии существует несколько фондов, которые выявляют молодых авторов-победителей по различным направлениям литературы. Тогда у студентов и у самого преподавателя создается более целостная картина о литературной жизни в стране изучаемого языка и о критериях, которые лежат в основе определения писателя-победителя.

Учебное время, выделяемое для обсуждения художественного перевода, ограничено, поэтому и объем исходного материала должен быть ограниченным. Как правило, это 2–5 тыс. знаков с пробелами. Если не удается найти законченное художественное произведение такого объема, то вполне допустимо взять отрывок из большой книги, более или менее завершенный в плане «содержания и выражения».

Иногда можно брать тексты, предлагаемые самими студентами. Конкурс не исключает участия студентов младших курсов. Именно они, как правило, предлагают свои любимые книжки. Однако в данном случае с ними приходится работать индивидуально.

На практическом занятии по переводу художественного текста выносятся за рамки общие переводоведческие проблемы типа «переводимости и непереводимости» и пр. Предполагается, что студенты уже имеют определенные теоретические знания, полученные на лекциях по дисциплине «Теория перевода». На занятиях ставится прагматическая задача – получить первичные навыки художественного перевода.

Одним из важнейших факторов работы над художественным переводом является эмоционально-психологическая установка читателя-переводчика на первичное восприятие текста. Предлагая текст, преподаватель должен попросить студентов подойти к исходному тексту не как к очередному «навязываемому» заданию, а как к источнику информации и эстетического удовольствия. Ведь когда мы берем художественный текст, мы удовлетворяем свое естественное желание узнать что-то новое (познавательная, когнитивная, функция) и испытать эстетическое наслаждение (эмоционально-экспрессивная функция). Именно вторая функция является, на наш взгляд, доминирующей при работе над художественным текстом. Поэтому первый

вопрос, который студент себе должен поставить после первичного прочтения текста, звучит так: «Какие эмоции и чувства вызвал во мне этот текст?». Палитра эмоций может быть очень обширной – от отторжения до восторга. Ведь целью дальнейшего перевода будет именно «воссоздание данных эмоций» у читателя на переводящем языке.

Не следует недооценивать когнитивную (информационную) составляющую исходного текста, которая сама по себе может задать негативные или «эйфорийные» эмоции за счет только одной темы (например, «смерть» или «праздник»). Но при восприятии художественного текста наиболее важным является конечная эмоция читателя.

Зафиксировав свое, индивидуальное, впечатление от прочитанного текста, переводчик приступает к многоуровневому языковому анализу. Среди прочих типичных вопросов предпереводческого анализа текста следует выявить и специфические особенности языка автора, начиная с фонетического звучания текста при декламации вслух.

Вот уже продолжительное время в европейских странах практикуются авторские чтения художественных текстов, когда автор может интонационно выделить не только «смыслообразующие» моменты, но и передать «мелодику» звучания отдельных мест, да и синтаксиса в целом.

Перед переводчиком встает непростая задача – определить прямую «эквивалентность и безэквивалентность» языковых средств исходного и переводящего языков. Задача преподавателя состоит в том, чтобы вместе со студентами рассмотреть возможные варианты перевода как отдельных лексем, так и передачи стиля автора в целом.

Понятие «язык автора» по-прежнему остается одним из ключевых в художественном переводе. Существует мнение, что переводчик должен «прочувствовать» автора, чтобы суметь правильно передать «дух и букву» художественного произведения. Конечно, это оптимальный вариант. Но нам представляется, что переводчик должен быть своего рода актером, который, на основании текста, пытается максимально близко, но все-таки по-своему интерпретировать героя, а, следовательно, замысел автора оригинала. И в этом переводчику помогают конкретные, вполне материальные, именно авторские языковые средства выражения, задающие основные параметры произведения, которые переводчик не вправе нарушать. Студенты-переводчики должны уметь «распознать» эти средства и определить границы допустимого.

Наряду с общеизвестными приемами работы с переводными словарями, при переводе художественного текста возникает острая необходимость работы с одноязычными толковыми словарями исходного языка, так как именно там можно выявить нюансы денотативного (предметного) и сигнификативного (абстрактного) наполнения лексем с точки зрения носителя языка. Преподаватель должен помочь студентам осознать незаменимость одноязычных толковых словарей в работе переводчика художественных текстов, обратив внимание на своеобразие видения мира другими народами.

Разумеется, одним из наиболее трудных моментов художественного перевода является передача «образности» (метафоры, сравнения и т.п.) чужого языка. Общеизвестно, что в средствах языкового выражения образности отражается мировоззрение определенного языкового социума и далеко не всегда наблюдается универсальность образов у разных языковых коллективов. Здесь перед переводчиком встает проблема выбора между общепринятым (узуальным) эквивалентом и ситуативным, окказиональным собственным вариантом. Ведь интерференция языков является на сегодняшний день неоспоримой, а перевод – это еще и творческий процесс.

В процессе работы над художественным переводом можно и должно использовать весь арсенал приемов переводческого анализа: семного, компонентного, трансформационного, контекстного и др. Но в первую очередь следует обратить внимание на поиск аналогов для достижения гиперцели художественного текста – достижение аналогичного эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя переводящего языка.

Для достижения данной цели переводчику, конечно же, могут помочь словари синонимов, антонимов, фразеологизмов и другие виды словарей родного языка переводчика. В задачи преподавателя входит работа над родным языком студента-переводчика, в том числе путем ознакомления с лексикографическими справочниками родного языка.

Этапы проведения конкурса художественного перевода

Первый этап

Домашнее задание

- В уютной домашней обстановке прочитайте предлагаемый текст и зафиксируйте свои индивидуальные эмоциональные ощущения во время и после прочтения.

- Сделайте предпереводческий анализ текста.
- Переведите текст на родной язык, пытаясь достичь того же эмоционально-экспрессивного эффекта.

План занятия

- Обсуждение эмоционального эффекта от прочитанного текста (см. дом. задание).
- Обсуждение предпереводческого анализа текста.
- Выявление экспрессивно-эмоциональных средств текста и поиск вариантов их передачи на родном языке.
- Определение индивидуальных черт языка автора.

Второй этап

Домашнее задание

- Отредактируйте свой перевод с учетом обсуждений на занятии (грамматика, лексика, синонимы, антонимы, стилистические приемы и т. п.).
- Постарайтесь достичь гиперцели художественного перевода – аналогичное эмоционально-экскрессивное воздействие на читателя.

План занятия

- Чтение вслух индивидуальных переводов (5 мин. на одного студента)

Критика перевода

После прочтения вслух своего перевода Петровым двое его товарищей по группе (Сидоров и Иванов) называют по три ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ момента в переводе и лишь одно, с их точки зрения, неудачно переведенное место.

Все студенты читают свои переводы по очереди, и каждый выслушивает критику только двух товарищей по группе.

Преподаватель всегда кратко высказывает свое мнение, не заостряя внимание на негативе.

Выбор трех наиболее удачных перевода путем голосования.

Голос преподавателя приравнивается к двум голосам студента.

Домашнее задание

- Прочитайте дома все ТРИ лучших варианта перевода и определите только одного победителя.

В Центре славянских языков и культур Лиссабонского университета уже второй год проводится конкурс художественного перевода «Иными словами», как с португальского языка на русский, так

и с русского на португальский. Задача оценки переводов осложняется тем, что состав участников и уровень языковой и переводческой подготовки студентов очень неоднороден.

Жюри конкурса предлагает студентам (которым при регистрации присваивается шифр для обеспечения полной анонимности и непредвзятости оценки) три произведения разных жанров общим объемом 45 тыс. печатных знаков, приблизительно от 20 до 27 страниц, и оценивает по 10-балльной шкале по следующим показателям:

– понимание оригинала;
– верность оригиналу;
– грамотность перевода;
– удобочитаемость перевода (чувство стиля и слова);
– оригинальность семантических и стилистических решений из чего выводится средний балл.

В данной статье ставилась задача лишь прагматического описания целей, приемов работы и организации при обучении художественному переводу на начальном этапе, а также обобщения основных ошибок, допускаемых в переводах студентов как нашего, так и зарубежных вузов. Таким образом, переводческие ошибки могут быть отнесены к содержательному, нормативному и культурологическому типам. Причинами неадекватности переводов являются, в основном, незнание переводчиком реалий русской и иноязычной, в данном случае португальской, действительности, непонимание смысла отдельных фраз. Например:

– лексические ошибки, незнание паронимов: *играли с ее боком* (рядом с ней), *стул разбился вдребезги, ...ты увидишь лучше* (больше), *ямы от мин* (воронки), *давление опустится* (снизится, упадет), *рыбные укусы* (рыбьи);
– нарушение стилистической нормы русского языка, несоблюдение стиля (нейтральный + научный + жаргонизмы), необоснованное употребление лексики нижнего регистра (*фигня, бабло* и т. д.);
– стилистические неточности (больничная *скамья* (койка), «скорая помощь» с *мигалкой* (сиреной); бутылка с туманной жидкостью (мутной); ... быть для сына *главным* (авторитетом) и т. д);
– непонимание текста, когда переводчик сталкивается с аллегориями, «эзоповым языком» и другими формами образной

речи (смысловые неточности, искажение смысла, незнание фразеологизмов, аллюзий, разговорных выражений и т. д.);
– незнание переводческих приемов, грамматических (членение предложения), лексико-семантических трансформаций (генерализация, конкретизация);
– синтаксические ошибки, влияющие на стилистическую адекватность текста (например, с точки зрения стилистики в португальском языке тавтология не так опасна: часто встречаются повторы одного и того же слова в рамках одного абзаца и даже предложения, что в русском языке крайне нежелательно);
– несовпадение португальских и русских звукоподражательных слов и междометий;
– невнимательность к сноскам (иногда сноска открывает скрытый смысл, игру слов и в тексте необходима);
– нарушение так называемой внутренней рифмы (в русском предложении несколько абстрактных существительных с окончанием на *-ение* или *-ание*);
– употребление нескольких стоящих рядом (существительных в косвенном падеже) косвенных падежей;
– последовательное употребление нескольких придаточных предложений, а также употребление нескольких придаточных определительных, вводимых местоимением *который*.
– нарушение тема-рематических связей (нарушение синтаксиса, главная информация содержится в деепричастном обороте).

Хотя перевод и является творческой деятельностью, однако для оценки переводческих работ студентов необходимо определить четкие критерии правильности или неправильности результата, разработать нормы и критерии оценки качества перевода, что до сегодняшнего дня является одним из наиболее дискуссионных вопросов современного переводоведения.

Обычно считается, что «хороший перевод характеризуется достаточно полной передачей всех особенностей смысла, структуры и стиля подлинника. При этом воссозданный текст должен обладать безупречностью языка и стиля и служить полноценной заменой оригинала, создающей у читателя полную иллюзию того, что текст изначально создан на языке перевода» [Степанова 2010, с. 64].

По мнению В. В. Сдобникова, качество перевода складывается из двух составляющих: адекватности, которая означает воспроизведение

в переводе функции исходного сообщения, и эквивалентности, предполагающей максимальную лингвистическую близость текстов оригинала и перевода [Сдобников 2008, с. 209].

М. М. Степанова также подчеркивает, что понятие «адекватный перевод» включает в себя три критерия: а) правильная, точная и полная передача содержания оригинала; б) передача языковой формы оригинала; в) безупречная правильность языка, на который делается перевод [Степанова 2010, с. 64].

Н. К. Гарбовский в учебнике по теории перевода справедливо замечает, что «причины переводческих ошибок следует искать, прежде всего, в недостаточной образованности переводчика. Поэтому изучение природы ошибок понимания может быть построено на основании анализа когнитивного опыта переводчика, т. е. его индивидуального опыта в познании окружающей действительности, как языковой, так и внеязыковой». [Гарбовский 2004, с. 515]. И предлагает в наиболее общем виде типологию причин переводческих ошибок, которая может быть представлена следующим образом:

1. Недостаточное владение языком оригинала (при переводе с иностранного языка на родной).
2. Недостаточный когнитивный опыт. Недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности.
3. Невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в исходном тексте. Непонимание того, что автор говорит о предмете (при переводе с родного языка на иностранный).
4. Неумение различить особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения.

Можно заключить, что основными критериями оценки должны быть:

– стилистическая грамотность / идентичность текста перевода;
– разнообразие переводческих приемов, наличие художественно-выразительных средств (эмоциональная окраска перевода);
– отсутствие грамматических, стилистических, лексических, смысловых ошибок.

Но следует отметить, что для художественного перевода, как и любого другого, важна передача смыслов и эмоциональное воздействие на читателя, адекватное замыслу автора. А это, в свою очередь, связано с индивидуальностью самого переводчика, так как, с точки зрения

многих переводчиков, существует и индивидуальный стиль «переводчика», который становится, как минимум, соавтором произведения, но на другом языке.

Преподаватели обязательно должны давать классификацию, анализировать и объяснять студентам причину каждой выявленной переводческой ошибки. Студенты – приобретать переводческую, профессиональную компетенцию (например, текстообразующую и жанрово-стилевую), включающую рецептивную и экспрессивные компетенции (поскольку как на стадии восприятия и понимания переводимого текста (агнонимы), так и на стадии порождения текста (паранормативы) перевода существует своя специфика возможных ошибок), языковую и, наконец, фоновую компетенцию.

На начальном этапе обучения художественному переводу следует исходить из традиционного анализа ошибок перевода на уровне «профессионального ремесла», и затем, переходя на более высокий уровень коммуникации, необходимо рассматривать художественный компонент перевода, который позволяет причислить конкретный вариант перевода к произведению искусства.

Проведение конкурса переводов, вне всякого сомнения, является положительным и интересным мероприятием, помогающим студентам раскрыть свой творческий потенциал и проверить профессиональные навыки, а также полезным практическим дополнением к обязательным занятиям по теории и практике письменного перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 537 с.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2001. 424 с.

Сдобников В. В. Теория перевода. М. : АСТ : Восток–Запад ; Владимир : ВКТ, 2008. 448 с.

Степанова М. М. Анализ переводческих ошибок в подготовке преподавателей перевода // Дидактика перевода: материалы научной конференции / под ред. проф. В. Н. Базылева. М. : Гос.ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2010. С. 64–65.

Цатурова И. А., Каширина Н. А. Переводческий анализ текста. СПб. : Перспектива ; Союз, 2008. 296 с.

УДК 81-25

Д. Б. Никуличева

доктор филологических наук, профессор, профессор каф. скандинавских, финского и нидерландского языков переводческого факультета МГЛУ, гл. научный сотрудник сектора германских языков Института Языкознания РАН; e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА КАК ЗЕРКАЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА: РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ИТОГАХ «КРУГЛОГО СТОЛА»

Статья представляет собой обзор тематики магистерских и бакалаврских выпускных работ, выполняемых на переводческих факультетах Российской Федерации по результатам «круглого стола» «Структура и содержание подготовки переводчиков» (МГЛУ, 1–2 декабря 2017). Обсуждаются перспективные направления будущего развития тематики ВКР, новые формы активизации исследовательской работы магистров, а также некоторые дискуссионные взгляды на организацию исследовательской работы студентов.

Ключевые слова: перевод и переводоведение; выпускная квалификационная работа; переводческие решения; дидактика перевода; психология перевода; теория речевых жанров; сопоставительно-аналитические исследования; экспериментальная база исследования; ресурсы информационных технологий.

D. B. Nikulicheva

Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of Scandinavian, Finnish and Dutch Languages at the Faculty of Translation Studies, Moscow State Linguistic University, Chief Researcher, Department of Germanic Studies at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

GRADUATION THESIS AS A REFLECTION OF A TRANSLATOR'S PROFESSIONAL COMPETENCE: ON THE RESULTS OF ROUNDTABLE DISCUSSION

The article is based on the materials of the roundtable discussion "Structure and Contents of Translation Curriculum" (Moscow State Linguistic University 1–2 December 2017) and reviews topics of master's and bachelor's theses written at the university translation departments in Russia. Discussed are the future trends in translation studies, new ways to stimulate master's research projects, and some alternative approaches to students' research work.

Key words: translation and translation studies; graduation thesis; translation transformations; didactics of translation; psychology of translation; genre theory; comparative analytical studies; experimental basis for research; informational resources.

1–2 декабря 2017 г. на базе МГЛУ проходило Второе Общероссийское методическое совещание «Структура и содержание подготовки переводчиков», собравшее около 200 участников из нескольких десятков вузов России и Беларуси. Об уровне интереса к обсуждаемым проблемам свидетельствует то, что только на посвященном ВКР «круглом столе» №4 (одним из модераторов которого автору данной статьи довелось быть вместе с зав. кафедрой переводоведения и практики перевода английского языка М. В. Полубояровой) вместо 11 заявленных участников присутствовали 43 человека, представляющие вузы 15 городов, а обсуждение могло бы продолжиться далеко за рамками полутора часов, отведенных на каждый из «круглых столов».

Вместо двух заявленных выступлений на «круглом столе» «Научно-исследовательская работа студентов-переводчиков; выпускная квалификационная работа бакалавров и магистров» было сделано три доклада: Валентин Игоревич Фролов (переводческий факультет МГЛУ) «Перспективные области исследований для магистерских диссертаций по переводоведению»; Динара Александровна Филиппова, (Высшая школа перевода МГУ им. М. В. Ломоносова) «Упражнения-исследования на практических занятиях» и Владимир Иванович Солопов «Применение информационных технологий в научных исследованиях при написании ВКР».

Доклады вызвали десятки вопросов и комментариев со стороны представителей вузов Брянска, Екатеринбурга, Калининграда, Москвы, Омска, Перми, Тольятти, Челябинска, что позволило выявить круг наиболее актуальных тем. Основными итогами этих обсуждений стало то, что:

1. Наметились пункты, по которым у участников обсуждения имелись несовпадающие точки зрения.
2. Были предложены некоторые новые перспективные направления для будущего развития тематики ВКР.
3. Были высказаны идеи некоторых форм работы, позволяющие оптимизировать научно-исследовательскую работу магистров.

При обсуждении технических требований к объему работ обнаружились некоторые существенные *расхождения в объеме бакалаврских работ* между вузами. Например, с. 17 перевода и с. 34–35

переводческого комментария в МГЛУ и с. 60–75 объем бакалаврской работы в Омском госуниверситете, представитель которого обозначил бакалаврскую работу как «мини-диссертация».

Обсуждение вызывало также то, должны ли бакалаврские работы «перетекать» в магистерские, как это сформулировал представитель Челябинского госуниверситета, или же это принципиально разные формы ВКР, как настаивали представители МГЛУ. Согласно последней точке зрения, на этапе бакалаврской ВКР должны проверяться практические навыки перевода, полученные студентом, и его способность осмысленно и адекватно применять полученные теоретические знания на практике в форме создаваемого им переводческого комментария. Магистерская же работа должна реализовать «более высокие требования по сравнению с бакалаврскими ВКР в плане философско-методологического осмысления решаемой задачи, ее новизны и практической значимости» (В. И. Фролов).

С другой стороны, как подчеркнула представитель Брянского университета С. А. Чугунова, не должно быть большого разрыва между ВКР обоих уровней. Для этой цели необходимо, как предложила Д. А. Филиппова, на раннем этапе занятий со студентами обучать их использованию профессиональной терминологии при обсуждении практических задач перевода. Была высказана идея о том, что возвращение к написанию курсовых работ, начиная с первого курса, помогло бы повысить уровень владения научной терминологией в избранной профессиональной сфере, который должен проверяться уже на уровне бакалаврской ВКР.

Разные мнения высказывались и по поводу *публикации статей* в ходе работы над ВКР. Если одни вузы (МГЛУ, МГУ) рассматривали написание студенческих статей как желательную, но не облигаторную составляющую работы над ВКР, свидетельствующую о высоком качестве исследовательской работы конкретного студента, то представители некоторых других вузов (Пермский, Омский, Балтийский федеральный университет) настаивали на обязательности написания статей. В качестве наиболее радикальных идей можно привести высказывания о необходимости написания статей бакалаврами, и опубликования магистерских статей в ВАКовских изданиях. При этом выдвигаемые количественные требования порой превосходили требования к кандидатским диссертациям: четыре опубликованные статьи

для магистрантов в Пермском ГУ и пять опубликованных статей в Балтийском федеральном университете.

Предметом дискуссии стало также сравнительное обсуждение *тематики* бакалаврских и магистерских работ. Вряд ли можно согласиться с тем, что для переводческих специализаций имеет смысл на уровне бакалавриата давать «чисто лингвистические темы», как это делается в Брянском ГУ, где профиль подготовки бакалавров звучит как «перевод и лингводидактика».

Заслуживает внимания опыт МГЛУ, где тематика бакалаврских работ сосредоточена на проблемах *частной теории перевода* (исследование в рамках пары языков: родной – иностранный) и проблемах *специальной теории перевода* (осмысление специфики перевода текстов определенного жанра). Материалом теоретического осмысления при этом служат *собственные переводческие решения*, принимаемые студентом в работе над *переводческими сложностями, возникающими в тексте определенного жанра*. Типичными примерами подобных работ могут служить такие темы, как: «Перевод с английского отрывка из книги Скотта Роснера и Кеннета Шропшира “Спортивный бизнес” с переводоведческим комментарием»; «Перевод с немецкого путеводителя Т. Бихлера “Очарование речных пейзажей Германии” с переводоведческим комментарием»; «Перевод с французского языка на русский подборки статей на тему БРЕКСИТ из французской газеты “Монд” с переводоведческим комментарием»; «Аудиовизуальный перевод с датского на материале фильма “Королевский пасьянс” режиссера Пера Флю с переводоведческим комментарием».

Бакалаврская работа получает в этом случае логичную трехчастную структуру. В разделе 1 (с. 5–6) анализируется жанровая специфика избранных текстов, обсуждаются лингвистические и переводоведческие характеристики текстов данного жанра и данной проблематики, анализируются общие рекомендации переводоведов по работе с подобными текстами. В разделе 2 (с. 8–10) устанавливаются и перечисляются основные типы переводческих трудностей, с которыми студент столкнулся в процессе перевода данного текста, формулируется общая программа действий переводчика по выполнению этих задач. В разделе 3 (с. 17–20), включающем пронумерованные подразделы под соответствующими названиями, рассматриваются группы переводческих трудностей текста от наиболее характерных к менее

типичным с примерами наиболее интересных переводческих решений. В заключительной части (с. 1–2) даются практические рекомендации. Желательным практическим результатом ВКР дополнительно является составление глоссария по соответствующей проблематике.

Уровень магистерской работы требует от студента иного уровня обобщения. Наиболее соответствующими статусу магистерской ВКР можно считать *сопоставительно-аналитические исследования* типа: «Лингвокультурный аспект перевода реалий-советизмов (на материале английских, французских и испанских сочинений братьев Стругацких)»; «Прагматический аспект передачи оценочных значений при переводе новостных сообщений СМИ (на материале английского, русского и японского языков)»; «Агата Кристи, из истории ее переводов на русский язык (передача идиостилевых особенностей)»; «Перевод неологизмов в текстах современной американской и британской публицистики»; «Языковая игра и способы ее воссоздания в художественном переводе»; «Стратегии перевода русских фразеологических единиц на датский язык на материале трех переводов рассказов И. С. Тургенева из цикла «Записки охотника». «Проблемы передачи модальности при переводе поэтической речи на примере истории переводов “Гамлета” и “Короля Лира”». При этом желательно сделать *теоретическое обобщение опыта множества переводов*, возможно, *с привлечением нескольких языков* или изучения явления *на широком историческом фоне*.

Учитывая постулируемые различия бакалаврских и магистерских работ, сомнительна целесообразность магистерских ВКР, основанных, подобно бакалаврским, на анализе собственного перевода, типа: «Перевод реалий, исторических и специальных терминов на материале перевода глав из книги Индро Монтанелли “История Италии”. Вместе с тем нежелательным в заглавии магистерской ВКР представляется и сравнение переводов, если проблематика такого сравнения четко не обозначена, типа: «Сравнительный анализ переводов на примере романа Ф. С. Фицджеральда “Великий Гэтсби”» или «Сравнение переводов политических и экономических текстов с французского языка на русский».

Стоит также подумать о том, допустимы ли в переводческой магистратуре общетеоретические ВКР, не связанные с переводом, например: «Особенности научного стиля русского и французского

языков»; «Особенности юридического перевода». Такие реферативные общетеоретические темы могли бы стать основой теоретической главы магистерского исследования, посвященного проблемам передачи тех или иных конкретных явлений в текстах указанного стиля или профессиональной области, рассматриваемых в исследовательской главе ВКР.

Опытом усиления *практической направленности* тематики ВКР поделилась Л. И. Корнеева из Екатеринбурга, рассказав, что темы в Уральском ФУ выбираются с учетом потребностей региона, например такие, как «Транслитерация топонимики г. Екатеринбурга» или «История переводоведения на Урале».

За «круглым столом» обсуждались также предложения о **перспективных направлениях** магистерских исследований в области переводоведения.

Так, важным практическим направлением будущих магистерских ВКР по переводу могло бы стать исследование в области *дидактики перевода*, а именно – *разработка учебных упражнений* по избранной переводческой проблематике. Такая ВКР способствовала бы подготовке квалифицированных кадров будущих преподавателей перевода. Более того, даже в магистерских ВКР недидактической направленности следовало бы всячески приветствовать наличие Приложения, содержащего рекомендуемые упражнения, созданные с применением результатов обследованного переводческого материала.

К интересным перспективным направлениям также можно отнести высказанную В. И. Фроловым идею о возможности магистерских исследований, изучающих *персональный опыт видных отечественных переводчиков* с анализом их стратегий, наиболее интересных переводческих решений и того, как их профессиональные приемы и взгляды повлияли на развитие отечественной переводоведческой науки. Такое исследование могло бы проводиться на стыке истории перевода и психолингвистики, а полученные результаты с учетом того, что в психологии называется «моделирование экспертного поведения», имели бы важное практическое применение в воспитании будущих поколений переводчиков.

Что касается вполне обоснованной идеи о перспективности изучения *психологии перевода*, например в русле исследований И. А. Зимней [Зимняя 1973; Зимняя 1981; Зимняя 2001], то проведенный автором

этой статьи анализ тем магистерских исследований психологических аспектов перевода в МГЛУ за последние годы указывает на существование некоторого дисбаланса именно в этой сфере. Дело в том, что исследования в сфере устного перевода так или иначе связаны именно с тематикой психологии / психолингвистики перевода (см., например, такие темы, как: «Прием речевой компрессии в синхронном переводе»; «Влияние переводческой записи на качество воспроизводимого текста при последовательном переводе»; «Сопоставительный анализ стратегий восприятия и передачи смысла в устном абзацно-фразовом переводе»; «Роль памяти в процессе устного перевода»; «Влияние психологических особенностей переводчика на результат перевода)». При этом обращает на себя внимание то, что хотя достаточное количество магистрантов обучается по направлению «Устный перевод на международных конференциях», многие из них выбирают темы ВКР не по устному, а по письменному переводу. По-видимому, это объясняется недостаточной разработанностью исследовательских процедур именно в сфере устного перевода.

Возникает вопрос о том, какова столь важная для психолингвистики *экспериментальная база* приведенных выше исследований? Разработка такой экспериментальной базы является серьезной исследовательской задачей, которая может быть выполнена магистрантами в условиях взаимодействия не только со своими научными руководителями, но и в условиях постоянного обсуждения исследовательских процедур в формате научных семинаров.

Изложенное приводит нас к последнему пункту обсуждений, а именно – **методам оптимизации научно-исследовательской работы** студентов. В ходе выступлений все единодушно высказывались в поддержку участия студентов-бакалавров в *НСО*, выступлений на *студенческих конференциях*, участия в *конкурсах научных работ*.

Как уже было упомянуто выше, высказывались отдельные мнения в пользу возвращения *курсовых работ* реферативного характера, чтобы студенты младших курсов имели возможность синтезировать полученные знания и активизировать использование переводоведческой терминологии.

Участникам дискуссии наиболее интересным показался опыт коллег из Балтийского федерального университета о существовании у них постоянно действующего *научного семинара для магистров* по

проблемам устного и письменного перевода. Этот семинар собирается для обсуждения докладов участников один раз в месяц в течение всего периода обучения в магистратуре, и работа в нем дает обязательные 42 зачетные единицы. Таким образом, магистранты учатся достигать промежуточных результатов и обсуждать свою тематику в течение всего срока обучения, что делает более понятным реализуемость требования их университета об обязательной публикации к концу магистратуры пяти статей по проблематике ВКР.

Другим важным направлением активизации ВКР стало предложение, прозвучавшее в докладе В. И. Солопова из МГЛУ, об использовании при написании ВКР *ресурсов информационных технологий*, особенно при работе над переводом в сфере специальных текстов [Солопов 2016; Куниловская, Милушкин, Сдобников 2016]. Применение в ВКР таких бесплатных информационных ресурсов, как Ant Conc, Smart Cat, mem Source NgramViewer и др. дает возможность быстрейшего составления конкордансов, глоссариев, составления списков наиболее употребительной терминологии в данном типе документов, а также широкие возможности для сопоставительных исследований переводов.

Все участники круглого стола отмечали высокую практическую и теоретическую значимость обсуждения, проходившего в его рамках, и высказали пожелание продолжения такой формы профессионального взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зимняя И. А. Психология слушания и говорения : автореф. дис. … д-ра психол. наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1973. 32 с.

Зимняя И. А. Психология перевода : учеб. пособие. М., 1981. 99 с.

Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : Модэк, 2001. 428 с.

Куниловская М. А., Милушкин С. В., Сдобников В. В. Использование Интернета в переводе : учеб. пособие. М. : Р. Валент, 2016. 116 с.

Солопов В. И. Компьютер. Интернет. Перевод : справочно-информационное пособие для начинающих. М. : Мозартика, 2016. 118 с.

УДК 82.03; 82:81'255.2

О. В. Новицкая

доцент каф. переводоведения и практики
перевода английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: olganovitskaya@gmail.com

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ

Статья посвящена прагматической адаптации в художественном переводе и, в частности, тем случаям, когда переводческая интрузия в текст оригинала не связана с преодолением лингвокультурных различий, а вызвана такими причинами, как изменение целевой аудитории ПТ, концептуально-идеологические трансформации ИТ либо становится проявлением переводческого волюнтаризма. Причины, вызывающие ПА, могут носить сугубо лингвистический характер и требовать внесения изменений в ПТ из-за несовпадения лингвистического инвентаря в ИЯ и ПЯ или из-за разной степени осведомленности целевой аудитории ИТ и ПТ, которые принадлежат к разным культурам. В этом случае прагматическая адаптация носит вынужденный и максимально бережный характер. Ей подвергаются небольшие единицы текста, а переводчик, пользуясь традиционными методами, такими, как включение в текст дополнительных поясняющих элементов, опущение информационных единиц, избыточных, с точки зрения реципиента ПТ, либо лексико-семантические трансформации – конкретизация, генерализация или контекстуальная замена, – стремится добиться оптимального результата, при котором максимально сохраняется идиостиль автора и обеспечивается понимание ИТ представителями иноязычной культуры.

Иногда к прагматической адаптации прибегают не вынужденно, а сознательно, и хотя методы ее остаются прежними, цели с ее помощью преследуются совсем иные. Они носят не объективный лингвистический, а субъективный характер: например, сознательное изменение целевой аудитории ПТ, либо некие концептуальные изменения в ПТ, когда в оригинал привносятся коррективы по идеологическим причинам. Иногда такое происходит из-за переводческого волюнтаризма, когда на авторский идиостиль накладывается идиостиль переводчика. Под переводческим волюнтаризмом мы понимаем вид ПА, представляющей собой намеренное масштабное вмешательство в лексико-стилистическую ткань оригинала, часто ничем не обоснованное, приводящее в итоге к подмене авторского идиостиля переводческим.

Случается, что в иноязычной культуре подобный прагматически адаптированный перевод раз и навсегда вытесняет оригинал.

Ключевые слова: художественный перевод; прагматическая адаптация; переводческая интрузия; преодоление лингвокультурных различий; изменение целевой аудитории ПТ; концептуально-идеологические изменения в ИТ; переводческий волюнтаризм.

O. V. Novitskaya

Associate Professor, каф. переводоведения и практики
перевода английского языка, Moscow State Linguistic University;
e-mail: olganovitskaya@gmail.com

PRAGMATIC ADAPTATION IN LITERARY TRANSLATION: TARGETS, STRATEGIES, METHODS

The article is focused on the phenomenon of pragmatic adaptation (PA) in literary translation, especially when the translator's intrusion into the original text cannot be explained by the overcoming of linguistic and cultural differences, but is triggered by the intended change of the translation target audience, the introduction of conceptual and ideological alterations or becomes the manifestation of translation voluntarism. Sometimes in a foreign culture a severely adapted translation once and forever displaces the original.

The causes of PA may be purely linguistic and require changes in the TT due to the mismatch of the linguistic inventory in the SL and TL, or because of different culture awareness degrees of the OT and TT target audience. In this case, PA is unavoidable and mainly technical. It affects some specific text units and implies traditional translation methods, such as the inclusion of additional explanatory elements, the omission of information units, redundant from the point of view of the TT recipient, or lexical-semantic transformations – specification, generalization, contextual replacement – in order to preserve the author's individual style and to provide better understanding by the representatives of foreign culture.

Sometimes PA is resorted to not compulsively but deliberately, and although its methods remain the same, the goals pursued are completely different and most subjective. It may be aimed at the target audience swapping or at certain conceptual changes governed by some ideological cause. But the trigger might also imply a certain translation voluntarism, when the author's individual style is superimposed by the translator's without any objective reason.

Key words: pragmatic adaptation; literary translation; the translator's intrusion; overcoming of linguistic and cultural differences; changing the translation target audience; introducing conceptual and ideological alterations; translation voluntarism.

О феномене перевода размышляли и размышляют многие годы лингвисты, переводчики-практики, литературные критики и те, кто находится «по другую сторону баррикад» – читатели. Очень часто в устах непрофессионала слова «перевод», «переводной» приобретают не просто оценочную, а явно негативную окраску читаем мы в стихотворении В. В. Маяковского «Верлен и Сезанн» [Маяковский 1925]:

Я раньше
вас
почти не читал,
а нынче
вышло из моды,
и рад бы прочесть
не поймешь ни черта:
по-русски дрянь,
переводы –

или:

> В те дни главной похвалой было: как народно! <…> Хвалили и за точность, и за чистоту. Главные ругательства были: *стилизация, литература, переводно* (курсив наш. – *О. Н.*) [Шварц 1999].

Интересно, что и в том и в другом случае звучит упрек, но если у Маяковского слова «дрянь» и «переводы» – синонимы, и речь идет об очевидных переводизмах, т. е. буквализмах или нарушениях устойчивой сочетаемости ПЯ, то у Шварца, напротив, «переводно» – это чересчур вычурно и велеречиво. Но переводчику достается и там, и там, причем главный упрек, разумеется, в привнесении в текст чего-то своего, в «отсебятине», которая, по мнению многих, является неизбежным злом художественного перевода. Двойственную природу перевода отмечал В. С. Виноградов в работе «Лексические вопросы перевода художественной прозы»: «Нужно согласиться с мыслью, что перевод – это особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства. Это искусство «вторичное», искусство «перевыражения» оригинала в материале другого языка. Переводческое искусство, на первый взгляд, похоже на исполнительское искусство музыканта, актера, чтеца тем, что оно репродуцирует существующее художественное произведение, а не создает нечто абсолютно оригинальное, тем, что творческая свобода переводчика ограничена подлинником. Но сходство на этом и кончается» [Виноградов 1978]. Переводчик художественной литературы, по определению, обладает колоссальной степенью свободы при подборе переводческих соответствий, отыскивая «подобие в море разнообразного, подобие, которое может быть воспринято человеком иной культуры, иного языка, иной исторической эпохи» [Гарбовский 2004].

Необходимость сопряжения при переводе различных языков и культур не раз становилась поводом для скептицизма. Вильгельм фон Гумбольт в письме к А. Шлегелю от 23 июля 1796 г. одним из первых сформулировал беспощадный парадокс, с которым сталкивается каждый переводчик художественной литературы: «Всякий перевод представляется мне, безусловно, попыткой разрешить невыполнимую задачу, ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника» [Гумбольдт 1984].

Фридрих Шлейермахер в «Лекции о различных методах перевода» (1813) не просто говорит о том, что задача настоящего переводчика «сблизить писателя и читателя, не принуждая последнего покинуть сферу своего родного языка и обеспечив ему полноценное наслаждение произведением», он ставит задачу шире и, по сути, впервые упоминает прагматический аспект адаптации текста оригинала, хотя и оговаривает желательность очуждающей стратегии при переводе: «Цель переводчика в том, чтобы произвести на читателя такое же впечатление, какое оригинал производит на образованного человека, свободно владеющего иностранным языком, при этом все-таки чужим для него; ему не приходится, как школьнику, сначала думать на родном языке, с усилием лепя из деталей целое – он без труда ощущает красоту произведения, но в то же время ясно сознает разницу между родным и иностранным» [Шлейермахер 2000]. В этой связи самым интересным нам представляется взятое за основу произведенное на читателя «впечатление», которое при чтении оригинала и перевода должно быть одним и тем же.

Иоганн Вольфганг Гете не мог остаться от этой полемики в стороне, но хотя он старался объективно оценивать и очуждающую, и одомашнивающую стратегии, симпатии его склонялись к доместикации перевода и приближении его к читателю, что хорошо видно как из его переписки с переводчиком «Германа и Доротеи» на английский язык, так и из знаменитой речи «В память брата Виланда» (1813), посвященной переводчику Шекспира на немецкий язык: «Существует два принципа перевода: один из них требует переселения иностранного автора к нам – так, чтобы мы могли увидеть в нем соотечественника,

другой, напротив, предъявляет нам требование, чтобы мы отправились к этому чужеземцу и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям. Достоинства того и другого достаточно известны всем просвещенным людям, благодаря образцовым примерам. Друг наш, который и здесь искал среднего пути, старался сочетать оба принципа, но в сомнительных случаях он, как человек чувства и вкуса, отдавал предпочтение первому из них». Но проходит всего четыре года, и в 1817 г. в «Статьях и примечаниях к лучшему уразумению Западно-Восточного Дивана» веймарский олимпиец говорит, хотя и несколько завуалированно, о предпочтительности точного следования букве и духу оригинала, пусть даже и не на потребу вкусам широкой читательской аудитории: «…переводчик, неотступно следуя оригиналу, вынужден в той или иной степени расстаться с оригинальностью собственной народности, – возникает нечто третье, до чего вкусам толпы еще надо подняться» [Гёте 1988].

Просвещенный XVIII и неторопливый XIX вв. могли себе позволить не опускаться до уровня вкусов толпы и попробовать воспитать своего читателя, потому что о многотысячной читательской аудитории еще никто не слышал, она исчислялась десятками, много – сотнями.

Согласно определению перевода, данному А. В. Федоровым, «…перевести – значит, выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров 2002]. Но устами Юджина Найды XX в., не случайно названный «веком перевода», задает переводчику свой главный вопрос: правильный перевод – для кого? В работе «К науке переводить» Ю. Найда отрицает возможность однозначной оценки перевода, подчеркивая ключевую роль в ней реакции реципиента: «Нельзя утверждать, что тот или иной перевод хорош или плох, не принимая во внимание множества факторов, которые, в свою очередь, можно оценить с разных позиций, получая весьма различные результаты. И поэтому на вопрос – хороший это перевод или нет? – всегда будет множество вполне обоснованных ответов. <…> Перевод по принципу динамической эквивалентности можно описать как перевод, о котором носитель двух языков, знакомый с обеими соответствующими культурами, мог бы сказать: “Да, действительно, именно так мы и говорим”» [Найда 1978]. Так в теорию перевода входит понятие «прагматическая адаптация», под которым понимают изменения, вносимые

в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного рецептора перевода.

Однако уже из этого определения видно, что цели и задачи прагматической адаптации могут быть весьма разнообразными и легко выходить за лингвистические рамки, потому что вторжение в текст оригинала может быть продиктовано какими-то особыми соображениями. Причины, вызывающие ее, могут носить сугубо лингвистический характер и требовать внесения изменений в ПТ из-за несовпадения лингвистического инвентаря в ИЯ и ПЯ или из-за разной степени осведомленности целевой аудитории ИТ и ПТ, которые принадлежат к разным культурам. В этом случае прагматическая адаптация, являясь не целью, а средством, носит вынужденный и максимально бережный характер. Ей подвергаются небольшие единицы текста, а переводчик, пользуясь традиционными и многократно описанными методами, такими, как включение в текст дополнительных поясняющих элементов, опущение информационных единиц, избыточных, с точки зрения реципиента, ПТ, либо лексико-семантические трансформации – конкретизация, генерализация или контекстуальная замена, – стремится добиться оптимального результата, при котором максимально сохраняется идиостиль автора и обеспечивается понимание ИТ представителями иноязычной культуры, иногда сильно отстоящими от автора ИТ не только в пространстве, но и во времени. Это стандартная переводческая практика, хотя каждый переводчик часами готов рассказывать о своих победах над трудностями, которые уготовил ему оригинал и которые, по большому счету, широкой читательской аудитории должны быть неинтересны и незаметны.

Иногда бывают ситуации, когда зона переводческой интрузии в ПТ становится настолько значительной, что есть смысл отдельно выделить ее графически. Именно это произошло при переводе знаменитой «Книги о языке» Франклина Фолслма, виртуозно переведенной на русский язык А. А. Раскиной. Они с редактором прибегали к остроумному методу вставок шрифтом другого цвета всякий раз, когда возникала необходимость провести параллель с материалом из русскоязычной культуры, что было крайне важно, поскольку целевой аудиторией книги являлись старшие школьники. Так, например, на странице, где автор рассказывает о спунеризмах, переводчик прибегает к цитированию упомянутых перлов преподобного У. А.

Спунера, приводя их в оригинальном написании с дословным переводом: «*half-warmed fish*, то есть «наполовину подогретая рыба», вместо *half-formed wish* «полуоформленное желание»; *sin twister*, т. е. «свиватель грехов», вместо *twin sister* «сестра-близнец»». А далее возникает развернутая вставка, выделенная шрифтом красного цвета, где приводятся примеры спунеризмов на материале русского языка: «Можно придумывать спунеризмы и по-русски. Например: заплетык языкается вместо язык заплетается; посетителей не будят вместо победителей не судят. А вот очень-очень старая путаница: Императрина Екатерица заключила перетурие с мирками. Или известные всем строчки про рассеянного с улицы Бассейной:

Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить» [Фолсом 1974].

В этом случае даже такое объемное переводческое расширение смотрится органично, не нарушая собой авторской логики развития текста и обеспечивая его понимание представителями иноязычной аудитории. Однако у прагматической адаптации могут быть причины другого порядка, когда из причин они превращаются, по сути, в задачи, а сама ПА из средства становится целью (см. диаграмму).

Иногда в прагматической адаптации прибегают не вынужденно, а сознательно, и хотя методы ее остаются прежними, цели с ее помощью преследуются совсем иные. Они носят не объективный, а, скорее, субъективный и отнюдь не лингвистический характер. Это может быть сознательное изменение целевой аудитории ПТ, либо какие-то концептуальные изменения в ПТ, когда в оригинал привносятся коррективы по идеологическим причинам. А иногда такое происходит по причине переводческого волюнтаризма, когда на авторский идиостиль накладывается идиостиль переводчика. В любом случае мы имеем дело с переводческой интрузией в ПТ, которая носит настолько масштабный и всепроникающий характер, что в результате говорить о тождестве оригинала и перевода не приходится.

Диаграмма

Иноязычный читатель, по сути, сталкивается с новой книгой, которая почему-то называется так же, как оригинал, и автором ее значится не переводчик, а создавший исходный текст писатель. Более того, случается, что в иноязычной культуре подобный прагматически адаптированный перевод раз и навсегда вытесняет оригинал, подобно кукушонку, попавшему в чужое гнездо.

Например, большинство русскоязычных читателей убеждены, что книга Даниэля Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» – это гимн человеческой отваге и умению выжить в любых обстоятельствах. Дело в том, что знакомы они с ней по сокращенному переводу К. И. Чуковского, а полный перевод М. А. Шишмаревой, вышедший в 1928 г. в издательстве «Academia», не переиздавался и быстро превратился в библиографическую редкость. Перед Чуковским стояла вполне конкретная идеологическая задача: сделать из Робинзона героя, хотя в оригинале он, скорее, антигерой, это вариант притчи о блудном сыне, об отношениях человека и Бога. Но весь богословский пласт, равно как и неблаговидные, с точки зрения социалистической морали, поступки Робинзона вроде работорговли, отправились в корзину, и в результате этих многочисленных купюр книга приобрела совершенно иную целевую аудиторию: она стала детской.

Та же участь постигла «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта и отчасти «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле. Ядовитая сатира Свифта на русский переводилась многократно, впервые это произошло еще в XVIII в., правда, русский просветитель Ерофей Каржавин при переводе опирался не на английский оригинал, а на французское издание Дефонтена, но в XX в. это упущение было ликвидировано, но, тем не менее, миллионными тиражами издавался не классический текст в переводе А. А. Франковского, а детские пересказы, выполненные Т. Габбе, Б. Энгельгардтом, В. Стеничем, что закрепило среди читателей впечатление о «Путешествиях Гулливера» как о сугубо детской книге. Шедевр Рабле, в силу специфики материала, так лихо перепрофилировать даже не пытались, его текст был полностью переведен Н. М. Любимовым, а многочисленные адаптации остаются на совести редакторов, практически превративших книгу в подписи к гравюрам Г. Доре.

Но даже работая с детской литературой и оставаясь, казалось бы, в рамках предусмотренной автором ИТ целевой аудитории, переводчик может очень погрешить против оригинала. Правда, в этом случае принято говорить не о переводе, а о пересказе. Подобный пересказ, не являясь тождественным оригиналу, полностью замещает его в русскоязычной культуре, как это произошло с книгами про Винни-Пуха и Мэри Поппинс в пересказах Б. В. Заходера. Из пяти на тот момент существовавших самостоятельных книг П. Трэверс переводчик сделал одну в двух частях, не очень заботясь о логике сквозного действия и рассматривая главы, скорее, как отдельные истории, которые можно тасовать, как вздумается. Иногда причины того, что та или иная глава оригинала не попала в перевод, понятны. Из текста исчезают линии персонажей, не соответствующих советским представлениям о морали, например нищая старуха-птичница, кормящая голубей перед собором Св. Павла, или кавалер Мэри Поппинс Берт, неудачливый торговец спичками и уличный художник. Или в 9-й главе второй книги «Мэри Поппинс возвращается» всё действие сосредоточено вокруг игрушечного Ноева ковчега, являющегося непременным атрибутом любой английской детской. Мало того, что переводчик сталкивается с очевидной лакуной, ибо такой игрушки у советских детей нет, но далее в тексте Джейн и Майкл знакомятся с волшебной деревянной куклой по имени Нелли-Рубина, которая, оказывается, приходится

Ною старшей дочерью. Обойти немыслимый, с точки зрения советской атеистической педагогики, сюжетный поворот не представляется возможным, поэтому «редакторские ножницы» беспощадно вырезают всю сюжетную линию, какой бы пленительной она ни была. Но, что самое интересное, по причине редакторской или переводческой неосведомленности основную «бомбу замедленного действия» из пересказа изъять не удалось. Памела Трэверс была не просто верным адептом эзотерического учения Г. И. Гурджиева, но и активным пропагандистом его идей [Lawson 1999]. Она много лет вела занятия по системе Гурджиева, и это не могло не отразиться на ее творчестве. Мэри Поппинс – отнюдь не сказка о доброй няне-фее, это персонаж мистический, почти не общающийся ни с детьми, ни со взрослыми в реальной жизни, открывающийся им лишь в некоем измененном состоянии сознания; персонаж, состоящий в прямом родстве с богами и стихиями, понимающий язык животных и растений, наделенный сверхъестественными способностями. Многое из этого в переводе сохраняется, но поскольку сверхзадача не был понята правильно, архетипическая женская фигура превратилась в самовлюбленную старую дева с дурным характером, которая смотрит на всех свысока, и не очень понятно, за что же ее так любят и дети, и взрослые. В русскоязычной картине мира навсегда обосновалась такая Мэри Поппинс, не напоминающая свою английскую тезку даже приблизительно. С помощью прагматической адаптации редактор и переводчик «перекраивали» ПТ по лекалам традиционной детской сказки, но внутренняя логика оригинала оказалась куда сложнее, что привело к роковым нестыковкам в понятийном и образном рядах.

Тем не менее даже немыслимая для перевода сложность ИТ, когда он содержит огромное количество очевидно непереводимых единиц, но, тем не менее, его снова и снова берутся переводить, лишний раз доказывает, что теория непереводимости – не более чем теория. Примером самого большого числа переводческих «покушений» в истории мировой литературы стала книга Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес», которая для переводческого сообщества превратилась в своеобразную теорему Ферма. Ее переводили на русский язык более трех десятков раз и наверняка будут переводить снова и снова, потому что в силу специфики оригинала об адекватном переводе говорить сложно. Первый анонимный перевод на русский под

названием «Соня в царстве дива» появился в 1879 г. и был встречен разгромными рецензиями, потому что, по мнению критиков, «…в маленькой книжке, переполненной орфографическими ошибками и сто́ящей непомерно дорого, помещен какой-то утомительно скучнейший, путанейший болезненный бред злосчастной девочки Сони; описание бреда лишено и тени художественности; остроумия и какого-нибудь веселья нет и признаков» [Урнов 1985]. Судя по всему, переводчику досталось за механическое перенесение на русский язык оригинала. Дальнейшие переводы уже предполагали прагматическую адаптацию, степень и глубина которой определялась только вкусом переводчика. В 1923 г. за перевод этой книги взялся В. В. Набоков, в его исполнении она называется «Аня в стране чудес» и, по его словам, «является далеко не первым переводом, но, безусловно, самым лучшим»[Кэррол, Набоков 2011]. Русификации у Набокова подверглось не только имя героини, но и многие реалии и персоналии. Например, знаменитая лекция Мыши посвящена не Вильгельму Завоевателю, а Владимиру Мономаху и Киевской Руси. Однако Н. М. Демурова в своем предисловии к его переводу считает подобное вполне закономерным, потому что, «во-первых, русская переводческая школа в начале своего становления должна была идти путем приспособления иностранных текстов к русской традиции и культуре – это был неизбежный первый шаг включения их в нашу культуру. <…> Сказанное особенно относится к английским текстам – Англия была гораздо более чужда России, чем, скажем, Германия или Франция». Перевод «Алисы», выполненный самой Н. М. Демуровой в 1963 г., кажется нам чистейшим примером переводческой добросовестности, когда переводчик при прагматической адаптации использовал ее исключительно как средство, а не как цель, не желая ни русифицировать, ни модернизировать текст, написанный почти за сто лет до этого.

Возможно, книга приобрела некоторые черты литературного памятника, но даже в рамках такого академичного подхода отдельного восхищенного упоминания заслуживают стихи, переведенные Д. Г. Орловской и О. А. Седаковой [Кэролл, Демурова 1991]. Пародийный характер стихотворений, представлявших собой переделки нравоучительных виршей для детей, им удалось блестящим образом передать. Д. Г. Орловская, словно следуя рекомендациям У. Уивера

из его книги, посвященной переводам «Алисы» на разные языки, находит «…стихотворение того же типа, которое хорошо известно на языке перевода» [Weaver 1964], а затем переделывает его, но так, что оригинал остается узнаваемым, обеспечивая тем самым искомый комический эффект:

Вот дом,
Который построил жук.
А это певица,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил жук.

О. А. Седакова совершает настоящий подвиг: сначала переводит оригиналы стихотворений, спародированных Кэрроллом, и только потом делая пародию на переводы. Это абсолютно беспрецедентный по своей бережности к оригиналу подход, заслуживающий искреннего восхищения, когда переводчики стараются никак не подмешивать свой идиостиль к авторскому, т. е. не позволяют себе того переводческого волюнтаризма, к которому тяготеют, например, многие переводы «Алисы», где, как в переводе М. Яхнина, каламбуры и словесные парадоксы встречаются в тех местах, где у Кэрролла они отсутствуют, или Алиса становится современницей читателей, как в пересказе Б. Заходера.

Под переводческим волюнтаризмом мы понимаем вид прагматической адаптации, представляющей собой намеренное масштабное вмешательство в лексико-стилистическую ткань оригинала, часто ничем не обоснованное, приводящее в итоге к подмене авторского идиостиля переводческим. Примерами подобной избыточной прагматической адаптации являются переводы романа Джерома Сэлинджера «The Catcher in the Rye», выполненные Р. Райт-Ковалевой и М. Немцовым (ВНИМАНИЕ! ТЕКСТ СОДЕРЖИТ ОБСЦЕННУЮ ЛЕКСИКУ! См. табл.).

Роман Сэлинджера является крайне сложным для перевода материалом, потому что он не просто написан от первого лица. Это предельно эмоциональный нескончаемый монолог семнадцатилетнего подростка, вспоминающего события полугодовой давности. Рядом с ним наверняка присутствует слушатель, вероятно, врач-психоаналитик, как можно догадаться из вступительной главы.

Таблица

В этом-то и все несчастье. Нельзя найти спокойное, тихое место – нет его на свете. Иногда подумаешь – а может, есть, но пока ты туда доберешься, кто-нибудь прокрадется перед тобой и напишет похабщину прямо перед твоим носом. Проверьте сами. Мне иногда кажется – вот я умру, попаду на кладбище, поставят надо мной памятник, напишут «Холден Колфилд», и год рождения, и год смерти, а под всем этим кто-нибудь нацарапает похабщину. Уверен, что так оно и будет («Над пропастью во ржи» / пер. Р. Райт-Ковалевой [Сэлинджер 2017]).	That's the whole trouble. You can't ever find a place that's nice and peaceful, because there isn't any. You may think there is, but once you get there, when you're not looking, somebody'll sneak up and write «F... you» right under your nose. Try it sometime. I think, even, if I ever die, and they stick me in a cemetery, and I have a tombstone and all, it'll say «Holden Caulfield» on it, and then what year I was born and what year I died, and then right under that it'll say «Fuck you.» I'm positive, in fact [Salinger 2010].	Вот где засада вся. Даже такого места не найдешь, где нормально и спокойно, потому что нет таких мест. Только думаешь, что есть, а доберешься до него, чуть отвернешься – и кто-нибудь подлезет втихушку и прямо у тебя перед носом напишет «х... вам». Сами попробуйте. Я так даже прикидываю, что вот сдохну когда-нибудь, и сунут меня в могилу на кладбище, и будет у меня надгробье и всяко-разно, и на нем «Холден Колфилд» написано, а потом год, когда родился, и год, когда помер, а прямо под низом будет: «х... вам». К бабке не ходи («Ловец на хлебном поле» / пер. М. Немцова [Сэлинджер 2016]).

Речь подростка с ее рваным ритмом, разными темпами, когда он то прячется за словами, то становится неудержимо, болезненно откровенным, передана автором гениально. Можно с сожалением констатировать, что с передачей речевой характеристики героя ни один из переводчиков не справился. Над переводом Райт-Ковалевой явно довлела цензура, которая не пропустила бы сквернословия в книгу для подростков, поэтому оригинал следовало прагматически адаптировать именно с учетом юношеской аудитории и норм советской морали и нравственности.

Речь Холдена Колфилда в переводе Райт-Ковалевой получилась значительно более стилистически нейтральной и «приглаженной», чем в оригинале, и это не раз вменялось ей в вину. Что касается перевода М. Немцова, на наш взгляд неудачного, то это образчик переводческого волюнтаризма в чистом виде, когда переводчик, не сообразуясь с оригиналом, навязывает читателю собственное восприятие текста. «Гремучая смесь» из табуированной лексики, просторечий и молодежного сленга появляется там, где автор позволил себе лишь одно обсценное выражение, при этом искусственность подобного «речевого букета» никак не способствует воссозданию речевой характеристики персонажа при переводе. Вряд ли по его прочтении получится повторить приведенную выше фразу Ю. Найды: «Да, действительно, именно так мы и говорим».

По мнению М. Немцова, роман Сэлинджера необходимо было вернуть современному читателю «без мутных стекол», поскольку «…переводчик каждого поколения делает свою попытку представить этот текст, сделать версию английского исходного текста», а эту, по его словам, «убитую при переводе книгу» он стремился таким образом оживить, считая, что благая цель оправдывает любые средства [Немцов 2015].

Тем, для кого прагматическая адаптация превращается из средства в цель, нелишне будет напомнить слова Я. И. Рецкера: «Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Под “целостностью” перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно

признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами. Иначе говоря, в отличие от пересказа, перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем» [Рецкер 2004].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 174 с.

Гарбовский Н. К. Теория перевода. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. 459 с.

Немцов М. В. Есть книги, убитые в переводе и до сих пор не оживленные. URL : www.m24.ru/articles/%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0/19062015/76345?utm_source=CopyBuf

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М. : Р. Валент, 2004. 237 с.

Урнов Д. Путь к русским читателям // Винтерих Дж. Приключения знаменитых книг / сокр. пер. с англ. Е. Сквайрс ; предисл. и послесл. Д. Урнова. М., 1985. С. 224–225.

Demurova N. Introduction. Sonya and Napoleon: The first Russian translation // Соня въ царствѣ дива. Sonya in a Kingdom of Wonder. A facsimile of the first Russian translation of Alice's Adventures in Wonderland by Lewis Carroll. Evertype, 2013. P. x–xv.

Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. Филологический факультет СПбГУ, Филология три, 2002. 416 с.

Шварц Е. Л. Сказки для театра / Е. Л. Шварц ; сост. Е. И. Исаева ; Е. И. Исаева. М. : Алгоритм : Материк Альфа, 1999. 461 с.

Гёте И. В. Западно-Восточный Диван / пер. А. Михайлова. АН СССР. М. ; Наука, 1988. 895 с. (Сер. «Литературные Памятники».)

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 400 с.

Кэрролл Л. Аня в стране чудес / пер. В. Набокова. Азбука, 2011. 142 с.

Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес / пер. с англ. Н. М. Демуровой ; стихи в переводах С. Я. Маршака, Д. Г. Орловской и О. И. Седаковой. М. : Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1991. 368 с.

Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., Международные отношения, 1978, 131 с.

Сэлинджер Дж. Д. Ловец на хлебном поле / пер. М. В. Немцова. М. : Эксмо, 2016. 320 с.

Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи / пер. Р. Райт-Ковалевой. М. : Эксмо, 2017. 272 с.

Фолсом Ф. Книга о языке / пер. А. А. Раскиной. М. : Прогресс, 1974. 160 с.

Шлейермахер Ф. Д. О разных методах перевода : лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник Московского университета. 2000. № 2. С. 127–145. (Сер. 9 «Филология».)

Lawson V. Out of the Sky She Came: The Life of P. L. Travers. Creator of Mary Poppins, 1999. 416 p.

Nida E. Towards a Science of Translating. Special Reference lo Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden, 1964. 331 p.

Salinger J. D. The Catcher in the Rye. Little, Brown and Company, 2010. 277 p.

Weaver W. Alice in Many Tongues. The Translations of “Alice in Wonderland”. Madison, 1964. 147 p.

УДК 81

А. А. Овсянникова

преподаватель украинского языка каф. английского языка
как второго переводческого факультета МГЛУ; e-mail: oassol@mail.ru

БИЛИНГВИЗМ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА УКРАИНЕ

Статья посвящена различным дефинициям понятия билингвизм, приведены мнения ученых, которые исследовали этот вопрос. Определяется суть билингвизма в условиях современной Украины. В статье дается оценка явления билингвизма как результата межъязыковой ситуации.

Ключевые слова: билингвизм; двуязычие; полилингвизм; полиэтничность.

A. A. Ovsyannikova

Lecturer of the Ukrainian Language, the Department of English
as a Second Foreign Language, the Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: oassol@mail.ru

BILINGUALISM AS A RESULT OF INTER-LANGUAGE CONTACTS ON THE EXAMPLE OF THE LANGUAGE SITUATION IN UKRAINE

In the article author examines definitions of the concept of bilingualism, researclus opinions of scientists that examinated this theme, defines the main point of bilingualism в Украине. In the article the appraisal of bilingualism as a result of wordwide situation.

Key words: bilingualism; multilingualism; multi-ethnicity.

1. Введение

Для понимания языковой вопроса, очень болезненного на Украине, необходимо рассмотреть сегодняшнюю реальную языковую ситуацию.

Понятие «языковая ситуация» В. И. Беликов и Л. П. Крысин в учебнике «Социолингвистика» (2001) характеризуют так: «Компоненты социально-коммуникативной системы, обслуживающей то или иное языковое сообщество, находятся друг с другом в определенных отношениях. На каждом этапе существования языкового сообщества эти отношения более или менее стабильны. Вместе с тем изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной

и национальной политике и другие факторы могут так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов – кодов и субкодов.

Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества формируют языковую ситуацию, характерную для этого сообщества. Понятие «языковая ситуация» обычно применяется к большим языковым сообществам – странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по сути, языковая ситуация – это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования» [Беликов 2001, с. 26].

Если же говорить об особенностях культурно-языковых проблем Украины, то они во многом объясняются полиэтничностью государства вследствие многовековых исторических процессов.

В состав современной Украины входят как территории исторического проживания украинского этноса, так и земли Северного Причерноморья, отвоеванные у турок и татар и освоенные совместно русскими и украинцами в XVIII в., а также сопредельные территории российского государства, еще в XVII в. заселенные беженцами с Украины (Слобожанщина). Формирование территории Украины было завершено в XX в.: в ее состав по пакту Молотова-Риббентропа вошли территории Волыни и Галиции, ранее входившие в состав Польши (1939); изъятые у Румынии территории северной Буковины и южной Бессарабии (1940); принадлежавшее ранее Чехословакии Закарпатье (1945) и переданный из состава Российской Федерации Крым с преимущественно неукраинским населением (1954).

Неукраинское население, проживающее на присоединенных территориях, и обеспечило высокую степень полиэтничности украинского общества, которая существенно увеличилась в период всеобщей индустриализации, когда резко возросло перемещение населения. В результате этих процессов в ряде регионов сегодня компактно проживают венгры и словаки (Закарпатье), румыны и молдаване (Буковина и Бессарабия), гагаузы (Бессарабия) и русские (Причерноморье, Восток Украины и крупные города центральной Украины). Всего же в Украине проживают представители около 130 национальностей, в том числе 16 национальных групп, численность каждой из которых превышает 20 тыс. человек.

По результатам опроса, приуроченного к 20-летию Независимости государства и проведенного компанией Research & Group в августе 2011 г., мнения украинцев по языковому вопросу разделились практически поровну. За украинский язык в качестве единственного государственного языка выступало 48 % украинцев, а за два государственных языка (украинский и русский) – 49 % украинских граждан [Опрос: Каждый второй ...], что стало результатом административных методов проведения украинизации, сокращения численности русскоязычных школ, обязательного перевода фильмов и рекламных роликов на украинский язык, ограничения ввоза литературы на русском языке в страну.

2. Билингвизм как результат межъязыковых контактов

Билингвизм – следствие межъязыковых контактов. В современной языковедческой литературе относительно понятия языкового взаимодействия существует ряд выражений: «языковые контакты», «взаимовлияние языков», «смешение языков», «скрещивание языков», «иноязычное влияние», самыми популярными из которых являются «взаимодействие языков» и «языковые контакты» [Хауген 1972, с. 61–80].

Лингвистический энциклопедический словарь трактует языковые контакты (от *лат*. Contactus – прикосновение) как взаимодействие двух или больше языков, которое влияет на структуру и словарь одного или многих из них [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 237].

В современном языкознании существует огромное количество определений понятия «билингвизм». Как общепринятое определение двуязычия (от *лат*. bi «два» и lingva «язык») его трактует американский лингвист У. Вайнрайх, называя двуязычием практику попеременного использования двух языков, а тех, кто им пользуется, определяет как двуязычных людей [Вайнрайх 1979]. В энциклопедии «Украинский язык» билингвизм определяется как «практика индивидуального или коллективного использования двух языков в рамках одного государства или социальной группы в соответствующих коммуникативных сферах» [Українська мова ... , с. 122].

Существует мнение, что билингвом является только тот, кто в совершенстве владеет двумя языками и свободно переходит от пользования

одним к пользованию другим. Если взять за основу определение М. В. Аврорина, который считает, что «двуязычием следует признать одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [Аврорин 1972, с. 51], то на Украине под это определение попадает достаточно небольшой процент населения, как правило с высшим образованием, занимающийся научной, педагогической или дипломатической деятельностью.

Если мы рассмотрим классификацию билингвизма Т. Бертагаева по степени владения другим языком, согласно которой билингвизм делится на:

1) нормированный, который характеризуется соблюдением грамматических, лексико-семантических и фонетических норм;

2) односторонний нормированный, когда билингв соблюдает нормы только одного языка, в основном родного;

3) ненормированный – использование второго языка с нарушением его норм частично или полностью [Бертагаев 1972, с. 84], и применим ее к языковой ситуации на Украине, то самым распространенным на Украине будет ненормированный билингвизм, который близок с так называемым суржиком, на втором месте по распространенности – билингвизм односторонний нормированный и менее распространенным – нормированный билингвизм.

В современных исследованиях многоаспектной проблемы многоязычия перекрещиваются разные подходы – философский, психологический, лингвистический, социальный и т. д. Эти проблемы исследуют Л. Масенко, О. Сербенская, М. Кочерган, А. Загнитко, О. Черничкина, Л. Щерба, В. Бондалетов и многие другие. И невозможно не согласиться с мнением В. Русанивского, что билингвизм – это «большое культурное достижение и его развитие никак не является преградой на пути развития национальных языков, а наоборот, он может быть одним из важных источников дальнейшего развития национальных языков» [Філософські питання мовознавства 1972, с. 160].

В украинском языкознании билингвизм рассматривается, в основном, в контексте двух языковых практик: русско-украинской или украинско-русской. Среди многочисленных исследований последних лет наиболее интересными с этой точки зрения являются работы Л. Масенко, И. Кононова, Б. Ажнюка, Р. Кися и др.

3. Языковая ситуация на Украине

Невозможно не вспомнить и еще одну разновидность билингвизма – государственный билингвизм, при котором население определенной страны владеет двумя языками, признанными в этой стране официальными (например, в Бельгии официальными языками являются французский и фламандский, в Индии – хинди и английский, в Канаде – английский и французский и т. д.).

На Украине эта разновидность билингвизма давно становится камнем преткновения и началом многих сегодняшних социальных и политических проблем. Если и говорить о билингвизме относительно Украины, то речь, скорее, будет идти о региональном билингвизме, при котором двумя языками владеет население определенного региона. Это понятие применимо в нашей ситуации, поскольку, например, на востоке Украины распространен украинско-русский билингвизм, на западе – украинско-польский, украинско-венгерский, частично украинско-румынский.

Существование украинско-польского двуязычия является примером регионального и длительного билингвизма, поскольку уже во второй половине XIX – начале XX в. языковой вопрос был одним из самых главных для жителей Галиции, Буковины и Закарпатья, находящихся на территории единой Австро-Венгерской империи. Правительства стран, в состав которых входили украинские земли в этот период, прекрасно понимали, что для полного подчинения украинских земель необходимо, в первую очередь, ограничить использование украинского языка. В большинстве школ в восточной Галиции обучение велось на польском языке, в Северной Буковине – на немецком, в Закарпатье – на венгерском. В Галиции украиноязычные учреждения образования превращались в школы с польским языком преподавания, а украинские гимназии – в двуязычные, что способствовало искусственному распространению коллективного билингвизма.

В этой связи мы можем говорить и о массовом, и об индивидуальном билингвизе. И если, согласно Л. Масенко, причиной массового или тотального билингвизма, как правило, становится колониальная зависимость [Семчинський 1988], то индивидуальное двуязычие – в большинстве сознательный выбор индивидуума. При этом следует учитывать, что индивидуальный билингвизм может быть от рождения, когда ребенок растет в семье, где родители разговаривают с ним

на двух языках; как результат межъязыковой интерференции вследствие проживания около границы с другим государством; социально принудительным, возникающим, когда эмигрантам приходится изучать язык страны своего проживания, и научным и художественным, который наблюдается в тех случаях, когда деятели культуры во время написания своих работ пользуются несколькими языками.

Истоки украинско-польского билингвизма мы обнаруживаем еще в XVI в. и на протяжении трех следующих столетий, когда многие украинские писатели, ориентируясь на достижения польской литературы, писали на польском языке, среди которых были и преподаватели Киево-Могилянской коллегии, такие как С. Косив, И. Оксенович-Старушич, И. Гизель, И. Галятовский, Т. Прокопович, С. Яворский, Л. Баранович и другие. Вспомним и о сотрудничестве польской группы писателей «Ziewonia» (А. Беловский, Л. Семенский, Й. Дунин-Борковский) и украинской «Руської трійці» (М. Шашкевич, Я. Головацкий и И. Вагилевич) на почве любви к украинскому фольклору и его исследований. Примеров двуязычия авторов в украинской литературе немало. Однако выбор западноукраинских писателей пользоваться польским часто вызывал противоречивые мнения и оценивался как факт языкового, а значит, и национального отступничества. Такую же оценку сегодня дают тем украинским писателям, которые сделали свой выбор в пользу русского языка.

Из сказанного можно сделать вывод, что немало писателей принадлежали не одной, а нескольким национальным культурам – украинской и польской на Западной Украине, и украинской и русской – в Центре, на Юге и Востоке. Вспомним Николая Гоголя, творившего исключительно на русском языке, или великого украинского поэта Тараса Шевченко, слагавшего стихи исключительно на украинском, но пишущего свои дневники и прозу на русском.

Одна из первостепенных ролей в «языковом вопросе» принадлежит государству. С целью укрепления позиций украинского языка в 1989 г. в Украинской ССР был принят Закон «О языках в Украинской ССР», который имеет юридическую силу до сих пор. Украинские ученые оценивали и оценивают этот Закон как «либеральный и недостаточно конкретный» и с сожалением констатируют «очень медленные темпы воплощения его в жизнь» [Антоненко-Давидович 1972, с. 45].

Специалист в сфере политической лингвистики Л. Нагорная, которая исследовала диапазон возможностей политической лингвистики относительно Украины, отмечала, что «несмотря на серию ответственных постановлений, государственный культурно-языковой протекционизм относительно украинского языка так и не стал составляющей отечественной гуманитарной политики. Тем не менее нельзя не видеть и того, что реальные условия предпочтений населения вне западного региона до сих пор склоняются в сторону русского языка. Часть нероссиян, которые считают родным русский язык, в Украине в течение 1989–2000 гг. не только не уменьшилась, но даже увеличилась на 1,89 % (среди украинцев – на 2,53 %)» [Нагорна 2005, с. 237].

О чем же свидетельствуют сегодняшние социологические опросы, касающиеся языкового вопроса, которые не охватывают жителей Крыма и Востока Украины, где преимущественно проживает русскоговорящее население? Так, по данным крупного соцопроса, проведенного совместно ведущими социологическими центрами Украины (КМИС, Рейтинг, СОЦИС, а также Центр имени Разумкова), в котором приняли участие 14 тыс. человек, в качестве основного языка повседневного общения украинский язык используют 50,5 % населения Украины.

Всем респондентам задавали вопрос о том, на каком языке они общаются дома. Согласно результатам исследования, больше всего украинцев, говорящих преимущественно на украинском языке, проживает на западе (97,2 %) и юго-западе (91,6 %) страны. Русский язык в качестве основного языка повседневного общения используют 24 % опрошенных. Столько же (24 %) ответили, что говорят и на украинском, и на русском языках.

Также в статье говорится: «Результаты опроса свидетельствуют, что вслед за значительным увеличением деклараций об украинской национальной идентичности аналогичных изменений в языковой практике не произошло. Люди, с этой точки зрения, консервативны и не склонны к изменению общепринятой практики. Зато симптоматична ситуация в Киеве, где впервые людей, которые дома разговаривают исключительно на украинском языке, стало больше, чем тех, кто общается исключительно на русском» [Более 50 %. Соцопрос показал, сколько украинцев ...].

При этом, согласно опросам фонда «Демократические инициативы» и Киевского международного института социологии, 69 % граждан Украины высказываются «за» преподавание в школах на украинском языке, 13 % – «против». В то время как в 1991 г. с преподаванием на украинском соглашался 51 % респондентов, и не поддерживали его 27 % [На украинском языке в повседневном общении ...].

4. Выводы

Итак, современная человеческая цивилизация не может существовать без активного контактирования языков и культур, что в свою очередь увеличивает их функциональное и территориальное взаимовлияние.

Языковая ситуация на Украине сложна, многослойна, в каком-то отношении уникальна и, судя по всему, окончательно решена будет не скоро, хотя события последних лет, напрямую связанные с языковым вопросом в стране, свидетельствуют о том, что уже в обозримом будущем говорить о массовом русско-украинском билингвизме в Украине не будут, поскольку большинство населения или по собственной воле, или в силу необходимости отдаст предпочтение украинскому языку. Если и будут говорить о билингвизме, то только об индивидуальном. И, возможно, об украинско-английском, украинско-французском или каком-то еще.

Что же касается предмета нашего исследования, то до сих пор актуально мнение украинского ученого-лингвиста Л. П. Нагорной, высказанное в начале 2000-х гг.: «Давно пора понять огромный вред, являющийся следствием превращения языка в орудие политической борьбы ... настоящей бедой является такое взаимопроникновение элементов обоих языков, которое превращает бытовой язык в “суржик”. Разъединительным фактором в Украине является совсем не язык, а фобии, которые появляются на основе искусственно поддерживаемой идеологической конфронтации» [Нагорна 2005, с. 269]. Л. П. Нагорная со всей ответственностью ученого, хорошо знающего проблему, предостерегала: «Чтобы русифицированные города заговорили на украинском, совсем не нужно ограничивать или вытеснять русскую культуры; нужно больше заботиться обо всей сфере науки и культуры, вывести ее на интеллектуальный уровень, достойный украинской нации...» [Нагорна 2005, с. 295–296].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврорин В. А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М. : Наука, 1972. С. 49–62.

Антонечко-Давидович Б. Д. Як ми говоримо / уклад. Я. Б. Тимошенко. К. : Либідь, 1991. 254 с.

Беликов В. И. Социолингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.

Бертагаев Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М. : Наука, 1972. С. 82–88.

Более 50 %. Соцопрос показал, сколько украинцев говорят на родном языке в повседневной жизни. URL : nv.ua/ukraine/events/bolee-50-sotsopros-pokazal-skolko-ukraintsev-govorjat-na-rodnom-jazyke-v-povsednevnoj-zhizni-1335295.html

Вайнрайх У. Языковые контакты. К., 1979. 262 с.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. 458 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.

Нагорна Л. П. Політична мова і мовна політика: Діапазон можливостей політичної лінгвістики. К. : Світогляд, 2005. 315 с.

На украинском языке в повседневном общении говорят более половины украинцев, – соцопрос. URL : 112.ua/glavnye-novosti/na-ukrainskom-yazyke-v-povsednevnom-obshhenii-govoryat-bolee-poloviny-ukraincev--socopros-396356.html

Опрос: Каждый второй украинец общается дома на украинском языке. URL : korrespondent.net/ukraine/politics/1258712-opros-kazhdyj-vtoroj-ukrainec-obshchaetsya-doma-na-ukrainskom-yazyke

Українська мова. Енциклопедія // В. М. Русанівський, О. О. Тараненко. К. : Укр. енциклопедія, 2000. 752 с.

Семчинський С. В. Загальне мовознавство [підручник]. К. : Вища школа, 1988. 328 с.

Філософські питання мовознавства / відп. ред. В. М. Русанівський. К. : Наукова думка, 1972. 199 с.

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 61–80.

УДК 811.1

Т. В. Осипова

доцент каф. перевода французского языка МГЛУ;
e-mail: mglu@inbox.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ЕГО ПЕРЕДАЧА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассматривается возможность преодоления культурных различий между этническими группами, обладающими различной «картиной мира». В ней анализируются отношения между различными менталитетами в различных языках. Также изучаются пути передачи неизбежных лексических несоответствий и других языковых явлений, что необходимо для развития культурного диалога при переводе художественной литературы.

Ключевые слова: культурология; языковая картина мира; «коммуникативно равноценный текст»; языковая «матрица»: межкультурная асимметрия; субъективные предпочтения; «привнесенная» культура; эстетическая позиция автора.

T. V. Osipova

Associate Professor, French Language Translation and Interpreting Department
Faculty of Translation and Interpreting, MSLU; e-mail: mglu@inbox.ru

THE CULTUROLOGICAL ASPECT AND ITS RENDERING WHEN TRANSLATING FICTION TEXTS

The article reviews possibilities of overcoming cultural barriers between ethnic groups that have a different “picture of the world.” It analyses the relationships between various mentalities and imagery in different languages. It also studies ways of dealing with the inevitable lexical gaps and other language phenomena, which is crucial for having and developing a cultural dialogue when translating fiction literature.

Key words: culturology, “a picture of the world,” “a communicatively equivalent text”, cross-cultural asymmetry, a “superimposed” culture, the author’s esthetic position.

По мнению лингвистов, особую значимость сегодня приобретает вопрос о двух взаимодействующих подходах к таким понятиям, как «язык» и «общество». С одной стороны, язык воспринимается как социально-культурное образование, которое отражает характерные черты определенного этноса, являющегося носителем определенной культуры, отличной от других. Другой подход изучает виды вариативности в языке, что связано с многогранностью общественной,

социальной и профессиональной жизнью и других различий между людьми в рамках одной и той же культуры.

Особенности взаимосвязей между языком и культурой до сих пор остаются актуальными для лингвистов. Следует, однако, подчеркнуть, что в последнее время понятие «культура» получает всё более широкое толкование. Это не только совокупность материальных и духовных ценностей прошлого, но также особенности исторических, социальных и психологических факторов, типичных для данного народа, его образа жизни, традиций быта, иначе говоря, это все стороны бытия и сознания. Такой подход включает в себя и понятие «язык», и другие виды вербальной коммуникации.

В теории лингвистики новая дефиниция понятия «культуры» стала развиваться в двух направлениях. С одной стороны, результатом такого развития явилось появление такой науки, как «культурология», представляющей собой важную составляющую глобальных наук о человеке.

С другой стороны, уже традиционная проблема «язык и культура» приобрела новую значимость и размах.

Язык как инструмент вербальной коммуникации составляет наиболее значительную часть культуры. Но следует учитывать неоднородный и опосредованный характер связи языка с другими элементами культуры. Формирование и развитие языковых культур происходит не только в результате влияния внешних факторов, но и определяется внутренними законами, которые воздействуют на существующие уже когнитивные и языковые системы, воспринимающиеся как единое целое.

Для лингвистов-переводчиков большой интерес представляет собой исследование закономерностей и особенностей языка, прямо или косвенно обусловленных культурой носителей этого языка, т. е. их индивидуальным видением мира, их менталитетом. Мышление и восприятие человеком картины мира непосредственно связано с языком, на котором он говорит.

Культура, язык и традиции создают так называемую матрицу, в которой, по мнению профессора Н. Г. Валеевой, формируется индивидуальное сознание человека в рамках одного и того же этноса. Поскольку языковые структуры у различных народов различаются, то и сама картина мира строится у них по другим законам. Однако общий

характер восприятия мироздания, образ жизни, ментальность не зависят от отдельных социальных групп и индивидуумов. Сама культура создает определенную невидимую среду, за пределами которой люди не могут выйти. Субъективно они ей подчинены, но считают себя свободными.

Можно сказать, что культура реализуется именно через язык (в нашем случае язык художественных произведений). Он образует самобытную среду существования культуры. Информацией о национальной ментальности может стать любой аспект языка: лексический, грамматический, стилистический, прагматический и другие. Причем национальная специфика проявляется как на уровне целостных произведений, так и в повседневной жизни или разговорной жизни. Своеобразие множественности культур и национальных картин мира не служит барьером для взаимопонимания различных этносов и преодолеваются при помощи *перевода*.

По мнению В. Н. Комиссарова, «перевод – это вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста органически передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста [Комиссаров 1990, с. 43]. Главная проблема здесь заключается в том, что практически невозможно передать все тонкости оригинального текста, имеющего свой собственный понятийный механизм. Поэтому и возникает проблема межкультурной асимметрии. Она проявляется на разных уровнях языковой структуры, в правилах вербальной коммуникации, в способах описания внеязыковой действительности. В этом отношении значительный интерес представляют факты различия значения и употребления некоторых лексических единиц, реалий окружающего нас мира.

Язык непременно выражает определенное мировидение культуры. Не случайно немцы находятся «на улице» (auf der Strasse), а французы «dans la rue» (*букв*. внутри улицы). И это происходит потому, что понятие улицы неодинаково. Для французов она состоит из проезжей части и домов, которые ее обрамляют и исторически строившихся выше мостовой.

Также у французов нет такого понятия, как «форточка» (особенно это касается частных домов и особняков). И если даже словарь даст вам при переводе немецкое заимствование «Vasistas», многие французы этого не поймут. Дело в том, что форма окна у них совсем

другая. У французских дизайнеров и архитекторов есть даже термин «французское окно», которое идет от потолка до пола и открывается как балконная дверь или снизу. Интересны также различия с исчислением недель и месяцев. Француз никогда не скажет: «Моему ребенку полтора года», он скажет: «Моему ребенку 18 месяцев». 3 часа ночи для французов уже утро. Различия в видении картины мира определяется и на уровне лексических соответствий при переводе целостных произведений. Например, в русском переводе повести французского автора Жана Лаффита «Nous retournerons cueillir les jonquilles» – буквальный вариант звучал бы следующим образом: «Мы вернемся за жонкилями». По словарному значению «жонкиль – цветок, разновидность нарцисса с мелкими желтыми соцветиями». Понятие неизвестное широкому читателю, поэтому переводчик применил здесь метод адаптации и заменил «жонкили» на «подснежники» (незнакомое на знакомое), придав этому названию повести и образное, и эмоциональное значение. Подснежник для русских – это символ надежды на лучшее, на приход весны, а вместе с ней и новых радостей и счастья. Такой подход вполне согласуется с нормами перевода художественных текстов, когда переводчик обязан сохранить эстетические достоинства произведения на языке перевода. Для достижения образности и авторской эстетической позиции переводчику подчас приходится отказываться от максимальной точности в передаче содержания оригинала. Да это и не всегда возможно. Скажем, французское слово «repas» не имеет точного соответствия в русском языке, приблизительными вариантами перевода могли бы быть следующие значения: «прием пищи», «еда», «трапеза». Однако они далеко не всегда могут быть использованы в конкретном контексте из-за проблемы несочетаемости или стилистической окрашенности.

В современной теории и практике перевода подчеркивается необходимость сохранения национального и эмоционального колорита произведения, а не сглаживания «острых углов». В этой связи наглядным примером будет анализ сравнения трех переводов романа «Кола Бреньон» французского писателя Р. Роллана. «Qui fol naquit, jamais ne guérit». Первый перевод: «Кто родился безумцем – безумцем помрет (В. Сирин), второй перевод: «Кто сумасшедшим родился – никогда не выздоровеет» (М. Елагина) и третий перевод: «Если кто сумасброд, тот таким и умрет» (М. Лозинский) [Щетинкин 1987, с. 14]. Несложно

заметить, что все три перевода верно передают смысловое содержание исходного текста, но адекватным можно считать лишь последний вариант, в котором сохранено не только понятийное содержание текста, но и выразительность формы, близкой к стихотворному ритму, в котором написана книга.

Большое внимание в теории и практике перевода также уделяется проблеме интерференции. Постоянное взаимодействие двух языков и процесс глобализации (французы для обозначения этого процесса даже придумали себе свое слово «mondialisation») подчас приводит бессознательно к тому, что недостаточно квалифицированный переводчик начинает «скатываться» к буквализму, который не раз подвергался резкой критике, особенно при переводе художественных текстов. Примеров тому большое множество.

Когда Джордж Оруэлл в своей сатирической книге «Скотный двор» дает хряку, обладающему характером настоящего тирана имя «Наполеон», это вполне понятно для представителя английской культуры, но нужно ли было всё оставлять на своих местах при переводе на французский язык? Если бы это произошло, французский реципиент не воспринял бы это так же, как и английский, поскольку имя Наполеона священно для французов. Но переводчик понял проблему, хотя его вариант и не является безупречным, поскольку полного соответствия достигнуто не было. Тем не менее он назвал хряка Цезарем.

Не менее красноречивы в этом отношении примеры буквализма, которые приводит К. Чуковский в своей книге «Высокое искусство»: adresse de singe – это не обезьяний адрес, а ловкость обезьяны, le plongeur à l'hôtel – не пловец в гостинице, а посудомойка. Или: «Она со своей стройной талией молодой девушки, слушала его стихи» [Чуковский 2001, с. 145].

На эту же тему высказывался известный французский просветитель Вольтер в своем произведении «Философские письма» еще в XVIII в.: «Горе переводчикам-буквалистам, которые переводят каждое слово, искажая смысл! Вот повод сказать, что буква убивает, а ум вдыхает новую жизнь».

Следует подчеркнуть, что в задачу переводчика входит понимание художественного текста, эстетических позиций автора, поиск эквивалентных соответствий на уровне стилистики, лексики, грамматики и других аспектов языка. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что

большое значение в этом процессе играет подготовка переводчика как в теоретическом плане, так и практическом.

Никто не будет спорить о том, что любой перевод, а особенно художественный, является творческим процессом. И научить переводчика художественному переводу невозможно, уповая на талант, якобы данный ему от Бога, хотя и такая составляющая играет большую роль, но вполне реально научить отделять главную информацию от второстепенной. Дать ему понятие о границах перевода, чтобы не скатываться к буквализму, боясь отойти от оригинального текста, но и не впадая в другую крайность – неоправданно далеко отходить от оригинального текста в соответствии с о своими субъективными предпочтениями. Избавить его от неплодотворного и долгого процесса поиска собственного пути методом проб и ошибок, который не всегда приводит к положительным результатам.

Культурная компетенция переводчика играет первостепенную роль, поскольку сознание каждого индивидуума непосредственно зависит от объема «привнесенной» культуры, знания о которой переводчику необходимо пополнять. В качестве примера можно было бы привести особенности перевода названий художественных произведений и кинофильмов. Так в газете «Либерасьон» появилась статья под названием «Преподаватели на грани нервного срыва», речь шла о том, что во Франции перед преподавателями встают большие проблемы с использованием новейших технологий в учебном процессе. Переводчику же надо было знать, что журналист использовал в названии фильм-комедию известного испанского режиссера Педро Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва», делая ставку на успех, на узнаваемость названия фильма, используя определенную долю иронии, чтобы привлечь внимание общественности к данной проблеме. Переводчику же необходимо знание этой экстралингвистической информации, чтобы, сохраняя все культурные маркеры автора, помочь реципиенту воспринять их. Для этого ему необходимо постоянно пополнять свои экстралингвистические знания. Как уже было сказано, современная теория перевода подчеркивает необходимость сохранять специфику оригинала. Но имеет смысл сохранять те элементы, которые индивидуум может воспринять как характерные для «чужеродной» культуры. Особое значение надо придавать понятиям и предметам, которые по тем или иным причинам не существуют в одном из языков.

Закончить статью хотелось бы на несколько неформальной ноте, имеющей, однако, непосредственное отношение к взаимодействию различных культур. Об этом пишет в своей книге «Наблюдая за французами» английский писатель Стефан Кларк: «вот выражения, способные, если вы того хотите, задеть француза, выставляющего напоказ свой культурный снобизм: «Мой любимый фильм – это «Терминатор-2» (французы считают, что их фильмы самые лучшие), или: «Трюффо – это что, разновидность гриба?» (Франсуа Трюффо, один из известнейших кинорежиссеров Франции 1960-х и 1970-х гг., родоначальник так называемой французской новой волны, в современном мировом кинематографе). «Чем вы еще занимаетесь?» (вопрос к рисующему художнику). «По-моему у этой книжки потерялась обложка». Во Франции у литературных произведений очень скучное оформление. Чтобы завладеть вниманием публики и добиться серьезного к себе отношения, у романа должна быть белая обложка без всяких излишеств, только имя автора и название произведения, написанных мелким шрифтом. Всё самое ценное – внутри.

Таким образом, оригинальный текст, будучи инструментом межкультурного общения, одновременно принадлежит к двум культурам. Художественный текст не только воздействует на реципиента, но и сам он подвергается влиянию иноязычной культуры. Выявление этого механизма имеет большое значение для развития процесса межкультурной коммуникации, и, стало быть, культурного диалога между различными этносами и, как следствие, возможностью передачи культурологических препятствий в различных языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адзиева З. Х., Ярова Я. Р. Культурологический аспект художественного перевода // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Махачкала : ДГПУ, 2011. № 4. С. 82–85. (Серия: общественные и гуманитарные науки.)

Бузаджи Д. М. Чему можно научить переводчиков художественной литературы? // Актуальные проблемы теории и практики художественного перевода в странах СНГ : материалы Междунар. науч. симпозиума. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 27–32.

Валеева Н. Г. Культурологический аспект перевода // Актуальные проблемы практического курса перевода в вузе : материалы научно-практической конференции. М. : Академия ФСБ ПФ, 2005. С. 93–99.

Ветошкин А. А. Межкультурная коммуникация и перевод //Актуальные проблемы практического перевода в вузе : материалы научно-практической конференции. М. : Академия ФСБ ПФ, 2005. С. 100–110.

Гусаров Д. А. Прагматика перевода: культурологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 11 с.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 43 с.

Чуковский К. И. Высокое искусство. Т. 3. М. : Терра, 2001. 603 с.

Щетинкин В. Е. Пособие по переводу с французского языка на русский. М. : Просвещение, 1987. 160 с.

Кларк С. Наблюдая за французами : пер. с англ. М. : Рипол-классик, 2011. 320 с.

УДК 811

Я. Е. Пакулова

старший преподаватель кафедры японского, корейского, монгольского
и индонезийского языков МГИМО-Университет; e-mail: cla5h@mail.ru

СПОРНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ, ТРЕБУЮЩИЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ, НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ КОРЕЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье обсуждаются спорные методические решения и грамматические моменты, требующие переосмысления, на начальном этапе обучения корейскому языку в российских вузах. Автор описывает существующие проблемы и в ряде случаев предлагает варианты решения.

Ключевые слова: методические решения; объяснения грамматики; начальный этап обучения корейскому языку.

Ya. E. Pakulova

Senior lecturer of Department of Japanese, Korean, Indonesian
and Mongolian Languages, MGIMO University;
e-mail: cla5h@mail.ru

CONTROVERSIAL METHODICAL DECISIONS AND GRAMMATICAL ASPECTS AT THE BEGINNING STAGE OF TEACHING KOREAN

The article deals with the controversial methodical decisions and grammatical aspects at the beginning stage of teaching Korean in Russian higher education institutions. The author describes existing problems and offers some possible decisions.

Key words: methodical decisions; grammar explanations; teaching Korean for beginners.

На наш взгляд, наиболее серьезными проблемами в преподавании корейского языка в российских вузах на современном этапе являются: а) инерция (переписывание грамматических объяснений из изданных ранее учебников или грамматик вместо их переосмысления или хотя бы проверки на предмет соответствия современной языковой реальности); б) отсутствие творческой мысли при написании учебников (слепое копирование учебников по западным языкам или учебников, выпускаемых в РК, которые ориентированы в первую очередь на зарубежных этнических корейцев); в) снисходительное отношение

к ошибкам студентов, мотивируемое тем, что «всё равно корейский язык такой трудный, что научить ему невозможно».

В данной статье мы хотели бы коснуться таких вопросов, как спорные методические решения и грамматические моменты, требующие переосмысления, на начальном этапе обучения корейскому языку, которые представляют собой частные случаи вышеперечисленных общих проблем.

1. Спорные методические решения

а. Поэтапное введение алфавита

Некоторые преподаватели (и учебники) с целью облегчения знакомства с корейским языком прибегают к такому спорному решению, как поэтапное введение алфавита. Это решение представляется странным прежде всего потому, что корейский алфавит настолько логичен и прост в изучении, что, как показывает опыт, любой, даже самый неспособный студент, может освоить за неделю все 40 графем, включая дифтонги. Однако главная проблема здесь заключается в том, что затягивание изучения алфавита по времени приводит к тому, что у студентов формируется тематически нескомпонованная лексическая база в силу «привязки» лексики не к определенной теме или грамматике, а к группе графем. В результате лексический запас, сформированный у студентов, не позволяет составлять сколько-нибудь адекватные по содержанию предложения для практики изучаемой грамматики. Можно подумать, что на начальном этапе это не так важно, поскольку упражнения на перевод, особенно с русского языка на корейский, предназначены не столько для последующего воспроизведения в реальной жизни, сколько для отработки навыков перевода определенных грамматических форм. Однако опыт показывает, что подобная практика приводит к тому, что студенты начинают воспринимать корейский язык как некий не существующий в реальном мире и не употребляющийся в жизни набор слов и грамматических конструкций, а не как язык, на котором люди действительно говорят и общаются друг с другом.

б. Неоправданное копирование последовательности подачи грамматического материала из учебников по европейским языкам.

Как мы уже говорили, отсутствие оригинальной концепции подачи грамматического материала, которая была бы максимально

эффективна именно для преподавания корейского языка, является одной из трех главных проблем преподавания корейского языка в российских вузах. Несмотря на то, что корейский язык изучается в российских вузах вот уже на протяжении более полувека, учебники по корейскому языку по-прежнему копируют последовательность подачи грамматики из учебников по европейским языкам, не задумываясь о том, что грамматические конструкции, которые являются достаточно легкими для понимания в европейских языках, будучи переложены на корейский язык, представляют серьезные трудности, особенно для первокурсников. Прежде всего, речь идет о введении в первых уроках пары вопрос – ответ по принципу «что это? – это стол; кто это? – это студент». Если в европейских языках подобные модели предложения довольно просты, поскольку практически полностью совпадают с аналогичными предложениями в русском языке, за исключением необходимости использовать вспомогательные глаголы со значением «быть, являться», то в корейском языке чтобы построить предложение типа «это сумка», нужно освоить: а) три указательных атрибутива; б) служебное существительное -것 [-кот] «то, что»; в) связку -이다 [-ида] «быть, являться»; г) окончание почтительной степени вежливости. Более того, для того чтобы сказать «это студент», нужно усвоить, что здесь для выражения русского «это» вместо служебного существительного -것 [-кот] придется использовать полнознаменательное существительное 사람 [сарам] «человек» или его гонорифический вариант -분 [-пун] «*почт.* человек; господин, госпожа». И дело здесь даже не в том, что, как правило, студенты не в состоянии освоить весь этот массив новой грамматической информации, сколько в том, что подобная подача грамматики приводит к ряду серьезных проблем. Во-первых, студенты не могут освоить оба варианта окончаний почтительной степени вежливости -ㅂ니다 / 습니다 [-мнида / сымнида], поскольку эта модель предложения позволяет практиковать только окончание -ㅂ니다 [мнида]. Во-вторых, отсутствие адекватного контекста не позволяет студентам понять разницу между тремя указательными атрибутивами. Опыт показывает, что студенты не понимают, какой из трех атрибутивов указывает на объект, реально присутствующий в поле зрения в момент говорения, а какой – нет. В результате чего студенты, как правило, выбирают для активного использования какой-то один из атрибутивов, обычно 그

[кы] «тот, та, то», и используют его в дальнейшем как некий универсальный вариант. В-третьих, данная модель предложений не позволяет студентам освоить показатели именительного падежа, поскольку в силу своей семантики в предложениях подобного типа (как в вопросе, так и в ответе) подлежащее, как правило, оформлено частицей -은 / 는 [-ын / нын], которая выделяет его как тему высказывания. В результате студенты начинают воспринимать -은 / 는 [-ын / нын] как показатель именительного падежа, а впоследствии, узнав о наличии подлинного именительного падежа, не могут усвоить, в каких случаях для оформления подлежащего употребляются показатели именительного падежа, в каких [-ын / нын] и в чем между ними разница.

в. Личное местоимение 당신 *[танъсин]*
и местоимения третьего лица 그 / 그녀 *[кы / кынё]*

Несмотря на то что в целом ситуация с личным местоимением 당신 [танъсин], которое долгие годы выдавали за эквивалент русского вежливого «вы / Вы», улучшается, некоторые преподаватели (как и некоторые учебники) по-прежнему знакомят с ним студентов, мотивируя это желанием облегчить студентам вхождение в язык. Однако на практике подобная снисходительность приводит к тому, что студенты не понимают принципов общения в корейском обществе и, как следствие, не умеют пользоваться лексико-грамматическими способами косвенного указания на собеседника. В частности, попустительское отношение к тому, что студенты «забывают» инфиксировать суффикс -[으]시- [-(ы)си-] в сказуемое предложения, подлежащим которого является собеседник или субъект, требующий уважительного отношения, приводит к тому, что студенты так никогда и не осваивают этот способ грамматического указания на собеседника. То же самое относится и к употреблению категории направленности действия (личного отношения) -아 / 어 주다 / 드리다 [-а/о чуда/тырида], которая также позволяет указать на собеседника в том случае, когда он является объектом, в интересах которого совершается действие, особенно в предложениях, в которых употребление этой категории является неочевидным с точки зрения русского языка. Как только студенты освоили эту аспектуальную форму глагола, они должны ее использовать в каждом предложении, в котором она подразумевается, и на это следует обращать пристальное внимание, иначе студенты просто не усвоят эту

грамматику, поскольку она не имеет аналога в русском языке. То же самое относится к использованию суффикса -[으]시- [-(ы)си-].

Введение в речевой обиход студентов первого курса личных местоимений 그 / 그녀 [кы / кынё] «он, она» представляется исключительно вредным, недопустимым и порождающим массу проблем. Во-первых, студенты не усваивают способ обозначения третьего лица через сочетание атрибутива и полнознаменательного существительного, который активно используется в разговорной речи. Во-вторых, само допущение использования местоимений 그 / 그녀 [кы / кынё] в учебных предложениях или диалогах, симулирующих разговорную речь, приводит к тому, что студенты не понимают разницы между разговорной речью и письменной. В-третьих, отсутствие объяснения того, что в случае, если женщина является уважаемым лицом, в отношении нее в письменной речи будет употребляться местоимение 그 [кы], а не 그녀 [кынё], приводит к тому, что студенты, читая, к примеру, статью о президенте Пак Кынхе, не понимают, кого в ней называют 그 [кы]. При этом ни в одном из известных нам учебников не приводятся такие слова, как 얘, 걔, 쟤 [йе, ке, че] (이 아이, 그 아이, 저 아이 [и аи, кы аи, чо аи]), которые активно используются в разговорной речи в качестве местоимений третьего лица «он, она» (*букв.* «тот парень; та девушка»).

г. Одновременное, или мало разделенное во времени, введение синонимичных по значению, но отличающихся по способу образования грамматических форм

Опыт показывает, что одновременное, или мало разделенное во времени, введение синонимичных по значению, но отличающихся по способу образования грамматических форм, неизменно приводит к тому, что более сложно образуемая форма не усваивается, будучи вытеснена более простой. Типичный пример: срединная форма -아 / 어 [서] [-а/о(со)] со значением причины всегда вытесняется синонимичной по значению формой -기 때문에 [-ки ттэмун-е] исключительно по причине того, что присоединить к субстантиву на -기 [-ки], который образуется от первой основы предиката, служебное существительное 때문 [ттэмун] в дательном падеже гораздо проще, чем образовать вторую основу, которая подразумевает выбор соединительной гласной и часто различные манипуляции с первой основой предиката, включая

исторические чередования. Кроме того, введение формы -기 때문에 [-ки ттэмун-е], которая относится к официально-письменной речи, в предложениях типа «поскольку у меня было плохое настроение, я не пошел в школу», приводит к непониманию того, что грамматические формы, как и лексические единицы, тоже имеют определенную стилевую принадлежность.

Сюда же можно отнести случаи, когда, знакомя на начальном этапе студентов с сознательно упрощенной формой, мы впоследствии надеемся переучить их на использование более правильной, но сложнее образуемой формы. К примеру, познакомив студентов с возможностью представления путем фразы 제 이름은 와샤입니다 [че ирымын уася-имнида] – *букв*. 'мое имя – Вася'), мы наивно полагаем, что потом, когда студенты освоят косвенную речь, они станут говорить так, как это делают корейцы: 와샤라고 합니다 [уася-раго хамнида] – *букв*. меня называют Вася. Однако опыт показывает, что этого никогда не происходит, ибо сказать 'мое имя – Вася' проще, чем образовать придаточное цитации.

д. Объяснение грамматики посредством перевода на русский язык; недостаточное или неполное объяснение грамматических форм

Вероятно, самая серьезная проблема, имеющаяся на сегодняшний момент в преподавании корейского языка, – это объяснение грамматических форм при помощи их перевода на русский язык. Как следствие, студенты: 1) не умеют различать и использовать грамматические формы, одинаково переводящиеся на русский язык, но по-разному использующиеся в корейском; 2) не понимают грамматической сути изучаемых форм, поскольку воспринимают их не как элементы грамматики, а как некие слова, имеющие определенный перевод на русский язык; 3) не узнают соответствующую грамматическую форму в русском предложении в случае, если она переведена не тем словом или выражением, при помощи которого эта форма объяснялась в учебнике или преподавателем.

К примеру, объяснение составного деепричастия -[으]ㄴ 김에 [-н ким-е] посредством перевода его на русский язык при помощи архаичного выражения «коль скоро» вызывает сомнение в эффективности подобного объяснения хотя бы по той причине, что частотность

употребления -[으]ㄴ 김에 [-н ким-е] в корейском языке гораздо выше, чем архаичного «коль скоро» в русском. Далее, к концу первого года обучения в активе студентов как минимум шесть способов выражения цели, однако они не могут полноценно ими пользоваться, поскольку все шесть форм объясняются как «это означает “чтобы”» без дальнейшей спецификации, как следствие, студенты не понимают разницы между ними.

С объяснением грамматики посредством перевода на русский язык связан ряд недоразумений, которые «кочуют» из учебника в учебника, поскольку авторы склонны переписывать грамматическую часть из уже написанных по-русски учебников или грамматик, не подвергая ее ни малейшему сомнению, несмотря на то, что все грамматики, изданные на русском языке, были написаны в прошлом веке и ни одна из них не является сколько-нибудь полной. Типичный пример подобного недоразумения – суффикс -겠- [-кетт-], которому приписывают значение будущего времени при подлежащем, выраженным 1-м лицом, просто потому, что в ряде случаев сказуемое предложения, содержащее суффикс -겠- [-кетт-], переводится на русский язык глаголом, стоящим в будущем времени, или форма предиката с окончанием -기 [-ки], которую называют инфинитивом просто потому, что в некоторых предложениях она переводится на русский язык инфинитивом русского глагола. Однако, к примеру, в предложении 말씀 좀 묻겠습니다 [мальссым чом мут-кесс-сымнида] – «Позвольте, я у вас кое-что спрошу» или «Разрешите кое-что спросить», несмотря на подлежащее, выраженное 1-м лицом, суффикс -겠- [-кетт-] не только не означает будущее время, но и не переводится будущим временем. Точно так же в предложении 방 안이 무더운데 창문을 열어 드릴까요? [пан ан-и мудоун-де чханмун-ыль ёро-тыриль-ккаё] – «В комнате душно, может быть, открыть окно?» – конечное сказуемое может переводиться инфинитивом русского глагола, однако по-корейски это вовсе не форма с окончанием -기 [-ки].

Недостаточное, или неполное, объяснение является еще одной серьезной проблемой. По сути, если мы не можем достаточно полно объяснить ту или иную грамматическую форму, мы не имеем права спрашивать ее со студентов, поэтому, знакомя студентов с грамматикой, нужно следить за тем, чтобы объяснение было максимально четко сформулировано и снабжено достаточным количеством примеров,

демонстрирующих эту грамматическую единицу в ее наиболее типичном употреблении или окружении.

Примеров недостаточного или неполного объяснения грамматических форм можно привести бесконечное множество, поэтому здесь мы ограничимся всего одним.

Объясняя категорию направленности действия -아 / 어 주다 / 드리다 [-а/о чуда / тырида], нужно показать студентам на примерах, что наличие этой аспектуальной формы позволяет «разгрузить» корейское предложение, избавив его от личного местоимения в дательном падеже:

– 커피를 사 드릴까요? [кхопхи-рыль са тыриль-ккаё] – 'Купить Вам кофе?'
– 네, 사 주세요. [не, са чжусеё] – 'Да, купите, пожалуйста'.

В корейских предложениях нет ни «Вам», ни «мне», но они и не нужны, ибо использование категории направленности действия в каждом случае недвусмысленно указывает на адресата действия.

Вообще, всегда, когда мы говорим студентам, что в корейском языке чего-то нет (грамматически), всегда нужно объяснять, почему корейцы могут без этого обходиться, чем это отсутствующее заменяется. К примеру, неразвитая система местоимений компенсируется суффиксом -[으]시- [-(ы)си-] и категорией направленности действия, отсутствие категории вида у глагола – наличием развитой системы аспектуально-видовых форм и т. д.

е. Отсутствие наращивания грамматической сложности в предложениях для перевода на корейский язык

Несмотря на то, что в учебниках для первого курса авторы заявляют, что предлагаемые упражнения направлены не только на усвоение грамматики конкретного урока, но и на повторение всего пройденного грамматического материала, на деле никакого наращивания грамматической сложности не наблюдается. В последних уроках учебников, где, по идее, в упражнениях должен отрабатываться весь накопленный к концу года грамматический материал, мы видим простые предложения, редко с одним придаточным. Как следствие студенты: а) не умеют переводить с корейского языка сложные предложения с множественными придаточными; б) не умеют переводить с русского языка сложные предложения с множественными придаточными; в) забывают выученную грамматику сразу после ее изучения, поскольку не

имеют возможности для ее постоянной практики. В идеале студент после освоения учебника начального уровня должен иметь в активе весьма солидную грамматическую базу, достаточную для продуцирования предложений с разнообразными деепричастными и срединными формами, а также модальными конструкциями и косвенной речью. Однако на деле единственная форма, которой студенты оперируют со знанием дела, это примитивнейшая срединная форма -고 [-ко], максимум – -고 [-ко]-ко и -지만 [-чиман].

ж. Снисходительное отношение к буквальному переводу с русского на корейский язык и сознательная «русификация» корейской речи; допущение грамматического и лексического калькирования при переводе

Снисходительное отношение к буквализму при переводе с русского языка на корейский на начальном этапе обучения, как и сознательная «русификация» корейской речи, приводит к тому, что студенты впоследствии не только не могут сформулировать свою мысль так, чтобы она была понятна корейцу, но и, естественно, не понимают реальной корейской речи, поскольку она основана на другой картине мира и другом принципе мышления. Простое корейское предложение 어떻게 싫다 그래? [оттокхе сильтха кырэ] – Как скажешь «не хочу»?, доступное студентам лексически и грамматически, тем не менее, вызывает серьезные трудности для понимания и перевода, поскольку студенты: а) не встречают в учебнике прилагательного 싫다 [сильтха] «вызывающий неприязнь», употребленного без дополнения; б) не знают, что местоименный глагол 그러다 [кырода] «делать так» может заменять глагол говорения; в) не знают, что придаточное косвенной речи в разговоре часто теряет окончание -고 [-ко] и т.д.

з. Отсутствие тщательности в отборе грамматических форм и лексики, предлагаемой студентам для активного освоения

Корейский язык отличает исключительное разнообразие грамматических форм и обширность лексического фонда. В условиях, когда для обучения студентов корейскому языку, при этом часто ни в качестве специальности, нам выделено всего четыре года, необходимо очень тщательно подходить к отбору как лексики, так и грамматики, сознательно ограничиваясь лишь теми формами и словами, которые действительно частотно используются и которые студенты,

даже будучи иностранцами, смогут использовать сами. В идеале прежде чем предлагать студентам ту или иную грамматику или лексику, преподаватель или автор учебника должен спросить себя: а нужна ли она им? Для чего, к примеру, студентам-иностранцам, в большинстве своем молодым людям, пригласительные и повелительные формы сказуемости почтительной степени вежливости? Кому они будут приказывать, кого и куда они будут приглашать? Нужно ли студентам-иностранцам знать ономатопоэтические слова? Нужны ли студентам первого курса грамматические формы официально-письменного стиля речи?

2. Грамматические моменты, требующие переосмысления

Как уже говорилось выше, некоторые грамматические недоразумения «кочуют» из учебника в учебник, тогда как давно уже назрела необходимость их пересмотра, поскольку предлагаемые традиционные объяснения не соответствуют реальной языковой действительности. Здесь мы хотели бы рассмотреть три подобных случая.

а. Суффикс -겠- [-кетт-] как способ морфологического образования формы будущего времени предиката

Как уже говорилось выше, суффикс -겠- [-кетт-] не обозначает будущее время, хотя бы по той причине, что в корейском языке не существует морфологического способа обозначения будущего времени, и в принципе не существует будущего времени в общепринятом понимании, поскольку даже конструкция -[으]ㄹ 것이다 [-ль госида] выражает не будущее время, а лишь высокую степень вероятности.

Вообще, суффикс -겠- [-кетт-] как нельзя лучше иллюстрирует существующий в корейском языке антагонизм между 1-м лицом и 2-м лицом в вопросительном предложении, с одной стороны, и 2-м лицом в повествовательном предложении и 3-м лицом в повествовании и вопросе – с другой, когда одна и та же форма изменяет свое значение в зависимости от того, в каком случае она употребляется. Так, суффикс -겠- [-кетт-] с 1-м лицом в повествовательном предложении и 2-м лицом в вопросе имеет значение намерения совершить действие, а со 2-м лицом в повествовании и 3-м лицом в повествовании и вопросе – значение предположения, причем как относительно настоящего или будущего, так и относительно уже свершившегося действия:

제가 먼저 가겠습니다. [че-га мончжо ка-гесс-сымнида] – «Я, пожалуй, уже пойду» (подразумевается «Если вы не возражаете», т. е., по сути, это объявление о своем намерении и ожидание реакции окружающих). 같이 가시겠습니까? [качхи ка-си-гесс-сымнида] – «Не хотите пойти со мной?»

НО:

한국에 오래 사셨으니까 한국말을 잘 하시겠지요. [хангуг-е орэ са-сёсс-ыникка хангунмар-ыль чаль ха-си-гет-чиё] – «Так как Вы долго жили в Корее, Вы, наверное, хорошо говорите по-корейски».

б. Конструкция -게 되다 [*-ке тведа*]

Данная конструкция, как правило, объясняется при помощи формулы «удалось, пришлось, стало», хотя на самом деле это только «стало», и то не всегда просто потому, что по-русски отнюдь не со всеми глаголами можно употребить глагол «стать». В большинстве случаев необходимость употребить по-корейски эту конструкцию вообще не проявляется лексически в русском предложении, поэтому объяснять ее употребление нужно описательно и как можно более четко, чтобы студенты могли «увидеть» ее в русском предложении, даже в отсутствие лексической маркировки. Возможно, будет разумнее и эффективнее, если объяснять -게 되다 [-ке тведа] при помощи выражений «так вышло, что…; так случилось, что…».

в. Деепричастия и срединные формы.

В российском корееведении принято все срединные формы предиката «огульно» считать и называть «деепричастиями», при том что между ними существует принципиальная разница, которая видна невооруженным взглядом. Деепричастия не имеют собственного подлежащего и не образуют самостоятельное придаточное предложение, при этом их время является относительным и определяется по времени главного сказуемого, точно так же, как их отношение к действительности, а значит, деепричастия не могут иметь в своем составе суффикс прошедшего времени -ㅆ- [-сс-] и модальный суффикс -겠- [-кетт-]. Более того, в случае омонимичных форм деепричастие и срединная форма имеют разное значение. Примеры:

– деепричастие -고 [-ко] не присоединяет суффиксы -ㅆ- [-сс-] и -겠- [-кетт-], может употребляться в пригласительных и

повелительных предложениях, имеет значение последовательности действий, тогда как срединная форма -고 [-ко] присоединяет оба суффикса, не может использоваться в пригласительных и повелительных предложениях, имеет значение противопоставления;

– деепричастие -다[가] 보니[까] [-та(га) пони(кка)] имеет значение наступления естественного результата после длительного совершения действия, тогда как омонимичная срединная форма обозначает, что субъект, будучи занят каким-то действием, отвлекшись от него, обнаруживает нечто, при этом то, что он обнаружил, никак не связано с тем, чем он занимался (в отличие от формы -아 / 어 보니[까] [-а/о поникка]) и т. д.

В заключение хотелось бы сказать, что данную статью не следует воспринимать как требование немедленно переписать все учебники по корейскому языку. Мы с большим уважением относимся к их авторам и ценим их труд. Пользуемся написанными ими учебниками в учебном процессе и признаем их полезность и нужность. Тем не менее мы хотели бы привлечь внимание к вышеописанным проблемам и призвать всех, кто преподает корейский язык и пишет учебники, задуматься над этими вопросами и, возможно, при переиздании пособий в будущем или написании новых учебников внести соответствующие коррективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Пакулова Я. Е. Читаем и переводим южнокорейскую прессу / под ред. В. Е. Сухинина ; МГИМО(У) РФ, каф. японского, корейского, монгольского и индонезийского языков. М. : МГИМО-Университет, 2017. 326 с.

Пакулова Я. Е. Способы выражения русского «чтобы» в корейском языке // Методика преподавания восточных языков: актуальные проблемы преподавания перевода: сборник статей участников III Международной конференции. Москва, 27–28 окт. 2015 г. / НИУ ВШЭ; отв. ред. А. И. Янишевская. М. : Грифон, 2015. С. 169–182.

Пакулова Я. Е. Веселый корейский: учебник / Я. Е. Пакулова, И. В. Дьячков ; под ред. В. И. Сухинина. М. : МГИМО-Университет, 2017. 332 с.

УДК 374.32

Л. В. Парфенова

преподаватель каф. лингвистики и профессиональной коммуникации
в области медиатехнологий ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: lidova2011@mail.ru

РОССИЙСКИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В данной статье автор знакомит читателя с деятельностью российского образовательного благотворительного фонда «Les enfants d'Olga", который реализует свою активность в русско-французском межкультурном лингвистическом пространстве. Основными благополучателями здесь являются талантливые российские школьники, изучающие французский язык. Отбираемая на конкурсной основе группа старшеклассников 14–16 человек ежегодно получает грант на недельную спонсорскую лингвистическую стажировку в Париже. При этом, независимо от факта участия в стажировке, все желающие молодые франкофоны имеют возможность в течение учебного года присоединиться к организуемым фондом культурно-лингвистическим мероприятиям, в том числе мероприятиям он-лайн для региональных школьников. Одним из направлений деятельности фонда является сотрудничество с французскими образовательными организациями, в которых русский язык преподается как иностранный. Таким образом, можно говорить о вкладе фонда в укрепление русско-французских отношений на уровне молодежной кооперации, а также в процесс поддержания интереса к изучению русского и французского языков в наших двух странах соответственно.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; благотворительный фонд; французский язык; молодежная кооперация; лингвистическая самостоятельность; внешкольная учебная деятельность; креативность в изучении иностранного языка; автономия учащегося.

L. V. Parfenova

Faculty Member of the Department of Linguistics
and Professional Communications in the Area of Media Technologies
of IMO and SPN MGLU; e-mail: lidova2011@mail.ru

RUSSIAN EDUCATIONAL CHARITY FOUNDATION IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION DEVELOPMENT. LINGUISTIC SELF-DEPENDENCE OF STUDENTS

In this article, the author acquaints public with Russian Educational Charity Foundation 'Les enfants d'Olga' which implements its activity in the Franco-Russian

intercultural linguistic realm. Main charity recipients are talented Russian students learning French. Each year, a group of 14-16 high school students, which is selected on a competitive basis, receives a grant for a weeklong sponsor linguistic internship in Paris. However, regardless of participating in the trip, all the young francophones have an opportunity to join cultural-linguistical events of the foundation, including special arrangements for statewide participants, during an academic year. One of the focus areas of 'Les enfants d'Olga' is the collaboration with French educational organizations which teach Russian as a foreign language. Therefore, the foundation promotes the strengthening of Franco-Russian relationships on the level of young people cooperation and sustains the enthusiasm towards learning French and Russian in the two countries.

Key words: intercultural communication; charity foundation; French; young people cooperation; linguistic self-dependence; nonschool educational activity; creativity in the foreign language learning; student autonomy.

"Les enfants d'Olga", благотворительный фонд Ольги Рубинской, миссия которого – создавать возможности для самореализации талантливых молодых людей в глобальном мире, поддерживая и развивая их интерес к изучению французского языка и культуры Франции. В рамках своей деятельности Фонд с 2010 г. предоставляет талантливым школьникам 8-11 классов возможность совершенствовать знания французского языка и знакомиться с культурой Франции на безвозмездной основе.

Образовательная программа фонда реализуется на основе двух основных проектов:

- организация образовательных встреч в Москве и других городах;
- организация языковых стажировок во Франции.

Деятельность фонда в России

Для школьников и студентов, желающих совершенствовать французский язык в Москве, на регулярной основе проводятся образовательные тематические встречи, на которых царит непринужденная дружеская атмосфера, и каждый участник чувствует себя уютно в команде своих единомышленников. Здесь можно узнать новое о французских традициях и культуре, встретиться с французами – носителями языка, поучаствовать в тематических конкурсах и викторинах. Без сомнения, подобная практика помогает разговориться и преодолеть языковой барьер.

В методическом плане здесь можно говорить о формировании лингвистической самостоятельности и автономии учащихся, так как формат встреч кардинально отличается от школьного урока и максимально приближен к обычной повседневной французской жизни. Особенно это касается встреч, на которых присутствуют носители языка. До или после обсуждения заранее заявленной темы встречи, все участники переходят в формат свободного общения. Каждый из участников, задавая интересующий его вопрос, вовлекает остальных в дискуссию. Таким образом, он инициирует общение в том лексически-комфортном языковом поле, которое позволяет ему почти всегда получить удовлетворение от беседы. Уровень импровизации и автономии здесь во многом зависит от уровня лингвистической самостоятельности учащегося (уровня владения французским языком и способностью применить его непосредственно в акте речевого общения).

Цели и задачи данных мероприятий созвучны с описанным профессором Н. Ф. Коряковцевой понятием продуктивного образования, связанным с самовыражением, самореализацией и саморазвитием личности [Коряковцева 2010, с. 14]. При этом, в отличие от описанной профессором концепции школьного продуктивного образования, здесь речь идет о расширении данного понятия и вынесении креативной составляющей за рамки классического учебного процесса. Понимая под креативностью способность учащегося к созидательности (создание собственного образовательного продукта) и творчеству (свобода выбора содержания, поиск путей решения задачи, открытие для себя нового) [Коряковцева 2010, с. 8], мы можем наблюдать развитие этих способностей в динамике у участников фонда. Так, увлеченные интересной тематикой проводимых фондом мероприятий, некоторые ребята начинают активно предлагать к реализации собственные культурологические и лингвистические проекты. Встретив одобрение и поддержку своих идей со стороны взрослых организаторов фонда, они активно включаются в реализацию задуманного.

Основным показателем успешности проекта здесь является его нужность, выраженная в проявленном к нему интересе со стороны целевой аудитории. Поскольку на всех циклах проекта идейный вдохновитель видит, что его реализация требует затратить определенные информационные, временны́е, а иногда и денежные ресурсы, он,

безусловно, чувствует свою личную ответственность за результаты перед всеми членами команды. Таким образом, человеком постепенно осознаются понятия самооценки, социализации, ответственности. В процессе подготовки и реализации проекта значительно повышается уровень его автономии и лингвистической самостоятельности, происходит образовательное приращение, так как языковая направленность деятельности фонда позволяет активно использовать на практике все виды речевой деятельности.

Общие сведения о мероприятиях

- Участие в мероприятии – добровольное, бесплатное
- Периодичность проведения – 1-2 раза в месяц
- Возраст участников – от 14 лет
- Место проведения – городские французские кафе, библиотеки, парки, школы

Рассмотрим примеры некоторых проводимых фондом мероприятий.

1. Встреча с носителем языка

Важно: аудирование (слушание монологической и диалогической живой речи), возможность задавать вопросы, расширение познаний в интересующей области, вовлечение / знакомство со сферой профессиональных интересов лектора, возможность продолжить общение в области профессиональной занятости лектора. Можно рассматривать данный вид деятельности как *учебную деятельность академического типа*. Здесь наглядно моделируются действия специалистов, ставятся проблемные задачи.

Результат: формирование компенсационных умений, которые позволяют пользоваться лингвистической и контекстуальной догадкой, обращаться за помощью к собеседнику с просьбой повторить или уточнить свою мысль, использовать невербальные средства общения для осуществления коммуникативного намерения. Происходит понимание сферы практического применения изучаемого иностранного языка.

Не секрет, что часть студентов поступает в вуз с нейтральным и даже отрицательным отношением к профессиональной деятельности в целом, а содержание и процесс образования, в том числе внешкольного, должны обеспечить не только предметную и социальную подготовку будущего специалиста, но и развить / укрепить

профессиональную мотивацию. Образовательные встречи, организуемые фондом, имеют в некоторой их части и профориентационную составляющую.

2. *Неформальные встречи-общение на французском языке с российскими ровесниками на заранее оговоренную тему (формат «Французские завтраки»)*

Важно: говорение (практика навыка монологической и диалогической речи, в том числе спонтанной), предварительная работа с аутентичными текстами для подготовки к встрече, синтез информации.

Этот формат является одним из тех, где ребята имеют возможность проявить свою самостоятельность и креативность. Именно в формате французских завтраков старшеклассниками были реализованы персональные проекты «Персона месяца» (ежемесячный годичный курс тематических встреч, каждая из которых была посвящена одному из великих людей Франции) и «Города и регионы», посвященный географическим достопримечательностям.

Результат: снятие языкового барьера, тренировка навыка отбора релевантной информации на иностранном языке.

Наличие персонального добровольного желания участвовать в данной встрече, внутренняя мотивация к развитию, пример других участников, – всё это придает системную целостность при усвоении новых знаний и развитии речевых умений и навыков.

3. *Киноклуб (просмотр и обсуждение французского фильма)*

Важно: аудирование, восприятие на слух французской неадаптированной речи, знакомство с национальными невербальными средствами общения, более глубокое понимание французского *savoir vivre* (искусства жить). В процессе просмотра фильма ребята проникаются французской атмосферой, учатся сопереживать героям, пытаются думать на французском языке. Всё это находит свое отражение в дискуссии, которая порождается после просмотра фильма. Каждый может выразить свое отношение к сюжету, проблеме, персонажам. Учитывая небольшое количество участников мероприятия (10–15), все находят комфортный формат участия в дискуссии. В данном случае можно говорить о применении ребятами различных стратегий в овладении и владении иностранным языком в зависимости от их

индивидуальных особенностей восприятия, переработки и применения новой информации [Щукин 2006, с. 12]. Неосознанно участники используют и «компенсаторные» (заместительные) стратегии, когда необходимо найти выход из ситуации, не обладая необходимым уровнем владения языка для выражения своих мыслей, подыскав им замену.

Результат: развитие навыка восприятия французской речи при просмотре, развитие умения слушать при обсуждении фильма. Атмосферное говорение.

В процессе дискуссии косвенно наблюдается трансформация образовательных потребностей обучающихся в плоскость профессиональной сферы, так как изложение вслух своей позиции, обмен мнениями, критика – всё это составляющие профессиональной среды, в которую обучающиеся погружаются после просмотра фильма. Единственный намек на образовательный контекст в данном случае – это присутствие взрослого представителя Фонда, который, как правило, анимирует, направляет дискуссию, дает возможность высказаться каждому с помощью наводящих вопросов и выдвижения встречных гипотез.

Нередки случаи, когда ребята проявляют инициативу в реализации данного образовательного проекта (за исключением аренды зала). Организаторы заранее отсматривают материал и выбирают интересный фильм для просмотра и обсуждения. Викторина с вопросами и победителями после просмотра побуждает участников к более внимательному отношению и сосредоточенности.

4. Творческие мастер-классы (например, «Кулинария» с французским шефом)

Важно: на первый взгляд, совместное приготовление французских *des petits sablés* (сдобное песочное печенье) представляет собой сплошное удовольствие и не предполагает никакого методического подтекста. Однако целью данного мероприятия является моделирование условий, содержания и динамики профессиональной деятельности. Очень важны отношения, которые выстраивает шеф. В начале он объясняет условия и процесс приготовления блюда, роли каждого участника, готов ответить на вопросы. Затем он строго требует выполнения каждым его функций. Важно не прослушать и добавить в тесто требуемый ингредиент, не ошибиться в выборе температуры

духового шкафа. После окончания приготовления блюда шеф опять становится душой компании, вместе со всеми шутит над ситуацией и дегустирует. Это так называемые *квазипрофессиональные мероприятия.* Здесь искусственно моделируется профессиональная ситуация. Но ответственность за последствия вполне реальная. При этом каждый сам может оценить качество своего участия в общем процессе.

Результат: развитие навыка активного слушания иностранной речи, развитие умения работать в команде, формирование межкультурной компетенции. Кроме того, это наглядная демонстрация всего производственного цикла от начала и до получения результата, понимание своей роли в этом процессе. Непосредственное участие дает неоценимый опыт анализа и выстраивания причинно-следственных связей, необходимый для будущего специалиста в любой области знаний.

5. *Участие в переводческой деятельности Фонда (перевод на русский язык книги современного французского автора)*

В 2017 г. Фонд решил поддержать экологическую инициативу французского повара-писателя, который совершил кругосветное путешествие с целью показать жителям Земли, как в разных странах на практике реализуется подход разумного потребления и переработки отходов. Книга написана в детском формате и несложна для понимания. Это позволило нам привлечь к переводу книги учащихся различных возрастов, которые с нетерпением ждут выхода русскоязычной версии книги.

Важно: работа с неадаптированным текстом, анализ языкового материала, формирование умений постижения авторского замысла, перевод. Эту деятельность можно охарактеризовать как *учебно-профессиональную*, в ходе которой обучающиеся (волонтеры) выполняют реальные исследовательские и практические функции переводчика, используя при этом весь свой интеллектуальный и дидактический багаж владения языком. При этом происходит процесс совершенствования профессиональных компетенций за счет трансформации учебной деятельности в профессиональную. Методически интересен и лингвострановедческий аспект проекта. В процессе перевода в сознание участников вводятся, закрепляются и становятся активными специфичные для французского языка единицы национально-культурного содержания, узус.

Результаты: формирование межкультурной компетенции, инициирование создавать собственные тексты различных жанров.

Говоря об участии ребят из других регионов, можно отметить их высокую заинтересованность. Они могут присоединиться к сообществу в социальных сетях или посредством участия в ежегодном творческом онлайн конкурсе. Самые активные, мотивированные, участники получают возможность участия в ежегодной 10-дневной лингвистической стажировке в Париже на спонсорской основе.

Подводя итоги, можно сконцентрировать внимание на основных перечисленных в статье аспектах, а именно:

– современные тенденции таковы, что благотворительность как общественная деятельность занимает важное место в социальной политике стран во всем мире. Совершение добрых дел объединяет людей, что способствует развитию гражданского общества, которое является основой стабильного развития государства. При этом благотворительные фонды в современном российском образовании – явление редкое;

– рассматривая деятельность фонда с научно-педагогической точки зрения, интересным видится процесс перехода от внешней мотивации в изучении иностранного языка к внутренней. Одни из основных стимулов – новизна материала и умение подчеркнуть его важность для реальной практической деятельности ребят. Важным также является стремление к согласованию и координации мотивов всех членов группы;

– широкий спектр предлагаемых Фондом мероприятий позволяет участникам выбрать наиболее интересные и полезные для них формы, учитывая такие индивидуальные особенности, как тип памяти (зрительный или слуховой, логический или образный, сознательный или интуитивный), а также принадлежность к коммуникативному / некоммуникативному типу. Так, экстраверты любят групповые занятия, легко вступают в общение, используют языковую догадку. Но среди участников Фонда также много ребят-интровертов. Им тяжело реализовывать свой учебный и профессиональный потенциал в больших группах (школы, вузы), поэтому они с большой благодарностью используют предоставляемую Фондом возможность контекстного обучения в малых группах.

– нельзя также не отметить, что взаимодействие между родным и изучаемым языком происходит у участников по-разному. Из курса

лингвистического учения о языковых контактах нам известно, что влияние родного языка при изучении иностранного может быть как положительным (*транспозиция*: например, знание об интонационных паузах при знаках препинания), так и негативным (*интерференция*: например, разные механизмы словообразования в родном и изучаемом языках). Предлагаемые Фондом мероприятия, безусловно, направлены на сокращение негативного межъязыкового влияния и ориентированы на полное погружение в изучаемый французский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ: «Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества». М. : НИУ ВШЭ, 2014. № 14. 37 с.

Каменская Л. С. К вопросу о развитии личностных качеств обучаемых, необходимых для автономной учебной деятельности по иностранному языку. Вестник МГЛУ, вып. 461, М., 2001. С. 39–48.

Кан-Калик В. А. Педагогическая деятельность как творческий процесс. М. : НИИВШ, 1977. 64 с.

Коряковцева Н. Ф. Автономия учащегося в процессе изучения иностранного языка и культуры. Вестник МГЛУ, вып. 461. М., 2001. С. 12–28.

Коряковцева Н. Ф. Теория обучения иностранным языкам. Продуктивные образовательные технологии: учеб. пособие для студентов. М.: Академия, 2010. 190 с.

Резницкая Г. И. Психолого-педагогические аспекты развития автономии учащихся и освоении иноязычной культуры // Автономность в практике обучения иностранным языкам и культурам : сб. науч. тр. Вып. 461. М. : МГЛУ ; «Типография Сарма», 2001. С. 5–11.

Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика. М. : Филоматис, 2006. 480 с.

УДК 811.1

Т. В. Писанова

профессор, доктор филологических наук, профессор каф.
испанского языка переводческого факультета МГЛУ;
профессор каф. теории регионоведения ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: ptp1@bk.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ – ПАРТНЕРАХ СНГ

Статья посвящена анализу современных проектов национально-культурной идентичности в странах – партнерах СНГ и оценке перспектив институциональной динамики современных обществ и региональных интеграционных процессов.

Ключевые слова: национально-культурная идентичность; страны – партнеры СНГ; имиджевая политика; традиционные ценности.

T. V. Pisanova

Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.),
Professor of Department of Spanish language of Translation faculty
and Department of regional theory, Faculty of international relations
and socio-political sciences, ; e-mail: ptp1@bk.ru

MODERN PROJECTS OF NATIONAL CULTURAL IDENTITY IN CIS COUNTRIES PARTNERS

The article is sanctified to the analysis of modern projects of national and cultural identity in the countries-partners CIS and estimation of prospects of institutional dynamics of modern society and regional integration processes.

Key words: national and cultural identity, countries-partners CIS, imaginary politics, traditional values.

Решению различных проблем перевода художественной литературы в странах СНГ способствует осмысление общего культурного пространства, в котором живут многочисленные народы и существуют разные языки. Искусство перевода – это условное «я», наука и практика перевода – это коллективное «мы». Мы можем рождать новые идеи и менять наши мнения, но оберегать культурные корни жизненно необходимо. Время, которое пришло, требует обновления точки опоры – нашей идентичности, которая непрерывно находится в поиске своей сущности и своего отличия.

Страны-партнеры Содружества Независимых Государств – Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова,

Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан – вовлечены во всеобщий кризис индивидуальной и коллективной идентичности, который развился под влиянием внутри- и внешнеполитических трансформаций. Культура, ценности, традиции и институты обществ СНГ уникальны и во многом несовместимы с западноевропейскими и американскими, а также не подлежат радикальному переосмыслению. В новом столетии и в новых условиях открываются широкие возможности проявить себя на мировой арене. Возникает возможность по-новому открыть свои страны друг для друга, а также для других народов и других культур, поддерживая собственную уникальность и одновременно демонстрируя и противопоставляя свою культуру прочим [Писанова 2013, с. 235]. Трансформация национально-культурной идентичности в ее этническом и общегражданском аспектах четко прослеживается в контексте государственного суверенитета, модернизации и интеграционных процессов. Новые национальные идентичности приобретают статус политических проектов. В них угадываются контуры старых укладов с поправкой на информационный век. Традиционные ценности – это основа самоотождествления граждан с некоторыми общностями: религиозной общиной, этносом, нацией, цивилизацией, а также символическим ресурсом имиджевого самоутверждения государств – участников СНГ, цель которых – найти свое место в меняющемся мире.

Идентичность в научных исследованиях и общественном мнении нередко приобретает неопределенность, модный антураж. Каждая научная дисциплина помещает идентичность в свое проблемное поле. Политическая наука имеет собственное мнение по поводу самоидентификации граждан и обществ государств – участников СНГ. Речь идет об идентичности как основе консолидации общества и ресурсе внутреннего и интеграционного развития. Самоидентификация означает процесс обретения более широкой отнесенности к остальным социальным структурам. Система образования, культурные и просветительские инициативы различного уровня делают ставку на позитивную идентичность.

Краткий анализ политической проектов идентичности начнем с России. Какая Россия нужна Содружеству Независимых Государств и современному миру? Какая Россия нужна ее жителям и ближайшим соседям? Россия строит новую государственность и ищет свое

место на международной арене. Главная роль в процессах интеграции в рамках СНГ традиционно отводится России. Именно эта страна может инициировать поступательное развитие вперед. Для ряда других стран это обстоятельство является причиной осторожного подхода к СНГ.

Россия как крупнейшая страна мира находится в поисках внутреннего баланса этого противоречия. Одной из ключевых задач является создание новой идентичности, способной сделать образ страны привлекательным, уникальным, конкурентоспособным, высокоэффективным. Российский интеграционный курс в Содружестве должен быть особенно гибким и адаптивным к условиям Евразийского региона. Информационная революция заставляет Россию и другие страны СНГ искать более эффективные инструменты влияния на мировой арене, используя креативную имиджевую политику. Исследования мирового опыта ребрендинга государств, предпринятые российскими учеными, свидетельствуют о непрерывном возрастании значения цивилизационных и культурных факторов [Василенко 2013, с. 136]. Важное место в этих работах отводится информационной парадигме, появлению виртуального политического пространства и виртуального политического времени.

Как сделать образ страны привлекательным, конкурентоспособным, высокоэффективным? Эта сложнейшая задача может быть решена в парадигме реальной сильной экономики и информационной парадигме виртуального политического времени. Концепция современной конкурентоспособной имиджевой стратегии России основана на осмыслении новой идентичности государства – члена СНГ. Такой имидж и такая идентичность должны открыть новые горизонты как для граждан собственной страны, так и вдохновлять ближайших и дальних соседей из других стран. Имидж России – это ее послание миру и коммуникационная модель в мировом информационном пространстве, с помощью которой страна ведет диалог с другими странами и народами. Такой имидж должен вызывать уважение, быть привлекательным, открывать возможности для конструктивного диалога на основе тех ценностей, которые декларирует Россия: и как мировая держава, и как лидер СНГ. В этом смысле имидж страны – это ее новая идентичность, послание, обещание и историческая перспектива. Успех внешней политики зависит от умелого использования ресурсов

гибкой власти – символического капитала культуры. Новый принцип «от страны к стране» значительно дополнил старую модель «от правительства к правительству». Оказалось, что лучшими коммуникаторами XXI в. являются не правительства, а гражданские лица – публичная дипломатия через контакты «лицом к лицу».

К числу наиболее древних архетипов русского национального характера относятся долготерпение, а также радикализм – стремление к крайностям. Архетипические черты русского характера отражают народные пословицы и поговорки, такие как «Русские долго запрягают, но быстро едут»; «За битого двух небитых дают» и др. Литература и искусство транслируют национальные архетипы на более высоком уровне. Ф. Достоевский считал великими качествами русской души «жажду очищения и подвига», широту души, увлечение мировыми проблемами, стремление к духовным ценностям. Российский двуглавый орел, который обращен к Западу и Востоку, символизирует евразийский образ России. Символическая власть российской культуры обладает «кредитом доверия» и существует потому, что миллионы россиян верят в ее ценности, принципы и традиции. Культурный капитал может конвертироваться в экономический через разные формы, включая имиджевые проекты.

В начале XXI в. Россия приступила к выстраиванию своей идентичности как восточноевропейской державы на основе традиционных ценностей, религиозно-этических принципов национальной традиции. Ряд тенденций препятствовали, в различной мере и в разных формах, развитию единой гражданской идентичности жителей России [Паин 2003, с. 5]. Большинство россиян (74 %) считают свою страну особой евразийской цивилизацией, которой не подходит западный путь развития. Другая часть граждан считает Россию европейской страной со всеми вытекающими последствиями. В мире существуют негативные тенденции восприятия образа России мировой общественностью, связанные, например, с такими событиями, как военные действия в Южной Осетии, газовый и территориальный конфликт с Украиной, антитеррористическая операция в Сирии, а также с домыслами вынашивания Россией имперских амбиций. Стереотипы, которые портят имидж России в средствах массовой информации, сложились еще во времена «железного занавеса», когда выстраивался образ «советского агрессора» (врага), и в последующие периоды

распада СССР, обусловивших имидж слабой и плохо управляемой России. Между тем, по результатам исследований, именно эти стереотипы продолжают оставаться ключевыми элементами представлений о России. Живучесть этих стереотипов связана с активностью западных СМИ и недостаточными усилиями отечественной публичной дипломатии. Яркий символический проект идентичности как системы национальных и внешнеполитических приоритетов и гуманных идей более значим, чем любые информационные воздействия и соблазны извне. Сегодня наиболее популярной идеей является идеология евразийства. Россия как мост между Европой и Азией, как цивилизация на рубеже культур, обращена в своем творческом политическом диалоге и к миру Востока, и к миру Запада. Этот проект может быть облечен в цивилизационную миссию российского государства и положен в основание внешнеполитического имиджа. Сильная идея России как проект новой идентичности опирается на перспективную содержательную интерпретацию ее территориального, природного и человеческого потенциала. Центральная имиджевая идея может объединить следующие ключевые грани имиджа страны, представленные архетипами и героями: исторический образ (герой, взыскующий смысл жизни, защитник Отечества); географический образ (Москва – Владивосток, Россия – Евразия); индустриальный образ (уникальные кладовые сырья, газа, угля и золота – Газпром, Алроса); модернистский образ (уникальные научные кадры, развитая фундаментальная наука, Академгородки, Инноград, Сколково).

Существуют разные подходы к пониманию идентичности России. Если первая исходит из установки наличия в культурной традиции России некоторых констант, базовых ценностей и черт национального характера, которые существенно не менялись на протяжении всего исторического развития русской культуры, то вторая точка зрения опирается на идею возможности обретения новой «цивилизационной идентичности» в условиях глобализации. Современный главенствующий образ русской идентичности находится в стадии формирования. Русский язык способствует укоренению в массовом сознании устойчивых смыслов, таких как «верность нашему культурно-историческому типу», «базовые ценности православной культуры», «возрождение духовности», «следование стратегии православной цивилизации», «неприемлемость западных моделей на нашей почве», «держава»,

«суверенная демократия», «самобытный российский уклад», «наш менталитет», «наша уникальность и особый путь» и т. д. Все эти смыслы претендуют на роль некой семиотической системы, пропускающей культуру через себя, отбрасывающей непригодное, по выражению Ю. М. Лотмана.

Национализм выполняет системообразующую функцию. Смыслы организуются в идеологические постулаты. Современный национализм действует в традициях ксенофобии, навязывает личности идеологизированное мышление, где «чужое», «не наше» понимается как полюс глобального Зла. Добром оказываемся «мы» с «нашим» культурным, психологическим отторжением «чужого». Национализм претендует на колоссальное упрощение бытия и культуры, навязывая им искажение истины и свободы, подчиняя их собственным идиологемам. Цель – свести традиционную культуру к уровню традиционализма (фундаментализма). Мистическим, сакральным объявляется то, что должно быть публичным и открытым: политика, управление, суд, власть, ибо они воспроизводят этот порядок вещей, эту систему ценностей. Вместе с тем интимное, личное, духовная жизнь человека, его отношения с Богом, становятся публичным, подлежат регулированию и оценке со стороны социальных, политических институтов – государства, церкви, общественного мнения. Личность призвана сдавать экзамен на правильность веры, любви к Отечеству. Бог – атрибут народности. Именно так понимал суть национализма Достоевский. В сфере творчества истина задана националистическими идиологемами, мир объяснен, а задача художника, мастера – воплощать, иллюстрировать. В этом контексте поиск заменяется проповедью, свобода – следованием канону, сомнение – воспитанием. Относительные ценности – государство и власть – объявляются абсолютными и сакральными. Националистически окрашенный проект подлежит замене на современный проект культурного самосознания, в основе которого должно лежать смысловое обособление понятий «патриотизм», «национальные интересы», «национальное самосознание» от национализма. Необходим «демонтаж» языковых ловушек.

Проблема структурирования гражданского общества и правового государства в современной России является не решенной в полной мере задачей. Этому мешает торжество синкретических идей. Государство наделяется статусом абсолютной ценности. Процесс решения

мировоззренческих проблем требует приложения определенных усилий. Существование в неэффективных культурно-исторических парадигмах оправдывается определенным социальным бездействием. Вместе с тем наличие довольно большого слоя людей, живущих частной достойной жизнью, само по себе есть величайшее достижение реально идущих процессов модернизации. Миллионы людей обрели возможность относительной независимости трудовой предпринимательской деятельности, частной жизни. Этот слой людей может являться препятствием для распространения радикальной идеологии. Их повседневность находится в сфере укоренившегося прагматизма, который пока не получил должной культурной санкции. Вместе с тем, когда эти люди ставят вопросы, касающиеся национально-культурной идентичности, исторического должного для России, то ответы часто находятся в сфере державно-националистической идеологии – той идеологии, которая отрицает прагматику повседневности: независимость, достоинство, автономность личности, гарантии собственности и т. д. Этот разрыв в сознании блокирует формирование русской современной культуры как культуры личностной, так как предприниматели нередко живут между цивилизацией и симуляцией особого пути, базирующейся на инерции державно-националистической идеологии. Нетерпимость на уровне моды, общее раздражение, общее недовольство жизнью формируют ту общественную атмосферу, в которой приемлемо агрессивное поведение меньшинства «улицы». «Улица» в этом случае (меньшинство) получает возможность радикализироваться.

В настоящее время особую актуальность приобретает необходимость формирования своей культуры как культуры личностной и универсальной, а также поиск путей преодоления собственной логики промежуточной, догоняющей цивилизации. Вариант державно-националистической религиозной идеологии, своего рода «православие – самодержавие – народность», по сути, есть попытка продолжения исчерпавшей себя культурно-цивилизационной парадигмы, абсолютизации традиционалистского менталитета. Державно-националистический ценностный комплекс выполняет роль источника такой идентичности и обоснования ее исторической и моральной правоты. Обществу в целом необходимо приложить усилие для преодоления комплекса неполноценности, смешанного с

чувством превосходства. Такое многократно воспроизводимое усилие необходимо не только российскому обществу, но и любому социуму. Только зрелое цивилизованное общество владеет соответствующими инструментами для совершения этого усилия. Национализму в российском проекте идентичности противостоит национальное самосознание, которое ведет к формированию чувства добрососедства, уважения ко всем тем, кто входит в понятие «они» – ближние и дальние соседи. Преодоление национализма в многонациональной стране означает его изгнание из политики и идеологии в те сферы социальной практики и быта, где он может существовать в виде бытового шовинизма в своих «спокойных», повседневных, формах.

Необходима рационализация российской национально-культурной идентичности, ее демифологизация и демистификация. Современное состояние постсоветской идентичности имеет симуляционный характер. Сегодня западнический, славянофильский и евразийский дискурсы идентичности работают с воображаемыми реальностями. Происходит соревнование политических проектов идентичности. Существует опасность политизации одного из проектов как доминирующего, что может привести к выбору между прошлым и будущим. Выходом из этой ситуации, как считает ряд исследователей, может быть обращение на базе христианства к новой идентичности Европы. Она в постоянном поиске своей сущности и своего отличия. Каждый становится европейцем по-своему в процессе взаимодействия с общечеловеческим культурным фоном. Этот поиск осуществим только в дискурсе с другими культурами. Идея соборности, идея планетарного единения в русском космизме, стремление к отзывчивости, прощению, характерные для менталитета русского народа, становятся востребованы в общечеловеческом плане. Наиболее востребованными формами русской национальной идентичности являются установки на формирование мировоззрения, отражающего общность интересов, доверия, солидарности [Бирюков, Сергеев 1993].

Перейдем к осмыслению ценностных смыслов идентичности в политических проектах Казахстана. В этой стране выстраивается постиндустриальная идентификация с активизацией адаптивных техник более ранних периодов, связанных со спецификой истории и культуры казахского этноса. Подобный подход обусловлен необходимостью консолидировать общество республики после распада

СССР и подчеркнуть древность происхождения языка, культуры, государства. Русский язык до сих пор занимает важное место в жизни казахов, выступая в качестве языка межнационального общения. Понятна озабоченность поддержанием собственной национальной культуры казахов, без ущемления прав национальных меньшинств. Реализуются различные законопроекты, направленные на разработку национального вопроса, организуются ассоциации по вопросам меньшинств (Ассамблея народов Казахстана в 2007 г.). Особенно акцентируется сохранение и продвижение ценностей казахской культуры. В новом независимом Казахстане исторические исследования получили большую поддержку властей. Никто не скрывает здесь ужасов сталинской коллективизации, раскулачивания, голода, репрессий. Массовая кампания по освоению целины – это тоже Казахстан. Тем не менее политики и историки Казахстана не склонны считать советский период только временем угнетения и репрессий. Именно в эти тяжелые десятилетия формировалась и консолидировалась казахская нация, развивалась ее культура, возникали начальные формы государственности, начиналась разработка недр. Казахстан гордится своим вкладом в победу в Великой Отечественной войне. 9-е Мая в республике – национальный праздник.

Казахстан внимательно изучает свое прошлое, но его взгляд устремлен в будущее. Это единственное государство в СНГ, где уже сегодня есть тщательно разработанная стратегия развития страны до 2030 года. История для Казахстана – это не инструмент раздора и не источник разного рода фобий. Что касается политических проектов, то на первом этапе казахстанского нациестроительства нашел выражение государственный этнонационализм [Абашин 2007]. Такой этнократический подход привел к дезинтеграционным процессам в обществе, усиливая раскол между двумя основными этносами – казахами и русскими. Именно по этой причине в 1995 г. была принята новая Конституция Республики Казахстан, где этнократический подход был заменен политико-территориальным принципом формирования нации. Согласно этому принципу, субъектом республики выступает казахстанская нация как политико-территориальная общность. В Казахстане остро встал вопрос о формировании гражданской идентификации «мы – казахстанцы». Во многом эта проблема осложнена двусоставностью казахстанского общества, наиболее крупными

этносами которого являются казахи и русские. Эти две большие группы, как считают некоторые ученые, сегодня недостаточно интегрированы. Субэтническая дифференциация и линиджевое разделение играют большую роль как в политике, так и в повседневной жизни народов современного Среднего Востока, Северного Казахстана. Идентичности казахов исторически носили иерархический (многоуровневый или многослойный) характер. Сегодня соотнесение линиджевых идентичностей с этническим и гражданским типами идентификации вызывает затруднения в сознании казахов. Причина кроется в проблеме соотнесения традиционного (линиджа) и современного объектов (казахи как нация) идентификации. С точки зрения некоторых исследователей, проблема значимости того или иного объекта идентификации носит по большей части контекстуальный и ситуационный характер. Осуществляется политика, способствующая выработке у жителей страны, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания, единой гражданской, казахстанской идентичности. Официальная идентификация определяется статусом гражданина Казахстана, в паспорте сохранена графа «национальность». В контексте этнополитических процессов большая роль принадлежит религии, языку, средствам массовой информации и изменениям в этнодемографии республики.

Исламское возрождение в Казахстане имеет прежде всего культурное значение и связано с процессами возрождения казахской этнической идентичности. Вместе с тем протестные слои общества «рядятся в религиозные одежды». Одна из причин обращения к исламу кроется в разрушении прежней системы ценностно-нормативных ориентаций общества. Кроме того, значимыми являются и региональные различия. Государственным языком Республики Казахстан является казахский язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства и делопроизводства. Наравне с казахским языком официально употребляется русский язык. Этническая идентификация представляет собой процесс соотнесения людьми себя с комплексом представлений, уже «помеченных» в общественном дискурсе как однозначно этнические. Эти культурные особенности оказываются «этноотличительными» лишь в той мере, в какой они привлечены усилиями интеллектуалов. В итоге так называемые этнические представления влияют на реальные социальные стратегии незначительно,

концентрируясь в основном в сфере декларативной риторической практики.

В Армении и Азербайджане реализуются проекты устойчивой национальной идентичности. Армения привержена к построению постиндустриальной идентификации, стремясь сделать республику западноориентированным государством. Активно пропагандируется английский язык. Большинство населения – армяне, и армянский язык заметно влияет на культурную политику страны. Армению можно назвать билингвистической страной. Бóльшая часть населения владеет армянским и русским языками. Армения всегда была внимательна к своей истории, не отвергая некоторых мифов. Близок к действительности образ «христианского народа во враждебном окружении» и миф «первородства армянского христианства». В конце 1980-х и в начале 1990-х гг. в работах армянских историков преобладала тема Карабаха и исторических прав Армении на эту территорию. Особое внимание, как в новой Армении, так и в большой армянской диаспоре продолжает занимать тема геноцида армян в Османской Турции в 1915–1916 гг. В XX в. армянская нация первой пережила ужасы геноцида. В Армении издается большое количество работ по истории Армянской Григорианской церкви. Как нация армяне сохранились не столько благодаря своему языку и культуре, сколько благодаря своей независимой церкви, приняв христианство еще в 301 г. н. э. В хранилищах резиденции Каталикоса всех армян в Эчмиадзине собрано огромное количество древних рукописей и книг, в последние 15 лет заново написано очень много учебников по истории страны. Авторы этих учебников особо подчеркивают огромное положительное значение вхождения Восточной Армении в состав России. В этих учебниках везде есть слова о том, что переход Восточной Армении в состав России «спас армянский народ от физического уничтожения».

В полиэтнической стране, которой является Азербайджан, взаимодействуют культуры разных этносов. В этой стране реализуется мультикультуралистский проект постиндустриальной идентификации. Пропагандируется английский язык с целью сделать Азербайджан западноориентированным государством. Заметны серьезные шаги по сближению с культурной политикой Турции, при этом смешивания с турецкой культурой не допускается. Важнейшим направлением культурной политики является культура межнациональных отношений.

В мультикультуралистской стратегии заимствованы модели культурной стратегии и правоохранительных законов у западных государств. Становление национального самосознания проявляется и в языковом компоненте, возвращении к дореволюционному виду письменности, если таковая была. Принятый еще в 1991 г. Закон о возвращении азербайджанской письменности на латиницу фактически не реализовывался до 2001 г., чтобы не лишать старшее поколение возможности читать прессу. Реформа всё же была проведена: алфавит был переведен на латинскую основу, приближенную к орфографическим нормам турецкого языка. В настоящее время используется несколько вариантов письменности – на основе латиницы в Азербайджане, на основе арабского письма в Иранском Азербайджане и на основе кириллицы в Дагестане. Традиционно Азербайджан являлся и является образцом этики межнациональных и межконфессиональных отношений. Современная этносфера страны характеризуется динамичными процессами роста этнического самосознания, интереса к национальным истокам, языку, обычаям и традициям. Азербайджанская модель этнополитики базируется на этническом многообразии, самобытности всех этносов страны, при одновременном укреплении гражданской идентичности, азербайджанского патриотизма.

Республика Беларусь реализует проект постиндустриальной идентификации с привлечением адаптивных техник более ранних периодов, связанных с историей и культурой белорусской народности. В стране заметно выражена языковая ассимиляция и двуязычие населения. Всё население понимает два родственных языка. Для белорусов и всех национальных меньшинств характерен переход на русский язык, который имеет статус государственного по итогам референдума 1995 г. В составе Советского Союза Белоруссия обрела начальные формы государственности, а белорусы получили статус титульной нации одной из союзных республик. В XX в. самый значительный вклад в национальное сознание внесла Великая Отечественная война. Это память о совместной борьбе и о тяжелой победе. В республике и сегодня актуальна некая общая государственная идеология, сохраняющая главные признаки социалистической идеологии. История страны – важная часть этой идеологии, ключевым понятием которой является понятие социальной справедливости. Многие белорусские учебники отличаются объективностью, спокойным тоном и не отделяют историю Белоруссии от общей истории России и СССР.

Таджикистан – самое маленькое и изолированное из всех государств, возникших на территории бывшей советской Средней Азии. Эта республика с населением около 6 млн человек. Примерно 55 % населения страны составляют таджики, 23 % – узбеки, менее 10 % – этнические русские и 2 % – другие этнические группы. Кроме того, таджики проживают в соседних государствах. Особенно много их в таких «таджикских» городах Узбекистана, как Самарканд и Бухара, и в близлежащих районах. По своей культуре нация гораздо ближе к афганским и пакистанским соседям на юге и иранским – на западе, чем к непосредственным соседям в бывшем Советском Союзе. Другая серьезная географическая проблема Таджикистана связана с горами, делящими страну на три части, каждая из которых обладает собственной культурой. Кроме того, 95 % населения одного из трех регионов – Горно-Бадахшанского – составляют мусульмане-исмаилиты, приверженцы одного из направлений шиизма, подчиняющиеся по традиции Ага-хану. Такие религиозные убеждения резко отличают их от остальных групп, где преобладают сунниты и атеисты. Таджикистан серьезно пострадал во время гражданских столкновений, которые истощали нацию на протяжении почти 10 лет. С наступлением мира таджики смогли серьезно подойти к проблеме национального строительства. В сущности, феномен таджикской нации, как подчеркивает У. О. Бимен, представляет собой развитие идеи Б. Андерсона о воображаемой общности – это «общность по необходимости». Получив чрезвычайно трудный для жизни кусок территории с несоизмеримо большим для него населением, таджики вынуждены создавать на этой основе нацию-государство. Великие культурные центры их прошлого – Самарканд, Бухара, Хива и Мерв – находятся за пределами их страны. Для создания нации требуется некое единое символическое ядро. В данном отношении перед таджиками открывается весьма много неясно выраженных альтернатив. Серьезной проблемой для Таджикистана является выбор основного языка и системы письменности. Русский язык признан языком межнационального общения с 1990 г. «Национальное» чувство говорит в пользу того, чтобы государственным языком стал таджикский. Отдельную проблему представляет вопрос об использовании узбекского языка. На нем говорят в основном в Ферганской долине к северу от Фенских гор. Здесь

предпринимались попытки обучать детей на русском, таджикском и узбекском языках, но они наталкивались на многочисленные финансовые и административные препятствия. Состояние неопределенности относительно языковой политики предполагает принятие окончательного решения в ближайшем будущем.

Туркменистан – небольшая по населению республика Средней Азии нашла опору для жизни не только в природных богатствах страны, но и в новом прочтении своей истории. Реализуется проект постиндустриальной адаптации с активизацией в сознании населения этнических, клановых и конфессиональных маркеров идентичности. В сфере культуры не обошлось без жестких запретов и ограничений со стороны властей. Реализуется активная охранная политика туркменского языка и культуры. В течение последних лет проводится политика вытеснения русского языка из всех сфер политической и общественной жизни страны, и область его использования продолжает сужаться. Интересна идея «Рухнамы» – новой священной книги Востока, но исключительно для Туркмении и только для туркмен. Избегая претензий и посягательств извне, богатая ресурсами и мирная Туркмения избрала путь идеологической и политической изоляции и нейтралитета. «Рухнама» – это мифологизированная история Туркмении и туркменского народа, однако этот эпос лишен агрессивности.

Узбекистан – страна с древней историей, где орошаемое земледелие появилось около трех тысяч лет назад, а первые города возникли еще до нашей эры. Развитие Узбекистана в составе СССР было быстрым, но крайне односторонним. Получив независимость, республика сделала многое и для развития своей экономики, и для развития своей культуры. Узбекистан добивается возвращения себе положения страны, которая была бы не только центром образования и науки в Азии, но и центром мусульманской учености. Новое прочтение национальной истории началось с нескольких символических жестов. В центре Ташкента появился памятник Тимуру, а на другой площади Ташкента был установлен больших размеров глобус с увеличенным рельефным изображением Узбекистана. Следует особо отметить, что в Узбекистане не принято осуждать все то, что было связано с его советской историей, хотя и относятся к ней довольно критически. Такое отношение помогает не отвергать, а лучше осваивать наследие

советского времени. Разворот на моноязычность привел к значительному сужению русскоязычного пространства, прежде всего в органах государственной власти и управления, а также в сфере образования и культуры. Количество студентов, изучающих русский язык, постоянно уменьшается. Крупными центрами по преподаванию русского языка и подготовке русистов являются Узбекский университет мировых языков, Андижанский госпединститут, Национальный университет Узбекистана. В Узбекистане внимательно изучают не только историю своей страны, но и историю всего мусульманского Востока. Ташкент сегодня – важный центр мирового востоковедения. Канонизировав Тимура как ключевую личность национальной истории, Узбекистан не отбрасывает социальные достижения и культурное наследие советского периода, а также ценности социализма. На этих, казалось бы трудно совместимых основаниях, в самом центре исламского мира развивается новый Узбекистан.

Анализ современных проектов национально-культурной идентичности в странах – партнерах СНГ позволяет оценить перспективы институциональной динамики современного общества и региональных интеграционных процессов. Институты социализации – система образования, культурные и просветительские инициативы различного уровня апеллируют к позитивной идентичности, ориентированной на развитие как основу преодоления социальной анемии и консолидации внутри отдельных стран и в общем пространстве СНГ. Важнейшей частью национальной самоидентификации на постсоветском пространстве является новое прочтение национальной истории. Не все титульные нации в СНГ имели свои государства, но все они имели свою историю, и именно эта история призвана стать основой их национального самосознания. Это весьма трудная задача, и ее выполнение требует концентрации усилий и времени. Новое прочтение российской истории (СССР) не изменило ее главных узловых пунктов, но изменило многие оценки. Российская история полна противоречий, она непрямолинейна, полна темных страниц, но это большая история большого народа, как подчеркивал российский историк Р. Медведев, и ее уроки значительны для всех государств СНГ. Современные политические проекты идентичности стран – партнеров СНГ выявляют и активизируют новые источники общественного развития в XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб. : Алетейя, 2007. 304 с.

Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Соборность как парадигма политического сознания // Полис (Политические исследования). 1997, №3. С. 65–73.

Василенко И. А., Василенко Е. В., Емельянова Н. Н., Хауер-Тюкаркина О. М., Люлько А. Н. и др. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / под ред. И. А. Василенко. М. : Международные отношения, 2013. 359 с.

Паин Э.А. Проблемы самоидентификации россиян: со страной, с регионом, с этнической общностью // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М. : Новое издательство, 2003. С. 5–21.

Перотто М. Язык и образование в постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии. 2008. № 4. С. 49–64.

Писанова Т. В. Национально-культурная идентичность граждан и обществ в государствах – участниках СНГ. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. 240 с.

Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М. : ИМЭМО РАН, 2004. 171 с.

УДК 811.531

Е. А. Похолкова, Д. В. Селезнёва

Похолкова Е. А., кандидат филологических наук;
доцент каф. восточных языков, декан переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: sirotina_e79@mail.ru

Селезнёва Д. В., аспирант каф. восточных языков
переводческого факультета МГЛУ; преподаватель военной кафедры МГЛУ;
e-mail: selezneva_dv@mail.ru

НЕОЛОГИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению процессов неологизации в корейском языке на современном этапе его развития. Главная цель – понять, почему корейский язык так легко создает и принимает в свой состав огромное количество неологизмов ежегодно.

В ходе исследования особое внимание уделялось рассмотрению внешних и внутренних причин появления неологизмов в корейском. Внешние – это особые явления и тенденции развития социума, которые оказывают непосредственное влияние на язык. Однако те или иные социальные факторы воздействуют на любой язык, и в любом обществе происходят преобразования. Но не каждый язык реагируют появлением огромного количества неологизмов, не для каждого языка актуально постоянное обновление словарей неологизмов. Таким образом, необходимо было рассмотреть и внутренние причины. Среди них – совокупность структурных, морфологических и других законов и принципов устройства языка, которые позволяют ему быть в той или иной степени восприимчивым к появлению неологизмов.

Основой для набора фактического материала послужил словарь неологизмов, который был издан Национальным институтом корейского языка в 2007 г., а также материалы различных периодических изданий страны за 2017 г. Последнее объясняется тем, что важную роль в распространении и создании новой лексики играют СМИ, поскольку они активно реагируют на малейшие изменения в обществе: отражают политические, культурные события, социальные и природные катаклизмы в стране и в мире. Особое внимание уделялось политическому дискурсу и неологизмам, которые появлялись на фоне президентской выборной кампании в начале 2017 г.

Мы пришли к выводу, что в процессе неологизации корейский язык принимает фонетические адаптации английских слов, что часто сопровождается компрессией (созданием сложносокращенных слов) или образованием аббревиаций. Активную роль в создании неологизмов играет и ханмунный элемент, который сохраняет свой «престиж» и легко сочетается как с другим ханмунным элементом, так и с фонетической адаптацией.

Ключевые слова: неологизация; неологизм; заимствование; адаптация; дискурс; ханмун.

E. A. Pokholkova, D. V. Selezneva

Pokholkova E., Ph.D, Associate professor of Oriental Languages Department,
Dean of the Translation and Interpretation Faculty MSLU;
e-mail: sirotina_e79@mail.ru

Selezneva D. V., Ph.D student of Oriental Languages Department
of the Translation and Interpretation Faculty, lecturer of Military Department,
MSLU; e-mail: selezneva_dv@mail.ru

NEOLOGIZATION IN THE MODERN KOREAN LANGUAGE

The article is devoted to the study of neologization processes in the modern Korean language. The main goal is to find out the reason for such a great number of neologisms in it.

During the study we explored the external and internal factors that lead to creation of neologisms in the Korean language. Among the first group there are certain social tendencies and phenomena. However, they can be found in every language. That is why there is a need to study its inner factors including morphological, structural and other peculiarities that allow the creation of a great number of new words.

The study is based on the dictionary of neologisms, edited by the National Institute of the Korean Language in 2007, and on the articles from Korean newspapers published in 2017 with the special attention paid to the neologisms that appeared during the 2017 presidential campaign.

During the study we came to the conclusion that the active role in neologization is played by phonetical adaptations of English words and their compressed or abbreviated versions. The same is true for the sino-korean elements that preserve their prestigious status and interact with each other and also with phonetical adaptations mentioned above.

Key words: neologization; neologism; borrowing; adaptation; sino-korean.

Язык – это всегда неогенез, т. е. появление нового. Язык отражает любые изменения, происходящие в обществе, формирует мышление не только индивида, но и всей нации. Язык позволяет нам лучше понимать тот или иной народ, его образ жизни и картину мира. Вильгельм Фон Гумбольдт считал, что язык и культура составляют единое целое, так как язык «есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1984].

Лексика отражает все экстралингвистические изменения и является самой подвижной частью языка. В языке появляются новые образования, слова приобретают новые значения, эмоционально-экспрессивные коннотации, слова переходят в разряд устаревающих

или устаревших, из неологизмов превращаются в общеупотребительные слова, теряют терминологический характер.

Данное исследование посвящено изучению внутренних и внешних причин появления огромного количества неологизмов в корейском языке. Главная цель – найти причину того, что корейский язык так легко принимает новообразования и быстро их создает, а также рассмотреть особенности данных лексических единиц в нем.

Правительство Республики Корея ведет учет и классификацию в области неологизмов с 1992 г., что свидетельствует о важности данного языкового явления. Наиболее активно эта сфера начала развиваться после Олимпийский игр в Сеуле 1988 года, так как язык стал живо реагировать на все изменения в жизни общества в самой Республике Корея, а также во всем мире. Об интересе к лексическим изменениям в корейском языке свидетельствует издание и составление новых словарей. Например: 2002 년 이후 생겨난 새말. 사전에 없는 말 신조어. 국립국어원. 2007. [Ичхонинён иху сэнъгёнан сэмаль. Сачжоне омнын маль синчжоо], выпущенный Национальным институтом корейского языка в 2007 г. Кроме того, учет неологизмов ведется непосредственно на сайте этого учреждения.

Термин «неологизм» был заимствован из французского языка в XIX в. (neologisme – от *греч*. neos logos – новое слово). О. С. Ахманова дает следующее определение данному термину: «Слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия» [Ахманова 1966].

При этом не следует путать неологизмы с окказионализмами. Р. Ю. Намитокова различает неологизмы языка и авторские новообразования (индивидуальные неологизмы) [Намитокова 1986]. Последние называют также окказионализмами. Следует отметить, что, согласно Т. В. Жеребило, окказионализмы остаются фактами авторской речи, не становясь при этом нормой литературного языка, в то время как неологизмы прочно закрепляются в словарном составе [Жеребило 2010].

В процессе неологизации участвуют две группы факторов – внешние и внутренние. Внешние – это особые явления и тенденции развития социума, которые оказывают непосредственное влияние на язык. Внутренние – совокупность структурных, морфологических и других законов и принципов устройства языка, которые позволяют ему быть

в той или иной степени восприимчивым к появлению неологизмов. В корейском языке ежегодно появляется огромное количество неологизмов, что позволяет сделать вывод о том, что язык достаточно легко создает и принимает новые слова.

Рассмотрим сначала внешние факторы, способствующие образованию неологизмов. Важную роль в распространении и создании новой лексики играют СМИ, поскольку они активно реагируют на малейшие изменения в обществе: отражают политические, культурные события, социальные и природные катаклизмы в стране и в мире [Белянина 2012]. СМИ являются неотъемлемой частью общества и вследствие этого представляют собой отражение в языке коллективного. Именно поэтому такие лексические единицы находят свое закрепление в языковых словарях и справочниках в отличие от индивидуальных, которым Лопатин В. В. дает название «индивидуально-авторские неологизмы», «неологизмы контекста», «одноразовые неологизмы» [Лопатин 1973]. Рассмотрев данные неологизмы, можно понять и охарактеризовать состояние многих сфер жизни общества в определенный исторический период. При этом они важны не только для понимания процессов, происходящих в обществе, но также для практических целей перевода и коммуникации. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что к внешним факторам, способствующим появлению неологизмов, следует отнести разнообразные проходящие в обществе процессы и изменения, международные события, мода, престиж, а также ускоренное развитие технологий, внедрение научных достижений.

В СМИ постоянно появляются новые слова, связанные с социальном дискурсом, в котором отражаются изменения, произошедшие в образе жизни корейцев. Например: 노모어엉클족 (no more uncle 族) [номооонъкхыль чжок] или 노무족 (NOMU [No More Uncle] 族) [номучжок][1]. Данная лексическая единица используется для обозначения лиц мужского пола в возрасте 40–50 лет, которые следят за модой, занимаются собой и ведут активный образ жизни.

Прагматический анализ употребления неологизмов показывает, что они выполняют ряд важных функций – номинативную, эвфемистическую, функцию экономии лексических средств и др. Среди них особо ярко выделяется функция привлечения внимания читателя, для

[1] 더 이상 아저씨가 아니다

которой неологизмы являются одним из самых действенных средств. Они могут создавать аллюзию на какой-нибудь образ, на человека, на другую лексическую единицу, всегда несут в себе колоритный контрастный оттенок, что позволяет им эффективно влиять на восприятие той или иной информации. Так, в предыдущем примере мы сразу видим сходство неологизма с именем южнокорейского президента Но Мухёна. И хотя сам образ этого человека не определяет значение неологизма, использование такой игры слов неизменно привлекает внимание читателя.

나우족 (NOW [New Older Women] 族) [научжок] – «состоятельная, независимая женщина 40–50 лет». Особого внимания в двух вышеуказанных примерах заслуживает аффикс 족 (族) [чок] «семья, племя». Его наличие указывает на тенденцию к объединению, наделение отдельных групп особыми свойствами. Это еще раз доказывает, что в языке, в том числе и в неологизмах, отражается коллективное, а не индивидуальное, как в так называемых авторских неологизмах. При этом зашифрованные смыслы, представленные в неологизмах, понимают только живущие в данный момент корейцы, и неизвестно, что станет с этим словом в будущем.

Вызывают интерес и неологизмы 오륙도 [орюкто] и 사오정 [саочжонъ], появившиеся на фоне непростой ситуации с уровнем безработицы в стране, сложностью поиска работы по окончании университета и выходом на пенсию.

오륙도 (五六盜) [орюкто][1] – в данном случае первичное значение слова – группа островов недалеко от Пусана, названных так потому, что в зависимости от погодных условий зрению доступны пять или шесть из них. При этом в таком случае использовался иероглиф 島 [то] «остров». Заменив его на 盜 [то] кража, получаем неологизм – «кража» будущего у молодых поколений в случае продолжения работы с наступлением пенсионного возраста.

사오정 (沙悟淨) [саочжонъ] – данный неологизм изначально был именем персонажа романа «Путешествие на Запад» китайского писателя У Чэнъэня. В новом значении – «уход на пенсию в возрасте 45 лет». В этом примере мы также отмечаем частичную проекцию смыслов: персонаж появляется во многих корейских анекдотах

[1] 56세까지 직장에 있으면 도둑이라는 뜻으로 정년을 채우지 못하고 직장에서 내몰리는 직장인의 처지를 비유적으로 이르는 말

и всегда предстает перед читателем в никчемном образе. Так и эти люди становятся уже никому не нужными и не востребованными.

삼팔선 (三八選) [сампхальсон][1] – неологизм также появился на основе первого значения – 38-я параллель, демаркационная линия, разделяющая Корейский полуостров на два государства. Так стали называть ситуацию, когда по достижении условно 38 лет, сотрудникам стоит начинать задумываться о поиске новой работы, так как работодатели стремятся постоянно обновлять свой коллектив, привлекая молодых сотрудников. Важно сказать, что в оригинальном значении использовался иероглиф 線 [сон] «линия», а во вторичном – 選 [сон] «выбирать, назначать». Таким образом, ханмунный элемент не теряет своей значимости в процессах создания неологизмов. Следует также отметить то, что намеренно был взят весьма провокационный термин, всегда привлекающий внимание людей, так как в обществе неизменно присутствует тематика разделенной нации.

Особый интерес представляет и политический дискурс. Одним из примеров может послужить неологизм 이니블루 [инибыллу], возникший на фоне большой популярности нового президента РК Мун Чжэина. Неологизм получился в результате замены последнего слога его имени на уменьшительно-ласкательное 이니 [ини]. Вторая часть представляет обозначает синий цвет – цвет демократической партии. Примечательно, что предпочтение было отдано фонетическому заимствованию из английского языка, а не исконно-корейскому элементу, что указывает на престиж первого.

Во время президентских выборов также появилось много неологизмов для каждого из кандидатов на данный пост. В поддержку Мун Чжэина использовалась лексема 투대문 [тхудэмун][2] – *досл.* «нужно голосовать, чтобы Мун Чжэин стал президентом».

Интересны и другие неологизмы, появившиеся в ходе предвыборных кампаний кандидатов. Стоит отметить, что способствовать такому множеству неологизмов, появившихся за столь короткий срок, могло лишь само устройство корейского языка, его агглютинативный строй, который позволяет подобное «склеивание» морфем. Например, в поддержку кандидата Ан Чхольсу использовались выражения:

---

[1] 서른여덟 살 이상을 넘기기 힘들다는 뜻으로, 30대에 직장에서 내몰리는 30대 직장인의 처지를 비유적으로 이르는 말.

[2] 투표해야 문재인이 대통령 된다.

1) 대미안 [тэмиан][1] – *досл.* «незаменимый для будущего Ан Чхольсу»; возм. пер.: «нет будущего без Ан Чхольсу»

2) 안파고 (안철수 + 알파고) [анпхаго] – неологизм появился в результате сложения фамилии кандидата и названия известной компьютерной программы «АльфаГо», которая в марте 2016 г. впервые в истории обыграла одного из лучших корейских игроков в Го – Ли Седоля.

С целью поднятия рейтингов Хон Чжунпхё придумали неологизм 문안홍 [мунанхон][2] – *досл.* «открыв дверь и посмотрев внутрь, увидишь только Хон Чжунпхё».

Рассмотрим неологизмы в сфере компьютерных технологий, телекоммуникации и Интернета.

네파라치 (netizen + paparazzi) [непхарачхи][3] – «интернет-пользователь, размещающий информацию о личной жизни знаменитостей».

댓파라치 (댓글 + 파파라치: paparazzi) [тэтпхарачхи][4] – «размещение негативных комментариев в Интернете».

디지털 치매 (digital 癡呆) [дичжитхоль чхимэ][5] – «ухудшение памяти, способности считать в уме и т. д. в результате полной зависимости от электронных гаджетов».

Интересен и язык текстовых сообщений в социальных сетях. Например, 급식체 [кыпщикчхе] и 초성체 [чхосонъчхе][6]. Последний элемент обоих неологизмов имеет значение «стиль», 급식 – школьный обед у учащихся младшей и средней школы, а 초성 – начальные буквы слогов. Если со значением первого неологизма все понятно, то второй может вызвать трудности, если человек не знаком с этим явлением – в социальных сетях или же в поисковых системах корейцы очень часто пишут слова начальными буквами слогов (например, 인정 как

[1] 대신할 수 없는 미래 안철수

[2] 문을 열고 안을 봤더니 홍준표만 보이더라

[3] 정치, 재계의 유명인사나 연예인들의 사생활과 관련된 글을 몰래 인터넷상에 유포하는 네티즌들을 말한다

[4] 요즘에 각종 인터넷 토론장에서 악성 댓글(의견)을 적발하여 신고하는 누리꾼을 지칭하는 말입니다

[5] 휴대 전화와 같은 디지털 기기에 지나치게 의존한 나머지 기억력과 계산 능력이 크게 떨어진 상태

[6] talktomeinkorean.com/lessons/qna46-2/

ㅇㅈ), обычно в целях экономии времени. Данные неологизмы очень распространены сейчас, при этом употреблять их в речи иностранцам не советуют, так как можно произвести неправильное впечатление на человека. Объяснить это можно неоднозначностью данных слов – их можно отнести и к новообразованиям, и к жаргонизмам, но так или иначе они находятся на периферии языка.

Заслуживают внимания и неологизмы в сфере досуга, спорта, а также кино, так как в последние годы данные сферы очень активно развиваются и, как результат, обогащаются новой лексикой.

김치우드 (김치 + Hollywood) [кимчхиуды][1] – «киноиндустрия Южной Кореи». С семантической точки зрения появилось в результате популярности и активного развития данной сферы в стране.

먹토 (-土) [моктхо][2] – «прием пищи не дома в субботу».

노블리안 레저족 (noblian leisure 族) [нобыльлиан речжочжок][3] – «социальный феномен, при котором на досуг, спорт и т. д. тратится много денег».

Нами были рассмотрены внешние факторы, способствующие появлению в языке неологизмов. Однако те или иные социальные факторы воздействуют на любой язык, и в любом обществе происходят преобразования. Но не каждый язык реагируют появлением огромного количества неологизмов, не для каждого языка актуально постоянное обновление словарей неологизмов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что существуют и внутренние причины их появления – строй языка и быстрая сочетаемость морфем между собой. Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к структурному анализу некоторых неологизмов.

Огромный процент неологизмов представляет собой фонетические заимствования или их элементы, в основном из английского языка, что обусловливается его престижностью.

Многие неологизмы приходят в язык с связи с тем, что экстралингвистическая реальность пополняется новыми понятиями. Примерами могут послужить:

---

[1] 우리나라의 영화계를 미국의 할리우드에 빗대어 이르는 말.

[2] 토요일에 외식을 많이 하는 일을 이르는 말.

[3] 스포츠, 레저 따위의 활동을 할 때 복장이나 장비에 많은 돈을 들이는 무리. 또는 그런 사람.

스카이서핑 (sky surfing) [скхаисопхинъ][1] – «скайсёрфинг»

실버폰 (silver phone) [сильбопхон][2] – «телефон для пожилых людей»

Несмотря на популярность и массовость фонетических адаптаций (заимствований) в корейском языке, англоязычные слова слишком длинны для традиционной структуры корейской лексемы, поэтому очень активно используется деривация (аффиксация) и образование сложносокращенных лексем. Морфолого-синтаксический способ приводит к сокращению многокомпонентных сцеплений или сочетаний синтаксем путем выделения у всех частей компонентов по одному субморфу. Стоит также отметить то, что в данных примерах мы видим еще одну особенность корейских неологизмов – их образование путем отхода от нормы, сочетания несочетаемых либо семантически, либо по форме элементов (например, заимствование и исконно корейский элемент). Например:

컴맹 [кхоммэнъ] – «человек, не умеющий пользоваться компьютером» (컴퓨터 + 맹 «слепой, неграмотный в чем-либо») – заимствование и исконно корейский элемент.

디찍병 [тиччикпёнъ] – «болезненное пристрастие к фотографированию всего подряд» (디카 digital camera + 찍다 «фотографировать», 병 «болезнь») – основа исконно корейского глагола соединяется с заимствованием и элементом иероглифического происхождения.

재디자인화하다 [чэдичжаинхвахада] – «перепланировка» (재 + 디자인 + 화 + 하다) – заимствование соединяется с морфемами китайского корня и исконно корейским глаголом.

엄카 [омкха] – «мамина кредитная карточка» (엄마 + 신용카드) – заимствование и исконно корейский элемент.

멘붕 [менбунъ] – «разрыв мозга» (멘탈 + 붕괴) – заимствование соединяется с морфемами китайского корня.

몰카 [молькха] – «скрытая камера» (몰래 카메라) – заимствование и исконно корейский элемент.

По мнению Я. Е. Пакуловой, «стабильный процент ханмунных морфем среди неологизмов, а также способность иероглифических

[1] 공중에서 파도타기를 하듯이 널빤지를 타는 항공 스포츠.
[2] 노인들이 쉽게 사용할 수 있도록 만든 휴대 전화.

морфем вступать в словообразование не только с корейскими словами, но и со словами иностранного происхождения, вместе с влиянием принципов сино-корейской аббревиации позволяет предположить, что доминирующее положение сино-корейской лексики, построенной на основе иероглифов не претерпит существенных изменений еще долгие годы, несмотря на активное влияние западной культуры» [Пакулова 2016]. Элементы фонетических заимствований легко вступают в морфологические отношения с ханмунными элементами:

헬조선 (-朝鮮) [хельчосон][1] – «Корея, в которой трудно жить». Чосон – древнее название страны, таким образом использование именно этого понятия вызывает у читателя ассоциацию с чем-то окостеневшим, несущим в себе худшие ценности и устои. При этом с морфологической точки зрения снова происходит соединение заимствованного элемента с элементом китайского корня.

Ханмунные морфемы способны вступать в словообразовательные отношения друг с другом. Например, 낙바생 (駱–生) [накпасэнъ][2] – «студент, испытывающий трудности с поиском работы (сравнивается с верблюдом, пытающимся пролезть в ушко иголки)».

В заключение следует сделать вывод о том, что корейский язык очень легко принимает и создает неологизмы, в которых находит свое проявление «коллективное» в обществе – наиболее значимые процессы и явления, влияющие на жизнь людей. При этом существуют внешние факторы, способствующие этому, – внедрение новых технологий, общественный прогресс, глобализация и др. Однако исключительно это не объясняет наличие огромного количества неологизмов в современном корейском языке, поэтому необходимо рассматривать саму структуру языка, его строй. В неологизмах именно корейского языка мы можем увидеть то, что язык и древний, и в то же время быстро и легко принимающий новые элементы. В исследовании мы пришли к выводу, что в процессе неологизации корейский язык легко принимает фонетические адаптации английских слов, что зачастую сопровождается компрессией (созданием сложносокращенных слов)

---

[1] 지옥을 뜻하는 'hell'과 '조선'의 합성어로 대한민국이 살기 힘들고 희망이 없음을 풍자하는 말.

[2] 낙타가 바늘구멍을 통과하는 것처럼 아주 어려운 취업에 성공한 사람을 비유적으로 이르는 말.

или образованием аббревиаций. Активную роль в создании неологизмов принимает и ханмунный элемент, который сохраняет свой «престиж» и легко сочетается как с другим ханмунным элементом, так и с фонетической адаптацией. Ввиду данных факторов неологизация в корейском языке идет очень динамично.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

Белянина Т. С. Пути возникновения неологизмов в современном японском языке. Днепропетровск, 2012. 6 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.

Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973. 152 с.

Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1986. 253 с.

Пакулова Я. Е. Корейские неологизмы XXI века, генетически восходящие к китайским корням // Филологические науки в МГИМО. № 24 (39). М. : МГИМО(У) МИД России, 2006. С. 122–130.

УДК 82-343; 821.14, 512.162

З. И. Рустамова

доктор филологических наук, профессор Бакинского славянского университета, Азербайджанская Республика, Баку;
e-mail: zenrust@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СЮЖЕТНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ МИФОЛОГИИ ШУМЕР, ГРЕКОВ И ПЯТОГО БОЯ «КИТАБИ ДЕДЕ КОРКУД»

Автор статьи говорит о возможном влиянии шумерской мифологии на азербайджанский эпос «Китаби Деде Коркуд», находит и анализирует параллели между мифом об Иштар и Думузи и пятой песней об удалом Домруле.

Ключевые слова: миф; душа; подземный мир; замена; Иштар; Домрул; баланс.

Z. I. Rustamova

Doctor of Philology (Dr.habil.), Professor,
Baku Slavic University, Baku, The Republic of Azerbaijan;
e-mail: zenrust@yandex.ru

REVISITING NARRATIVE PARALLELS BETWEEN THE FIFTH BATTLE OF *THE BOOK OS DEDE KORKUD* AND SUMERIAN AND GREEK MYTHOLOGY

The article draws a parallel between the Sumerian myth of Ishtar and Dumuzi and the fifth story of the medieval Azeri epics of Dede Korkud. Relying on the generally recognized resemblance of the epic to Greek mythology, the author argues that the epic might have been influenced by older Sumerian myths.

Key words: myth; soul; underworld; replacement; Ishtar; Dumuzi; balance.

В древнейшем эпосе вавилоно-ассирийской (аккадской) литературы «О все видавшем»[1] есть интересный эпизод, в котором богиня любви и плодородия Иштар, увидев красоту и мужественность царя Урука Гильгамеша, влюбляется и делает ему соблазнительное для любого смертного предложение: переступить порог ее жилища в качестве мужа. Кроме того, Иштар сулит будущему супругу всяческие блага, как то: быструю колесницу с золотыми колесами, могучих мулов, тучные стада домашних животных; дом, срубленный из редчайшего кедра; преклонение всех государей и т. п.

[1] Эпос «О все видавшем», или «Эпос о Гильгамеше», составлен за 2500 лет до н. э.

Гильгамеш, который был тоже божественного происхождения: «на две трети он бог, на одну – человек он», но не был наделен бессмертием, не принял заманчивое предложение богини, мотивировав свой отказ весьма красноречиво:

Ты – жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра и бури,
Дворец, обвалившийся на голову герою,
Слон, растоптавший свою попону,
Смола, которой обварен носильщик…

Плита, не сдержавшая каменную стену,
Таран, предавший жителей во вражью землю,
Сандалия, жмущая ногу господина! [Эпос о Гильгамеше]

Дело в том, что, по преданиям, Иштар обладала эксцентрическим характером, и царь Урука хорошо знал об этом. Несмотря на то, что в нем текла божественная кровь, он не обладал силой противостоять воле богов, и, став мужем богини, не смог бы защитить себя от ее эскапад. Как человек он не приемлет богиню любви из-за ее безответственности и непостоянства, не приемлет он и другую ее ипостась – войну и раздор.

Вместе с тем мудрый Гильгамеш хорошо понимает, что воле богов противиться нельзя, ибо они злопамятны и мстительны. И его отказ, очевидно, должен был быть вызван более серьезной причиной, тем, что несмотря на все опасения перед богами, толкнуло его дать всесильной Иштар ни с чем не сравнимую отповедь.

Да, была такая причина. И она была связана с ценой его жизни.

Люди надолго запомнили напугавшую их в свое время историю любви богини Иштар и ее мужа Думузи, которая закончилась для него трагически. Миф об Иштар и Думузи гласит, что молодой, красивый и потому самонадеянный пастух Думузи влюбляется в богиню-звезду Иштар (Венеру), добивается сладкими речами ее благосклонности и становится ее мужем. А так как богиня правила тогда Уруком, то разделяет с ней престол.

Проходит какое-то время, и великой богине становится скучно. Она решает спуститься в Подземный мир к своей сестре царице Эрешкигаль, которую ненавидит, и забрать у нее царство мертвых. И хотя люди уже тогда ведали, что спустившийся в царство мертвых

назад не возвращался, Иштар была уверена в своей божественной силе и в силе своих семи оберегов. Однако перед самым выходом она всё же проявила предусмотрительность и, вызвав верного слугу Ниншубура, наказала ему, чтобы тот ждал три дня и три ночи. Если богиня не вернется за это время, он должен будет обратиться за помощью или к ее деду, повелителю богов Энлилю, или к отцу, богу Наннару, или к премудрому богу Энки.

Облаченная в царские одежды величественная Иштар спустилась к тяжелым позеленевшим от времени и влаги медным вратам – входу в «страну без возврата». Теперь только они разделяли ненавидящих друг друга богинь. Эрешкигаль почувствовала сестру и возрадовалась тому, что сможет разделаться с ней, лишив возможности вернуться на землю.

Вступившая во мрак небесная богиня, по законам мира тьмы, должна была пройти через семь врат, у которых с нее срывали по одежде и отбирали по амулету, так что перед своей злобной сестрой и семью младшими богами, судьями мертвых, она предстала обнаженной и дрожащей от холода и сырости. Перед последним судом следует предстать в том виде, в каком являешься на свет – нагим.

Эрешкигаль злобно глянула на сестру, и та обессилено рухнула на землю, а слуги царицы повесили безжизненное тело Иштар на стену.

Прошло три дня и три ночи, жизнь на земле без богини Иштар стала замирать, и верный Ниншубур понял, что случилась беда. Он отправился за помощью к деду Иштар, богу воздуха и земли Энлилю, к ее отцу, великому Наннару, богу луны. Но они не смогли помочь ей, потому что оказались бессильны перед властью Подземного царства. С последней надеждой верный слуга обратил свой взор к Энки. Премудрый Энки знал, что в Доме Тьмы и Праха земные и небесные боги теряют свою силу, поэтому решил перехитрить Эрешкигаль. Сделав из глины два лишенных жизни существа, чтобы они не были подвластны царице Эрешкигаль, он дал одному «воду жизни», другому «пищу жизни», и те, добравшись до тела Иштар, оживили богиню.

Однако в планы Эрешкигаль не входило отпускать сестру в светлый мир, и она ультимативно потребовала взамен нее другую душу. Иштар дала ей обещание, но Эрешкигаль направила на землю наблюдателей – темных демонов, которые не покинут небесную богиню до тех пор, пока не будет отослана в Дом Тьмы и Праха душа-замена.

И тут начинается самая драматическая часть мифа, о которой Гильгамеш помнил всегда. Иштар метнулась к родным за помощью. Брат ее, бог Шара, отказался спуститься вместо нее в вечные сумерки. Другой брат, бог Латарак, боявшийся сырости и мрака подземелий, отослал ее прямиком к мужу, который, как знали все боги, любил ее больше своей жизни.

Когда вернулась Иштар к мужу, он, сидевший в ее отсутствие на престоле, с радостью бросился ей навстречу. Но страшен был взгляд богини. Она указала мужу на демонов подземного мира, а им на мужа. И понял Думузи, что его ждет... [Миф о Инанне и Думузи]

С тех пор редкий смертный мечтал о любви Иштар. Вот почему отказ Гильгамеша богине на ее предложение прозвучал столь категорично. Гильгамеш не хотел быть игрушкой в ее руках.

Средневековый азербайджанский эпос «Китаби Деде Коркуд» (XI–XII вв.) состоит из 12 боев, объединенных общими героями. Однако в двух боях (пятом и шестом) сквозные герои отсутствуют. В контексте нашей работы интерес представляет именно пятый бой о Дели Домруле («Песнь об удалом Домруле, сыне Духа-Коджи»).

По сюжету удалой Домрул, считая себя сильнее всех, просит Бога всемогущего явить ему краснокрылого Азраила, дабы сразиться с ним и победить, чтобы тот не забирал души молодых джигитов. Всевышний уловил в словах Домрула непочтение и решил наказать его за хвастливые речи. Он послал на землю Азраила с заданием забрать душу наглеца. Посланнику Бога не стоило никакого труда положить Домрула на лопатки и заставить взмолиться Богу. Домрул, вмиг забыв хвастовство, умоляет Бога о пощаде. Эти речи Богу понравились, и он повелел Азраилу отпустить Домрула, но с условием, что тот найдет взамен себя другую душу. С этого момента начинаются мытарства Домрула: он обращается к отцу и получает отказ, он обращается к матери и получает отказ. Они не хотят покинуть светлый мир вместо сына: слишком сладка жизнь и дорога душа.

Удрученный всем этим, Домрул приходит к семье, чтобы сказать прощальные слова. Узнав причину его печали, жена неожиданно для него решает принести свою душу в жертву ради его жизни [Книга Деда Коркуда].

Конец этой истории стал хрестоматийным: Бог отобрал души эгоистичных родителей, а их сыну с женой отвел по 140 лет жизни.

Итак, в мифе об Иштар и Думузи и в сказании об удалом Домруле прослеживается один и тот же мотив замены душ. Исследователи средневековой азербайджанской литературы неоднократно обращали внимание на параллели между «Китаби Деде Коркут» (в частности, пятым боем) и греческими мифами, однако, как нам видится, вполне вероятно говорить и о возможном влиянии аккадской мифологии.

В. М. Жирмунский, в частности, указывал, что «Рассказ об удалом Домруле» (Дели Домрул) объединяет два сюжета, широко представленные в новогреческой фольклорной традиции. Первый из них – борьба богатыря с ангелом смерти, олицетворенным у греков в мифологическом образе Харона. Второй сюжет – подвиг жены, отдающей свою жизнь как выкуп за мужа (после отказа отца и матери), – встречается в тех же новогреческих песнях. Жирмунский указывает на древность этого сюжета, которая засвидетельствована античным мифом об Алкесте, известным по одноименной трагедии Еврипида (IV в. до н. э.) [Жирмунский 1958, с. 95]. Алкеста отдает свою душу как выкуп за жизнь своего супруга, царя Адмета (также после отказа отца и матери пожертвовать собой ради спасения сына). Но здесь сюжет получает неожиданный поворот. Алкесту спасает Геракл, сын Зевса. Он не спускается в царство Аида, а побеждает в единоборстве Таната-смерть (первый сюжет, по Жирмунскому), пришедшего за своей жертвой. Что касается мотива замены, то Алкеста будет находиться во власти подземных богов, пока не принесет искупительные жертвы. Что именно – не сказано. Так что нельзя исключать и человеческую душу взамен спасенной Гераклом.

Вернемся к богине Иштар и Домрулу. Итак, мотив замены. Мотив, возникший в шумерских мифах в 3-м тыс. до н. э., прошедший через греческую мифологию и сохранившийся в средневековых сказаниях. Почему именно замены? Почему, как повествуют сказания, она должна была обязательно произойти? Почему богам нельзя было просто выпустить человека из царства мрака в мир света?

Испокон веков люди наблюдали рождение и смерть, вступление в жизнь и уход из жизни. Представление о том, что бывает с человеком после его ухода из солнечного мира у людей, было весьма неопределенным. Однако, как они мыслили, существовал некий баланс между жизнью и смертью, основанный, очевидно, на количественных параметрах. Земной и Подземный миры должны были находиться

в состоянии равновесия. И если кто-то умирал (спускался в подземный мир), то люди, исходя из своего опыта и представления о возможной договоренности между богами при разделе сфер влияния, знали, что он уже оттуда не вернется. Спустившийся в подземный мир становился его частью. Однако, если человеку чудом удавалось вырваться оттуда, вместо него должен был спуститься кто-то другой, чтобы равновесие между мирами не нарушалось. Таким образом регулировалось явление населенности и обеспечивались порядок и гармония в мире.

В царство Аида спускались Геракл, Орфей и Одиссей. Но они были живыми людьми, и их пребывание под землей не нарушало баланса жизни и смерти. Геракл позаимствовал у Аида Цербера, Орфей, с определенной договоренностью, которую он не выполнил, получил тень Эвридики; царь Итаки, по совету волшебницы Кирки, спускался в Аид к тени фиванского прорицателя Тиресия за информацией по поводу своей дальнейшей судьбы. А царица «страны без возврата» Эрешкигаль лишила свою сестру жизни, и Иштар должна была оказаться среди обитателей этой страны. Домрула тоже включили в список умерших. И для восстановления баланса при случае их возвращения в мир живых нужна была душа для замены. Однако Бог вместо одной души Домрула забрал две – отца и матери – очевидно, как нечто единое, давшее начало новой жизни.

Другой вопрос, возникающий при работе с сюжетом замены: почему душой-заменой становится жена или муж, а не кто-то из родственников по крови?

Иштар обращается к своим братьям и получает от них отказ. Домрул обращается к отцу-матери и тоже получает отказ. Кровные родственники отталкивают просящего, каждый по-своему мотивируя ответ. Получается, что кровное родство уже не является гарантом объединения и спасительным началом в отношениях людей, а это ни что иное, как отражение распада родоплеменных связей. Миф об Иштар и Думузи хронологически стоит ближе к этому процессу, а в сказании о Домруле мы слышим отголоски этого распада.

Еще один интересный момент, на который хотелось бы обратить внимание. Почему Иштар отправляет в темный мир мужа Думузи без его ведома и согласия, а жена Домрула идет на жертву сама?

Как видится, авторитарное решение со стороны Иштар, которая повелевает забрать мужа вместо себя, – это проявление еще не

отживших до конца общественных отношений матриархата. Жена Домрула, ставя его выше себя и придавая большее значение его пребыванию на земле, чем своему, подчинена уже патриархальным отношениям.

Если говорить о других параллелях между мифом об Иштар и Думузи и сказанием о Дели Домруле, то следует отметить, что к столкновению со Смертью и Иштар, и Думузи приводит их хвастовство и что на помощь им обоим приходит божественная сила. Только Иштар спасает хитрость премудрого бога Энки, а Домрула – воля всевышнего Бога.

Несмотря на то, что в рассмотренных нами сказаниях отображены разные периоды развития человечества – многобожие и единобожие, в них реализован мотив замены душ, который несет как общую (равновесие между мирами), так и собственную смысловую нагрузку, связанную с отражением соответствующего этапа в развитии общественно-экономических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жирмунский В. М. «Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция // Советское востоковедение. М., 1958. № 4. С. 90–101.

Книга Деда Коркуда. URL : www.vostlit.info/Texts/ rus9/ Korkut/pril32.phtml

Миф от Инанне и Думузи. URL : studopedia.ru/13_ 175563_mif-ob-inanne-i-dumuzi.html

Эпос о Гильгамеше «О все видавшем» со слов Син-лике-уннинни, заклинателя / пер. И. М. Дьяконова. URL : www.lib. ru/poeeast/gilgamesh.txt

УДК 81’243

Е. Д. Сон

старший преподаватель каф. иностранных языков
Медицинского университета.Казахстан, Астана;
e-mail: helen.vital@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Данная статья посвящена проблеме формирования межкультурной компетенции студентов при обучению английскому языку. Автор уделяет внимание особенностям национального характера коммуникантов, специфике их эмоционального склада, национально-специфическим особенностям мышления.

Ключевые слова: межкультурная компетенция; межкультурное общение; узус; межкультурная коммуникация; диалог культур; традиции; обычаи.

E. D. Son

Senior Lecturer in foreign languages, Medical University,
Kazakhstan, Astana; e-mail: helen.vital@mail.ru

THE FORMATION OF THE INTERCULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS

This article is devoted to the problem of the intercultural competence of students in learning the English language. The author pays attention to the peculiarities of the national character of the communicators, the specifics of their emotional warehouse, national specificities of thinking.

Key words: intercultural competence; intercultural communication; usage; intercultural communication; intercultural dialogue; traditions; customs.

Современное общество заинтересовано в укреплении международного сотрудничества как одного из условий формирования взаимопонимания и согласия в мире. В связи с этим возрастает роль изучения иностранных языков как в мире, так и в Казахстане. Важными обстоятельствами, которые свидетельствуют о пользе востребованности иностранных языков, необходимо считать такие, как изменения в экономической и политической сферах жизни, вхождение нашей страны в мировое образовательное и информационное пространство, межгосударственная интеграция в сфере образования. Знание иностранного языка является одним из важных показателей современного образования, современной жизни.

Под компетентностью понимается способность и готовность личности к выполнению деятельности, которые заключаются в понимании сути решаемых задач и разрешаемых проблем, в активном владении лучшими достижениями, в умении подбирать способы действия соответственно конкретным условиям места и времени, в чувстве ответственности за полученные результаты. В свою очередь, от студентов требуются эрудированность, знания, овладение специальностью и решение очередной задачи и т. д.

Коммуникативную компетенцию рассматриваем как способность учитывать в процессе речевого общения контекстное соответствие языковых единиц для реализации когнитивной и коммуникативной функций. Безусловно, сначала надо обладать языковым навыком и умением, в которых во всех случаях лежит основа общения.

Межкультурная компетенция – это способность успешно общаться с представителями других культур. Эта способность может появиться с молодых лет или может быть развита. В структуру межкультурной компетенции входят: общекультурологические и культурно-специфические знания, умения практического общения, межкультурная психологическая восприимчивость. Овладение компетенцией создает основу для развития профессионализма и мастерства.

Раскрывая сущность понятия «межкультурная коммуникативная компетенция», О. А. Леонтович подчеркивает, что межкультурная компетенция «является конгломератом трех составляющих: языковой, коммуникативной и культурной компетенции. Мы согласны с утверждением О. А. Леонтович об образовании качественно нового целого, «которое обладает собственными признаками, отличными от каждого из компонентов, взятых в отдельности [Леонтович 2003, с. 32–33].

Языковая компетенция предполагает правильный выбор языковых средств, адекватных для ситуации общения; коммуникативная компетенция включает механизмы, приемы и стратегии, необходимые для обеспечения эффективного процесса общения; понятие культурной компетенции совпадает с понятием культурной грамотности и предполагает знание политических реалий, фразеологизмов, терминов, диалектизмов и т. д. Более конкретно определена сущность межкультурной коммуникативной компетенции И. Л. Плужник: «…она (МКК) представляет собой функциональные умения понимать взгляды и мнения представителей другой культуры, корректировать

свое поведение, преодолевать конфликты в процессе коммуникации, признавать право на существование различных ценностей, норм поведения…» [Плужник 2003, с. 6]. Отсюда возникает необходимость определения спектра направлений формирования способности к межкультурной коммуникативной компетенции в условиях обучения иностранному языку в вузе. К ним относятся:

- поликультурное направление (обогащение своей культуры за счет принятия другой, готовность к освоению другой культуры): принятие новых знаний о чужой культуре для более глубокого познания своей; уважение ко всем культурам; видение в иноязычной культуре не только и не столько то, что нас отличает друг от друга, сколько то, что нас сближает и объединяет; способность смотреть на события и их участников не со своей точки зрения, а с позиций другой культуры;
- толерантность (нацеленность на взаимодействие, умение бесконфликтно общаться): способность взаимодействовать с людьми другой культуры на основе учета их ценностей, норм, представлений; способность корректировать свое поведение в процессе общения на человека другой культуры; отсутствие жесткости в поведении; способность сопереживать, откликаясь на эмоции, переживания носителей чужой культуры; чувствовать и понимать настроения людей;
- поведенческое направление (коммуникабельность поведения): адекватное поведение, принятое в деловых профессиональных сферах; нахождение конструктивных компромиссов; умение вступать в контакт и поддерживать его;
- лингвосоциокультурное направление (использование лингвистических средств языка в соответствии с культурными нормами языка в профессиональной сфере деятельности): умение обмениваться мнениями; умение активно слушать на основе повторения сказанного, резюмировать, подтверждать внимание к собеседнику; ставить вопросы, подталкивающие к разъяснению сказанного [Плужник 2003, с. 12].

В последние годы интеграция глобальной экономики интенсивно способствует культурному обмену разных стран мира: международные конференции, обмен студентами и преподавателями между университетами мира. В связи с этим необходимо сознательно общаться с представителями языка, создавать условия для общения с иноязычным партнером и устанавливать цель коммуникации, чтобы достичь желаемой эффективности в деятельности общения. В отличие от

реальности, возможно применение разнообразных тем, например посещение театра, поездка в страну собеседника, ведение торговых переговоров, участие в научной конференции и т. д. Именно через такие типы общения собеседники могут осознать различие своей культуры от носителя языка, находить адекватные родному языку иноязычные слова выразить свою мысль. Чем дольше общаться с представителями иностранного языка, тем лучше знакомиться с иноязычной культурой, тем быстрее можно повысить межкультурную компетентность.

В данном аспекте интересно мнение А. П. Садохина: «Центральное место среди процессов глобализации занимает способность адекватного освоения культурных ценностей других народов, поскольку глубина и эффективность этого взаимодействия определяет взаимную заинтересованность партнёров друг в друге, возможность удовлетворения ими своих потребностей и запросов, степень их готовности принимать участие в диалоге культур» [Садохин 2005, с. 251].

Процесс глобализации охватил сегодня все сферы жизни человека, включая и сферу культуры. И если до недавнего времени история человечества была лишь историей отдельных стран, народов и культур, то сегодня она зримо превращается в глобальную единую историю человечества: всё, что происходит в жизни отдельных стран, так или иначе отражается на жизни в других точках земного шара. Современные локальные (этнические) культуры при этом теряют своеобразие и замкнутость, а границы между ними всё более стираются и исчезают. Очевидным результатом процесса глобализации стали также большие возможности общения носителей какой-либо культуры с представителями других культур и эти возможности сегодня стали повседневной реальностью для многих стран и народов. Данное обстоятельство породило у представителей самых разных наук большой интерес к процессу взаимодействия и взаимовлияния культур, который получил название межкультурной коммуникации.

Совершенно очевидна в этой связи роль иностранных языков как средства межкультурной коммуникации. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, «каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [Тер-Минасова 2000, с. 35].

В трудах В. В. Сафоновой также подчеркивается значение иностранного языка в межкультурном общении: «В рамках социокультурного подхода к обучению иностранным языкам под межкультурным общением (коммуникацией) понимается функционально обусловленное коммуникативное взаимодействие людей, которые выступают носителями разных культурных сообществ в силу осознания ими или другими людьми их принадлежности к разным геополитическим, континентальным, региональным, религиозным, национальным и этническим сообществам, а также социальным субкультурам. Речевые партнеры в условиях межкультурного взаимодействия, соответственно, могут отличаться друг от друга в отношении ценностно-ориентационного мировидения, образа и стиля жизни, людей речевого и неречевого общения» [Сафонова 2001, с. 21].

Если мы говорим об иноязычном межкультурном общении, то имеем в виду, что в качестве инструмента выступает язык, неродной для всех или некоторой части участников этого межкультурного взаимодействия. Для результативности такого общения, студенты должны обладать знаниями, которые обеспечат адекватное понимание в процессе общения представителей различных культур, т. е. определенным уровнем межкультурной компетенции.

Таким образом, актуальной задачей обучения иностранным языкам как средству межкультурной коммуникации заключается в том, что «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках».

Научить студентов общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого.

Эффективность общения между представителями разных культур заключается не только в преодолении языкового, но и межкультурного барьера. Так, С. Г. Тер-Минасова выделяет те компоненты культуры, которые имеют национально-специфическую окраску:

– традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определенные как традиции в «соционормативной» сфере

культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующим в данной системе нормативным требованиям);
– бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой;
– повседневное поведение (привычки представителей некой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинестический) коды, используемые носителями данной лингвокультурной общности;
– «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;
– художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса [Тер-Минасова 2000, с. 57].

По мнению автора, с которым мы полностью согласны, специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. Вот почему в общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления.

Э. Косериу [Косериу 2010] ввел понятие узуса, помогающее осознать механизм ошибок, обусловленных неадекватной оценкой речевой ситуации или незнанием речевого этикета. Узус происходит от лат. *usus* – пользование, употребление, обычай. Носители языка, овладевшие правилами речевого узуса в процессе социализации, интуитивно осуществляют выбор требуемых единиц, ориентируясь на экстралингвистические условия, среди которых особое значение имеет степень официальности обстановки и отношений между коммуникантами. Например, характерные для русского речевого узуса и весьма распространенные в сфере повседневного общения формы *девушка*, *молодой человек* в качестве узуальных английских соответствий имеют не словарные эквиваленты (*girl*, *young man*), а совсем иные, входящие составной частью в систему английского речевого этикета. В английском языке перечисленные лексические единицы, выступая в функции обращений, часто приобретают вполне определенное, чаще негативное, значение. В русском языке использование фамилии в качестве

обращения сигнализирует об официальности обращения. В английском языке обращение по фамилии, не сопровождающееся традиционными формами вежливости (*Mr, Mrs*), напротив, свидетельствует о непринужденных, дружеских, фамильярных отношениях, например: *Now, Hastings, what was Jack Renault doing here on that eventful evening…*

Приведем еще пример. В современном английском языке нет соответствия русскому личному местоимению «вы». Потребность выбора между *ты* и *вы* может сильно осложнить иностранцу выполнение коммуникативной задачи. В одних ситуациях *ты* может звучать оскорбительно («*Вы мне не тыкайте*!»), а в другой – свидетельствовать о близких отношениях. Стремясь подчеркнуть свое уважение к человеку, мы, обращаясь к нему в письме, пишем *Вы* с большой буквы. Англичане пишут с большой буквы *Я* (I), но не ставят себя при перечислении на первое место.

Рассмотрим цветообозначение: мы не можем однозначно утверждать, что русскому прилагательному *фиолетовый* соответствует английское слово *purple*. Толковый словарь определяет этот цвет как *any colour intermediate between red and blue*. В русском языке этот сегмент спектра представлен как совокупность цветообозначений, мы можем заменить синонимами: *фиолетовый, лиловый, пурпурный, багровый…*

Незнание традиций, обычаев и специфики быта англичан могут также вызвать недоразумения и оплошности. Так, например, в русской культуре черная кошка, по поверью, приносит несчастье («жил да был черный кот за углом, и его ненавидел весь дом…»). В английской же культуре черные кошки – символ удачи, неожиданного счастья, и на открытках с надписью *Good Luck*, к удивлению русских, изображены именно черные кошки.

Для успешного межкультурного общения недостаточно одного знания иностранного языка. Чтобы не оказаться в роли «культурного монстра» в ситуациях взаимодействия с носителями необходимо учитывать такие языковые явления, как узус, сочетаемость слов, избыточность и недостаточность лексики, специфику фразеологических единиц.

Но помимо особенностей самого языка, следует разбираться в национальном характере его носителя, их традициях и обычаях и даже образе жизни. С учетом всех этих аспектов в целом можно рассчитывать на полное взаимопонимание и успешное общение.

Таким образом, формирование межкультурной компетенции студентов является одной из важнейших задач при обучении иностранному языку, в результате чего, наряду с овладением иностранным языком, происходит усвоение культурологических знаний и формирование способности понимать ментальность носителей другого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения. М. : Едиториал УРСС, 2010. 208 с.

Леонтович О. А. Международное обучение на базе Центра американистики ВГПУ // Модернизация содержания и методов иноязычного обучения как приоритетное направление в условиях непрерывного языкового образования»: тез. докл. II Регион. науч.-практ. конференции, Волгоград 17–18 янв. 2003 г. / сост.: С. А. Пятаева, М. А. Железнякова. Волгоград : Перемена, 2003. С. 32–33.

Плужник И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки» : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 25 с.

Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. : Высшая школа, 2005. 310 с.

Сафонова В. В. Культуроведение в системе современного языкового образования // Иностранные языки в школе. 2001. № 3. С. 17–24.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово/Slovo, 2000. 624 с.

УДК 81‘366.54

Г. О. Сыздыкова

доктор филологических наук, профессор каф. казахского языкознания
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан; e-mail: go.syzdykova@mail.ru

СИНОНИМИЯ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В ТЕКСТАХ КАЗАХСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Статья посвящена исследованию явлений грамматической синонимии в языке казахских героических эпосов. Цель работы – установить закономерности функциональной синонимии, раскрыть синонимические возможности в морфологии и синтаксисе, определить условия их взаимозамены. На основе изучения языка фольклорных текстов показано, что синонимия в области грамматики тесно связана с процессом развития грамматической структуры языка. Выявленные случаи синонимии раскрывают семантические и функциональные возможности морфологических форм и синтаксических конструкций.

Ключевые слова: лингвофольклористика; синонимия; синонимика; падеж; парадигма; модель; сочетания; форма.

G. O. Syzdykova

Doctor of Philology, Professor of the Department
of Kazakh Linguistics Eurasian National University
named after L. N. Gumilyov, Astana. Kazakhstan;
e-mail: go.syzdykova@mail.ru

THE SYNONYMY OF THE CASE FORMS IN THE TEXTS OF THE KAZAKH HEROIC EPOS

The article is devoted to the study of the phenomena of grammatical synonymy in the language of Kazakh heroic epics. The aim of the work is to establish the laws of functional synonymy, to reveal synonymous possibilities in morphology and syntax, and to determine the conditions of their interchange. On the basis of the study of the language of folklore texts, it is shown that synonymy in the field of grammar is closely related to the development of the grammatical structure of language. Identified cases of synonymy, when they reveal the semantic and functional possibilities of morphological forms and syntactic constructions.

Key words: linguo-folklore; synonymy; case; paradigm; model; combination; form.

Формирование науки лингвофольклористики стало основанием для рассмотрения языка фольклора в лингвистическом аспекте, что положило начало исследованию лексико-семантических, грамматических, стилистических и других аспектов функционирования

языковых единиц в различных жанрах устного творчества. Одной из важнейших проблем является синонимия падежных форм в казахских героических эпосах.

В целом проблема синонимии в сфере грамматики стала объектом специального научного исследования с появлением трудов профессора А. М. Пешковского.

Академик М. Сергалиев, уделяя особое внимание данной проблематике в казахском языкознании, отмечает: «Морфология и синтаксис составляют грамматику, соответственно и в синонимике эти два вида называются грамматическими синонимами. Однако является принципиально важным различать указанные два понятия» [Сергалиев 2006, с. 36].

Тесная связь морфологической и синтаксической синонимии определяется грамматическими аффиксами языка, которые составляют основу для формирования синтаксической синонимии. Одним из таких аффиксов выступают падежные окончания. С научной точки зрения, синтаксическая роль слов в той или иной падежной форме изучена в достаточной степени, поэтому мы с уверенностью можем утверждать, что морфологическая функция падежной категории тесно связана с синтаксическим уровнем изучения языка. Падежная категория, наряду с осуществлением связи слов в предложении, определяет также и синтаксические отношения предмета к предмету, отношения предмета к действию.

Профессор М. Балакаев отмечает, что в результате связи, осуществляемой за счет изменения падежных окончаний словосочетаний, такие единицы являются между собой синонимами. Свои выводы ученый подкрепляет следующими примерами:

Оттан аттап өтті – Отты аттап өтті. (*Перешагнул через костер.*)
Оттан айналды – Отты айналды. (*Обошел вокруг костра.*)
Таудан асып кетті – Тауды асып кетті. (*Перевалил через гору.*)
Атқа мінді – Атты мінді (*Сел на коня.*) [Серғалиев 2006, с. 12].

В результате использования измененных падежных окончаний первых пар существительных в составе рассматриваемых сочетаний не наблюдается явного расхождения или изменения в значениях. В обоих случаях сохраняется основное семантическое единство.

Проблема синонимии в области морфологии рассматривается в статье А. Салкынбай и Л. Бегалиевой следующим образом:

«Морфологический уровень в парадигме синонимичных слов имеет свои отличительные особенности. Данный парадигматический ряд, в основном, связан со структурной организацией слова, с его словообразовательной функцией. Парадигма синонимичных слов морфологического уровня – это сложная структура, образующаяся в результате вторичного значения, которое обретает слово благодаря значению основообразующей и словообразующей формы. Например: синонимичные значения слов *мөлшерлі, межелі, мезгілді, мерзімді, мәрелі* появились благодаря не основному значению, а в результате вторичного значения. В парадигме синонимичных слов достаточно много словообразующих форм, составляющих морфологический уровень» [Салқынбай, Бегалиева 2008, с. 3–4]. Авторы приходят к выводу, что внешняя форма слова служит главным отличительным признаком морфологических синонимов.

В связи с морфологической и синтаксической синонимией падежные формы рассматриваются как универсальные, межуровневые синонимы. Согласно точке зрения И. Г. Ивановой, «...особенностью синонимичных словосочетаний является разнообразие падежных форм и различных послелогов. В рамках глагольных конструкций особое место отводится синонимичным формам с пространственными компонентами. Если для морфологических синонимов характерна однокомпонентность, то для синтаксических синонимов свойственна разноструктурность». Например: *Тудын верч кодын* «Остался из-за него (неё)» – *Тудлан кора кодын* / *Тудлан лийын кодын* «то же». Общность каузального значения сближает данные конструкции, а структура подчеркивает их различие [Иванова].

Морфологическая синонимия падежных окончаний реализуется благодаря синонимическим моделям. В целом слово *модель* как научное понятие означает образец, форма чего-либо. Данное понятие в Толковом словаре Г. Калиева определяется следующим образом: «Модель в языкознании – образец, сформированный благодаря изменению элементов, характерных для структуры определенного языка. Понятие языковой модели появилось в структурной лигвистике (К. Л. Бюлер, З. З. Харрис, Ч. Хоккет), однако в научный оборот вошло в 60–70-е гг. XX в. в связи с зарождением математического языкознания и внедрением кибернетических методов в языкознание» [Қалиев 2005, с. 216].

Каждый падеж казахского языка отличается характерными только для него грамматическими формами, а также использованием указанных грамматических форм, дополняющих основное слово грамматическими значениями. Такие особенности можно наблюдать и на примере синонимических отношений падежных окончаний в текстах эпосов.

Исследование языка эпоса, как одного из важных видов фольклорных жанров произведений устного народного творчества, с лингвистической позиции дает возможность усвоить в совершенстве духовное наследие народа. В данной статье проведен анализ синонимических моделей дательного (*барыс септік*), исходного (*шығыс септік*) и творительного (*көмектес септік*) падежей как наиболее продуктивных падежных окончаний, употребляющихся в качестве синонимов в языке эпоса.

Анализ собранных в процессе исследования текстов эпических поэм лингвистических данных позволяет распределить синонимические модели дательного (*барыс септік*), исходного (*шығыс септік*) и творительного (*көмектес септік*) падежей по группам, согласно способу их образования:

1. Окончания дательного падежа (*барыс септік*) *-ға, -ге, -қа, -ке* и предлог *үшін,* употребляемый после именительного падежа, и синонимические модели, образуемые со служебным словом *бола*.

Например:

> ***Мал бағуға*** ойланып, тобылғы меңді торы атқа мініп, жылқыға барып Естімшеге қосылып ит жүгіртіп, құс салып, мал бағып жүре берді (*Қарақыпшақ Қобыланды батыр. 36-том, 2*).

Ақ кіреуке көз ойнап,
Сәлемдікке келгенмін.
Екі мұсылман баласын,
Ептемекке келгенмін
(*Алпамыс батыр, 33-том, 14*).

Ашылмаққа бұл майданда гүл керек,
Күйдірмекке бізге сондай тіл керек.
Келген жарды бізден ***айырып алмаққа,***
Біздерден зорырақ, бәлки, ер керек
(*Алпамыс батыр, 20*).

Если дательный падеж в синтетической форме обозначает определенную цель или значение направления, то при использовании с послелогом он усиливает первичное значение направления. Аналитический именительный падеж, который может быть синонимичен окончанию дательного падежа, также имеет различные значения. Слова: *мал бағуға, сәлемдікке, ептемекке, ашылмаққа, күйдірмекке, айырып алмаққа* в составе сочетаний: ***мал бағуға ойланып***, ***сәлемдікке келгенмін***, ***ептемекке келгенмін***, ***ашылмаққа гүл керек***, ***күйдірмекке тіл керек***, ***бізден айырып алмаққа*** – можно заменить образованными аналитическим способом синонимическими моделями, ср.: ***мал бағу үшін*** – ***мал бағуға бола, сәлемдік үшін*** – ***сәлемдікке бола***, ***ептемек үшін*** – ***ептемекке бола***, ***ашылмаққа*** – ***ашылу үшін***, ***күйдірмекке*** – ***күйдіру үшін***, ***айырмаққа*** – ***айырып алу үшін***. Необходимо отметить, что слова в форме дательного падежа отличаются друг от друга взаимно синонимичными моделями. Например:

Мініп бедеу ***келгенге,***
Армансыз дәурен ***сүргенге,***
Қырық күншілік байрақтан,
Аты озып ***келгенге,***
Қай Қызылбас демеймін,
Қай бір қалмақ демеймін,
Өзім соған тиемін (*Алпамыс батыр, 16*).

Слова с окончаниями дательного падежа в составе сочетаний в указанном примере: (*мініп*) ***келгенге,*** (*дәурен*) ***сүргенге***, (*аты*) *озып* ***келгенге*** – образуют синонимическую модель только с формой именительного падежа (А.с.) + ***үшін***: *келгенге – келген үшін, сүргенге – сүрген үшін*. Однако с формой именительного падежа (А.с.) + служебное слово ***бола*** синонимичную модель не может образовать.

Встречаются отдельные случаи, когда в тексте невозможно заменить форму именительного падежа с послелогом *үшін* формой с окончаниями дательного падежа. Например:

Гауһарымсың сен менің,
Сен болмасаң, кім менің
Хал-жайыма *қарайтын*
(*Алпамыс батыр, 14*).

Если сочетание *хал-жайыма* в указанном предложении мы заменим на форму х*ал-жайым үшін*, то семантическая структура предложения изменится и будет отличаться от первоначального значения. Следовательно, синонимичные модели в форме именительного и дательного падежей, сочетающихся с послелогом *үшін* в тексте, требуют всегда избирательности.

По мнению Н. Оралбай, «...послелоги, усиливая значения синтетических падежей, усложняют их различными оттенками, однако не могут изменить основное значение падежа, указанное значение только усложняется...» [Оралбай 2007, с. 119–120]. Поэтому есть все основания рассматривать близкие по значению падежи в синтетической и аналитической формах в качестве синонимов.

2. Синонимические модели, образованные путем сочетания окончаний исходного падежа *-нан, -нен, -дан, -ден, -тан, -тен* и послелога *арқылы* именительного падежа, являются системными синонимами. Компоненты, составляющие ряд синонимической модели, выражают значение пространства, осуществления действия и предметов, имеющих отношение к осуществлению действия. Например: *Алпамыс жатқан* ***ақ тастың үстінен*** *жортып өте берді* (*Алпамыс батыр, 17*).

Ә дегенде ***таудан*** бедеу өткен-ді,
Сабыр қылған мақсатына жеткен-ді
(*Алпамыс батыр, 20*).

Если мы изменим слова в предложениях *Ақ тастың үстінен, таудан* на *Ақ тастың үсті арқылы, тау арқылы*, то место осуществления действия в предложении не изменится, синонимичные модели *Ақ тастың үстінен – Ақ тас арқылы, Таудан – Тау арқылы* сохранят свою основную семантическую структуру. В данном случае окончания исходного падежа в сочетании ***ақ тастың үстінен*** могут быть синонимичны форме творительного падежа (*Ақ тастың үстінен – Ақ тастың үстімен*).

Синонимичные модели формы исходного падежа подобной структуры не могут постоянно заменять друг друга. Например:

– Бедеумен *таудан асқалы*
Тұр ма бізден жасқанып (*Алпамыс батыр, 23*).

Сочетание ***тау арқылы*** в указанном примере не может быть синонимичной моделью слова ***таудан*** в форме исходного падежа.

3. Основным значением аналитического именительного и творительного падежей, используемых в языке со служебным словом *арқылы* является выражение пространства осуществляемого действия и «орудия действия» (*балтамен шапты – рубить топором*). Кроме этого; «1) способ движения (*ақылмен істе – делать с умом, қуанышпен кездесті – встречаться с радостью*); 2) значение «делать что-то сообща» (*туыстарымен жасады- делать с родственниками, жұмысшылармен кездесті – встречался с рабочими*); 3) значение места движения (*тоғаймен жүрді – шел по лесу, жолмен жүрді – шел по дороге*); 4) время, сроки (*күнімен күтті – ждал целый день, түнімен жүрді – шел всю ночь*)» [Оралбай 2007, с. 114].

Модели, образованные с помощью окончаний творительного падежа *-мен, -бен, -пен*, и послелога именительного падежа *арқылы,* будучи в составе системных синонимов, согласно цели использования, могут выражать в контексте различные значения. Во многих случаях творительный падеж в эпических поэмах используется в форме *-менен*. Например:

Ойлы-қырлы ***жолменен***,
Бұл заманда ***тілменен*** (*Алпамыс батыр, 18*).

Если формы *жолменен, тілменен* в указанном предложении изменим на подобную аналитическую форму именительного падежа *жол арқылы, тіл арқылы*, то сохранится первичное значение, сохранится основной смысл предложения.

Наряду с этим в текстах эпических жанров встречаются также случаи, когда показатели указанной модели не могут заменить друг друга в контексте. Например: слова *сөзбенен, менімен* в форме творительного падежа, являющиеся основой для осуществления действия в предожении: *Сол* ***сөзбенен*** *бізді қорқар деймісің? – Алты айшылық жол жүріп,* ***меніменен*** *дос болғалы келмеген шығарсыз* (Алпамыс батыр, 21, 22), не могут быть синонимичны аналитической форме именительного падежа. Напротив, здесь явно проявляется синонимическая связь творительного и исходного падежей (***сөзбенен – сөзден***).

В целом в текстах казахских героических эпосов можем часто наблюдать синонимические взаимоотношения падежных окончаний. Например:

Осыны ***өлтіргенменен*** қара жер толар дейсің бе? Енді қайтадан ***расынан*** дос болдым.

Мазамды кетіріп болды ол залым, қорегі
Әр ***мезгілге*** жеді тоғыз нарымды (*Алпамыс батыр, 25*).

Дос себепті ***Байшұбарды*** міндірем,
Дұшпандық қылмағыл, достым Қаражан.
Дос себепті мен ***Шұбарды*** [міндірдім],
Бар, Қаражан, Хаққа тапсырдым (*Алпамыс батыр, 28*).

Ср. синонимические модели: ***өлтіргенменен*** – ***өлтіргеннен***, ***расынан*** – ***расымен*** – ***расында***; ***мезгілге*** – ***мезгілде***; ***Байшұбарды*** – ***Байшұбарға***, ***Шұбарды*** – ***Шұбарға***.

Таким образом, на основе предпринятого языкового анализа можем сделать вывод, что взаимозамена падежных окончаний в контексте героических эпосов прежде всего определяется соответствием указанных конструкций общим закономерностям функционирования синонимических явлений. Наряду с этим примеры, взятые из языка эпоса, подтверждают тот факт, что конструкции в составе одной синонимической модели не всегда могут заменять друг друга.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что казахский фольклор, в том числе имеющая место в героических эпосах грамматическая синонимия, ее отражение в языке, способы ее репрезентации, являются актуальными и требуют всестороннего исследования в современной науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванова И. Г. Синтаксические синонимы в марийском языке. URL : www.dissercat.com/content/sintaksicheskie-sinonimy-v-mariiskom-yazyke#ixzz4uKVM8c8g

Қалиев Ғ. Тіл білімі терминдерінің түсіндірме сөздігі. Алматы : Сөздік-Словарь, 2005. 440 б.

Оралбай Н. Қазіргі қазақ тілінің морфологиясы: оқулық. Алматы, 2007. 390 б.

Салқынбай А., Бегалиева Л. Синонимдес сөздердің қолданыстық қызметі // ҚазҰУ Хабаршысы. – Филология сериясы. 2008. № 2. Б. 3–5.

Серғалиев М. Синтаксис мәселелері: монография. Астана: Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2006. 411 б.

УДК 811.51

Р. М. Тадинова

доктор филологических наук, доцент;
ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков
Института языкознания РАН; e-mail: tadinova@inbox.ru

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕНТАЛЬНОСТИ НАРОДА

В статье рассматриваются фразеологизмы казахского языка с зоонимным компонентом, определенная часть которых в языке структурно и содержательно совпадает с соотносимыми фразеологическими единицами (далее – ФЕ) в других языках. Однако более значимыми в плане обнаружения национальной специфичности являются ФЕ с одинаковым зоонимным компонентом, но выражающие особенности деятельности этноса, что, как следствие, формирует специфику восприятия действительности этим языковым коллективом.

Ключевые слова: зоонимы; национально-культурная специфика; казахская паремиология; когнитивные универсалии; национальная маркированность; ментальность народа.

R. A. Tadinova

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading researcher
of the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences,
Ural-Altaic Department; e-mail: tadinova@inbox.ru

TO THE QUESTION OF THE VALUE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN REPRESENTATION OS PEOPLE'S MENTALITY

The article analyzes phraseological units of the Kazakh language with zoonym component. It is noted that a certain part of the Kazakh phraseological units (PE) in the language structurally and meaningfully coincides with the corresponding PE in other languages. However, the most significant PE in terms of detecting national specificity are phraseological units with the same zoonym component, but expressing the features of the ethnos activity, which, as a consequence, forms the specificity of perception of reality by this speech community .

Key words: zoonyms; national and cultural specifics; Kazakh paremiology; cognitive universals; national markedness; mentality of the people.

Известно, что содержательная форма зооморфизма может быть различной в зависимости от представлений эталонных качеств и свойств какого-либо животного. Такие эталонные качества не совпадают в разных культурах. В связи с этим полагается, что зоонимы

имеют национально-культурную специфику. Кроме того, утверждается, что наличие, степень распространенности и роль какого-либо животного в жизни определенного народа тоже определяет национальное своеобразие ФЕ с зоонимным компонентом. Наконец, считается, что совокупность представлений конкретного народа о каком-либо животном, будучи стереотипной, становится основой для метафорического осмысления поведения человека.

Отметим, что определенная часть казахских ФЕ с зоонимным компонентом в языке структурно и содержательно совпадает с соотносимыми ФЕ в других языках. Так, в казахской паремиологии большое количество бранных выражений с компонентом-зоонимом выражает насмешку или какую-либо отрицательную черту характера человека. Это свойственно многим другим языкам, является когнитивной универсалией, например: *есек бран*. ‘осел, болван’; *шошқаның еркегі перен. бран*. ‘дурак, грязнуля, подлец’ (*букв*. ‘хряк’); *доңыз бран*. ‘свинья, неотесанный, мужлан’ (*букв*. ‘кабан, дикая свинья’); *иттің баласы* ‘сукин сын’; *иттен жаралған бран*. ‘негодяй’ (*букв*. ‘рожденный от собаки’); *ит қылу* ‘унизить, оскорбить’ (*букв*. ‘поступать как с собакой’); *ит әуре болу* ‘измучиться, устать’ (*букв*. ‘канителиться как собака’). Такие компоненты структуры языка могут иметь важное значение при определении характеристик этногенетического типа со стороны количественной. Отвечая на вопрос, какую часть по отношению к другим подобным ФЕ составляют такие фразеологизмы, исследователь приобретает важные свидетельства о закономерностях диахронического развития разных лингвокультур.

Наличие когнитивных универсалий может быть следствием исторической общности или синхронического взаимодействия лингвокультур, но может и отражать одинаковость восприятия и отображения действительности людьми вследствие общности психофизиологической организации, в том числе процессов мышления. Так, насмешка, глумление часто передаются у разных народов через сопоставление с представлениями о стереотипном поведении животных: *есектің мойнына байлап жіберу* (насмехаться, глумиться; *букв.* ‘отпустить, привязав к шее осла’), *құлан құдыққа құласа, құлағында құрбақа ойнайды* (насмехаться, глумиться; *букв.* ‘если кулан упадет в колодец, то на его ушах будут резвиться лягушки’). При этом в культурах разных народов с целью насмешки может использоваться сопоставление с

разными образами животных, а насмешке с оттенком пренебрежения чаще подвергаются умственные способности человека, отклоняющиеся от нормы черты внешности, характер телодвижения. Эту когнитивную универсалию наблюдаем и в казахском: *түйедей бой бергенше, түймедей ой бер* (*букв.* ‘чем быть ростом с верблюда, лучше иметь ум с пуговку’), *бақа көз* ‘пучеглазый’ (*букв.* ‘глаза жабы’); *теке көз* ‘глаза навыкат’ (*букв*. ‘козлиные глаза’); *қарға тұмсық* ‘остроносый’ (*букв*. ‘вороний нос’), *аюдай қорбиған* ‘неуклюжий’ (*букв*. ‘восседать как медведь’), *түйе табан* ‘широкая неуклюжая нога’ (*букв*. ‘верблюжья стопа’); *сиырдай* ‘слишком крупный, массивный’ (*букв*. ‘как корова’).

О глупом человеке, который постоянно по неосторожности, глупости попадает в нелепые ситуации, говорят ‘*түйені үстінен ит қабу*’ (*букв.* ‘быть укушенным собакой, сидя на верблюде’). Глупость человека передается в казахском языке, как правило, через образ осла, ср.: *есектің миын жеген* ‘очень глупый’ (букв. ‘съевший мозги осла’); *есек мінгеннің аяғы тынбас* ‘дурная голова ногам покоя не дает’ (*букв*. ‘кто ездит на осле, у того покоя ногам не бывает’), т. е. человек постоянно погоняет осла (стуча по бокам ногами), направляя его в нужную сторону. Фразеологизм *есекті отқа айдасаң, боққа қашады* ‘осла гонят на траву, а он бежит к дерьму’ адресуется человеку, который ведет себя не только глупо, но и упрямо. Для усиления признака «глупости» используют выражение *ит шошқа* ‘круглый дурак, идиот’ (*букв*. ‘собака-свинья’).

У многих народов трусость ассоциируется с образом зайца. Исключение не составляют и носители казахского языка, в котором эта познавательная универсалия проявляется частотно: *қоян көлеңкесінен қорқады* (*букв*. ‘заяц боится своей тени’). Трусливого, робкого человека называют *қоян жүрек* (*букв*. ‘заячье сердце, заячья душа’).

Расценивая жадность как одно из самых социально порицаемых качеств, многие народы считают, что жадным всегда бывает мало их благ: *түйені түгімен, биені жүгімен жұтқан* ‘жадный, ненасытный’ (*букв*. ‘проглотивший верблюда с шерстью, а кобылу с вьюком’); *бүркіттің жемсауы тоймас, байдың қалтасы толмас* ‘жадный, ненасытный’ (*букв*. ‘беркута не насытишь, байский карман не наполнишь’).

Однако более значимыми в плане обнаружения национальной специфичности являются фразеологизмы и паремии, в которых,

с одной стороны, могут использоваться образы одних и тех же животных, но, с другой – одновременно выражаются особенности деятельности этноса с использованием этих животных, что, как следствие, формирует специфику восприятия действительности этим языковым коллективом.

Так, в казахском языке для усиления инвективности выражения используются не только названия «грязных», неблагородных животных типа свиньи, но и животных, которые в представлении других народов в основном положительно коннотированы: например, *ит перен. бран*. ‘негодяй, свинья’ (*букв*. ‘собака’). Вообще в мусульманском лингвокультурном ареале при метафоризации слова «собака» акцентируется сема нечистоплотности, невежества, недостойного поведения, негативной эмоции: *ит болу* ‘потерять порядочность, человечность’ (*букв*. ‘быть собакой’); *итті қонақ жараспас* ‘надо знать порядок’ (*букв*. ‘нежелателен гость с собакой’, так как в старину собаку в юрту вводить было нельзя, но нельзя и оставить ее снаружи – будет грызня с собаками аула); *иттигі бар* ‘жадничает’ (*букв*. ‘имеет свойство собаки’); *иттік жасау* ‘пакостить’ (*букв.* поступать как собака); *ит байласа тұрғысыз* ‘условия, обстоятельства, невыносимые для человеческой жизни’; *ит терісін басына қаптау* ‘отругать последними словами, публично обвинять’ (*букв*. ‘покрывать голову собачьей шкурой’).

Резким и обидным является выражение *иттің етінен жек көремін сені*, аналогичное русскому *Ненавижу тебя всеми фибрами души* (*букв*. ‘ненавижу тебя больше, чем собачье мясо’).

Если ФЕ и паремии отображают природно-географические особенности среды проживания людей, то их обычно рассматривают как культурно (национально) специфичные. Однако гораздо важнее то, отражают ли такие языковые единицы и речевые произведения особенности мышления и специфичные способы фиксации познанного в языке. Как правило, не только не отражают, а демонстрируют универсальные способы репрезентации знаний в языке и сходство принципов их осмысления. Так, представление о высокомерном, заносчивом поведении в казахском языке устойчиво ассоциируется с образами петуха (*қораздану* ‘важничать’ (*букв*. ‘петушиться’); козы (*ешкіде де сақал бар – ақыл жоқ букв*. ‘и у козы есть борода, да нет ума’). Познавательная модель, лежащая в основе данных ФЕ,

не уникальная – напротив, она обнаруживается в разных языках, где заносчивость может соотноситься, скажем, с индюком или другим животным. Эта познавательная модель может фиксироваться в выражениях, использующих образы различных животных, распространенных в той или иной местности, но по сути остается одной и той же, сохраняя и общую коннотацию: негативное оценочное отношение к высокомерному человеку, что проявляется в явно выраженной насмешке. Следовательно, такие фразеологизмы могут дать важные сведения, например, географу, биологу, но не лингвисту, устанавливающему специфику ментальности того или иного этноса. Такие ФЕ можно рассматривать как отражающие специфичные черты окружающей природы, но не культурно специфичные / национально специфичные.

Но высокомерие, соединенное с ничтожностью человека, в казахском языке ассоциируется еще и с образом самца саранчи: *шегірткені айғырындай* ‘ничтожный, высокомерный’ (*букв*. ‘как самец саранчи’). В этом случае можно говорить о национальной специфичности ФЕ. Почему? Во-первых, потому что ФЕ репрезентирует комплексную амбивалентную эмоцию, отражающую отношение народа к высокомерному человеку: оно не только (или не столько) насмешливое, сколько очевидно уничижительное. Во-вторых, носителям иных языков без специальных знаний трудно себе представить, почему такая эмоция соотносится именно с самцом саранчи, а не, например, с саранчой вообще. Следовательно, ФЕ зафиксировала какие-то уникальные представления, понятные носителю казахской лингвокультуры, но недоступные без специальных разъяснений носителям иных культур, поэтому анализируемую ФЕ можно рассматривать как единицу, отражающую определенную черту ментальности народа. Высокомерие – черта поведения, осуждаемая всеми народами. Но характер, способ осуждения этого свойства человеческого характера может быть национально специфичным. Так, *арыстан айға шауып, мерт болыпты* (*букв*. ‘лев, набросившись на луну, простился с жизнью’ обычно переводят как аналогичное русскому *знай меру*. Однако в казахском выражении доминирует компонент «предостережение», тогда как в русском варианте – «несопоставимость желаний и реальности». Разница в содержании фразеологизмов меньше, чем в случае с *шегірткені айғырындай*, но, тем не менее, национальная их специфичность

очевидна. В этом случае обнаруживается структурно-содержательная разница ФЕ, обычно рассматриваемых как практически эквивалентные, но национально специфичные. А следовало бы задуматься над вопросом, могут ли быть эквивалентными национально специфичные единицы?

Отсюда возникает еще одна проблема: построение типологии ФЕ по степени национальной маркированности. Чем может определяться эта степень? Представляется, что возможным критерием высокой национальной специфичности может являться частотность использования того или иного образа, в том числе и метафорического.

Например, в казахской культуре шерсть – это символ защищенности и богатства. Метафорически наличие шерсти, волосяного покрова соотносится не только с богатством, достатком человека, но и с наличием таких качеств, как смелость, храбрость: *жүрегінің түгі бар екен* ‘смелый человек’ (*букв.* ‘оказывается, его сердце имеет волосяной покров, покрыто шерстью’. Напротив, потеря шерсти, волосяного покрова, шкуры ассоциируется с лишением каких-то материальных ценностей, достатка: *жүнін жұлған тырнадай болу* ‘обеднеть, опуститься’ (*букв.* ‘быть как ободранный журавль’). Более того, в казахском языке есть ФЕ, соединившая в себе разные ассоциативные связи символического содержания слова шерсть: *тышқанға түк бітсе де қалтырауық болады* ‘чем богаче, тем жаднее’ (*букв*. ‘даже если мышь обрастет шерсткой, все равно будет трястись’). Частотность и разнообразие использование символа говорит о значимости его в картине мира народа.

Рассмотрим другой ряд примеров. В казахском лексиконе представлены ФЕ со значением «лгать, хитрить», возникшие на основе метафорического соотнесения этого свойства человека со свойствами лисы: *түлкідей бұлғаңдау* ‘хитрить’ (*букв*. ‘кокетничать как лиса’), *түлкі бұлаңға салу* ‘хитрить’ (*букв*. ‘делать лисье движение’). Многие исследователи считают такие фразеологизмы национально неспецифичными. Однако в первом случае во ФЕ представлен компонент «кокетничать», не акцентированный, например, в русском фразеологизме *хитрый как лиса*. Полного содержательного совпадения ФЕ русского и казахского языков нет, следовательно, можно говорить об определенной степени национальной специфичности представленных ФЕ. О несовпадении образного осмысления лживости в русской

и казахской культурах свидетельствует и то, что лживость в казахских паремиях ассоциируется с зоонимом *козленок*: *текешік* ‘человек-самозванец, лгун’ (*букв*. ‘годовалый козленок-самец’). Здесь можно обнаружить определенную близость скорее с категоризацией мира у украинцев, называющих детей 2,5–3 лет *брехунцами* за их страсть к сочинению небылиц. В обеих культурах очевидно снисходительно-пренебрежительное отношение к человеку-лгуну. Об изворотливом (хитром и лживом одновременно) человеке казахи говорят “*бие десең, ол түйеге кетеді*” (*букв*. ‘если скажешь «кобыла», он идет к верблюду’), тоже подчеркивая пренебрежение. Отметим, что иногда приведенную пословицу переводят на русский язык как *Ему говорят: брито, а он – стрижено*. Полагаем такой перевод неадекватным, поскольку в русской пословице очевидно акцентировано упрямство, а не изворотливость человека. Значение “лгать, хитрить” может раскрываться в казахском языке через указание на нереальность осуществления какого-либо действия: *қашпаған қашардың уызына қарату* ‘морочить кому-л. голову, водить кого-л. за нос’ (*букв*. ‘заставить ждать появления молозива у нетельной двухгодовалой телки’). Другой пример: поведение растерявшегося человека характеризуется сумбурностью, сбивчивостью. Представление о таком поведении наглядно показано в образе утки, забывшей голову и ныряющей с хвоста, ср.: (каз.) *сасқан үйрек артымен сүңгиді* (букв. растерявшаяся утка ныряет хвостом) или через образ лягушки с раскрытым ртом: (каз.) *аузын бақадай ашты – растерялся (букв.: «раскрыл рот как лягушка»)* [Тадинова, Пищальникова 2011, с. 46]. Особенность этого фразеологизма в том, что здесь переосмысляется «соматическая реакция» животного, а не человека, но между поведением животного и человека устанавливается акциональная аналогия.

Таким образом, не все ФЕ в одинаковой степени отчетливо обнаруживают национальную маркированность, и необходимо специальное сопоставительное изучение ФЕ разных языков с целью обнаружения четких критериев, по которым можно судить о значимости ФЕ в репрезентации ментальности народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

Казахско-русский словарь под ред. член-корр. НАН РК Р. Г. Сыздыковой, проф. К. Ш. Хусаин. Алматы : Дайк-пресс, 2002. 1008 с.

Тадинова Р. А., Пищальникова В. А. Коммуникативное поведение человека сквозь призму тюркских фразеологических единиц // Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе. Материалы юбилейной, посвященной 20-летию образования факультета, межвузовской научно-практической конференции (20 мая 2010 г.). М. : Изд-во в/ч 33965, 2011. С. 41–51.

Кеңесбаев І. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Ғылым баспасы. Алматы, 1977. 712 б.

УДК 811.161.1

И. М. Тимофеева

старший преподаватель каф. русского языка
для иностранных граждан Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ);
e-mail: irinatimofeeva126@yandex.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНГАЛЬСКОГО ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО НА ФОНЕ РУССКОГО СУБСТАНТИВА

Целью данного исследования является описание грамматической интерференции существительного в русской речи сингальских учащихся и пути ее преодоления. В статье рассматриваются категории сингальского имени существительного в сопоставительном аспекте с русским субстантивом. В ходе типологического анализа были определены зоны интерференции в грамматической системе двух языков, выявлены морфологические трудности в освоении русского существительного сингальскими учащимися, а также сделан вывод о том, что категория одушевленности – неодушевленности в сингальском языке, в отличие от русского, является не только словоизменительной, но и основополагающей, в зависимости от которой находятся такие грамматические категории, как падеж, род, число, антропоидность – неантропоидность, определенность – неопределенность.

Ключевые слова: интерференция; аффикс; падеж; категория антропоидности; суффигированный артикль; волитивный глагол; денотативные модели; семантика; сингальский язык.

I. M. Timofeeva

Senior Lecturer, Department of the Russian Language for Foreigners;
Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI);
e-mail: irinatimofeeva126@yandex.ru

TYPOLOGICAL FEATURES OF THE SINHALESE NOUN ON THE BACKGROUND OF THE RUSSIAN SUBSTANTIVE

The article deals with the categories of the Sinhalese noun in the comparative aspect with the Russian noun. In the course of the typological analysis zones of interference were identified in the grammatical system of the two languages; morphological difficulties in the mastering of the Russian noun by Sinhalese students were revealed: it was concluded that the category of animatness–inanimatness in the Sinhalese language, unlike Russian, is not only morphological semantic. which is fundamental for the grammatical categories of case, gender, number, anthropomorphism – non-anthropomorphism, definiteness-indefiniteness.

Key words: interference; affix; case; anthropomorphism category; suffixed article; volitive verb; denotative models; semantics; Sinhalese language.

При пересечении границы круга, который описывает вокруг народа его язык (выражение В. фон Гумбольдта), создается ситуация языкового контраста. Носитель языка стремится оценить как качество своей, так и чужой языковой системы. Результатом подобной аксиологии является стереотипное коммуникативное поведение индивида в иноязычной и инокультурной среде, что неизбежно приводит к возникновению коммуникативных барьеров, особенно если речь идет об освоении чужого языка. Барьерами в межкультурной коммуникации, имеющими в основе этноцентрическое восприятие мира, могут выступать как вербальные, так и невербальные средства общения. Если различия в семантике, прагматике, культурных компонентах могут оказаться серьезным препятствием к межкультурному взаимопониманию, то проблемы фонетики, аудирования, грамматики и базовой лексики решают ся путем многочисленных тренировок [Кашкин 2016, с. 180].

Проницаемость различных языковых подсистем в процессе коммуникации неодинакова, поэтому невозможно с уверенностью установить, в какой сфере языка будет происходить наиболее активный интерференционный процесс. Рассмотрим некоторые наиболее общепринятые подходы к явлению интерференции, описывающие причины ее появления с разных точек зрения. Так, согласно мнению лингвистов А. С. Дькова и Т. Р. Кияка, взаимопроникновение разных видов языковых систем происходит на сознательном и подсознательном уровнях. Данные уровни исследователи интерпретируют как языковые интерференции и систематизируют их по лингвистическим и экстралингвистическим критериям. Первые находятся в зависимости от объекта их влияния, вторые – от социолингвистических условий и факторов. На основании лингвистического критерия выделяются фонетические, грамматические и лексические подсознательные интерференции, состоящие в естественном воздействии одного языка на другой [Дьяков, Кияк 1995, с. 58].

Грамматическая интерференция является одной из самых сложных проблем в языкознании. Одни ученые (например, А. Мейе и Э. Сепир) исключают влияние языков друг на друга в области грамматики, другие (например, Г. Шухард) придерживаются иного мнения. Подобная противоречивость взглядов, с точки зрения У. Вайнрайха, объясняется несогласованностью понятий и терминологии. Он подчеркивает, что

главным требованием при рассмотрении грамматической интерференции является описание контактирующих языков одними и теми же терминами [Вайнрайх 2000, с. 60]. Данный тип интерференции связан с неосознанной интерпретацией грамматических категорий второго языка сквозь призму первого. Как отмечает В. Г. Гак, учащийся «держит в своём сознании привычную схему родного языка, с которой он поневоле сравнивает факты изучаемого им нового языка, пропуская их через привычную сеть понятий» [Гак 1976, с. 12].

Этот вопрос становится актуальным не только при сопоставлении неблизкородственных языков, но и языков, принадлежащих одной языковой семье, например русского и сингальского. Расхождения даже в этом случае могут возникать не только на уровне грамматических, словообразовательных моделей, но и в отношении более крупных таксономических единиц, как, например, выделения частей речи. Выявление и классификация типологических особенностей сингальского имени существительного на фоне русского субстантива позволит определить области несовпадения в грамматической категоризации двух языков, избежать морфологических трудностей в освоении русского существительного сингальскими учащимися, а также показать, какие аспекты грамматики потребуют специального комментария преподавателя.

Несмотря на то, что русский и сингальский языки являются представителями индоевропейской языковой семьи и по своим структурам относятся к флективному типу, их отличает ряд особенностей. Грамматическое значение лексем в русском языке передается, как правило, с помощью флексий. Каждая флексия обычно выражает несколько значений. На основании типологического изучения морфологического строя современных индоарийских языков, – Г. А. Зограф делит их на два типа: «западный» и «восточный» – в языках «западного» типа грамматическое значение передается флективными и аналитическими показателями, причем вторые наращиваются на первые, образуя двух – и трехъярусные системы формантов (у имен – косвенная основа + (суффигированный артикль) + послелоги, первичные и производные). В языках же «восточного» типа эти значения выражаются преимущественно агглютинативными показателями, к которым могут примыкать аналитические форманты, например, у имен – основа (= прямому падежу) + аффикс определенности или множественности +

аффикс падежа (послелог) [Зограф 1979, с. 45]. Сингальский язык по своей грамматической структуре относят к «западному» типу индоарийских языков. Он существует в двух вариантах: литературном и кодифицированном разговорном.

При фокусировании русского грамматического материала применительно к сингальской аудитории определяется зона интерференции, в рамки которой попадают такие категории, как одушевленность – неодушевленность, число, падеж и способы их выражения в русском языке. Проблемы с пониманием русской грамматики могут возникать у сингальцев уже на метаязыковом уровне. Основой имени существительного в сингальском языке называется неизменяемая его часть, которая заключает в себе первичное лексическое значение слова. От этой основы посредством прибавления к ней аффиксов образуются имена существительные. В то же время она является атрибутивным именем и в предложении выполняет функцию определения (на русский язык переводится прилагательным). При этом основа имени существительного не изменяется ни по родам, ни по числам, ни по падежам. Например, основа от слова පොත [пота] *книга* – පොත් [пот] имеет значение книжный: පොත් පෙට්ටියකි [пот петтийяки] *книжный шкаф*, ее редуцированная форма объясняется правилом согласования основ в сингальской грамматике: если неодушевленное имя существительное оканчивается на нёбный согласный в сочетании с гласным [а], то основа слова совпадает с формой именительного падежа единственного числа; если же неодушевленное имя не содержат такого дифференциального признака, то основа слова совпадает с формой именительного падежа множественного числа, например: එළවළු [элавалу], при этом основа этого существительного имеет не только значение *овощи*, но и *овощной*: එළවළු සාප්පු [элавалу сāппу] *овощной магазин*.

Основы сингальских существительных, обозначающие признаки, свойства и качества предметов без отношения к другим предметам и соответствующие качественным прилагательным в русском языке, могут выступать как в роли определения, так и в роли именной части составного сказуемого; а основы существительных, которые соответствуют русским относительным прилагательным, т. е. обозначают признак не прямо, а через отношение к другому предмету, могут занимать только позицию определения [Белькович 1977, с. 45], например: මයෙ විශාල කාමරයක [мейа вишāла кāмарайак] *Это большая комната*.

මේ කාමරය විශාලයි [ме кāмарайа вишāлайи] *Эта комната большая.* මයෙ විද්‍යාත්මක වැඩ [мейа видйāтмака вэда] *Это научная работа*.

Грамматический род в литературном сингальском языке представлен трехчленной оппозицией: мужской – женский – средний, где семантика мужского и женского рода, обозначающая людей и животных, соответствует мужскому и женскому полу. Отдельно выделяются существительные общего рода. Маркером имен существительных мужского рода является аффикс -ආ [ā]: තාත්තා [тāттā] *отец*, මාමා [мāмā] *дядя*, බල්ලා [баллā] *собака.* Большинство имен женского рода оканчивается на -ී [ī] или -ිය [ийа]: මිතුරි, මිතුරිය [митурī, митурийа] *подруга*, ряд имен выражен формантом – ඇ кратким [а]: පුංචි කෙල්ල [пумчи кэлла] *маленькая девочка*; ලොකු කෙල්ල [локу кэлла] *большая девочка (девушка*), а некоторые из них формально используют аффикс мужского рода, например: අම්මා [аммā] мать; අක්කා [аккā] *младшая сестра*. Маркер мужского рода также является и показателем существительных общего рода, например: රෝගියා [рōгийā] *больной / больная*, පදිකයා [падикайā] *пешеход* (*он / она*), где различия по полу могут быть эксплицированы только синтагматически. Таким образом, приоритетность использования аффикса – ඇ [ā] в качестве флексии в сингальском языке очевидна, что наделяет его функцией нейтрализатора денотативных пар существительных, находящихся в привативной оппозиции друг к другу по грамматическому роду (сравните: в русском языке в позиции нейтрализации находятся слова с подобной семантикой , оканчивающиеся на *а / я* и на мягкий знак, например: *дедушка – бабушка*; *дядя – тетя*; *дочь – зять*). Все неодушевлённые существительные в сингальском языке относятся к среднему роду. Характерным аффиксом имен существительных среднего рода является – ඇ [а]: ගල් [гала] *камень*, දුම්රිය [думрийа] *поезд.* Род как грамматическая категория в разговорном сингальском языке отсутствует, а семантику имен определяют различия морфологических парадигм.

Имена существительные в сингальском языке употребляются с суффигированным артиклем. Суффигированный артикль выполняет ту же функцию, что и неопределенный артикль в ряде европейских языков, например, в английском, французском, немецком. Он указывает на то, что речь идет об одном лице или предмете из ряда однородных лиц или предметов и используется с существительными,

стоящими в единственном числе. Суффигированный артикль находится в постпозиции по отношению к существительному и пишется слитно с ним. При этом форма [ек], закрепленная за существительными мужского и общего рода, ассимилирует предшествующий ей аффикс [ā]; а форма [к], являющаяся показателем существительного женского и среднего рода, не претерпевает никаких изменений и позиционно стабильна. Например: මිතුරා [митурā] друг + [ек] = [митурек], а ගම [гама] деревня + [к] = [гамак]. Как правило, артикль в русской речи сингальцев заменяется на количественное числительное «один» или неопределенное местоимение «какой-то».

Категория рода в русском языке также является классифицирующей. По признаку рода все существительные русского языка можно разделить на несколько групп:

1) существительные мужского рода, где принадлежность к роду выражена морфологически – нулевым окончанием: *университет, словарь*; а у слов *мужчина, юноша* – только семантически и синтагматически; существительные женского рода: *студентка, женщина*, *мать, тетрадь*; существительные среднего рода: *окно, яблоко*;

2) существительные общего рода, способные обозначать лицо мужского или женского пола и в зависимости от этого выступать в предложении как слова мужского, так и женского рода: *умница* (*он такой умница* / *она такая умница*);

3) существительные singularia tantum / pluralia tantum.

Система склонения в сингальском языке напрямую зависит от категории одушевленности – неодушевленности. Одушевленные и неодушевленные имена обладают различными парадигмами словоизменения. Они различаются не только количеством и функциями одноименных падежей, но и принадлежностью к определенному варианту языка. Если парадигма склонения одушевленных имен в литературном языке представлена семью падежными формами: именительного (прямого), винительного (общекосвенного), дательного, инструментального (для пассивных конструкций), родительного, отложительного, звательного; то в разговорном языке она выражена пятипадежной оппозицией: именительного (волитивного), винительного (инволитивного), дательного (аффективно-посессивного), отложительного и родительного. Система склонения неодушевленных имен существительных в литературном и разговорном языке совпадает в трех

падежных формах: дательном, отложительно-инструментальном, родительно-местном. Для литературного варианта языка смыслоразличительно противопоставление прямого и общекосвенного падежа, тогда как для субъектно-объектной группы в разговорном варианте значима единая именительно-винительная падежная форма. Это обусловлено тем, что неодушевленные имена в разговорном сингальском языке, за исключением имен стихий, обозначают предметы, неспособные к совершению волитивных действий, у них отсутствует специфический падеж деятеля (волитивный), поэтому парадигматическое противопоставление именительного и винительного падежей нейтрализуется.

Среди одушевленных имен существительных выделяются антропоидные, обозначающие людей и антропоморфных (как правило, мифических) существ (*минихā*: «человек», *йакā:* «якша»), и неантропоидные, обозначающие животных (*баллā:* «собака», *курулла̄:* «птица»). Основанием для их выделения служит наличие категории антропоидности – неантропоидности у числительного «один». Среди антропоидных выделяются «единичные» существительные. К ним относятся, в первую очередь, имена собственные, большинство терминов родства, а также ряд имен, обозначающих должностную, кастовую или профессиональную принадлежность соответствующих денотатов (*нангī:* «младшая сестра», *сунил*: «Сунил», *ниламе:* «сановник», *фāдар*: «священник»). Их также отличает от неантропоидных существительных отсутствие категории определенности – неопределенности и наличие граммемы собирательного множественного числа. Хотя категория антропоидности – неантропоидности в русском языке не является идиоматически и типологически значимой, она может быть охарактеризована как лексико-грамматическая, связанная с семантикой существительного и соотносимая с классом индивидов и «подобием» живых существ: кукла, матрешка, кикимора, петрушка, где грамматические признаки одушевленности – неодушевленности не всегда референтны номинативным свойствам имени. Так, некоторые существительные, семантически не наделенные антропоидностью, склоняются по парадигме одушевленных имен (Р.п. = В.п.): 1) слова *покойник*, *мертвец* (но не труп); 2) названия мифических персонажей: *леший*, *водяной*; 3) названия шахматных фигур: *король*, *ферзь*, *туз*.

В русском языке одушевленность – неодушевленность – это несловоизменительная категория, в соответствии с которой к грамматическому классу одушевленных существительных относятся названия живых существ (*человек, подруга*, *собака*), а к грамматическому классу неодушевленных – существительные, обозначающие предметы неживой природы, а также события, явления, качества и т. д. (*велосипед*, *лес*). Существуют как парадигматические, так и синтагматические (для несклоняемых существительных только синтагматические) формальные средства выражения категории одушевленности – неодушевленности. У существительных множественного числа форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа, а у неодушевленных – с формой именительного падежа. В форме единственного числа одушевленность – неодушевленность парадигматически выражена только у существительных мужского рода с нулевым окончанием (*брат, автобус*) и субстантивированных прилагательных (*больной, проездной*): *жду брата*, *больного* (В.п. = Р.п.), но *жду автобус*, ищу проездной (В.п. = И.п.). У существительных мужского рода единственного числа типа *дядя*, *мужчина* (1-е скл.) одушевленность представлена только синтагматически: *вижу интересного мужчину*. У существительных женского и среднего рода одушевленность – неодушевленность в форме единственного числа не выражена: *знаю эту девушку и ее проблему; смотрю на это здание.* У несклоняемых существительных одушевленность в единственном и множественном числах определяется только синтагматически.

Ядром грамматической категории в русском языке является падеж, в парадигму которого включены шесть словоизменительных форм. Именительный падеж называется прямым, а остальные – косвенными. Именительный падеж всегда употребляется без предлога, предложный падеж – только с предлогом, остальные падежи могут использоваться как с предлогами, так и без них.

В сингальском литературном языке имя существительное в винительном падеже выступает в роли объектного приглагольного определения, которое соответствует прямому дополнению в русском языке, и его часто называют общекосвенным. Однако в функции субъекта противопоставление именительного и винительного падежей часто нивелируется, поскольку оба падежа могут оформлять подлежащее, а их позиционное чередование напрямую зависит от согласованности

глагола-сказуемого с подлежащим в виде и лице, а в ряде случаев и роде. Если глагол-сказуемое в прошедшем и непрошедшем времени согласуется с подлежащим в лице и числе, то используется форма именительного падежа, если такое согласование отсутствует – то форма общекосвенного, например: මම ගියමේ [мама гийеми] *Я ушёл*, где *гийеми* – 1-е л., ед.ч. прошедшего времени от *йа* = «идти», но: මා ගොස් ඇත [мā гос эта] *Я ушел*, где *гос* + *эта* – перфект от *йа* = «идти», где глагол-связка *эта* не выражает значений лица и числа. В предложении මිනිස්සු වැඩ කරති [миниссу вэДа карати] *Люди работают* форма *вэДа карати* является показателем 3-го л., мн. ч. непр.вр. от вэДа + кара = «работать», но: в предложении මිනිස්සුන් වැඩ කරන්නේ නැත [минисун вэДа караннē нэта] *Люди не работают* отрицательная конструкция *вэДа* + *караннē* + *нэта* не выражает значений лица и числа. По своим семантическим и семантико-синтаксическим характеристикам об падежные формы должны представлять два варианта именительного падежа субъекта, однако такое чередование в литературном сингальском языке невозможно, поскольку оно противоречит правилу согласования сказуемого с подлежащим, где в основе лежит формальный признак. В разговорном сингальском языке форма винительного падежа одушевленного имени маркирована аффиксом *-ва-* и детерминирована позицией объекта [Волхонский 1982, с. 145].

В русском языке основные значения дательного падежа – объектное (косвенного объекта) и субъектное. Объектное значение: *помочь другу*, *написать письмо девушке*. В субъектном значении семантизируется признак восприятия определенного состояния, отношения к предмету: *сыну холодно*; *студентке весело, интересно*. В сингальском языке существительное в дательном падеже совпадает по этим значениям с русской семантикой. Например, при указании на предмет или лицо, на которое направлено действие, используется следующее предложение: ඔහු මිතුරකුට ශබ්දකෝෂයක් දයි [охи митурекуТа шабдакōсайак дейи] *Он дает другу словарь*. Однако прочие значения в парадигмах одушевленных и неодушевленных имен различаются по своим функциям. Основной функцией дательного падежа одушевленных имен является оформление носителей аффективности и посессивности, а неодушевленных имен – оформление конечной точки движения, пространственных отношений и инструмента при инволитивных глаголах в разговорном варианте языка, что создает определенную

зону интерференции для сингальских учащихся, поскольку в русском языке данная семантика соотносится с В.п. (*куда?*), Р.п. (*у кого?*) / (*от чего?*), Т.п. (*чем?*).

Сравните данные предложения:	
Она идет в университет.	**Она идет в университаТа.*
У сестры есть учебник.	**У сестрыТа есть учебник.* (Та – послелог дат. п. одуш. сущ.)
Справа от стола (*есть*) *шкаф.*	**Справа от столаТа есть шкаф* (аТа – послелог дат. п. неод. сущ.)
Волосы хорошо укладываются феном.	**Волосы хорошо укладываются фенаТа.*

Локативная семантика в сингальском языке неприменима к одушевленным именам существительных, поэтому они не могут обозначать ни начальную, ни конечную точку движения, ни местоположение [Волхонский 1982, с. 131]. Соответствующие значения у неодушевленных имен передаются конструкциями с послелогами или описательно: කාමරයේ [kāmarayē] *в комнате*, මිතුරෙකු ගේ නිවස අසල [митурекугē ниваса асака] *в доме подруги* (*букв*. ‘в окрестности дома подруги’). Однако и родительный падеж одушевленных имен, соответствующий родительно-местному падежу неодушевленных имен, может выражать только значение принадлежности субъекта к определенному объекту, но не его местоположения. Сравните: මගේ සහෝදරයා රෝහලේ වැඩ කරනවා [магē сахōдарайā рōхалē вэда каранавā] *Мой брат работает в больнице.* (*букв*. ‘Мой брат, работая в больнице, имеет к ней принадлежность’).

Отложительно-инструментальный и отложительный падежи в сингальском языке частично соотносятся с семантикой русской падежной системы. Это связано с тем, что в разговорном сингальском языке, в отличие от литературного варианта, отсутствуют пассивные конструкции, в которых одушевленные имена могли бы выступать в форме косвенного дополнения, поэтому отложительно-инструментальному падежу неодушевленных имен в парадигме одушевленных имен соответствует отложительный падеж. Кроме того, отложительный

падеж неодушевленных имен передает отношение части к целому: පොයනේ පිටුව [поТен питува] *страница из книги*, а также обозначает начальную точку движения, от которой направлено действие, например: නගරයනේ එනවා [нагарайен енавā] *выйдя из города*. Основным же значением отложительного падежа одушевленных имен является значение отчуждения собственности, например: සාරිතයනේ ලැප්ටොප් එකක් ගන්න [сāритайен лэптоп екак ганна] *взять ноутбук у Сарита*. Для выражения значения отделения части от целого применительно к одушевленным именам в разговорном сингальском языке отложительный падеж не используется.

Во множественном числе в сингальском языке существует отдельная падежная парадигма как для одушевленных, так и неодушевлённых имен.

Таким образом, система лексико-семантических полей падежных конструкций в русском и сингальском языках имеет частичное совпадение, что предопределено культурологической системой знаний о предмете в виде понятий и представлений и является результатом отражения действительности в языковом сознании говорящего. Под системой знаний понимается «картина мира», которую человек строит внутри себя, в своем интеллекте, с целью адекватной ориентации в окружающей среде и регуляции своего поведения. Построение такой «картины мира» в сознании говорящего задается денотативными моделями в виде схемы отношений как некой системой координат [Новиков 1983, с. 57]. Денотативные модели проецируются на восприятие не только пространства и времени, но и живого – неживого мира. Так, в русской культуре представление о пространстве определяется через падежную оппозицию локатива – генетива – аккузатива (где? – откуда? – куда?) для неодушевленных имен существительных и оппозицией генетива местонахождения – генетива отправной точки движения – датива конечной точки движения (у кого? – от кого? – к кому?) для одушевленных имен, при этом семантический параллелизм падежных конструкций часто совмещается в одном предложении. Например: *Он был* (где?) *на даче* (у кого?) *у друга*. *Он приехал* (откуда?) *с дачи* (от кого?) *от друга*. *Он ездил* (куда?) *на дачу* (к кому?) *к другу*. В сингальской же культуре пространственное противопоставление связано только с неодушевленными именами и воспринимается от объекта, от которого направлено действие

(начальная точка движения), к объекту, на который направлено действие (конечная точка движения), что формально выражается отложительным и дательным падежами (от какого места? – к какому месту?), при этом сема движения в предложении может быть задана имплицитно. Поэтому для русского сознания в предложении මමෙ සාප්පුවනේ ඔහු පොත් රාශියක් මිලට ගනී [мема сāппувен оху пот рāшийак милаТа ганӣ] *В этом магазине* (*букв*. ‘из этого магазина’) *он покупает много книг* имя существительное, обозначающее место покупки, это точка локализации объекта, тогда как для сингальца – это отправная точка действия (покупает и уходит). Локативная же семантика со значением местоположения в сингальском языке может быть выражена только в том предложении, где нет активного деятеля, например: මේ සාප්පුවේ තුළ බොහෝ පොත් තිබේ [мē сāппувē туЛа бохō пот тибē] *В этом магазине много книг* (родительно-местный падеж).

Категория числа в разговорном сингальском языке, в отличие от литературного, образуется противопоставлением трех граммем: единственного, простого множественного и собирательного множественного числа. Последняя граммема показательна только для антропоидных единичных имен. Антропоидные же имена, которые могут трактоваться и как единичные, и как неединичные, характеризуются противопоставлением всех трех граммем, например: *раджа*. В остальных случаях употребление граммем единственного и простого множественного числа позиционно обусловлено принадлежностью слова к категории одушевленности – неодушевленности, от которой зависит как семантическое наполнение самой категории числа, так и способы образования конструкций с числительными. Собственно множественным числом обладают только одушевленные имена. В основании же категории числа неодушевленных существительных лежит не столько семантический признак единственности – множественности, сколько признак исчисляемости – неисчисляемости, так как наличие числительного влечет за собой словоизменение неодушевленных имен по парадигме единственного числа (также по парадигме единственного числа склоняются и сами числительные, включая числительное «один»). Например, неодушевленные имена в императивных конструкциях сочетаются с единственным числом императива независимо от числа имени: ඒවා දැවිය යුතු ය [ēвā дэвийа йуту йа] *Пусть горят огни*!

Категория числа существительных в русском языке является словоизменительной. Все существительные можно разделить на три класса: 1) существительные, имеющие формы единственного и множественного числа (*дом – дома*, *нож – ножи, картина – картины*); 2) существительные singularia tantum, к ним относятся собирательные (*детвора*, *синод*) и вещественные существительные (*золото*, *нефть*); 3) существительные pluralia tantum, они могут быть не только собирательными *(мемуары*) и вещественными (*оладьи*, *чернила*), но и отвлеченными (*дебаты*, *прения*), собственными (*Карловы Вары*, *Сухуми*), конкретными, называя парные предметы (*джинсы, шипцы*), игры (*шахматы,* прятки). В сингальском же языке слово *ножницы* имеет значение единственного (одна пара) и множественного (несколько пар) числа. А такие слова, как *чай*, *серебро, масло*, относятся к существительным pluralia tantum.

В результате рассмотрения грамматических категорий сингальского существительного на фоне русской номинативной системы можно сделать следующие выводы:

1. Изучение грамматической системы русского существительного вызывает особую трудность у сингальских учащихся, что обусловлено наличием многообразных форм имени, с помощью которых выражаются грамматические значения слов и их синтаксические связи в предложении в сингальском языке, и их несовпадением в русском.

2. Ввиду того, что основа имени существительного в сингальском языке содержит основное лексическое значения слова, от которого образуются имена существительные и прилагательные, выбор правильной языковой единицы в русском языке, особенно на начальном этапе обучения, представляет определенную проблему для сингальских учащихся.

3. Категория одушевленности – неодушевленности находит разное выражение в русском и сингальском языках. Если в русском языке она является несловоизменительной, то в сингальском языке определяет ядро грамматики, в зависимости от которой находится не только парадигма падежной системы, но и категория числа. При ознакомлении сингальцев с русской категорией одушевленности – неодушевленности необходимо акцентировать их внимание на ее парадигматических и синтагматических формальных средствах выражения, что требует специальной отработки в падежных конструкциях.

4. Категория рода в литературном сингальском языке так же, как и в русском, является классифицирующей, однако большинство окончаний женского рода в сингальском языке не имеет постоянного формального признака. Знакомство сингальских учащихся с категорией рода русского существительного целесообразно проводить на образце речевой конструкции с именительным падежом существительного в односоставном назывном предложении. Особого внимания требуют существительные с мягкой основой и нулевым окончанием, род которых определяется контекстом.

5. В отличие от русского языка собственно множественным числом в сингальском языке обладают только одушевленные имена. В основе категории числа неодушевленных имен лежит признак исчисляемости – неисчисляемости. Все числительные склоняются по парадигме единственного числа. Для отработки данной грамматической категории следует использовать речевые упражнения на различение предметов (особенно существительных pluralia и singularia tantum: деньги, джинсы, время, молоко, вода и т. д.) с помощью слов, семантизирующих количественный признак*: один*, *много*, *мало*.

6. Категория падежа имеет частичное лексико-семантическое совпадение в русском и сингальском языках. Расхождение, прежде всего, связано с функциональной особенностью сингальской падежной системы и типологией согласования глагола-сказуемого с подлежащим, что несомненно будет являться зоной интерференции при изучении русского языка сингальскими учащимися. Для преодоления интерференционного вмешательства необходимо изучать падежи концентрически: сначала в более употребительных значениях, а затем в контекстно обусловленных с привлечением как доречевых типов упражнений (имитативных, подстановочных, трансформационных), так и коммуникативных на примере ситуативных фреймов, различных средств наглядности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белькович А. А. Самоучитель сингальского языка. М. : Международные отношения,1977. 214 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000. 264 с.

Волхонский Б. М. Система грамматических классов и семантические основания основания строя разговорного сингальского языка : дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 178 с.

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1976. 286 с.

Дьяков А. С., Кияк Т. Р. До питання про класифікацію мовних інтерференій // Мови європейського культурного ареалу: проблеми розвитку і взаємодії: Тези доповідей Першоі Міжнародної науковоі конференції памяти проф. Ю. А. Жлуктенка (1915–1990). Київ, 1995. 150 с.

Зограф Г. А. Языки Восточной и Юго-Восточной Азию. М. : Наука, 1979. 315 с.

Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. М. : Наука, 2016. 224 с.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1989. 256 с.

Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983. 216с.

Новое в зарубежной лингвистике. Контрастивная лингвистика: Переводы. М., 1989. Вып. XXV. 195 с.

Тимофеева И. М. Психологические и культурологические характеристики студентов из Шри-Ланки в контексте обучения русскому языку. Филологические науки: вопросы теории и практики. 2017. № 8 (74). Ч. 2. 216 с.

Disanayaka J. B. A unique indo-aryan language. Colombo, Sri Lanka : M.H. Publications, 1994. 30 p.

Gunasekara A. M. A comprehensive grammar of the Sinhalese Language. New Delhi : Asian Educational Services, 1986. 532 p.

УДК 37(091)(574)«19»

К. Е. Тлешова

кандидат филологических наук, доцент каф. практического казахского языка, филологический факультет, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан, г. Астана;
e-mail: kara_191@bk.ru

КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ «АЛАШ» И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается культурно-лингвистическое наследие деятелей «Алаш» в контексте актуальности духовного развития Казахстана. Комплексный научный подход автора дает возможность более широкого понимания научной и исторической заслуг первых казахских представителей национальной лингвистической науки. Автор также показывает важность родного языка в сохранении духовного наследия народа и его нравственной воспитательной культуры.

Ключевые слова: «Алаш»; язык; лингвистика; воспитание; культура; народ; поколение.

K. E. Tleshova

Eurasion National University named after L. N. Gumilyov,
Republic of Kazakhstan Astana city;
e-mail: kara_191@bk.ru

CULTURAL-LINGUISTIC HERITAGE OF “ALASH” FIGURES AND MODERNITY

The article considers the cultural and linguistic heritage of figures of Alash in the context of the relevance of spiritual development of Kazakhstan. Holistic and scientific approach of the author gives a more broad understanding of scientific and historical merit of the first representatives of the Kazakh national linguistic science. The author also shows the spiritual importance of the native language in the preservation of the people and their moral and educational culture.

Key words: Alash; language; linguistics; education; culture; people; generation.

Движение «Алаш», занявшее в истории казахского народа всего около четверти века, стало началом нового исторического этапа. Деятели «Алаш» не только боролись за свободу казахского народа, они были основателями отечественной науки. И эта историческая данность позволяет нам оценивать движение «Алаш» не только как национально-освободительное движение, но и как крупное духовно-научное явление.

Духовным вождем данного движения был ученый-просветитель, основатель казахской лингвистической науки Ахмет Байтурсынулы, который начал политическую деятельность на заре XX в. Начиная с 1895 г. он работает учителем в трех уездах тогдашнего Казахстана. Тогда и зарождается идея написания учебника казахскому языку, чтобы обучать детей грамоте. А первое его пособие по казахскому языку вышло только в 1912 г. Это букварь казахского языка, выпущенный на новом алфавите и разработанный им самим. Литературные труды А. Байтурсынулы – политического и духовного вождя новой эпохи – начали публиковаться с 1909 г. и имели огромное значение для его современников. Об этом М. Ауэзов писал: «Результат его просветительской деятельности – подрастающее поколение, которое стало обучаться в открытых им школах. Молодая казахская литература считает А. Байтурсынулы своим предводителем» [Ауезов 1997, с. 355], а Мыржакып Дулатов утверждал: «В результате научно-педагогической деятельности А. Байтурсынова мы имеем азбуку, фонетику, синтаксис и этимологию киргизского языка, теорию словесности и историю культуры. Данным кропотливым трудом А. Байтурсынов поднял киргизскую словесность на высокую ступень и заложил прочный фундамент для национальной школы и родной литературы» [Организующее начало национального духа ... 1999, с. 25].

Из первых национальных изданий можно заметить, что рождению движения Алаш способствовало не только стремление к свободе, но и идеи просветительства. Выраженная первоначально в литературных произведениях идея народного воспитания перекочевала затем на страницы «Айкап», «Казах» и др. Чуть позднее увидели свет статьи, книги о народном воспитании, культуре Ахмета Байтурсынулы, Жусупбека Аймауытова, Магжана Жумабаева, Кошке Кеменгерова, Телжана Шонанова и др. представителей казахской интеллигенции. На пороге нового века все грани воспитания молодого поколения, нашедшие отражение в поэзии жырау, ораторском искусстве, обычаях и традициях, получили новое освещение, и здесь особую роль сыграли деятели «Алаш». Эксплицируя прогрессивные идеи и образцы народного воспитания, они были нацелены на формирование национального сознания.

Из истории известно, что идеи национального самосознания и критического отношения к своему народу берут начало с творчества

Абая, однако следует признать, что научный подход в данном вопросе заложен именно просветителями движения «Алаш».

Закончившие ведущие на тот момент высшие учебные заведения России, Европы деятели «Алаш» знали культурный и образовательный уровень своего народа и потому считали своим долгом улучшение, изменение ситуации. Об этом президент Н. Назарбаев в своей книге «В потоке истории» в разделе «Наследие “Алаш” и современность» дал точную оценку их деятельности: «Руководители национально-освободительного движения Алихан Букейханов (ученый-просветитель, член Центрального комитета Российской конституционной демократической партии, депутат I и II Государственной Думы), Ахмет Байтурсынов (поэт, переводчик, лингвист, редактор газеты «Казах»), Мыржакып Дулатов, Жакып Акбаев, Мустафа Шокай, Мухаметжан Тынышбаев, Бахытжан Каратаев, Халел и Жанша Досмухамедовы и другие – в большинстве своем выпускники высших учебных заведений и училищ Петербурга, Москвы, Варшавы, Казани, Омска и Оренбурга. Одной из главных задач своей деятельности они считали не только сохранение национальной самобытности казахского народа, но и воссоздание исторического прошлого и воспитание национальных чувств» [Назарбаев 1999, с. 153].

Поэтому они пропагандировали со страниц периодической печати и произведений литературы важность получения образования. Первыми научными изысканиями в этом направлении являются труды А. Букейхана «Наблюдения о духовной культуре», А. Байтурсынулы «Состояние образования», «Нужды школы», «Как проводить образовательную деятельность среди казахов», Х. Досмухамедова «От казахско-киргизской образовательной комиссии», «О сингармонизме в казахском языке», М. Дулатова «Время учебы», «Обучение по-мусульмански в Тургае», «Обучение по-русски в Тургае», «Благое дело», Ж. Аймауытова «Воспитание», «Как обучать родному языку?», «Нашим ученикам», М. Жумабаева «Будущие учебные пособия и наша школа» и др. В результате можно утверждать, что их научные труды были основой науки и образования в Казахстане. Их научное наследие по лингвистике, литературоведению, истории, культурологии, педагогике, психологии, естествознанию до сих пользуется большим спросом. Осознав всю важность в воспитании молодого поколения, они понимали, что будущее нации зависит от потомков, которым

необходимо получить качественное образование, а также познать сущность человека, его намерения, устремления, внутренний мир.

Именно поэтому деятели «Алаш» в родном языке усмотрели именно его организующее начало – формирование духовный сущности нации. Они хорошо понимали, что только посредством языка можно сохранить национальный облик народа. Осознавая эту истину, они начали совершенствовать все аспекты родного языка, превращая его предметом науки. Сегодня вся казахская лингвистическая наука опирается на труды А. Байтурсынова, Х. Досмухамедова, Е. Омарова и др.

Формируя основы национального воспитания, они сделали немало для того, чтобы подрастающее поколение в первую очередь знало казахский язык, историю, народные обычаи и традиции. В каждом их труде ощущается патриотизм, безграничная сыновья любовь к своему народу. Это придает особую значимость их деятельности и является примером для подражания. В свое время лидер движения А. Букейхан утверждал: «Служение своему народу зависит не от образованности, а от воспитания» [Национальный дух 2012, с.17].

Вместе с тем в перечисленных выше книгах Ж. Аймауытова, М. Жумабаева особо подчеркивается значимость правильного воспитания в самом раннем возрасте, что позволяет вырастить патриота, энергичного, твердого в своих убеждениях гражданина. Важность этих качеств для деятелей «Алаш» можно объяснить исторической ситуацией того времени. Поэтому для них было важно поднять дух народа, подтолкнуть к осознанию единства и самостоятельности нации, стремиться к приобретению независимости. М. Жумабаев в книге «Педагогика» пишет: «Чтобы ребенок стал сильным, энергичным, воспитатель не должен сдерживать его во всех начинаниях, а должен предоставить свободу. Пусть ребенок свободно двигается, учится ходить и бегать. В особенности пусть научится работать с душой. Если ребенок сам чего-то захочет, пусть сам взвесит все ‘’за’’ и ‘’против’’, пусть сам решит добиваться или не добиваться желаемого. Только в такой ситуации воспитывается сила духа. Конечно, воспитатель вмешается, если увидит, что действия и желания ребенка бессмысленны, вредны. Но нужно воздерживаться от постоянного контроля и запретов» [Жумабаев1996, с. 512]. Все грани воспитания детей в трудах просветителей связаны с проблемами обучения. В вопросах

обучения детей они учитывали не только системность, логику, но и деятельность, работоспособность обучающегося. Учебные пособия А. Байтурсынулы, М. Дулатова, Х. Досмухамедова, труды Т. Шонанова, К. Кементерова стали эпохальной научно-методической основой национальной лингвистической науки.

Вопросы языка и воспитания в их трудах непосредственно связаны с судьбой народа. Они болели за свой народ и делали всё для его блага. Источником их идей и энергии были человеческие качества. Основой их патриотизма является огромное человеколюбие. Их гуманизм свидетельствует о готовности к выполнению любого дела во имя своего народа, а также для подрастающего поколения. Именно поэтому творческая жизнеспособная идея «Алаш», основанная на любви к своему народу, не теряет своей значимости в суверенном Казахстане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ауезов М. Избранное. Алматы : Казахская энциклопедия, 1997. 512 с.
Жумабаев М. Сочинения : в 3 т. Т. 2–3. Алматы, 1996. 512 с.
Назарбаев Н. В потоке истории. Алматы : Атамура, 1999. 296 с.
Национальный дух. Составитель Е. Зангиров. Алматы : Экономика, 2012. 244 с.
Организующее начало национального духа: сборник научных трудов, посвященный Ахмету Байтурсынову. Алматы : Гылым, 1999. 568 с.

УДК 80-800

С. К. Токсанова

кандидат педагогических наук, доцент каф. русской филологии
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Астана;
e-mail: saniya_tok@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СМИ

В статье рассматриваются вопросы изменения лингвистического статуса лексем об их переходе из разряда семантических, неосвоенных, иноязычий в полностью освоенные заимствованные слова.

Ключевые слова: заимствование; иноязычные вкрапления; варваризм; освоенность – неосвоенность.

S. K. Toksanova

Candidate of pedagogical sciences, assistant professor
of department of Russian philology, The Eurasian National University
of L. N. Gumilev, Kazakhstan, Astana; e-mail: saniya_tok@mail.ru

FEATURES OF THE LANGUAGE ADAPTATION OF MODERN BORROWINGS IN THE MEDIA

The article deals with the issues of changing the linguistic status of lexemes, their transition from the category of semantic undeveloped foreign languages to fully mastered loan words.

Key words: borrowing; foreign inclusions; barbarism; mastery - undeveloped.

Одним из путей развития русского лексикона явилась заметная активизация лексического заимствования, обострившая проблему «своё–чужое». Термином «заимствование» обычно обозначают как элемент чужого языка, так и процесс вхождения этого элемента в принимающий язык. При рассмотрении проблем заимствования нельзя не учитывать тот факт, что существуют наиболее важные и часто применяемые терминологические обозначения, помогающие определить статус той или иной единицы. Это такие термины, как заимствованное слово – иноязычное слово – экзотизм-варваризм – иноязычные вкрапления. На сложность и неоднозначность их разграничения указывали многие ученые. Л. П. Крысин в работах последних лет предложил в основу такого разграничения положить критерий освоенности / неосвоенности слова [Крысин 2001, с. 156]. С точки зрения освоенности

(адаптированности к новой языковой среде) следует считать культурные заимствования, приходящие в современный русский язык вместе с процессом технизации, компьютеризации нашей жизни, развития экономики, финансовой сферы. Однако иногда причины заимствований определить непросто. Сказывается переплетение и взаимовлияние разнообразных факторов, среди которых и названа языковая мода, в основе притока слов нерусского происхождения в речь лежат причины социально-психологического характера [Кронгауз 2008, с. 212]. Употребление заимствований, особенно в СМИ, очень актуализируется. Вызвано это тем, что многие журналисты стараются показать свою ученость, а точнее свою приобщенность к западной культуре, создают причудливую смесь иностранных слов, грубого просторечия и жаргона, которую тут же подхватывает молодежь. Касается это непосредственно программ развлекательных на ТВ. Доминирующее положение или авторитетность языка-источника, обаяние новизны, эффект современности, принадлежности к определенному сообществу, интригующее начало, связанное с загадочностью, незавершенностью смысла чужого слова, дающего простор воображению, – все эти причины сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

Рассмотрим некоторые слова, активно эксплуатируемые в средствах массовой информации, особенно на телевидении. Слово «гламур» пришло из английского языка *glamour* в значении «обаяние, очарование»; «романтический ореол»; «чары, волшебство»; *разг*. «роскошь, шик».

Превеликое количество людей произносят это слово с придыханием, восхищением и блеском в глазах. Для них *гламур*, безусловно, это едва ли не смысл существования. Названия журналов, теле- и радиопрограмм, парикмахерских и бутиков отражают положительную оценку. Например, Б. Моисеев в программе о Л. Гурченко: *Запах гламура* (эстетства); «*Гламурных дел мастер*»(заголовок в прессе), «*гений гламура*», «*мастер гламура*» и т. д.

Внедрение заимствованных слов в речь приводит к повышению его статуса. Так, слово «брутальный» в переводе с английского означало «отвратительный» и имел негативный оттенок. В современном значении «суровость, грубость, предельная по жестокости натуральность, животность» сменяется на «мужественность» и получает положительную оценку. Так, в программе 20 лучших песен на ОРТ от

01.01.13 г.: *сильным, брутальным мужчинам* (характеристика внутренней мужской силы). Например, комментатор программы «Ледовое шоу»: «В нем есть мужественность и некая брутальность» (о внешности участника); Т. Гвердцители в программе «Две звезды»: «Он такой мужественный, такой брутальный» – по отношению к внешности человека. Но со временем значение слова эстетизируется и стало употребляться в значении «стильный». В данном значении употребление слова переходит на предметы быта. В программе «Квартирный вопрос»: *холодильник с черными брутальными колоннами; массивное брутальное кресло; брутальный проект; брутальная кухня*. В значении «экстравагантная внешность» в программе «Модный приговор: *брутальная эстетика* (про рэповский стиль главной героини). Приятное звучание слова брутальный породило новое значение «красивый» в передаче «Достояние республики» о песне Ильи Резника «Три счастливых дня»: *одна из брутальных песен*, композиций.

Слово *винтажный* от английского *vintage* означает «марочное вино высшего качества». Иногда (удачные погодные условия) виноград получается наилучшего качества, виноделы объявляют винтаж, и шампанское становится винтажным – одного года урожая, но купаж (смесь сортов) все равно остается. И отсюда винтажное шампанское вроде бы круто звучит. Кроме этого значения в английском языке *vintage* используется в переносном значении, обозначая «совокупность субъектов одного типа, склада характера». Английское выражение *men of that vintage* можно соотнести с русским «люди старой закалки». Также винтажным бывают любые предметы, которые относятся к какой-либо определенной эпохе прошлого. В таком случае «винтажный», значит, «устаревший, старомодный». В последнее время чаще слово «винтажный» употребляется в значении «сделанный в стиле ретро», т. е. так можно называть и современные вещи, искусственно «состаренные»: одежду, мебель и т. д. Винтаж – это стиль, отточенный временем и ставший почти искусством. Например, блузки с рукавами «фонариками», брошки с крупными искусственными камнями, как из бабушкиной шкатулки. Значит, на языке моды – это оригинальная одежда прошлого столетия (винтажный стиль, ткани). Иногда в музыке винтажное звучание саксафона – это джазовое звучание 1930-х, 1950-х гг., несколько мягкое, нерезкое звучание.

Слово «культовый» в словаре имеет следующие значения: 1) соотносящийся по значению с существительным *культ*, связанный с ним; 2) свойственный культу, характерный для него; 3) принадлежащий культу. Это слово активно используется современными СМИ применительно к самым разным явлениям и фигурам. Культовыми авторами называют П. Коэльо, Р. Мураками – авторов популярных бестселлеров. Культовый используется в значении «насаждаемый». Это некая символическая ценность: культовые фильмы «Крестный отец», «Однажды в Америки» и др.

В начале 90-х гг. XX в. в СМИ замелькали слова «креативный», «креатив». Это слово заимствовано из английского языка *creative* в переводе означает «творческий». Это понятие в русском языке трансформировалось, изменилось на «неформальное отношение и задача, нестандартный взгляд на ее выполнение и активизацию сил на достижение успеха»: *креативная личность, креативное решение*, *креативный подход, креативное мышление, креативный взгляд.*

Буквальное значение слова «эпатаж» от французского слова *epatage* – «умышленно скандальная выходка или вызывающее, шокирующее поведение, противоречащее принятым в обществе правовым, нравственным, социальным и другим нормам». В русском языке эпатаж может проявляться не столько в поведении человека, сколько в его творчестве или общественной деятельности, которые радикально нарушают существующие обычаи, каноны, нормы.

Королем эпатажа пресса называет театр режиссера Р. Виктюка. В частности, в некоторых его спектаклях «Соломея» и др. женские роли играют мужчины. В шоу-бизнесе творчество Б. Моисеева, включающее в себя элементы гей-культуры, было названо на телевидении *религией шока и эпатажа.* «Богиней эпатажа» российские СМИ называют Жанну Агузарову за непредсказуемое поведение, экстравагантные наряды и ее высказывания о своем «марсианском» происхождении. Эвелина Хромченко в передаче «Модный приговор»: *Мужчина эпатажный ближе к театральности* (по отношению к одежде главного героя передачи с неординарной внешностью).

Как известно, словарь не всегда успевает за жизнью, и в мире нет таких авторитетных изданий, в которых моментально фиксировались бы все лексические изменения слова, поэтому очень важно прослеживать трансформацию лексических значений заимствованного слова,

которое еще не освоено языком. Можно с определенностью сказать, что иноязычное слово может изменить свой статус с учетом динамической природы языка.

Резкая смена культурно-исторических парадигм может изменить лингвистический статус лексем, переместив из разряда семантических неосвоенных иноязычий («чужих») в полностью освоенные заимствованные слова («свои»).

Заимствованное слово ***харизма*** (*англ.* harizma – обаяние, Божий дар) – исключительная одаренность. Харизматичный лидер – человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом за исключительные качества его личности – мудрость, героизм, святость.

Харизматическая личность раскрывает себя только в общественной, религиозной, политической и др. деятельности (науке, культуре, литературе, искусстве и др.).

Под *харизмой* понимается «качество личности, признаваемое необычным, благодаря которому оно оценивается, как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям» [Ожегов 1989].

Анализ определений понятия харизмы позволил выявить семантическую структуру слова *харизма* и выделить следующие семы:

– исключительные эмоционально-психические качества, способности человека;
– качества, не доступные другим: выделенность, сверхъестественность, святость, непогрешимость:
– способность притягивать к себе внимание других, производить сильное впечатление, эффективно воздействовать на других;
– генетические черты, которые не приобретаются, а даруются Богом, природой, потусторонними, мистическими силами;
– исключительные черты, которыми человек наделяется во мнении приверженцев, последователей.

В современных текстах СМИ слово *харизма* употребляется в самых немыслимых значениях и сочетаниях. Ср.:

1. «…в ней есть сила *харизмы*…» (*Василиса в передаче «Давай поженимся» от 7.04.2014 г.*).
2. «…перед брутальной *харизмой* главного героя…» (*О фильме «Балабол» в программе «Новости» от 19.05.2014 г.*).

3. «…стилисты сделают из вас *харизму*…»
4. «…увидеть *харизму*…» (*«Модный приговор» от 19.08.2014 г.*).
5. «…Ваша *харизма* нам необходима…» (*А. Васильев «Модный приговор»*).

В текстах СМИ особую роль играют оценочные слова, среди которых наиболее популярным является слово «бренд».

Бренд (*англ*. brand – товарный знак, торговая марка, клеймо, т. е. марка товара) – термин в маркетинге, символизирующий новый инновационный продукт или услугу; популярная, легкоузнаваемая и юридическая защищенная символика какого-либо производителя или продукта.

Существует два подхода к определению бренда:

1. Индивидуальные атрибуты: название, логотип и др. визуальные элементы (шрифты, дизайн, цветовые схемы и символы), позволяющие выделить компанию или продукт со сравнению с конкурентами;

2. Образ, имидж, репутация компании, продукта или услуги в глазах клиентов, партнеров, общественности.

Характеристикой *бренда* являются:

1. Гарантированное качество;
2. Общеизвестность;
3. Престижность;
4. Общедоступность (возможность покупки);
5. Легкоузнаваемое название и логотип;
6. Глобальная распространенность данной ТМ

Совокупность этих качеств и составляет *бренд.*

Рассмотрим примеры из средств массовой информации, где это слово используется в самих разных значениях:

1. «…Кумыс как национальный *бренд*» (*газета «Казахстанская правда» от 16.10.2014 г.*).
2. «Амина Федоренко создала *бренд* MusCima Wear» (*газета «Экспресс К» от 22.10.2014 г.*).
3. «Михаил Боярский – это *бренд*…» (*С. Дружинина в «Идеальном ремонте» от 25.10.2014 г.*).
4. «Международный *бренд* как стабильного многонационального государства» (*газета «Экспресс К» от 23.10.2014 г.*).
5. «…*брендами* Казахстана вполне могут стать казы, жая, шужук и др. мясные изделья…» (*газета «Казахстанская правда»*).

6. «…предлагают рекламировать в качестве национального *бренда* деликатесы из конины, кумыс, шубат» (*«Мегамолис»*).
7. «…платим за *бренд*» (*«Теория заговора» от 29.10.2014*).

Слово «кумыс» и фиксация этого слова в СМИ способствует более глубокому пониманию его содержания в языке и культуре, расширению концептуальных смыслов. Кумыс как национальный напиток символизирует Казахстан, и *бренд* употребляется в этих приведенных примерах в значений «атрибут», «символика».

Кроме этих значений *бренд* используется в значении «достояние». Ср.: Михаил Боярский – это бренд.

Слово *бренд* используют в том числе и в политическом дискурсе. Ср.: международный *бренд* в значении «показатель».

Ярким символом современного мира, прочно вышедшим в нашу жизнь, является мобильный телефон. Мы не представляем свою жизнь без сотового телефона, который становится предметом культа. Ср.: «…без телефона как без рук»; «…не могу без телефона»; «…как я жила без него» и т. д. «…Быть на связи» – кредо современных людей. Какой панический ужас нас охватывает, если вдруг телефон перестает работать или случайно оставлен дома. Мы места себе не находим, создается впечатление, что мы чем-то озабочены, огорчены.

Психологи называют это новой эпидемией – телефономанией, или зависимостью.

Если раньше телефон был средством связи, то сейчас у телефона появилась огромное количество других функций. Появление современных смартфонов (умный телефон) является подтверждением этого. Он заменяет Интернет, фотоаппарат, видео и т. д.

И постепенно мобильный или сотовый телефон заменяется словом «гаджет». Это слово стало супермодным среди молодежи и в средствах массовой информации. Ср.: «Не могу без телефона, не представляю свою жизнь. Я подсел на эти гаджеты!» (*интервью с В. Соколовским*).

Слово *селфи* стало достаточно распространенным среди молодежи в 2002 г. после появления на интернет-форуме. *Селфи* представляет собой разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру, иногда при помощи зеркала или монопода (палки для селфи). Термин приобрел известность благодаря развитию

встроенных функций фотоаппарата мобильных устройств. Поскольку селфи чаще всего должно выполняться с расстояния вытянутой руки, держащей аппарат, изображение имеет на фотографии характерный ракурс и композицию под углом, чуть выше или ниже головы.

Будучи популярным среди молодежи, это слово стало хитом нового времени, в ноябре 2013 г. вошло в Оксфордский словарь английского языка, до этого стало модным словечком 2012 г. и вошло в топ 10 самых употребляемых слов. Сейчас *селфи* является трендом, которому покорны все возрасты. Например: *любовь к селфи; удачное селфи; популярное селфи, милое селфи, семейное селфи; селфи под водой; на вершине горы; селфи перед полетом; селфи на память; лучшее селфи в метро*.

В социальной сети, без которой невозможно представить современную жизнь, визуальные средства становятся предпочтительнее вербальных. Снимки в Сети делают для того, чтобы самоутвердиться, чтобы показать, насколько успешен, тем самым вызывая чувство зависти у виртуальных друзей. Размещенные в Сети *селфи* со временем становятся однообразными, чтобы быть оригинальнее, для этого необходимо настроиться, принять соответствующую позу и постараться удивить всех необычным снимком: нелепые кривляния, робкие попытки выглядеть круто или сексуально, надутые «утиные» губы, втягивание щек для подчеркивания скул и «соблазнительного» прищуривания глаз. Например, *пикантные селфи* (для поддержания интереса подписчиков); *странное селфи* (у ребят с закрытыми глазами); *скандальное селфи; 10 горячих звездных селфи* (*Вечерний Ургант, 13.03.2015 г.*); *не любят утиных селфи* (губы в поцелуях) – Программа «Модный приговор», от 27.05.2015 г.

Сделать *селфи* стало настолько популярным, что Папа Римский Франциск выкладывает для своей интернет-аудитории снимки, на которых он запечатлен с посетителями Ватикана. Это вызвало удивление в СМИ, до этого ни один Папа Римский не позволял себе такие вольности. Например: *Куда катятся нравы? Селфи можно сделать и в Ватикане, и даже с Папой Римским* (*Программа «Время», 28 июня 2015 г.*). Постепенно слово приобретает негативный оттенок. Чаще всего *селфи* делают люди, неуверенные в себе, с низкой самооценкой или, наоборот, влюбленные в себя, страдающие нарцицизмом. Психологи бьют тревогу, что особенно среди молодежи появляется новая

болезнь – селфимобия – боязнь сделать плохое фото, не понравиться другим: *великобританец, подросток лечился от зависимости селфи* (*Программа «Время», от 26.05.2015 г.*); *Сбрендили все с этим селфи* (о фотографиях, сделанных в операционном блоке, рядом с тяжелобольным пациентом – *Программа «Время», от 15.03.2015 г.*). Даже появились таблетки от селфи-зависимости (Anti selfie) – Программа «Время» от 03.11.2015 г.

В поисках новых ощущений фотографируются и стараются снять селфи в экстремальных условиях. Среди молодежи это стало эпидемией. Многие, порой рискуя жизнью, делают снимки в самых неожиданных ситуациях в поисках нужного ракурса. Чрезмерное увлечение снимками вызвало то, что стали выпускаться памятки о безопасном селфи. Например: *уроки безопасного селфи; трагическое селфи.*

Вовлечение заимствованных слов в сферу массовых коммуникации и формирование в дискурсе масс-медиа новых концептуальных полей является результатом глобализации. Очень важно следить за трансформационными изменениями значений заимствованного слова, которое еще полностью не освоено языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Крысин Л. П. Русский язык на рубеже веков // Мир языка: материалы II Междунар. науч.-теор. конф., посв. 80-летию проф. М. М. Копыленко. Ч. 1. Алматы, 2001. С. 3–18.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Знак : Языки славянских культур, 2008. URL : psyfactor.ozg/harizma.htm

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1989. 924 с.

УДК 811.111'276.6:34

Т. В. Ускова

канд. филол. наук, проф. каф. лингвистики
и профессиональной коммуникации в области права
юридического факультета МГЛУ; e-mail: t-uskova@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ЮРИСТА В АНГЛИИ И США

В связи с растущей популярностью юридической профессии, с одной стороны, и изучением английского языка – с другой, перед преподавателем английского юридического языка встает вопрос, какие особенности речи англоязычных юристов необходимо изучать будущим юристам, учитывая архаичный характер и запутанность англоязычных юридических документов. В статье предпринята попытка обобщить основные особенности речи юриста в Англии и США, среди них особенности произношения, орфографии, пунктуации и синтаксиса, присущие как англоязычным юридическим документам, так и устной речи юристов.

Ключевые слова: английский юридический язык; закон, законодательный акт; термин; англоязычный юридический дискурс; англоязычная юридическая терминология.

T. V. Uskova

Ph.D. (Philology), Professor for the Chair of Linguistics
and Professional Communication in Law, Law department, MSLU;
e-mail: t-uskova@bk.ru

CERTAIN PECULIARITIES OF A LAWYER'S SPEECH IN ENGLAND AND THE USA

With the growing popularity of the legal profession, on the one hand, and learning English, on the other, the professor of legal English faces the problem of what peculiarities of English speaking lawyers should future lawyers be taught, taking into consideration the archaic character and complexity of legal documents. The article tries to sum up the main peculiarities of speech of lawyers practicing in England and the USA, among them are peculiar pronunciation, spelling, punctuation and syntax typical of English legal documents and oral speech of lawyers.

Key words: legal English; law; draft; term; English legal discourse; English legal terminology.

Большинство исследователей английского юридического языка отмечают его архаичность, сравнивают его с лабиринтом, либо со средством, которое изобрели юристы, чтобы завышать плату за свои услуги. Однако многие практикующие юристы утверждают, что не

видят различия между тем, как они говорят в ходе выполнения своих служебных обязанностей и в ситуациях повседневного общения. С другой стороны, это английский язык, следовательно, любой человек, который говорит на нем, должен понимать и юридический дискурс. Что же делает английский юридический язык таким запутанным и непонятным как для большинства носителей языка, так и для иностранцев?

При обучении студентов-юристов профессора в английских и американских университетах уделяют особое внимание изучению профессиональной лексики, базовых понятий и принципов юридических систем, в основе которых лежит английское общее право, а также тому, как оформляются основные юридические документы. При этом преподаватели часто игнорируют тот факт, что юридический дискурс это нечто большее, чем простой набор терминов. Устная и письменная речь юриста, работающего в правовой системе Англии или США, резко отличается от речи человека, который не относится к юридической профессии и не имеет юридического образования. Дж. Бентам утверждал, что юридический язык служит юристам «связующим элементом их союза, каждое слово этого языка призвано напоминать юристам о том общем интересе, который делает их друзьями друг другу и врагами всему остальному человечеству» [Bantham 1843, с. 282]. Становятся ли юристы врагами всему человечеству, благодаря использованию английского юридического языка, вопрос спорный, но он, безусловно, позволяет им держаться обособленно. В странах, использующих общее право как основу своей правовой системы, даже употребляется термин «talking like a lawyer».

Речь любого человека характеризуется следующими элементами: произношением, орфографией, пунктуацией и стилистическим оформлением устной и письменной речи.

Общеизвестно, что, вступая в общение мы сознательно или неосознанно сообщаем собеседнику некоторую информацию о себе: место рождения, принадлежность к определенной профессиональной или социальной группе и т. п., причем это происходит благодаря нашему произношению и выбору определенной лексики. Классическая литература содержит много примеров того, как благодаря умению имитировать произношение иных социальных классов героям удавалось улучшить свое материальное положение или продвинуться по

службе. При этом даже в наши дни особое произношение может использоваться для того, чтобы продемонстрировать принадлежность к определенной группе. Подобно представителям иных профессий, юристы, практикующие в Англии и США, при помощи профессионального языка стремятся отделиться от остальных граждан страны и создать особую групповую общность.

В своей работе, предназначенной для изучающих английское право студентов, Г. Виллиамс сообщает, что профессиональные юристы существительное *record* произносят с ударением на второй слог как глагол. Застрахованное лицо *assured* следует произносить не [ə'ʃʊəd], а [ə'ʃʊrəd]. Подсудность *cognisance* и подсудный *cognisable* произносятся ['kɒgnɪz(ə)ns] или американский вариант ['kɑːgnɪzəns], без звука [g] [Williams 2013, с. 63].

П. Тиерсма считает подобную вариативность в произношении традиционным маркером принадлежности к юридической профессии, который не изменяется уже многие столетия. Рассмотрим другой пример, в США юристы произносят *defendant* [dɪ'fendənt] как [dɪ'fendænt], и множественное число *defendants* (ответчики) слышится как *defend ants* (защищай муравьев). П. Тиерсма объясняет это явление следующим образом: университетские профессора, помня о том, что студенты регулярно ошибаются при написании *defendant* (*defend**e**nt*), делали особое ударение, произнося данный термин. В свою очередь студенты, желая «говорить как юрист», стали подражать этому варианту произношения. Вслед за ними подобное произношение подхватили журналисты и дикторы телевидения, хотя у них нет юридического образования [Tiersma 1999, с. 52].

В области орфографии юридические термины обычно не отличаются по написанию от слов общего употребления. Однако интересно было бы рассмотреть правописание слова *judgment*. Оксфордский словарь английского языка предлагает два варианта написания: *judgment* и *judgement*. При этом на первом месте стоит *judgement*, что вполне логично, поскольку он раскладывается на *judge* (судья) + *ment* (суффикс), но в юридических документах можно найти только вариант *judgment*. Кроме того, по утверждению П. Тиерсмы, в юридических школах студентам прямо указывают на то, что юристы пишут это слово без *e* [Tiersma 1999, с. 53]. К этой же категории можно отнести термины *abridg(e)ment* и *acknowledg(e)ment*.

В пунктуации также встречаются некоторые отклонения от общепринятых грамматических норм: при перечислении перед союзом обычно ставится запятая, но в юридических документах ее опускают. Практически любое завещание содержит следующую фразу: *rest, residue and remainder* (оставшаяся часть) без запятой перед союзом *and*. В названии юридических фирм можно наблюдать подобную тенденцию: *Watson, Farley & Williams*.

Вышеизложенное подтверждает мнение Л. Фридмана о том, что «общий вокабуляр и стиль дают возможность узнать, что лицо принадлежит к представителям юридической профессии и в то же время отделить себя как коллектив от непрофессиональных юристов» [Friedman 1964, с. 33].

Прежде чем говорить об особенностях юридического стиля, необходимо отметить, что стиль речи или письма характеризуется тем, что из множества вариантов нужно выбрать один, наиболее подходящий вариант, который лучше всего выразит вашу мысль. Однако, говоря об английском юридическом дискурсе, приходится признать, что профессиональный юрист скорее предпочтет стиль речи более привычный ему, а не более понятный широкому кругу лиц. Среди признаков данного стиля М. Густафссон называет длинные предложения. Проанализировав *British Courts Act*, *1971* (Закон о судах в Британии), М. Густафссон подсчитала, что самое короткое предложение имело в своем составе десять слов, а самое длинное – 179. Среднее предложение было длиной в срок восемь слов [Gustafsson 1975, с. 9–10].

Тем не менее столь длинные предложения типичны не только для законодательных актов. Например, заявление на выдачу патента в США по правилам представляет собой единое предложение. Всего лишь одно дополнительное предложение может привести к отказу выдать патент.

Причиной использования слишком длинных предложений является желание вместить всю информацию в одно законченное предложение. Авторы законопроектов утверждают, что если положения закона и условия их выполнения будут перечислены в отдельных предложениях, это может привести к неверному толкованию. Возможно, подобный подход объясняется опасением, что если условие будет сформулировано в отдельном предложении, это даст основание заявить, что это условие, не относится к вышеуказанному положению закона. Результатом такого подхода становятся не просто длинные, а очень длинные

и сложные предложения, включающие в себя нескольких придаточных предложений. По подсчетам М. Густафссон, в *British Courts Act, 1971* (Закон о судах в Британии) в одном предложении в среднем было 2,86 придаточных предложений, а одно предложение содержало девять придаточных предложений [Gustafsson 1975, с. 109].

Еще одной типичной особенностью любого юридического документа можно назвать многословие. В англоязычном юридическом дискурсе обычно используются словосочетания вместо наречий или предлогов: *at slow speed*, а не *slowly*; *in the event that*, а не *if*; *prior to*, а не *before*; *subsequent to*, а не *after*; *during the time* that, а не *during*. П. Тиерсма полагает, от подобного избыточного многословия нужно избавляться, но делать это следует с осторожностью. Например, практически любое завещание озаглавлено: *Last Will and Testament of Jane Dow*. При этом термины *Will and Testament* являются синонимами, и юрист, составляющий данное завещание, мог бы использовать только один из них. Кроме того, *last* тоже является лишним элементом, так как лицо, от чьего имени составляется завещание, полагает, что оно является последним. В случае, если это лицо напишет несколько завещаний, то только документ, датированный самой поздней датой, считается последним, вне зависимости от того, что написано в названии документа [Tiersma 1999].

Подобное чрезмерное многословие имеет еще одно, практическое объяснение: обычно юристы, составляющие для клиентов различные документы, либо представляющие их интересы в суде, получают почасовую оплату, в связи с этим они стремятся создать впечатление, что их работа очень сложна и требует много времени и умения.

Принимая во внимание всё вышесказанное, следует отметить, что, обучая английскому юридическому языку студентов-юристов, требуется не только изучать лексические особенности и терминологию отдельной отрасли права, но также обращать пристальное внимание на фонетические особенности речи юристов в англоговорящих странах, способы орфографического и пунктуационного оформления письменной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bantham J. The Works of Jeremy Bentham : 11 vols. [1843] oll.libertyfund.org. URL : oll.libertyfund.org/titles/bentham-works-of-jeremy-bentham-11-vols (accessed 28 November 2017).

Friedman L. M. Law and Its Language. Geo. Wash. L. Rev., 1964. 304 p.
Gustafsson M. Some Syntactic Properties of English Law Language. Turku, 1975. 124 p.
Tiersma P. M. Legal language. Chicago : The University of Chicago Press, 1999. 314 p.
Williams G. Learning the Law. 15th ed. Sweet & Maxwell, 2013. 264 p.

УДК 80081

А. Х. Хамидова

кандидат филологических наук, доцент каф. русской филологии
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, Астана; e-mail: azima691@mail.ru

МЕДИАЛИНГВИСТИКА: НОВАЯ ПАРАДИГМА В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА СМИ

Статья посвящена вопросам функционирования языка в сфере массовой коммуникации при обучении студентов русскому языку. Автор рассматривает шесть разделов медиалингвистики, терминологический аппарат медиалингвистики, который сочетает в себе термины базовых гуманитарных дисциплин – лингвистики, социологии, психологии, журналистики, культурологии и др.

Ключевые слова: медиалингвистика; коммуникация; масс-медиа; медиатекст; медиаречь; медиаландшафт.

A. Kh. Khamidova

candidate of philology, associate professor, Department of Russian philology,
The Eurasian National University of. L. N. Gumilev Kazakhstan, Astana;
e-mail: azima691@mail.ru

MEDIALINGUISTICS: A NEW PARADIGM IN LANGUAGE LEARNING MASS MEDIA

This article is devoted to the functioning of language in the sphere of mass communication when learning Russian language students. The author considers six sections medialinguistics, a medialinguistics device, which combines the basic terms of Humanities-Linguistics, sociology, psychology, journalism, culture, etc.

Key words: medialinguistics; communication; mass media; mediatext; media speech; medialandscape.

Начиная с 70-х гг. XX в. как в России, так и за рубежом регулярно публикуются исследования, посвященные вопросам функционирования языка в сфере массовой коммуникации. В них тексты массовой информации рассматриваются в рамках самых различных школ и направлений: с точки зрения социолингвистики, функциональной стилистики, теории дискурса, контент-анализа, когнитивной лингвистики, риторической критики. Внимание ученых привлекает широкий круг вопросов: это и определение функционально-стилевого статуса языка СМИ, и способы описания различных типов медиатекстов, и влияние

на медиаречь социокультурных факторов, и лингвомедийные технологии воздействия.

К числу российских авторов, чьи исследования внесли значительный вклад в изучение медиалингвистики, С. И. Бернштейн, Д. Н. Шмелев, В. Г. Костомаров, Ю. В. Рождественский, Г. Я. Солганик, С. И. Трескова, И. П. Лысакова, Б. В. Кривенко, А. Н. Васильева.

К концу XX в. сформировались все необходимые условия для оформления накопленных знаний и опыта в области изучения языка СМИ в самостоятельное научное направление. Иначе говоря, совокупный объем исследований медиаречи достиг «критической массы», что сделало возможным переход изучения данной области в новое качество – медиалингвистику, в рамках которой предлагается системный комплексный подход к изучению языка СМИ.

Термин «медиалингвистика» образован по аналогии с целым рядом подобного рода направлений, которые используются для обозначения новых академических дисциплин, возникающих на стыке наук. Социолингвистика, этнолингвистика, медиапсихология – все эти названия указывают на междисциплинарный, комбинированный, характер данных отраслей знания, объединивших в себе теоретические основы и методологию двух базовых научных направлений: социологии и лингвистики (социолингвистика), этнографии и лингвистики (этнолингвистика), изучения средств массовой информации и психологии (медиапсихология).

В российском научном обиходе термин «медиалингвистика» появился сравнительно недавно, в 2000 г. [Добросклонская 2000, с. 17]. Несколько раньше возник его англоязычный вариант «media linguistics», который можно встретить в работах британских исследователей языка средств массовой информации, в частности в статье Джона Корнера “The Scope of Media Linguistics”, которую можно считать программной, так как в ней впервые определяется предмет и задачи медиалингвистики. Выделяя медиалингвистику в самостоятельное научное направление, предметом которого является изучение языка средств массовой информации, Джон Корнер отмечает его междисциплинарный характер: «Медиалингвистика объединила широкий спектр исследований, относящихся к такой динамично развивающейся области, как язык средств массовой информации. Сегодня существует масса литературы, посвященной языку СМИ, причем часто эти

исследования носят междисциплинарный характер. Анализируются различные жанры медиаречи, например новостной дискурс, документалистика и реклама. Растет понимание того, что язык СМИ не остается неизменным в каждом отдельно взятом средстве массовой информации, но взаимодействует с прочими семиотическими системами, включая визуальную».

Как следует из самого термина, объединившего в себе два базовых компонента – «медиа» (массмедиа) и «лингвистика», предметом этой новой дисциплины является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации. То есть медиалингвистика занимается исследованием определенной сферы речеупотребления – языка массмедий.

Возникает вопрос: а насколько правомерно выделять изучение какой-либо сферы речеупотребления в отдельную лингвистическую дисциплину? Например, исследования в области таких важных сфер бытования языка, как язык делового общения, язык художественной литературы, язык научного обихода, по-прежнему остаются в традиционных рамках функциональной стилистики и теории языка для специальных целей, не формируя самостоятельные отрасли современной языковой науки. Почему же изучение языка средств массовой информации послужило основанием для возникновения медиалингвистики?

Ответ кроется в той огромной роли, которую играют средства массовой информации в жизни современного общества в целом и в развитии языка, в частности. Начиная со второй половины XX в., рост средств массовой информации идет в геометрической прогрессии: стремительное увеличение объема традиционных СМИ – печати, радио, телевидения сопровождается постоянным совершенствованием информационных технологий; развитие всемирной компьютерной сети Интернет способствует формированию глобального информационного пространства.

Социальная значимость этих процессов настолько велика, что послужила основанием для выдвижении концепции информационного общества, в рамках которой современный этап общественного развития рассматривается как принципиально новый, характеризующийся всепроникающим воздействием информационных и телекоммуникационных технологий на все стороны общественной жизни [Мелюхин 1999, с. 78].

Огромное воздействие социально-информационные процессы оказывают и на функционирование языка. Массовая коммуникация стала сегодня одной из самых интенсивных сфер речеупотребления. Совокупный объем текстов, ежечасно распространяемых по каналам СМИ, неуклонно растет, что, в свою очередь, способствует возрастанию интереса к этой бурно развивающейся сфере речеупотребления и со стороны академической науки.

Как известно, становление любого нового научного направления сопряжено с разработкой базовых дисциплинообразующих компонентов: 1) теории, которая являлась бы отправной точкой всех исследований в данной области; 2) более или менее устойчивой внутренней структуры; 3) методологии; 4) терминологического аппарата.

Рассмотрим, каково состояние названных компонентов применительно к медиалингвистике.

Безусловно, главной теоретической составляющей медиалингвистики можно считать особую концепцию медиатекста [Добросклонская 2000, с. 56], которая так или иначе присутствует практически во всех исследованиях медиаречи. Суть данной концепции состоит в том, что ключевое для традиционной лингвистики определение текста как «объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 507], при переносе в сферу массмедиа значительно расширяет свои границы. Здесь концепция медиатекста выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, приближаясь к семиотическому толкованию понятия «текст», которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что уровень массовой коммуникации придает понятию «текст» новые смысловые оттенки, обусловленные медийными свойствами того или иного средства массовой информации. Так, текст на телевидении состоит не только из словесной ткани, но последовательно разворачивается сразу на нескольких уровнях: вербальном, видеоряда и звукового сопровождения, образуя единое целое и приобретая черты объемности и многослойности. Радиотекстам и текстам прессы также свойственно сочетание вербального текста с определенными медийными характеристиками: музыкой и звуковыми эффектами, особенностями графического оформления газеты или журнала.

Огромное значение для теории медиалингвистики имеет также положение о том, что «правильность восприятия текста обеспечивается не только языковыми единицами и их соединением, но и необходимым общим фоном знаний, коммуникативным фоном» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 327]. Применительно к массовой информации коммуникативный фон понимается прежде всего как совокупность условий и особенностей производства, распространения и восприятия медиатекста, иначе говоря всего того, что стоит за его словесной частью. Именно поэтому концепция коммуникативного фона охватывает достаточно широкий круг явлений: от особенностей социокультурной реконструкции событий и диапазона интерпретации до категории идеологической модальности и понятия «метасообщения» [Луканина 2001, с. 185] в совокупности с факторами, обусловливающими его восприятие.

Таким образом, концепция коммуникативного фона оказывается тесно связанной с чрезвычайно важной для исследования текстов массовой информации категорией дискурса, объединившей в единое целое собственно словесную, вербальную, составляющую коммуникации, и ее экстралингвистические компоненты, как социокультурного, так и ситуативно контекстного характера. Определяя дискурс как сложное коммуникативное явление, которое включает в себя всю совокупность экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс коммуникации, как то: социальный контекст, дающий представление об участниках коммуникации и их характеристиках; особенности производства, распространения и восприятия информации, культуро-идеологический фон и т. п., известный голландский исследователь Теун ван Дейк придает большое значение расширенному пониманию контекстуальной перспективы дискурса, особенно при изучении текстов массовой информации [Теуна ван Дейк 1989, с. 284].

Следующим дисциплинообразующим фактором, позволяющим выделить медиалингвистику в отдельное научное направление, является ее внутренняя структура, которая хотя и продолжает находиться в стадии формирования, уже демонстрирует достаточно устойчивый набор компонентов. На настоящий момент можно выделить шесть основных разделов медиалингвистики, содержание которых структурируется вокруг следующих ключевых тем:

1) определение внутрилингвистического статуса языка СМИ, его описание с точки зрения базовой парадигмы *язык – речь, текст – дискурс*;

2) возможности функционально-стилевой дифференциации медиадискурса, классификация текстов по степени реализации в них основных функций языка и каналу распространения (пресса, радио, телевидение, Интернет);

3) типология медиаречи, диапазон жанрово-видовой классификации текстов массовой информации, выделение основных типов текстов – новости, информационная аналитика и комментарий, публицистика (features), реклама;

4) лингвостилистические особенности основных типов медиатекстов;

5) экстралингвистические составляющие медиадискурса, как то: производство, распространение и восприятие медиатекстов, социокультурный и идеологический контекст, интерпретационные свойства медиаречи, особенности реализации метасообщения, культуроспецифические признаки;

6) лингвомедийные технологии воздействия на индивидуальное и массовое сознание (лингвистическая составляющая техник пропаганды, манипуляции, приемов информационной политики и информационного менеджмента, связей с общественностью).

Что касается таких необходимых составляющих самостоятельной научной дисциплины, как методология и терминологический аппарат, то в медиалингвистике, как, впрочем, и в любой другой междисциплинарной отрасли, они носят ярко выраженный интегративный характер.

Так, в рамках медиалингвистики широко применяется весь спектр методов текстовой обработки: от традиционных методов системного анализа и контент-анализа до логического, эмпирического, социолингвистического и сравнительно-культурологического описания. Можно сказать, что каждая лингвистическая школа внесла свой вклад в совокупную методологию медиалингвистики. Тексты массовой информации изучаются с помощью методов когнитивной лингвистики, дискурсивного анализа, критической лингвистики, функциональной стилистики, прагматики, риторической критики. Именно этим и обусловлена новизна медиалингвистической методологии, которая

на основе интеграции существующих методов обеспечивает системный, комплексный подход к изучению текстов массовой информации. Терминологический аппарат медиалингвистики также сочетает в себе термины базовых гуманитарных дисциплин – лингвистики, социологии, психологии, журналистики, культурологии и пр. Однако, несмотря на то, что терминологический аппарат медиалингвистики находится в стадии становления, можно выделить ряд вполне устоявшихся терминов, широко используемых для описания функционирования языка в СМИ. Главным образом это слова и словосочетания, образованные при помощи лексической основы «медиа», например: *медиатекст* [Сметанина 2002, с. 275]*, медиаречь, медиаландшафт,* лингвомедийные признаки и характеристики, лингвомедийные технологии воздействия и т. п.

Таким образом, анализ состояния основных дисциплинообразующих компонентов применительно к медиалингвистике, позволяет констатировать, что имеются все основания для того, чтобы рассматривать данное гуманитарное направление в качестве самостоятельной научной дисциплины. При этом необходимо отметить, что подобно прочим дисциплинам, возникающим на стыке наук, медиалингвистика естественно сочетает в себе черты двух научных направлений: с одной стороны, опирается на совокупную базу собственно лингвистических исследований, с другой – естественно инкорпорируется в общую систему медиалогии – нового научного направления, занимающегося комплексным изучением средств массовой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Добросклонская Т. Г. Теория и методы медиалингвистики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 368 с.

Мелюхин И. С. Информационной общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. 208 с.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. М. : МАКС-Пресс, 2000. 287 с.

Луканина М. В. «Реализация метасообщения в газетно-публицистическом тексте». М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. 184 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 507 с.

Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. 383 с.

Теуна ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 174 с.

УДК 378

Н. С. Шаталова

доктор педагогических наук, профессор;
профессор каф. РКИ ФОИГ МГЛУ;
e-mail: shatalova59@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В статье рассматривается стратегия реализации межкультурного подхода в высшем профессиональном образовании и описан педагогический инструментарий ее реализации (в частности, учебное пособие лингвокультурологического характера).

Ключевые слова: межкультурный подход; межкультурная коммуникация; концепт.

N. S. Shatalova

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Chair of the Russian Language
as a Foreign of the Faculty on Training Foreign Nationals of the MSLU;
e-mail: shatalova59@mail.ru

CROSS-CULTURAL EDUCATIONAL STRATEGY OF TRAINING OF FOREIGN STUDENTS OF FUTURE TRANSLATORS

In article the strategy of realization of cross-cultural approach in higher education is considered and pedagogical tools of her realization are described (such as text-book linguistic and cultural character).

Key words: cross-cultural approach; cross-cultural communication; concept.

В педагогике высшей школы лингводидактическое направление результативно представлено несколькими концепциями обучения иностранному языку (Г. И. Богин, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Ю. Н. Караулов, Е. И. Пассов, В. В. Сафонова, И. И. Халеева и др.), однако в настоящее время поиск оптимальных путей организации формирования иноязычной компетенции в логике структуры профессиональной подготовки будущих переводчиков как особой и самостоятельной области современного лингвистического образования, несомненно, сопряжен с решением определенного круга проблем методологического и методического плана.

Направленность на результативность профессиональной подготовки как целостного и ценностного процесса усвоения и понимания специальности предполагает содержательно-технологические

нововведения, связанные в первую очередь с новой комбинаторикой существующих педагогических подходов. Уточним, что современный этап развития педагогики и лингводидактики характеризуется тем, что в качестве методологического основания проектирования базовой и вариативной части профессиональной подготовки переводчиков может выступать достаточно большое количество подходов – бихевиористский, сознательный, компетентностный, деятельностный, личностно-ориентированный, коммуникативный, когнитивный, социокультурный, межкультурный, дифференцирующий, системный. Важно то, что выбор того или иного подхода, в том числе и их интеграция, предопределяет стратегию построения педагогической модели в системе и иерархии всех ее блоков: содержательно-целевого, технологического, организационно-координирующего, результативного.

Как свидетельствуют результаты исследований, проведенные в последние десятилетия отечественными лингводидактами О. Г. Оберемко, Г. В. Елизаровой, Н. А. Московской, Л. П. Тарнаевой, Е. В. Александровой и др., методологически целесообразным и методически оправданным является выбор социокультурного, межкультурного и коммуникативного подходов в качестве ведущих. Несомненно, выбор данных подходов обусловливается, с одной стороны, социальным заказом на компетентного специалиста (расширение сфер профессиональной деятельности переводчика, функциональное многообразие данного типа деятельности, возрастание социальной ответственности и значимости переводчика как субъекта межкультурной интеракции в современном поликультурном коммуникативном пространстве), с другой – прагматическими целями межкультурной коммуникации как специфического типа общения.

Организация процесса обучения иностранному языку с позиций данных подходов в современной лингводидактике трактуется как наиболее полное соответствие логике межкультурной коммуникации: восприятие и оценка историко-культурного, лингвокультурного, социолингвистического контекста межкультурной интеракции; идентификация / самоидентификация и объективное стереотипизирование собственной и иной культуры; адекватное интерпретирование коммуникативного поведения партнера по межкультурному общению на основе представлений о релятивности культурных норм и адаптация коммуникативного поведения в соответствии с ценностными ориентациями иноязычного

социума; кодирование и декодирование информации средствами иностранного языка / невербальной коммуникации в соответствии с комплексом коммуникативных задач конструктивного взаимодействия в условиях кооперативного / некооперативного общения.

Таким образом, реализация в вузовской практике данных подходов в качестве ведущих не только актуализирует познавательный, развивающий и воспитательный потенциала учебных дисциплин профессиональной подготовки будущих переводчиков, но и является тем стратегически значимым методологическим конструктом, который обеспечивает системность, целенаправленность, «перспективность» и «жесткую» каркасность в достижении целей формирования у студентов как предметных знаний, умений и способов деятельности, так и комплексных, собственно, метапредметных.

Организация процесса обучения языку с позиций межкультурного подхода позволяет, с нашей точки зрения, методически оправданно выделить в содержательно-целевом блок такие компетенции и субкомпетенции будущего переводчика, как способность осваивать лингвокультурное и социокультурное содержание изучаемых языков с учетом трансфера и интерференции родного языка в его контрастивном анализе; полноценно вести диалог культур, «не сползая» к агрессивному этноцентрическому восприятию представителей различных этносов, т. е. уметь применять принципы культурного релятивизма, соблюдать этические нормы, необходимые для жизнедеятельности в полиэтническом и многоязычном социуме; представлять особенности внутрикультурного и межкультурного общения на его структурных уровнях – коммуникативном, интерактивном и перцептивном (культура / субкультура, межличностная / групповая, канал коммуникации, код, статусные отношения и т. п.) и применять основные способы и приемы варьирования коммуникативных средств с учетом социального статуса коммуникантов и межкультурных различий; знать особенности функционирования национального языка как отражения и проявления национального ментально-лингвального комплекса, уметь сопоставлять функционально-структурные параметры концептуальной и языковой картин мира; различать национальные / социальные стереотипы как детерминантов поведения в межкультурной интеракции, определять степень их деструктивности; анализировать собственное коммуникативное поведение как приемлемое

или неприемлемое в соответствии с системой ценностей контактирующих лингвокультур, а также объективно оценивать ценностные приоритеты инокультурного социума и т. п.

Подчеркнем, что дидактической идеей разработки данного блока, обусловленной пониманием коммуникативной компетенции, в том числе и иноязычной, как «метапредметной, генерализованной, комплексной в своей основе» [Баранников 2008, с. 34], как профессионального конструкта, имеющего отчетливо выраженную практико-ориентированную, деятельностную направленность» [Зеер, Павлова, Саманюк 2005, с. 57], является выделение метаязыковых компонентов как доминант в формируемой иноязычной компетенции (когнитивно-ценностный, дискурсивно-стратегический, общекультурный, социокультурный, интерактивный, рефлексивный, сопоставительный), аргументированное пониманием коммуникативной компетенции, в том числе и иноязычной, как «метапредметной, генерализованной, комплексной в своей основе» [Баранников 2008, с. 34].

Фиксируемые в этом блоке знания, умения и навыки в целом дифференцируются как лингвистические, лингвокультурологические, социокультурные и дискурсивные, поэтому их формирование, коррекция и совершенствование может быть осуществлено комплексно или аспектно в соответствии с уровневыми характеристиками учебной дисциплины – профильными, общепредметными, частнопредметными, локальными (модульными).

Практическая реализация формирования межкультурной коммуникативной компетенции будущего переводчика может быть представлена, во-первых, лингводидактической системой учебно-методических комплексов и пособий, методологических уровень которой дает возможность использовать учебные материалы в таких образовательных технологиях, как текстоцентрическая, интегративно-развивающая, тренинговые; имитационные (деловые игры, кейс-технология, проектные), коррективно-компенсирующая и др. Во-вторых, методиками формирования (в том числе современными информационными и коммуникационными технологиями) умений и навыков, релевантных для определенной составляющей профессиональной коммуникативной компетенции переводчика.

В рамках статьи уточним вышеизложенное в кратком комментарии дидактического модуля учебного пособия, разработанного

с позиций межкультурного подхода как педагогической доминанты модернизации современного языкового образования и предназначено для студентов-иностранцев, изучающих русский язык и проходящих подготовку по направлению «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение», уровень «Бакалавр» [Клименко, Шаталова 2016].

Содержание дидактического модуля определялось целями и задачами речевого и профессионально ориентированного развития будущего специалиста-переводчика на среднепродвинутом этапе обучения РКИ. С позиций социокультурного, межкультурного и коммуникативного подходов был произведен отбор содержания, выступающего в качестве информационного базиса: а) восприятия и оценки русской культуры и ее носителей; б) идентификации / самоидентификации и объективного стереотипизирования собственной и русской культур; в) кодирования / декодирования информации средствами изучаемого языка. Соответственно, умения и навыки, необходимые и достаточные для решения когнитивно-коммуникативных задач в рамкам информационного поля пособия, дифференцируются как лингвистические, лингвокультурологические, социокультурные и дискурсивные, поэтому их формирование, коррекция и совершенствование должно быть осуществлено комплексно, обеспечивать в целом формирование коммуникативной и межкультурной и компетенций как базовых составляющих профессиональной компетенции переводчика.

Представленная в пособии лингводидактическая система направлена на формирование гибких умений и навыков речевой деятельности, востребованных в разных условиях общения и применимых в различных областях профессиональной деятельности будущих переводчиков.

В связи с тем, что в условиях диалога культур, или диалога «чужих сознаний», особое значение приобретает релевантность как когнитивно-коммуникативная категория, то в проектировании содержания пособия авторами были учтены особенности формирования языковой / иноязычной личности, закономерности модификации концептуальной картины мира как результат интериоризации концептов инофоной картины [Богин 1984; Караулов 1987; Тхорик 2000; Халеева 2000; Хитрик 2001].

Представление культурных концептов в качестве дидактических единиц содержания пособия, несомненно, обеспечивает поэтапное

формирование структурных уровней языковой личности будущего переводчика. Нами учитывалось и то, что выбор концептов должен быть соотнесен по параметру частотности представления в определенной сфере профессиональной деятельности будущего специалиста, то есть определялась их степень отражения особенностей концептуализации пространственных, временны́х, причинно-следственных, ценностных, регулятивных и иных отношений, свойственных носителям именно в этой сфере общения.

Отметим также, что представление концептов в качестве дидактических единиц обучения создает предпосылки для углубления традиционных методов изучения иностранных языков, применения новаторских приемов, позволяют формировать не только языковое, но и когнитивное сознание инокультурной личности, выполнять функцию механизма адаптации к новому культурно-языковому окружению.

Таким образом, включение в пособие содержания изучаемого языка как когнитивно-ценностной основы формирования иноязычной коммуникативной компетенции, бесспорно, обеспечивает будущему специалисту готовность к восприятию и интерпретации иноязычной речи не на уровне значений, а на уровне смыслов с учетом лингвокультурных особенностей, ценностных ориентаций и ментальных свойств представителей определенного социума.

Так, универсальный концепт «Город / Мегаполис» [Сертакова 2014], широко представленный в печатных и устных материалах СМИ, определил структуру и отбор текстового материала пособия, основная часть которого содержит темы «Мегаполисы и города России», «Архитектура», «Градостроение» и подтемы: «Экология», «Транспорт», «Проблемы жилья». Подчеркнем, что в современном русском языке данный концепт обладает сложной многоуровневой структурой, распадаясь, например, на такие составляющие, как «Жилье в городе», «Транспорт», «Экология», «Одиночество в толпе», «Безопасность» и т. д.

К национально-специфическим характеристикам концепта можно отнести восприятие такого вида транспорта, как метро, не только как способа передвижения, но и места встреч и концентрации около станций метро различных торгово-развлекательных центров, кинотеатров, аквапарков и др. Кроме того, московское метро вызывает в сознании носителя языка образы «подземных дворцов» как архитектурных

шедевров, в которых присутствует и скульптура, и монументальная живопись. В свою очередь, понятие «хрущевка», «коммуналка», «спальный район» вызывает совсем другие образы и эмоции. Следовательно, на базе представленных в пособии текстов, шаг за шагом приобретаются не только новые языковые знания, но и формируется вполне конкретный концепт «Российский мегаполис», происходит, по образному выражению К. Н. Хитрика, преодоление «культурной дистанции» [Хитрик 2001, с. 4].

Основным критерием отбора текстового материала стала реализация задачи ввода студента в реальную информационную среду, социально и профессионально значимую, позволяющий снять проблему безмотивности обучения иностранному языку. В этом плане содержание пособия отличается от обычных, стандартных, пособий, в которые предлагают традиционный перечень обязательных, прецедентных для русской истории и культуры набор фактов, событий, имен и мало связаны с сегодняшним днем, с актуальными событиями.

Пособие содержит аутентичные тексты, взятые преимущественно из современных российских газет, журналов, тематически ориентированной научно-популярной литературы и рассказывающие о том, что волнует наших современников, жителей городов, как они живут и работают, какие проблемы им приходится решать, т. е. образуют социокультурный и межкультурный контекст обучения.

Обобщенными характеристиками реальных, востребованных современным русскоязычным социумом текстов, стали: а) познавательная, информационная ценность; б) доступность содержания; в) публицистичность; г) лингвокультурологическая значимость; д) образовательная и воспитательная направленность; е) тип текста.

Отметим, что в пособии широко представлен жанр интервью, т. е. текст с вопросно-ответной композицией. Это способствует быстрой ориентировке в основном содержании текста, развивает умение прогнозировать содержание, а также позволяет актуализировать фоновые знания студента. Уточним, что в параметризации текстов учитывались не только характеристика положительной информативности и утилитарности текстов, но и то, что предъявление информации не должно подавляться трудностями в понимании иноязычного текста.

Дифференцированные таким образом тексты, являясь наиболее доступным источником информации и средством вызова речевой

интенции (характер информации, структура и набор языковых средств), создают необходимую основу для формирования, во-первых, эмоционально-ценностного отношения к миру в результате сопоставления родной и русской культуры, во-вторых, таких профессионально значимых личностных качеств, как диалогичность мышления, эмпатия, толерантность, рефлексия. В целом текстовое пространство пособия обеспечивает формирование умений и навыков сопоставлять системы ценностей контактирующих лингвокультур и объективно оценивать ценностные приоритеты инокультурного социума; соотнести культурный и социальный контекст общения и формы выражения мнений, эмоций, отношений и т. д., принятые в иноязычном социуме.

Представленная в пособии система заданий ориентирована на развитие и коррекцию умений и навыков продуктивных и рецептивных видов РД и включает задания в основном операционного, поискового, конструктивного, сопоставительного, творческого характера, т. е. направлена на представление изучаемого содержания в виде системы познавательных и практических задач (ориентировочная основа и способы решения). Особо подчеркнем, что в процессе решения заданий предложенного типа у иностранных студентов совершенствуются не только предметные умения и навыки, но, прежде всего, как считает А. В. Баранников, осуществляется «развитие мыслительных способностей для решения проблемных, нестандартных вопросов, дивергентного критического мышления и самообразования» [Баранников 2008, с. 105].

Дидактическое содержание данных заданий следующее: кратко изложить прочитанный материал на основе полного понимания темы (членение текста на смысловые части; озаглавливание текста; компрессия текста; выделение информации по определенным параметрам), содержательно-фактуальной информации (факты, процессы, явления, события, мнение и др.); построить тематическое высказывание на основе информации, полученной из различных источников; проанализировать, сопоставить и обобщить изученный языковой и социокультурный материал; прокомментировать выраженные эксплицитно / имплицитно суждения, мнения (возразить или согласиться, аргументировать свою точку зрения); определить релевантность используемых речевых средств коммуникативной задаче. Ср., например:

Найдите в справочной литературе информацию об одном из современных архитекторах России или вашей страны и подготовьте сообщение о его творчестве. При затруднении используйте план-схему и языковые средства оформления высказывания, приведенные в таблице N; Есть ли в городах вашей страны «улицы без машин»? Опишите их, при затруднении используйте информации описания пешеходных улиц в городах стран СНГ. Выразите свое согласие / несогласие с утверждением «Москва не приспособлена для жизни», свою позицию аргументируйте. Как вы считаете, почему люди стремятся жить в столице России? *и т. п.*

Соответственно представленная в пособии система заданий поискового, конструктивного, сопоставительного, творческого характера направлена на формирование у иностранных студентов – будущих переводчиков таких речевых и социокультурных знаний, навыков, способов действий, как: владение видами и формами речевой деятельности, характерными для сферы и среды иноязычного общения; осуществление вербальных и невербальных стратегий, «программы речевого поведения» в соответствии с социокультурным контекстом; использование различных источников для сбора, обобщения, систематизации и интерпретации информации о межкультурных различиях и универсалиях; нахождение культуроведческих материалов, отражающих важные социальные аспекты контактирующих лингвокультур. Кроме того, необходимо объективно проводить аналогии, противопоставления, обобщения при сравнении фактов, событий, явлений культурной жизни иноязычного социума; участвовать в дискуссии при обсуждении социокультурных аспектов жизни народов страны изучаемого языка; выбирать социокультурно приемлемый стиль общения; распознавать и интерпретировать социокультурно-маркированную лексику и дискурс; выступать в качестве посредника, помогая устанавливать межкультурные контакты, прогнозировать возможное недопонимание и конфликты; адекватно противостоять культурной агрессии, дискриминации и др.

Предлагаемая система задания, с нашей точки зрения, отвечает целям и задачам продвинутого этапа обучения РКИ в системе профессиональной подготовке будущего переводчика, т. е. обеспечивает и коммуникативное развитие иностранного студента, и формирование поликультурного мышления у студентов на основе расширения и углубления их ценностных ориентаций, личностного опыта творческого

решения речевых и коммуникативных задач по ситуации социального контекста. Таким образом, когнитивно-коммуникативный потенциал материалов пособия, его лингводидактическая система создают необходимую и достаточную основу для формирования языковой личности будущего переводчика.

В заключение подчеркнем, что реализация межкультурного подхода к обучению РКИ является тем стратегически значимым методологическим конструктом, который обеспечивает системность, целенаправленность, «перспективность» в достижении целей современного образования – формирование у иностранных студентов – будущих переводчиков способности и готовности интерпретировать и транслировать иноязычную речь с учетом ее лингвокультурных особенностей и социокультурной детерминированности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранников А. В. Компетентностный подход и качество образования. М. : Московский центр качества образования, 2008. 144 с.

Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 28 с.

Зеер Э. Ф., Павлова А. М., Саманюк Э. Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. М. : Московский психолого-социальный институт, 2005. 234 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 263 с.

Клименко Г. В., Шаталова Н. С. Практикум по культуре речевого общения: учебное пособие для студентов-иностранцев III курса. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. 88 с.

Московская Н. Л. Формирование профессиональной компетентности лингвиста – преподавателя : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Сходня, 2004. 32 с.

Сертакова Е. А. Концепт «город» в русской культуре // Человек и культура. М., 2014. № 2. С. 20–26.

Тхорик В. И. Языковая личность (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 37 с.

Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М. : Высшая школа, 2000. 236 с.

Хитрик К. Н. Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе (на материале иранской ветви индоевропейских языков) : автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 2001.

Шаталова Н. С. Параметризация текстов дискурсивных практик // Опережая время. К 100-летию со Дня рождения О. И. Москальской. М. : ФГБОУ

ВПО МГЛУ, 2014. С. 205–214. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 4 (690). Сер. Языкознание.)

Шаталова Н. С., Рякина О. Р. Полифункциональность моделирования в преподавании русского языка как иностранного // Вестник Академии права и управления. Вып. № 2 (43). М., 2016. С. 109–112.

УДК 821.134.3

В. А. Махортова

магистр филологических наук Лиссабонского университета,
преподаватель кафедры португальского языка МГЛУ;
e-mail: varvara2504@mail.ru

ОБРАЗ КОРОЛЕВЫ ЖИНГИ В РОМАНЕ Ж. Э. АГУАЛУЗЫ

В статье приводится анализ образа королевы Жинги (1582–1663), представленного в романе современного ангольского писателя Жузе Эдуарду Агуалузы «Королева Жинга и то, как африканцы создавали мир» (2014). Рассматривая правление легендарной королевы, Агуалуза дает личности Жинги новую трактовку, подчеркивая сложность и неоднозначность этой исторической фигуры.

Ключевые слова: португалоязычная литература; ангольская художественная проза; исторический роман; королева Жинга.

V. A. Makhortova

Master of Philology of Lisbon University,
lecturer of Portuguese Language Department
of Moscow State Linguistic University; e-mail: varvara2504@mail.ru

REPRESENTATION OF QUEEN GINGA IN THE NOVEL BY J. E. AGUALUSA

The article analyses the representation of queen Ginga (1582–1663) in the novel “Queen Ginga, and how Africans invented the world” (2014) by the modern Angolan writer José Eduardo Agualusa. Looking at Ginga and her reign from the African point of view, Agualusa represents the legendary queen in a new way, considering her as a complex historical figure.

Key words: Portuguese-language literature; Angolan prose fiction; historical novel; queen Ginga.

Жузе Эдуарду Агуалуза – современный ангольский писатель и журналист. Родился в 1960 г. в городе Уамбо в португальско-бразильской семье. Долгое время жил в Лиссабоне, где началась его творческая карьера, и в Рио-де-Жанейро. Пишет книги на португальском

языке. В настоящее время является автором 12 романов, четырех сборников рассказов, сборника поэзии и нескольких книг для детей.

Творчество Жузе Эдуарду Агуалузы признано во всем мире. Он – первый африканский писатель, награжденный премией газеты «Индепендент» (Independent), которой он был удостоен в 2007 г. за роман «Продавец прошлого» («Vendedor dos passados», 2004). В 2016 г. его книга «Общая теория забвения» («Teoria Geral do Esquecimento», 2012) вошла в краткий список Букеровской премии (The Man Booker Prize), а в 2017 г. это произведение было отмечено Дублинской международной литературной премией (International Dublin Literary Award). Произведения Агуалузы переведены на 25 языков. В настоящее время на русский язык переведены роман «Продавец прошлого» (журнал «Иностранная литература», №2, 2013 г., перевод Татьяны Родименко), а также роман «Королева Жинга и то, как африканцы создавали мир» (Центр книги Рудомино, 2017, перевод Варвары Махортовой). Готовится к выходу в свет перевод романа «Общая теория забвения».

Роман «Королева Жинга…» занимает особое место в творчестве Агуалузы. Сам писатель называет именно этот роман своим «наиболее зрелым, завершенным, целостным и сильным произведением» (*Visão, 10.06.2014*). По словам Агуалузы, именно после создания этого произведения он «впервые почувствовал, что может назвать себя писателем» (*Visão, 10.06.2014*).

В романе воссоздается эпоха правления легендарной королевы Нзинги Мбанди, или Жинги (1582–1663), сыгравшей важную роль в истории Африки. Яркая и неоднозначная личность королевы во все времена привлекала внимание хронистов, историков и писателей, которые, в зависимости от исторического и политического контекста, давали ей разные, часто полярные оценки. Во время написания романа Агуалуза изучал исторические источники, созданные европейскими авторами, в том числе современниками королевы, такими, как итальянский монах Антонио Оливейру де Кадорнега. Написанный им труд под названием «История Ангольских войн» был незаменим для создания романа, о чем упоминает сам Агуалуза [Агуалуза 2017, с. 214]. Однако, воссоздавая события времен правления Жинги, автор стремился рассмотреть их с африканской, а не европейской точки зрения. Как объясняет писатель: «Больше всего мне хотелось показать, что африканцы не были пассивными участниками истории, именно

поэтому книга названа “Королева Жинга и то, как африканцы открывали мир”. В европейской историографии африканцев изображают как пассивных участников истории … никогда не помещая их в центр событий. На самом деле все было иначе – африканцы были вовлечены в сложную политическую игру, похожую на ту, которая разворачивается в наше время» (*Rede Angola, 02.06.2014*). Королева Жинга принимала активное участие в той политической игре. Однако в романе переосмысливается не только значение ее политики, но и личность королевы.

Одна королева – разные образы

Прежде чем перейти к анализу образа Жинги, созданного в романе Агуалузы, следует кратко рассмотреть основные представления о королеве, которые складывались в различные эпохи. Поскольку ее личность была очень необычной и противоречивой, оценки, которые давались ей в тот или иной исторический период, весьма разнообразны. Мы остановимся только на некоторых из них, которые представляются наиболее значимыми.

Среди хронистов-современников Жинги стоит отметить Антонио де Гаэту (1617–1662), Антонио Оливейру де Кадорнегу (ок. 1623 – ок. 1690) и Жоау Антонио Кавацци де Монтекукколо (1621–1678). Все они упоминали королеву в своих трудах. Жингу, которая считалась опасным врагом европейцев, изображали как правительницу варваров, приписывая ей такие черты, как непомерная жестокость и коварство [Pinto 2011, с. 6]. Антонио Оливейра де Кадорнега называл ее «демоном в человеческом обличии» [Weber 2009, с. 3], утверждая, что по своей воинственности она превосходит Артемиду. Таким образом, можно сказать, что в колониальный период личности Жинги давалась отрицательная оценка. Однако даже тогда европейцы, описывавшие королеву, признавали ее мудрость. Например, Кавацци де Монтекукколо писал: «...в политических делах она проявляла большой ум, а в домашних – проницательность и осторожность» [Хазанов 2014, с. 23].

В XX в., в период, когда Ангола боролась за свою независимость (1961–1975), личность королевы получила иную оценку. Жинга стала восприниматься как национальная героиня [Pinto 2011, с. 20], которая боролась за освобождение Анголы от португальских колонизаторов

[Pantoja 2010, с. 322]. Некоторые исследователи проводили параллель между борьбой, которую вела Жинга против португальцев, и ангольским освободительным движением XX в.

Во второй половине XX в. личность королевы получила новую трактовку. Ее стали представлять как борца за права женщин, утверждая, что она выступала за идеи, созвучные феминизму [Amadiume 2001, с. 55].

Однако Агуалуза считает, что ни одно из упомянутых мнений не раскрывает всей сложности характера Жинги. Очевидно, что она не была воплощением зла, как ее изображали хронисты-современники, но и борцом за свободу Анголы назвать ее нельзя, хотя бы потому, что во время ее правления Анголы как государства не существовало. На месте современной Анголы располагалось несколько королевств, одним из которых было Королевство Донго, возглавляемое Жингой. Кроме того, действуя в интересах своего королевства, Жинга не только воевала с португальцами, но и вела с ними торговлю. Представление о Жинге как о стороннице идей, близких к феминизму Агуалуза также оспаривает. По его словам, «она [Жинга] правила как мужчина, наравне с мужчинами, как, например, Маргарет Тэтчер» (*Visão, 10.06.2014*). При этом, как известно, Маргарет Тэтчер феминисткой не была.

Не разделяя ни одной из основных точек зрения на личность королевы Жинги, Агуалуза создает в своем романе более многогранный образ королевы, показывая, что она обладала, как положительными, так и отрицательными качествами.

Новый взгляд на историю Жинги

Далее рассмотрим, какие эпизоды из истории Жинги Агуалуза включает в роман «Королева Жинга и то, как африканцы создавали мир», какую трактовку писатель им дает и как характеризует знаменитую королеву.

Королева Жинга является одним из центральных персонажей одноименного романа Агуалузы. Несмотря на то, что повествование в романе ведется не от лица королевы, все описанные в книге события происходят под ее неусыпным взглядом – как говорила сама Жинга, «король не должен спать» [Агуалуза 2017, с. 47].

Для того чтобы создать или воссоздать правдоподобный образ королевы, Агуалуза ведет повествование от лица ее секретаря Франсишку

Жузе да Санта Круша – в романе мы видим Жингу глазами ее приближенного и сторонника, а не соперника. Рассказчик описывает Жингу следующим образом: «Когда я увидел Жингу в первый раз, она смотрела на море. Она была одета в наряд из дорогих тканей, на шее у нее были красивые золотые украшения, а на запястьях и щиколотках – серебряные и медные звенящие браслеты. Это была маленькая сухощавая женщина, в общем, она бы не выделялась, если бы не носила такой пышный наряд и не была окружена множеством служанок и охранявших ее воинов» [Агуалуза 2017, с. 11].

Согласно этому описанию, Жинга не отличалась высоким ростом или крепким телосложением. При этом по ее наряду, а также по тому, что ее сопровождала свита слуг и стража, можно понять, что она занимала важное положение в Королевстве Донго. В то время она еще не была королевой. Королевством Донго правил ее брат Нгола Мбанди. Однако уже тогда Жинга «вела себя так, будто уже носила этот титул [королевы]» [Агуалуза 2017, с. 14]. Например, на совете старейшин «Жинга разговаривала с братом громким голосом, словно ничем не уступала ему, мужчине, наделенному властью» [Агуалуза 2017, с. 14].

В романе показано, что еще не будучи королевой, Жинга проявила свой дипломатический талант. В качестве посланницы короля Донго она направилась в Луанду для проведения переговоров с португальским губернатором Жоау Коррейей де Соузой. В роман включен эпизод, который часто упоминается при описании встречи Жинги и португальского наместника (о нем повествуют, в частности, упомянутые выше Кадорнеги и Кавацци Монтекукколо). В романе Агуалузы эпизод изложен следующим образом: «Губернатор принимал ее [Жингу], сидя в высоком кресле, похожем на трон, в окружении своих военачальников. Для Жинги на шелковистом ковре лежала расшитая золотом подушка. В этом не было злого умысла или дурных намерений, напротив, губернатор хотел таким образом угодить своей гостье, потому что советники убедили его в том, что, согласно местным обычаям, важные особы не признают стульев и предпочитают сидеть на полу. Жинга поняла его иначе. Она приказала одной из своих рабынь, молодой женщине с точеной фигурой, которую звали Хенда, встать на ковер и опуститься перед ней на колени, а потом, ко всеобщему великому удивлению, села на спину несчастной.

Этот необычный поступок задал тон встречи, которую на языке кимбунду назвали бы “мака”. Хотя губернатор говорил свысока, казалось, что выше была Жинга, настолько ясны были ее гордые мысли» [Агуалуза 2017, с. 29].

Данный эпизод, включенный в роман, указывает на то, что Жинга стремилась доказать, что по статусу не уступает португальскому губернатору. При этом во время встречи Королева не только говорила с губернатором на равных, но и превзошла его своей мудростью.

Это качество Жинги, как уже упоминалось, ее современники-европейцы признавали, однако, как показывается в романе, их отношение к королеве было предвзятым и формировалось под влиянием предрассудков, существовавших в то время. Как утверждает рассказчик: «В том, что умом наделена женщина, тем более темнокожая и такая необычная, ему [одному португальскому дворянину] виделись проделки дьявола» [Агуалуза 2017, с. 31].

Во время поездки в Луанду Жинга не только заключила договор с португальцами, но и приняла крещение, что было необходимо для укрепления союза с португальцами. Стоит отметить, что, как утверждается в романе, Дона Ана де Соуза (такое имя королева приняла при крещении), не изменила своих религиозных убеждений, однако крещение было важным политическим шагом, позволившим ей усилить Королевство Донго. Сама королева, объясняя рассказчику свое решение принять христианство, рассказывает ему легенду о Господине Слоне и Господине Жабе. Суть этой легенды в том, что Господин Жаба, воспользовавшись своей хитростью, сумел обмануть могучего Господина Слона и жениться на его невесте. Рассказывая эту легенду, Жинга намекает, что крещение для нее – политический маневр.

После гибели брата Жинга стала королем. В романе подчеркивается, что именно так она приказывала себя называть, указывая на свой статус абсолютного монарха, а не жены короля [Агуалуза 2017, с. 46]. Королева-король была вынуждена доказывать свое право на престол, так как местная знать не доверяла ей. При этом, чтобы пресечь попытки лишить ее власти, она была готова пойти на жестокие меры. Поскольку некоторые представители знати желали, чтобы вместо нее правил ее юный племянник Ожи, сын погибшего короля Нголы Мбанди, Жинга вероятно расправилась с ним. В романе эти события описаны так: «Говорят – о подобном нельзя судить с точностью – как только

он [Ожи] появился у нее перед глазами, она убила его или приказала убить <…>. Это заставило замолчать знать и приближенных Жинги, считавших, что вместо нее должен править Ожи. С того дня право Жинги на престол больше никто не оспаривал, и так она царствовала до последнего вздоха» [Агуалуза 2017, с. 53].

Поскольку португальцы не соблюдали договор, заключенный с Жингой, между королевством Испании и Португалии и Королевством Донго началась война. Жинга принимала непосредственное участие в сражениях, появляясь на поле боя, вооружившись луком и стрелами. Увидев Жингу во время одной из битв, рассказчик подчеркивает: «Своим мужеством она не уступает другим королям, а может быть, превосходит их» [Агуалуза 2017, с. 57].

Понимая, что силы не равны, Жинга была вынуждена отступить, но продолжила борьбу. Для усиления своего королевства она вышла замуж за Каза Канголу, вождя жага, свирепых воинов, отличавшихся бесстрашием. Как утверждает рассказчик: «Свадьба королевы Жинги и могущественного вождя жага по имени Каза Кангола ни для кого не была неожиданностью. Выйдя замуж, Жинга заключила союз, который позволял ей выступить против португальцев и тех, кто поддерживал их» [Агуалуза 2017, с. 73]. Кроме того, узнав о том, что голландцы захватили северо-восточные районы Бразилии и основали там колонию, Жинга направила туда посольство и заручилась поддержкой голландской Вест-Индской компании. Направив несколько кораблей в королевство Донго, голландцы поддержали Жингу в войне против Португальского Королевства (к тому времени восстановившего независимость от Испании). Жинге не хватило совсем немного, чтобы одержать победу. Узнав о том, что в Африку прибыли войска бразильского адмирала Салвадора Коррейи-де-Са-и-Беневидеса, голландцы не рискнули выступить против них и покинули Луанду. Как утверждает рассказчик: «Отважный адмирал взял Луанду не потому, что был талантливым стратегом. Он захватил город, потому что верил, что сможет это сделать, и потому, что его слава ослепила его врагов» [Агуалуза 2017, с. 211].

После того, как Луанда перешла к португальцам, королева Жинга заключила с ними почетный мир. По словам рассказчика, «дона Анна де Соуза, королева Жинга, умерла 17 декабря 1663 года в возрасте восьмидесяти лет в мире с португальцами и Римской Католической Церковью» [Агуалуза 2017, с. 213].

В заключение следует отметить, что, не отрицая, но и не преувеличивая свойственной Жинге воинственности и жестокости, на которую она была способна, Агуалуза создает образ правительницы, готовой отстаивать интересы своего королевства как мирными, так и военными методами. Рассматривая историю Жинги с африканской точки зрения, Агуалуза создает многогранный образ легендарной королевы, подчеркивая противоречивость и неоднозначность ее личности. В его романе Агуалузы Жинга – это «женщина, которая сражалась с оружием в руках, так же отважно, как самый храбрый мужчина. Женщина, которая никому не подчинялась и не верила в Бога. Женщина, которая разбиралась в военном деле, знала все хитрости и опасности войны, а беседуя с советниками, соображала лучше самых хороших стратегов» [Агуалуза 2017, с. 74].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агуалуза Ж. Э. Королева Жинга и то, как африканцы создавали мир. М. : Центр книги Рудомино, 2017. 224 с.

Хазанов А. М. Португальская колониальная империя 1415–1974. М. : Вече, 2014. 400 с.

Amadiume I. African Women: Voicing Feminisms and Democratice Futures // Macalester International. 2001. № 10. P. 47–65.

Pantoja S. O ensino da história africana: metodologias e mitos – o estudo de caso da rainha Nzinga Mbandi // Revista Cerrados, Brasília. 2010. № 30. P. 315–328. URL : repositorio.unb.br/handle/10482/8175

Pinto A. O. Representações culturais da Rainha Njinga Mbandi (c.1582–1663) no discurso colonial e no discurso nacionalista angolano. Comunicação apresentada no Colóquio Internacional A Imagética das Letras, na Faculdade de Letras da Universidade de Lisboa, 2011. URL : repositorio.ul.pt/bitstream/10451/12027/1/Representa%C3%A7%C3%B5es%20Culturais%20da%20Rainha%20Njinga%20Mbandi%20com%20imagens.pdf

Weber P. M. Para a coroa continuar, a mulher tem que ser forte. Rio Grande, 2012.

УДК 821

В. А. Соловьев

кандидат исторических наук, заведующий каф. журналистики
Института международных отношений и социально-политических наук
МГЛУ; e-mail: vsmurens1@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН СНГ

В статье на основе анализа по формированию единых профессиональных стандартов в медиасфере СНГ за прошедшие два десятилетия раскрывается сущность инновационных подходов Московского государственного лингвистического университета в этой сфере. Высокая эффективность работы выездных групп профессорско-преподавательского состава университета достигается за счет системности процесса обучения и его оптимальной длительности, а также тесных ежедневных учебно-творческих контактов с местной аудиторией, в основном представленной средним редакторским звеном СМИ.

Ключевые слова: СНГ; СМИ; массмедиа; информационное пространство; печать; радио; телевидение; русскоязычная журналистика.

V. A. Solovyev

PhD (History), Head of the Department of journalism,
Institute of International Relations and Social-political Studies, MSLU;
e-mail: vsmurens1@gmail.com

FORMATION OF COMMON PROFESSIONAL STANDARDS IN THE INFORMATION SPACE OF THE CIS COUNTRIES

The article, which is based on the analysis of creating unified professional standards in the CIS media in the last 20 years, is devoted to the matter of innovative methods of Moscow State Linguistic University in this scope. The high effectiveness of professors` delegations is reached due to the system of education process and its optimal durability and also due to daily instructional and creative contacts with the local audience, mostly represented by middle-link editors.

Key words: CIS; media; mass media; media space; printed press; TV; radio; Russian journalism.

На протяжении ряда лет профессорско-преподавательский состав МГЛУ принимает участие в межгосударственных программах по продвижению русского языка и культуры в странах, образованных в республиках бывшего Советского Союза. В частности, ППС кафедры журналистики направлялись в продолжительные командировки

в страны СНГ; Киргизию, Армению, Белоруссию, Молдавию, Казахстан и Азербайджан. Их миссия определялась как «Журналистика на русском языке» (курсы переподготовки для медиа персонала из стран СНГ).

Эффект данного проекта оказался весьма неожиданным для двух сторон: и для журналистов стран Содружества, и для организаторов проекта. Оказалось, что за 20 лет существования СНГ это была первая экспедиция журналистов, ученых, представителей университетов России, которые беседовали со средним редакторским звеном стран Содружества по вопросам журналистики, медиастандартов, выработанных в российской профессиональной журналистике. Интерес со стороны местных профессионалов массмедиа оказался настолько высоким, что они просили даже прорецензировать свои издания. В самом этом факте проявился чрезвычайно высокий уровень доверия к тем, кто прибывает из Москвы.

Предыстория проблемы

Прежде чем понять, какова значимость этих мероприятий, следует обратиться к истории вопроса.

В начальный период формирования Содружества Независимых Государств, естественно, ставилась задача создания общего информационного пространства. Помимо общего информационного пространства, следовало определиться и создавать общие сферы сотрудничества – политическое, правовое пространство, экономическое, военное и другие. Журналистские усилия могли бы объективно способствовать развитию интеграционных процессов по всем направлениям межгосударственного сотрудничества в рамках постсоветских республик. СМИ для этого обладают необходимым информационно-организаторским потенциалом.

В 1993 г., буквально день в день с основанием Содружества как такого, уже ставился вопрос о том, чтобы создать единую концепцию информационного пространства стран СНГ. Основы информационного взаимодействия высших органов власти стран СНГ изложены в подписанном в сентябре 1993 г. «Соглашении об информационном обеспечении выполнения многосторонних соглашений» [Соглашение об информационном обеспечении выполнения многосторонних соглашений, 1993. URL : docs.cntd.ru/document/1901994].

С первого взгляда проблема представляется несложной, а именно: имеется общая база, предпосылки для медийного взаимодействия, доставшегося в наследство от информационного единства на территории бывшего СССР.

Тем не менее на практике в условиях СНГ вопрос с самого начала продвигался довольно сложно. Только через три года после образования Содружества – в 1996 г., на Совете глав – государств СНГ утверждается «Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств». Под текстом документа поставили подписи представители девяти стран СНГ: Азербайджана, Армении, Беларусссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России и Таджикистана [Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств, 1996 г. URL : www.cis.minsk.by/page.php?id=7548].

Концепция провозглашала довольно широкий перечень вопросов и сфер по выработке профессиональных стандартов в информационном пространстве стран Содружества. Это:

- формирование и развитие информационного пространства СНГ;
- развитие нормативно-правовой базы взаимодействия в информационной сфере;
- повышение эффективности информационного взаимодействия в согласованных сферах;
- развитие социальных и культурных связей;
- защита национальных интересов в сфере информации и информатизации [Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств, 1996 г. URL : www.cis.minsk.by/page.php?id=7548]

В рамках СНГ взаимодействие средств массовой информации объективно имеет большой созидательный потенциал, так как конкуренция между масс-медиа здесь осуществляется фактически только на публицистическом уровне и служит всестороннему формированию общего информационного пространства. Ведь «от того, насколько точна и своевременна будет информация о путях экономических преобразований, зависит эффективность проводимой политики во всех областях» [Толстик 2010, с. 8].

Основными принципами можно назвать: добровольность и взаимопомощь, правовую гарантированность и ответственность за принятые

обязательства. «Важнейшим объединяющим фактором постсоветских стран является создание общего пространства гуманитарных ценностей путем реализации совместных долгосрочных программ в области культуры, науки, образования и средств массовой информации», – отмечается в публичных выступлениях руководства Белоруссии. Основной задачей массмедиа становится организация полноценного диалога власти и людей, формирование общественно-политического мнения. Массмедиа должны «служить индикатором настроений общества, препятствовать проникновению деструктивных идей [Макей 2010, с. 5].

Но оказалось, что вопрос заключался в том, что «Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств» носила рекомендательный характер и представляла собой лишь систему согласованных взглядов на цели и приоритеты в сферах сотрудничества участников СНГ в развитии межгосударственных информационных обменов. Документ рекомендательного характера требует утверждения со стороны каждого из этих государств. Россия была в числе первых, она, по сути дела, подготовила документ, который предусматривал со стороны России расширять сотрудничество со СМИ государств СНГ [Указ Президента Российской Федерации от 27 декабря 1993 г. № 2293].

Другие государства, к сожалению, не спешили следовать российскому примеру, хотя «Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств» определяла конкретные сроки реализации – к 2000 г. Однако, к сожалению, этого не произошло. По мнению аналитиков, оказались разными скорости и направления движения государств СНГ в своем развитии, и поэтому достижение общих точек соприкосновения в медиасфере с каждым годом становилось все более проблематичным.[Коростелева 2000. URL : elib.me/informatsionnoe-pravo-nauka/edinoe-informatsionnoe-prostranstvo-ponyatie-47739.html]

В середине 2000-х гг. стало ясно, что реализация Концепции провалилась.

Основная причина этого, на наш взгляд, кроется в том, что далеко не все руководители государств Содружества заинтересованы в реальной интеграции своих государств в единое пространство (информационное, правовое, экономическое и т. п.). Как итог – процесс развития государств – участников СНГ не оказался линейным, и скорости

вхождения каждого из государств, том числе, в мировое информационное пространство на практике значительно разнились.

Тем не менее проблема создания единых информационных стандартов на просторах СНГ не теряла своей актуальности. К тому же появились примеры создания действенных совместных структур. В частности, в военной сфере. Довольно успешно развернула свою деятельность Организация договора о коллективной безопасности стран СНГ – систематически проводятся встречи министров обороны, заседания начальников генеральных штабов армий стран Содружества, военные учения. Получает развитие Таможенный союз и другие совместные инициативы.

На этом фоне продолжаются попытки сплочения и информационных ресурсов стран Содружества. Правда, не в прямой постановке вопроса. А через решение смежных задач межгосударственной интеграции. В подписанном в 2005 г. Соглашении о гуманитарном сотрудничестве государств – участников СНГ стороны договорились принять меры по укреплению взаимодействия средств массовой информации в целях «формирования в мировом сообществе объективного и полного представления о социально-политической, экономической и культурной жизни стран Содружества; создания с учетом национального законодательства условий для деятельности средств массовой информации любой Стороны на территории каждой из сторон» [Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств, 2005. URL : docs.cntd.ru/document/902010100].

Уже через два года в 2007 г. в «Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств», в плане мероприятий по ее выполнению появляется отдельный пункт, призывающий и обязывающий журналистов СНГ разработать конкретные мероприятия, направленные на формирование межгосударственных информационных каналов, на обеспечение свободного обмена печатными изданиями, телерадиопродукцией, взаимной доступностью медиаресурсами [Решение о Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плане основных мероприятий по ее реализации. URL : www.cis.minsk.by/page.php?id=18763].

Все эти факты говорят о том, что в СНГ сохраняется понимание того, что необходимо формировать единое информационное

пространства, позволяющего развивать деловое сотрудничество во всех областях политической, экономической и культурной жизни. По словам корифея отечественного журнализма, основателя первой демократической газеты новой России Виталия Третьякова, «без единого информационного пространства удержать все другое единство нереально. Без этого интеграция государств СНГ становится весьма проблематичной».

Односторонняя медиаэкология

Нельзя сказать, что попытки создания общего информационного пространства оказались совсем безрезультатными. Кое-что все же удалось сделать. Наиболее значимое достижение – создание Международной радиотелекомпании «Мир». Сегодня в ежедневном эфире действуют одна радиостанция и два телеканала «Мир» и «Мир-24». Вещание практически всемирное с использованием спутников-ретрансляторов, в бывших республиках СССР налажены и аналоговые трансляции. Аудитория – более, чем 100 млн чел.

Журналистская работа построена методом эфирного ассорти: ведущие теле- и радиостанции постсоветских республик готовят информацию на местном материале и перегоняют в московский центр МРТК на Шаболовке, 25. Здесь она обрабатывается и сбивается в цельные программы и выпуски. Канал «Мир-24» специализируется на новостных программах.

Вместе с тем при таком положении вещей о выработке единых информационных стандартов можно говорить весьма условно, поскольку они применимы лишь к одному из информационных средств на просторах СНГ. А если учесть, что только в одной стране Содружества – Киргизии, относительно небольшой по территории и населению (немного больше пяти млн чел.) – зарегистрировано более трех тысяч СМИ, становится понятно, что проблема практически остается нерешенной для всего журналистского корпуса СНГ в целом.

Предпринимались активные попытки создать единую газету для стран СНГ. Но, к сожалению, они оказались тщетными. Удалось учредить интернет-газету по проблемам Содружества – «ГазетаСНГ.ру». В Российском агентстве международной информации «РИА-Новости» (с 2013 г. – Международное информационное агентство «Россия сегодня») было создано специальное подразделение, распространяющее

информацию о СНГ и для СНГ – «Содружество». Такой подход к формированию единого информационного пространства представляется весьма односторонним и не претендующим на степень всеохватывающего.

Известно, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Осознавая важность и актуальность информационной проблемы, с середины нулевых годов за дело берется журналистский актив, объединенный под знаменами союзов журналистов своих стран Содружества. Начиная с 2006 г. четырежды проводятся ежегодные форумы национальных СМИ стран СНГ и Балтии. Затем потенциал совместных встреч исчерпал себя. В дальнейшем международные встречи представителей журналистского цеха стали проводится в самом широком формате, где составляющая СНГ-проблематики и СНГ-представительства оказалась размытой глобальными, планетарным подходами.

В этот же период состоялась презентация Пресс-клуба СНГ. Проект предусматривал активное взаимодействие «с ведущими высшими учебными заведениями стран СНГ, готовящих будущих журналистов. Школы, пресс-клубы и форумы хотя и провозглашают обмен опытом работы журналистов из разных стран СНГ, но по сути декларативны и бессистемны. Кратковременность пребывания на подобного рода мероприятиях не предоставляет полноценных возможностей для поиска и формирования общих точек соприкосновения в информационном пространстве стран СНГ, что требует кропотливой работы.

Иными словами, выработка общих подходов на системной основе практически пробуксовывает. По мнению аналитиков, негативным последствием для журналистики стран СНГ является то, что «средства массовой информации стран СНГ не уделяют должного внимания международной тематике в целом и проблематике взаимоотношений на постсоветском пространстве в частности» [Залесский 2011, с. 251–258].

Таким образом, создание единой медиасреды, являющейся составной частью общего информационного пространства, оказывается на периферии внимания. Между тем именно национальные СМИ, как мощный инструмент воздействия на общественное мнение, способны играть ключевую роль как в интеграционных, так и в дезинтеграционных процессах на постсоветском пространстве, что в профессиональной литературе именуется емким понятием медиаэкология, т. е.

создание СМИ общественно-политического фона для проведения совместных масштабных кампаний и мероприятий.

Еще один подход к старой проблеме

Учитывая эти и другие сложности в реализации концепций и правительственных решений по созданию единых стандартов в информационном пространстве стран СНГ, коллектив ученых Московского государственного лингвистического университета предлагает свои подходы к решению этой проблемы.

Ученые отнюдь не схоластики, имеют значительный практический опыт работы в качественных российских СМИ, являются авторами публицистических и научных работ, получивших высокие оценки общественности. Их студенты постоянно занимают высокие призовые места на конкурсах молодежных СМИ федерального масштаба.

Отличительными чертами программы переподготовки журналистов стран СНГ «Журналистика на русском» можно назвать системность обучения и работу в непосредственном контакте с аудиторией.

В целях наиболее полной и разносторонней реализации проекта потребовалось создать неформальный межкафедральный совет. То есть объединить усилия трех кафедр университета: собственно журналистики, а также близких по направлениям обучения – политологии и мировой культуры.

По отдельному плану работала университетская кафедра русского языка и теории словесности, являющаяся одним из равноправных участников проекта «Журналистика на русском». По сути ее усилия были направлены на решение редакторских аспектов журналистской работы, в то время как представители кафедры журналистики сосредотачивались на авторских направлениях массмедиа.

Межкафедральный совет разработал 11 лекций и 15 планов проведения семинарских и практических занятий. Подготовленный фонд почти вдвое превышал объем учебного времени, что создавало возможность варьирования темами лекций и практическими заданиями в зависимости от специфических особенностей СМИ в той или иной стране СНГ.

Прежде всего поднималась проблема состояния и развития современной российской журналистики. Наряду с этим углубленно рассматривались особенности освещения и методологические подходы

к анализу материалов по внутренней и, что особенно важно, для журналистов стран СНГ – международной политике России, а также противодействию национализму, экстремизму и терроризму. В ходе выполнения практических заданий основное внимание уделялось отработке практических навыков редакционной работы, свойственных качественным российским СМИ. Курс обучения рассчитан на среднее звено редакционных сотрудников – наиболее массовое в СМИ.

Ниже представлен опыт работы на курсах повышения квалификации в Киргизии и Армении. В известной мере он является типичным для аналогичных выездов в Молдавию, Азербайджан, Казахстан и Белоруссию.

В Бишкеке на курсах повышения квалификации «Журналистика на русском: современное состояние и тенденции развития» для сотрудников русскоязычных СМИ повысить свою квалификацию смогли представители ведущих республиканских СМИ – газет «Вечерний Бишкек», «Для Вас», «Чуйские известия», «Аргументы и факты – Кыргызстан», информагентства 24.kg, vesti.kg, CA –News, topnews.kg, «Россия в Кыргызстане», Russkg.ru, журнал «Деловой собеседник», ТВ «5 канал» (помимо среднего редакционного звена, присутствовали также главные редакторы и их заместители). Кроме того, в числе участников – деканы, преподаватели и аспиранты Бишкекского гуманитарного университета и Киргизско-российского славянского университета. Интерес к курсам нашел отражение и в количестве слушателей: вместо заявленных 25, присутствовали 50 чел.

Курсы проходили в Российском центре науки и культуры. По итогам обучения все участники курсов, успешно освоившие учебную программу, получили сертификаты МГЛУ о повышении квалификации.

Во время лекций и практических занятий слушатели проявляют высокую активность. Наибольший интерес вызвают проблемы особенностей контента качественной российской журналистики, способов и форм подачи материалов в печатных и интернет-СМИ. Менее детально рассматриваются вопросы использования иллюстраций, в частности фото, а также других оформительских элементов печатной и интернет-продукции. В ходе работы выполняются практические задания. По просьбе слушателей рецензируются местные СМИ.

Чтение курса по русскому языку было сосредоточено в области фоновых знаний и прецедентных феноменов, «напряженных» точек

современной нормы. Особый интерес вызвали трудные случаи орфоэпической, а также лексической и фразеологической норм. Проводятся комплексные тесты, выявляющие общий уровень владения современным русским языком. К сожалению, в силу ограниченности во времени, как правило, остаются нерассмотренными вопросы о типах речевой культуры и этнических стереотипах в аспекте межкультурной коммуникации.

Аудиторию также интересуют политические вопросы внутренней и внешней политики РФ, в частности проблема Крыма в международном аспекте и позиция России, внутриукраинский конфликт, особенности взаимоотношений с США и странами Евросоюза, азиатскими государствами. Обсуждались межнациональные отношения, в том числе их проецирование на ситуации в Кыргызстане[1].

Повышение квалификации журналистов в Армении проходит на базе Российско-Армянского (Славянского) Университета. Общее число слушателей – более 40 чел. Среди них – представители СМИ г. Еревана, молодые ученые, аспиранты, магистры и бакалавры факультета

[1] Московский лингвистический университет проведет курсы для журналистов в Бишкеке // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. 11.11.2014. URL : pravfond.ru/?module=news&action=view&id=2708 ; Журналисты киргизских СМИ повысили квалификацию // Русский век. Портал для российских соотечественников. 14.11.2014. URL : www.ruvek.ru/?module=news&action=view&id=15145; Курсы повышения квалификации Московского государственного лингвистического университета для журналистов Киргизии // Российское образование для иностранных граждан / Министерство образования и науки Российский Федерации. 13.11.2014. URL : www.russia.edu.ru/news/7527/ ; Курсы повышения квалификации МГЛУ для журналистов Киргизии // Координационный Совет Российских Соотечественников в Кыргызстане. 12.11.2014. URL : www.korsovet.kg/new/KURSI_POVIShENIYa_KVALIFIKATsII_MGLU_DLYa_GURNALISTOV_KIRGIZII ; Курсы повышения квалификации «Журналистика на русском: современное состояние и тенденции развития» в Бишкеке // Россия в Кыргызстане. 15.11.2014. URL : www.rusinkg.ru/article/5-sobytiya/3597-kursy-povysheniya-kvalifikatsii-zhurnalistika-na-russkom-sovremennoe-sostoyanie-i-tendentsii-razvitiya-v-bishkeke ; Журналистика на русском: современное состояние и тенденции развития // TIME.KG. 06.11.2014. URL : www.time.kg/novoe-vremya/7657-zhurnalistika-na-russkom-sovremennoe-sostoyanie-i-tendencii-razvitiya.html

журналистики РАУ. По итогам обучения все участники курсов, успешно освоившие учебную программу, получают сертификаты МГЛУ о повышении квалификации.

Во время лекций и практических занятий по журналистике слушатели проявляют высокую мотивацию к обучению. Наибольший интерес вызывает анализ современных трендов в отечественной журналистике. В ходе работы проводится мастер-класс «Роль заголовка в современных российских СМИ». В ходе других занятий слушатели выполняют практические задания, участвуют в дискуссиях, готовят доклады.

Чтение курса по вопросам современного русского языка сосредоточено на вопросах, близких к актуальной редакторской работе. В начале курсов слушатели выполняют диагностический тест на знание русского языка. Результаты как правило отражают невысокий уровень владения русским языком у журналистов. В ходе последующих занятий анализируются сложные явления в русском языке, ставятся проблемы стилистики, отрабатываются практические навыки с помощью ряда специальных упражнений. По итогам курсов обучающиеся выполняют комплексный тест на знание русского языка, удовлетворительно справившись со всеми предложенными заданиями[1].

Характеризуя эффективность проведенных курсов как в Бишкеке, так и в Ереване, следует отметить, что они получили высокую оценку представительства Россотрудничества как в Армении, так и в Киргизии, а также широко освещались соответственно в киргизской и армянской прессе.

Проект «Журналистика на русском» представляется удачным к большому удовлетворению как представителей русскоязычных медиа в странах СНГ, так и ученых – практиков из России. Его реализация была бы невозможна еще без трех акторов – Россотрудничества,

---

[1] В Ереване стартует программа повышения квалификации для журналистов стран СНГ // NovostiNK. Ежедневные новости. 10.11.2014. URL : novostink.ru/armenia/90861-v-erevane-startuet-programma-povysheniya-kvalifikacii-dlya-zhurnalistov-stran-sng.html ; <META> Новости. URL : ru.news.meta.ua/metka:%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82/

Института русского языка им. А. С. Пушкина и представителей СМИ стран СНГ, которые испытывают очевидный профессиональный голод в общении со своими российскими коллегами.

Данные курсы отличаются от других мероприятий по созданию единых стандартов в информационной среде, прежде всего, своей системностью, адресностью, а также тем, что в наименьшей степени препятствовали слушателям ежедневному выполнению их прямых обязанностей в журналистском коллективе. Иначе говоря, осуществлялось обучение без отрыва от производства, при этом исключены другие отвлекающие от учебы факторы.

У этой формы и вида переподготовки имеется высокий потенциал и, следовательно, перспективы. Общее пожелание слушателей курсов проводить их не реже двух раз в год. Что тоже подчеркивает необходимость сохранения системности в организации подобных встреч.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Актуальные проблемы информационного права / гл. ред. С. В. Коростелева : материалы Круглого стола. Т. 2. М. : ИМПЭ, 2000.

В Ереване проходят курсы повышения квалификации для журналистов стран СНГ // Новости зарубежья. Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. 13.11.2014. URL : pravfond.ru/?module=news&action=view&id=2725

В РАУ стартовали курсы повышения квалификации для журналистов стран СНГ. URL : www.rau.am/rus/news/3284

Залесский Б. Л. Средства массовой информации и формирование единого информационного пространства Содружества Независимых Государств // Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы VIII Международной научно-практической конференции Казань, 20–22 октября 2011 г. / под ред. В. З. Гарифуллина, Р. П. Баканова. Казань : Казан. ун-т, 2011. С. 251–258.

Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств.18 октября 1996 года. URL : www.cis.minsk.by/page.php?id=7548

Макей В. В. Современные массмедиа – важнейший инструмент формирования общественного мнения. Выступление Главы Администрации Президента Республики Беларусь на V Белорусском международном медиафоруме // Беларуская думка. 2010. № 6. С. 4–7.

Решение о Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плане основных мероприятий по ее реализации. URL : www.cis.minsk.by/page.php?id=18763

Соглашение об информационном обеспечении выполнения многосторонних соглашений. URL : docs.cntd.ru/document/1901994

Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств, 2005. URL : docs.cntd.ru/document/902010100

Столяров Н. Журналисты из стран СНГ, пишущие на русском, повышают квалификацию в Ереване // Русский мир. 14.11.2014. URL : russkiymir.ru/news/155463/

Толстик И. А. Медиасфера в системе международной интеграции. Минск : Право и экономика, 2010. 235 с.

Указ Президента Российской Федерации от 27 декабря 1993 г. № 2293 «Вопросы формирования единого информационно-правового пространства Содружества Независимых Государств» . URL : www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_65349.html

УДК 008

Н. В. Афанасьевская
соискатель кафедры мировой культуры ФГН МГЛУ;
e-mail: afanassievskaya@gmail.com

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ФОТОГРАФИИ

Цель данной статьи – доказать целесообразность постановки проблемы семиотики фотографии, определить границы языка фотографии, а также разработать алгоритм семиотического анализа фотографии. Фотография рассматривается как текст, благодаря чему выявляются отдельные элементы для анализа, уровни, на которых рассматривается фотография, особенности фотографического дискурса, а также затрагивается вопрос о роли фотографа. Проводя аналогию с лингвистикой, изучается своеобразие языка фотографии, его универсальность, что дает возможность выработать систему анализа фотографии для выявления ее ценности, уникальности, авторского замысла. На примере фотографии А. Картье-Брессона из альбома «Москвичи» показан механизм семиотического анализа фотографии.

Ключевые слова: фотография; язык; семиотика; дискурс; семиотический анализ; текст.

N. V. Afanasevskaia
Postgraduate, Department of World Culture, Faculty of the Humanities, MSLU;
e-mail: afanassievskaya@gmail.com

TO THE QUESTION OF THE PHOTOGRAPHY LANGUAGE

The purpose of this article is to prove the feasibility of posing the problem of photography semiotics, to determine the boundaries of the photography language, and to develop an algorithm for semiotic analysis of photography. The photograph is considered as a text, and due to this separate elements for analysis, the levels at which photography is viewed, the features of photographic discourse are revealed. The article also touches upon the role of the photographer. Drawing an analogy with linguistic we study the originality of the photography language and its universality, which makes it possible to develop a system for analyzing photographs in order to reveal its value, uniqueness, and the author's intention. The example of H. Cartier-Bresson's photo from the album "People of Moscow" shows the mechanism of semiotic analysis of photography.

Key words: photography; language; semiotics; discourse; semiotic analysis; text.

Как известно, проблемами знака занимались со времен Античности, однако семиотика является сравнительно новой наукой. Она изучает коммуникативные системы и проблемы, связанные с хранением и передачей информации. При проведении семиотического исследования все феномены рассматриваются как акты коммуникации, а отдельные сообщения становятся понятными в соотнесении с определенным кодом. «Семиотика заставляет видеть всеобщую связь между принципами организации языка, материальной и духовной культуры» [Степанов 2015, с. 13].

Изначально семиотику рассматривали как часть лингвистики, чтобы изучить, каким образом язык концептуализирует естественный мир. Однако со временем границы семиотики расширились, и появились такие направления в изучении знаковых систем, как биосемиотика, этносемиотика, абстрактная семиотика, семиотика архитектуры.

Ю. Степанов полагал, что «семиотику искусства вряд ли можно считать особой самостоятельной отраслью семиотики, по крайней мере в настоящее время, когда недоказанным и непоказанным остается характер искусства и литературы как знаковых систем» [Степанов 2015, с. 26]. Однако Ю. Лотман считает, что «произведения искусства представляют собой чрезвычайно экономные, емкие, выгодно устроенные способы хранения и передачи информации» [Лотман 2010, с. 10].

На наш взгляд, изучение семиотики фотографии представляет огромный интерес и несет в себе определенный потенциал для исследователей в силу своеобразия фотографии и ее неопределенного статуса. Фотография традиционно занимает особое место среди видов искусства, строго говоря, далеко не все исследователи вообще считали ее искусством в силу механического характера фотографирования, а также в силу возможности ее многократной воспроизводимости. Кроме того, не до конца ясной остается роль «автора»: он определяет композицию, может менять четкость, свет, но не может «фальсифицировать» реальность, он лишь выбирает момент, который следует запечатлеть. Несмотря на все споры, единственное, в чем сходятся все исследователи, – это то, что фотография отображает действительность, несет в себе определенную информацию, а, следовательно, может быть рассмотрена с позиций семиотики.

Передача информации требует одного непременного условия – знака. Понятие знака, которое одновременно разрабатывалось

и лингвистами, и математиками, и логиками, стало фундаментальным понятием семиотики, которую не случайно чаще всего называют наукой о знаковых системах [Лотман 2010, с. 9].

Любой знак, по аналогии с лингвистикой, имеет сложную структуру. Он непосредственно связан с денотатом (предметом) и понятием (смыслом, концептом), который он отображает. В связи с этим встает проблема соотношения содержания и выражения. Например, на фотографии, взятой из рекламы, капли на стенках кружек означают температуру напитка (прохладу), а множество рук, держащих кружки, – теплую компанию, дружескую атмосферу. То есть знак (в данном случае на фотографии) способен отражать реальность не прямо и реалистично, а посредством интерпретации. Эта система знаков является довольно гибкой, фотографические знаки до определенного уровня условны и их сложно классифицировать. Кроме того, фотография сама по себе может являться знаком. Для того чтобы проанализировать фотографию, а именно – интерпретировать фотографические знаки, по нашему мнению, целесообразно рассмотреть фотографию как текст, проанализировать ее язык.

По словам Р. Барта, семиология обречена ступать след в след за лингвистической моделью [Французская семиотика…, с. 249]. Основываясь на этом положении, рассмотрим особенности языка фотографии.

Так же как и в языке, в фотографии может наблюдаться оппозиция означающее / означаемое. Фотография также выражает концепты реальности, формирует концептосферу человека, причем визуальные образы иногда лучше и отчетливее отражаются в сознании, чем текст, легче запоминаются, рождают ассоциации.

И если языком можно назвать «систему, которая объясняет сама себя путем последовательного разворачивания все новых и новых конвенциональных систем» [Эко 2006, с. 68], то, безусловно, целесообразно говорить и о языке фотографии. Причем именно язык фотографии должен быть исследован в первую очередь.

Фактически подмена термина «язык» термином «код» совсем не так безопасна, как кажется. Термин «код» несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще. «Язык» же бессознательно

вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык - это код плюс его история [Лотман 2010, с. 15].

Для фотографии, как для культурного и социального объекта, это утверждение как нельзя верно.

По аналогии с естественным языком (если считать семиотику частью лингвистики) необходимо выявить элементарные структуры фотографии. Однако не всегда между естественным языком и языком фотографии можно поставить знак равенства. По словам Степанова, существует возможность замещения одного пространственного языка другим. Говоря о языке жестов, он проводит аналогию между строением категорий словесных и несловесных языков, устанавливает единство их иерархической структуры [Степанов 2015, с. 67].

Однако замена одного языка (естественного) другим не может происходить без определенных трудностей.

«Случай перевода с языка художественной прозы на язык кинематографа является одной из наиболее усложненных реализаций второго варианта, ибо общность языка художественной прозы и кино – мнимая. Трудности здесь не уменьшаются, а возрастают. Игнорирование этого – источник многочисленных неудач экранизаций» [Лотман 2010, с. 16]. Кроме того, остается открытым вопрос об универсальности языка фотографии.

М. Г. Дондеро (Maria Giulia Dondero) не разделяет мнение о том, что язык фотографии является универсальным, способным разрушить все культурные границы. Иногда фотография нам кажется естественной, потому что мы ее воспринимаем посредством стратегий, к которым мы привыкли благодаря нашим культурным особенностям. Иконичность понимается всегда внутри культуры, внутри различных систем выражения и обозначения. Это внутрикультурный, а не универсальный феномен. Утверждение, согласно которому фотография лишь отображает, ничего не изобретая, подразумевает, что смысл изображения сводится к предъявлению разрозненных объектов мира, которые можно узнать и назвать [Sémiotique … 2011].

«Говоря о фотографии, нельзя забывать, что любой язык, как и любая знаковая система, должен иметь организацию. С лингвистической точки зрения любое высказывание может быть описано на нескольких уровнях: фонетическом, фонологическом, грамматическом, контекстуальном. Эти уровни связывают отношения иерархического

подчинения; хотя они все обладают своим собственным набором единиц и собственными правилами их сочетания, что и позволяет описывать их раздельно, ни один из этих уровней не способен самостоятельно порождать значения: любая единица, принадлежащая известному уровню, получает смысл только тогда, когда входит в состав единицы высшего уровня … Между ними могут быть отношения дистрибутивные (между единицами одного уровня) и интегративные (между единицами разных уровней). Дистрибутивные отношения сами по себе не способны передать смысл» [Французская семиотика…, с. 201].

Если говорить о фотографии, то, уподобляя ее языку, можно также выделить различные уровни, где фонетическому уровню будет соответствовать уровень пикселей, цветовых или световых пятен. Уровень грамматики – это структура, т. е. композиция, кадрирование, основные формы. Лексическому уровню будут соответствовать объекты фотографии, изображенные на ней предметы и персонажи. При этом, как и в тексте, стиль фотографии многое определяет в выборе средств выражения на разных уровнях (использование метафоры, синонимов, цитирование визуальных символов). Однако, как и в естественном языке, целесообразно рассматривать также уровень дискурса, т. е. воспринимать фотографический снимок как единое целое, направленное на достижение определенных коммуникативных целей автора.

Сам дискурс (как совокупность предложений) определенным образом организован и предстает в качестве сообщения, построенного по правилам языка более высокого порядка, нежели тот, который изучают лингвисты: дискурс располагает собственным набором единиц, собственными правилами, собственной «грамматикой» [Французская семиотика ... с. 199].

Это утверждение будет верно и для фотографии. Но фотографический дискурс, как и в случае искусства, имеет свои особенности.

Фотографическое изображение, как и любое другое высказывание, представляет собой систему, синификативную структуру, которая устанавливает особые связи между планом выражения и планом содержания посредством высказывания. Изображение, как и вербальный текст, не является простой суммой знаков, а обладает синтаксисом, который, в свою очередь, является частью дискурсивной организации. Одно и то же изображение воспринимается по-разному, исходя из различных ситуаций, социального статуса, вариантов употребления.

Фотография – это также объект культуры, функционирующий в пределах своего социального статуса. Например, пейзаж на рекламном плакате, в статье об экологии, в альбоме личных фотографий, на выставке, в научном издании будет иметь совершенно разные функции. Точно так же, как и портрет: фотография в паспорте имеет целью лишь идентификацию личности, вставленная в рамку в домашней обстановке – вызывать сентиментальные воспоминания, на выставке – вызывать эстетические чувства и т. д.

Некоторые фотографии могут изучаться в связи с ролью, которую они играют в формировании идеологических, культурных и иных сообществ. Здесь важен интеркультурный аспект. Восприятие не только иных культурных реалий, а также способ их запечатления, несущий черты определенных культурных традиций, также является материалом для исследования.

Будем исходить их того, что каждое фотографическое изображение – это текст, функционирующий в данной ситуации, имеющий определенный статус. Каждая его интерпретация при восприятии связана с предыдущим опытом наблюдателя.

В этом случае смысл фотографии связан с историей ее создания. Она трансформирует фотографа и зрителя в свидетелей произошедшего.

В момент совершения снимка фотограф и фотоаппарат связаны друг с другом. Фотограф также является важным элементом системы. Он выбирает, фокусирует объект. Фотография – это не только запечатление определенного момента этого мира, это также и место в этом мире, занимаемое фотографом.

Если, по мнению Беньямина, фотография – лишь механический процесс, то по мнению М. Г. Дондеро, роль фотографа видна даже по четкости или размытости изображения: размытость – результат движения фотографа, тем самым он нарушает «стабильность» мира с целью большей выразительности. Смотря на фотографию, наш взгляд сливается со взглядом фотографа [Sémiotique … 2011].

То есть целесообразно говорить не только о языке фотографии, но и о языке фотографа, благодаря которому фотография всегда будет иметь несколько субъективный характер, несмотря на всю свою объективность.

Несмотря на это, изображение может принимать значения, отличные от того, которое имел в виду фотограф. В этом состоит одно из отличий фотографии от текста.

Фотография всегда несет в себе своего рода неопределенность. Одно и то же изображение может употребляться как аргумент за и против. Например, в случае появления фотографии в прессе, она выступает доказательством произошедшего. Причем одна и та же фотография может быть воспринята по-разному в зависимости от идеологии, политической позиции.

Опираясь на все вышеизложенное, можно выработать алгоритм анализа фотографии. Прежде всего следует вычленить элементы для анализа:

- пиксели, световые (цветовые) пятна;
- объекты и предметы, люди;
- композиция, структура;
- художественная образность, приемы выразительности;
- фотография как текст, уровень дискурса.

Далее целесообразно определить:

- статус и режим функционирования фотографии;
- цели и задачи, которые преследовал фотограф;
- функции фотографии и ее социальную роль;
- найти на фотографии символы и знаки;
- обозначить культурный и исторический контекст.
- раскрыть особенности восприятия и интерпретации фотографии.

Причем вышеперечисленные пункты могут относиться как ко всей фотографии в целом, так и к отдельному ее элементу.

В качестве примера возьмем фотографию французского фотографа А. Картье-Брессона, сделанную в СССР в 1950-е гг.

Фотографию нельзя назвать мрачной, основной тон, скорее, светлый (это и здания, и плащ дамы на переднем плане, и небо, слегка покрытое облаками, и отблески крыш проезжающих машин. Темных пятен немного, однако они притягивают взгляд (часы, спина женщины и одежда наклонившегося мужчины, занятого ремонтом машины) и заставляют рассмотреть фотографию более детально.

На фотографии изображен знакомый всем москвичам вид на Казанский вокзал. Здание вокзала, высотки и другие здания, однозначно указывающие зрителю на город, составляют задний план кадра. Середину занимает вереница машин. А на переднем плане идет оживленная торговля цветами. Композиция фотографии построена таким образом, что наше внимание привлекает не только дама на переднем

плане, хотя ее можно считать и кульминационной точкой работы, взгляд зрителя блуждает, останавливаясь то на здании, то на цветах, то на деталях костюма. Кадр насыщен персонажами, образами и предметами. Они интересны каждый в отдельности, и, вместе с тем, составляют целостную гармоничную композицию.

На этом кадре ничего не случайно: выражения лиц, позы людей, стоящие или движущиеся автомобили, архитектурный ансамбль. Фотография в целом, безусловно, несет в себе информацию разного рода, переданную напрямую или закодированную. Для того чтобы ее вычленить, необходимо изучить то, как эта фотография создавалась и то, как ее восприняли зрители.

Это одна из фотографий А. Картье-Брессона из альбома «Москвичи», сделанная во время его поездки в СССР в 1950-е гг. Фотограф имел цель – показать западному зрителю жизнь далекой и загадочной страны. Показать людей на улицах, таких похожих и непохожих. То есть эта фотография, появившаяся на выставке в одной из европейских столиц, могла удивлять, шокировать, возбуждать любопытство, но никак не оставлять равнодушными.

Позитивный настрой фотографа читается во многих деталях: светлый фон, широкая улица, движение, цветы, открытое лицо на переднем плане. Линейная перспектива придает кадру движение и динамику. Даже телеграфные провода, обычно мешающие фотографам, придают снимку определенную графичность, подчеркивают динамичный образ оживленной улицы.

Как и все фотографии А. Картье-Брессона, фотография не является постановочной. Случайная сцена на улице, невольным свидетелем которой становится зритель, переносит его в определенное время (об этом можно догадаться, например, по маркам машин) и место (на что указывает узнаваемая архитектура). Люди на фотографии, оказавшиеся на улице в данный момент случайно, не позируют явно, каждый занят своим делом: женщины продают цветы, мужчина на заднем плане чинит машину, половина фигур на снимке наклонены, они заняты работой, не обращая внимания на происходящее вокруг. Лишь дама на переднем плане обернулась и смотрит практически в объектив. Ее внешний вид заметно контрастирует с остальными: на ней модное пальто светлых тонов, шейный платок, шляпа, в отличие от женщин, торгующих цветами в платках на головах и одетых намного

скромнее. Она держится прямо, видно, что куда-то спешит, но вместе с тем успевает пококетничать с незнакомым фотографом. Ее образ заметно контрастирует с остальными, по манере держаться и внешнему виду можно судить о социальных различиях, а может, и материальном благосостоянии.

Выразительности фотографии добавляют, несомненно, цветы: они в руках у торговок, в вазах, прямо не земле. Они такие же разные, как и люди: нарядные и праздничные, или выброшенные на землю с оторванными лепестками.

Фотография в целом, как и отдельные ее детали, позволяет познакомиться с жизнью Москвы и ее жителей. Фотограф, подсмотрев тайком, показывает зрителю обычных людей, живущих своей жизнью. Фотография заставляет задуматься над тем, как живут эти люди, что их волнует и занимает, домыслить происходящее за кадром.

Если говорить о символах, то наряду с цветами, позами людей и деталями одежды, можно назвать высотные здания как символ эпохи, а также автомобили, в основном устремленные куда-то вдаль, за исключением нескольких стоящих на первом плане, один из которых нуждается в ремонте.

Фотография явно указывает на определенную историческую эпоху, несет в себе определенную историческую и культурологическую информацию, которую зритель может воспринять совершенно поразному, исходя из того, в каком месте и в какое время он живет.

Необычность этих фотографий заключалась в том, что А. Картье-Брессон был первым западным фотографом, поехавшим делать снимки в СССР. В силу различных, в том числе и политических, причин западный зритель того времени имел весьма смутное представление о нашей стране. Поэтому эти фотографии были, по сути, откровением, посланием. А фотограф выступил в роли посредника, обеспечив диалог культур между Россией и Францией (а затем и другими странами). Посмотрев на эти непостановочные фотографии, зрители смогли приблизиться к России, увидеть не холодную, чуждую культуру, а, безусловно, разных, но открытых и интересных людей, архитектуру, движение жизни. Таким образом, данная фотография являлась как бы средством межкультурной коммуникации, сыграла большую роль.

Итак, чтобы проанализировать фотографию, необходимо рассмотреть ее на всех уровнях, выявить специфику, функции, цели, статус,

социальную роль, культурный контекст, учесть особенности ее создания и функционирования, а также особенности восприятия изображения (отсылки к прошлому опыту, ассоциации). Детальный семиотический анализ фотографии дает возможность понять всю ее ценность, а также уникальность авторского замысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 192 с.

Беньямин В. Краткая история фотографии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 168 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2010. 704 с.

Степанов Ю. С. Семиотика. М. : ЛЕНАНД, 2015. 168 с.

Французская семиотика от структурализма к постструктурализму / под ред. Г. К. Косикова М. : Прогресс, 2005. 536 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. СПб. : Симпозиум, 2006. 544 с.

Basso Fossali P., Giulia Dondero M. Sémiotique de la photographie. Université de Limoges: Pulim, 2011. 407 p.

Chéroux C. Henri Cartier-Bresson. London : Thames & Hudson, 1955. 160 p.

УДК 13.11

А. Г. Захарова

преподаватель каф. английского языка № 1,
факультет международных отношений МГИМО МИД России;
e-mail: un_bello_gesto@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматривается функционирование прецедентных имен в современных текстах и их способность вербализовать различные социокультурные концепты. Показано, что анализ имен-символов в каждом конкретном случае способствует более правильному декодированию концепта.

Ключевые слова: культура; культурный концепт; прецедентное имя; отпрецедентное имя; сказочный персонаж.

A. G. Zakharova

Lecturer, Department of English №1 MGIMO University;
Faculty of international relations; e-mail: un_bello_gesto@mail.ru

PRECEDENT NAME AS A CULTURAL PHENOMENON

The article looks at the functions of precedent names in modern texts and examines the ability of these language units to verbalise different sociocultural concepts. Precedent names carry a strong cognitive and connotational charge and the analysis of these names-symbols facilitates decoding of the concepts represented by them.

Key words: culture; cultural concept; precedent name; derivative from precedent name; fairy tale character.

В эпоху глобализации особо актуальным представляется вопрос о интенсификации культурных контактов и влиянии языка на культуру. На фоне усиления роли интернет-коммуникации большую распространенность получают единицы-символы, отражающие социальные и исторические изменения. Такими единицами являются прецедентные феномены, вербализующие культурные концепты. Знание культурных концептов, которые мы постараемся проиллюстрировать в данной статье, способствует успешному межкультурному общению и укреплению межнационального дискурсивного пространства. Цель – показать, что прецедентные феномены являются одним из наиболее частотных и удобных способов репрезентации значимых событий и явлений действительности в современном английском языке.

Согласно общепринятой классификации, прецедентные феномены подразделяются на вербальные (тексты, имена, изречения) и невербальные (произведения искусства). К таким феноменам также можно отнести «обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д.» [Рыжкина 2013, с.112]. Материалом статьи послужат не только и не столько прецедентные имена, сколько производные от них единицы, так называемые «отпрецедентные» номинации. Их расшифровка представляет дополнительную когнитивную нагрузку для читателя в силу включения того или иного словообразовательного элемента и модификации структуры имени [Захарова 2016]. При этом переменный компонент производного слова, а именно, прецедентное имя (ПИ) придает номинации высокоинформативный и коннотативно нагруженный характер в силу аллюзии к имени-прототипу, харизматические черты которого должны быть по умолчанию известны носителю английского языка [Голубкова, Захарова 2017]. Подчеркнем, что отпрецедентные имена являются зеркалом происходящих в обществе культурных перемен. Прецедентное имя понимается как «индивидуальное имя, связанное: 1) с хорошо известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, или 3) как имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [Гудков 2003, с. 185]. «Прецедентность как языковое и социокультурное явление основывается на общности языковых, семиокультурных, фоновых знаний представителей определенного языкового сообщества» [Рыжкина 2013, с.120]. По словам Л. В. Моисеенко, прецедентная единица – это рекуррентный фрагмент любого дискурса (художественного, публицистического, рекламного и др.), который закреплен в сознании языковой личности и функционирует в дискурсе как культурный знак в соответствии с интенциями говорящего [Моисеенко 2015]. Автор также полагает, что прецедентность – это ментальная категория, имеющая надличностный характер и отражающая предзнание в ходе дискурсивной актуализации при соотнесенности с коммуникативной ситуацией [Моисеенко 2015]. Подчеркивая влияние прецедентности на среду, В. Л. Латышева пишет, что «национально-прецедентные феномены контролируют практически все сферы деятельности индивида и лингвокультурного сообщества в целом» [Латышева 2011,

с. 16]. Это проявляется в большой распространенности и значительном коммуникативно-прагматическом потенциале таких имен. Знание этих единиц сегодня во многом определяет уровень грамотности и эрудированности человека. Другими словами, прецедентные феномены стали своеобразным мерилом начитанности и осведомленности людей.

Одними из наиболее репрезентативных имен-символов, фиксирующих важные явления общественной жизни, являются имена героев сказок и исторических персонажей. Такие персонажи, как Золушка, Белоснежка, Гадкий Утенок, Питер Пэн, Аладдин доступны общенациональному пониманию; в них, по мнению В. Я. Проппа, отражается универсальность алгоритмов человеческого мышления, результатом чего является схожесть сказочных сюжетов у представителей различных культур [Пропп 1998]. Этим обусловлена общность национально-детерминированных минимизированных инвариантов восприятия, стоящих за каждым из этих прецедентных имен. «Данные инварианты делают все апелляции к прецедентному феномену ясными, понятными, коннотативно окрашенными» [Попова, Столярова 2014, с.43]. По мнению В. В. Красных, особо важным является то, что апелляция к нему возобновляется многократно в процессе коммуникации представителей того или иного лингвокультурного сообщества [Красных 2002, с. 208]. Таким образом, представляется удобным номинировать различные явления общественной жизни, исходя из репертуара героев сказок и исторических персонажей, которыми обладает говорящий. Как отмечает Е. В. Рыжкина, «каждый народ отбирает из общего источника то, что наиболее соответствует его системе ценностей и мировидению» [Рыжкина 2013, с. 119]. Реализация прецедентных имен в языке и речи происходит согласно коммуникативному замыслу автора.

Мы стремимся проиллюстрировать, каким образом отпрецедентные имена эксплицируют устоявшиеся культурные концепты. Одним из самых ярких примеров является «*columbusing* – the art of discovering something that isn't new» [Urban dictionary] («открытие» чего-то уже не нового). В данном случае происходит апелляция к такой характеристике образа итальянского путешественника Х. Колумба, как человек-первооткрыватель; подчеркивается современная версия, что «миф» открытия Америки Колумбом оспаривается. Причем данная

единица демонстрирует энантиосемию – в слове сокрыто противоречие. Данная номинация встречается и в интернет-сленге, где обозначает акт присвоения белокожими людьми «цветной» культуры:

> *Columbusing*: cultural appropriation, especially the act of a white person claiming to discover things already known to minority cultures [NOW Corpus].

Происходит апелляция к прецедентной ситуации открытия Америки, которая уже была частично заселена индейцами, коренным населением на момент прибытия путешественника на американский континент. Наиболее трудно декодируемое значение предстает в следующем контексте:

> Even in this formulation, it's not that merely having a Louis Vuitton handbag makes you basic. It's thinking that having a closet full of luxury brands necessarily makes you better or more fashionable that makes you basic. It's trying too hard that makes you basic. And of course, *Columbusing* other people's slang is the most try-hard move of all [NOW Corpus].

В данном примере вербализуется концепт «взять что-то чужое, присвоить без спроса». Первоначальное значение «открыть что-то уже не новое» переосмысливается, «перепрофилируется». Характерно, что прецедентное имя приобретает ярко выраженную аксиологическую высвеченность: слово развивает негативную коннотацию.

Важно отметить, что выразительно-экспрессивный потенциал и коннотативная окрашенность приведенных примеров использования прецедентных имен способствуют особому выделению концептов, обозначенных ими. Обращение к прецедентному персонажу, с одной стороны, способствует экономии когнитивных усилий, а, с другой – концепт предстает как бы в зашифрованном виде. Интересной представляется большая распространенность прецедентных имен (героев сказок, мультфильмов и исторических персонажей) во «внесказочных» дискурсах, что говорит об устойчивости образов, вербализуемых прецедентными именами.

Кроме того, любопытными примерами являются прецедентное имя *Peter Pan* и производные от него. Апелляция к такой характеристике персонажа, как нежелание взрослеть, наблюдается в семантике слова *Peter Pan-ism*. В современном английском языке это слово появилось совсем недавно и обозначает, в частности, стремление

молодых людей откладывать брак «на потом», что продиктовано нежеланием брать на себя ответственность. Примечательно, что образ молодого человека, который не хочет взрослеть, характерен для богатых демократий современного мира, как пишут источники.

Второе значение данного отпрецедентного деривата выражает то, что человеку пока не удалось достичь на Земле – жить, не старея. Именно этот концепт заложен в значении *peter pan-ism* – the ability to live without growing old [Urban dictionary].

ПИ *Peter Pan* в некоторых контекстах приобретает обобщенное значение и обозначает инфантильного молодого человека. В данном случае имеет место концептуальное расширение – расширение сферы номинации. Причем формируется собирательный образ таких людей и этим словом начинают называть целую плеяду персонажей голливудских фильмов, которые схожи в том, что не хотят психологически взрослеть:

> UNLIKE BOND, THE STAR TREK CAPTAINS, AND dozens of other Hollywod Peter Pans, boomer filmmakers Lucas and Spielberg have told a story about the greatest adventure there is-growing up. At long last the not-so-young Indy has become what boys can not be-a husband and a father. Here is a real hero for those seeking to “put away childish things.”Life’s not over just because you’re over the hill: About Schmidt (New Line, 2002) Away From Her (Lions Gate, 2006) Ladies in Lavender (Sony Pictures, 2004) // [COCA].

Стоит отметить, что эталонная черта вышеупомянутого персонажа переносится не только на людей, но и различные объекты. Так, в статье из журнала The Economist рассказывается про компании, которые не хотят расти, и их, соответственно, автор назвал *peter pan companies*. Аналогичным образом этим ПИ в атрибутивной функции можно наделить бизнес, проекты, политику, которые не хотят расширяться и развиваться. Правильное декодирование концепта, стоящего за ПИ, возможно лишь при наличии соответствующих фоновых знаний у реципиента (читателя).

Черты и других персонажей сказки про Питера Пэна переосмысливаются и начинают широко употребляться во «внесказочных» контекстах. Упомянем фею Динь-Динь (Tinkerbell), с образом которой начинает ассоциироваться нечто «иллюзорное», «существующее лишь

в голове», подобно фее из оригинальной пьесы, которая воскресла благодаря тому, что зрители верили в это [Стратиенко 2017].

Кроме того, ряд медийных текстов политической и культурно-исторической тематики отсылают нас к понятию, вербализованному посредством композита *Operation Peter Pan*. Операция Питер Пэн обозначает массовый отъезд 14.000 кубинских несовершеннолетних детей в США в период между 1960 и 1962 гг. Именно этих детей, которые ехали в другую страну без сопровождения родителей, метко называли тогда Питер Пэнами (Pedro Pans, Peter Pans). Очевидно, что такое название операция получила благодаря одинаковому возрасту детей и сказочного персонажа.

Как упоминалось выше, схожесть сказочных сюжетов у представителей разных культур обусловливает доступность прецедентных имен и их повсеместную актуализацию в речи представителей разных национальностей. Одним из таких имен является *Cinderella* (Золушка), одно из значений которого: команда, которая начинает играть лучше ближе к концу матча (тура, сета) и затем быстро удаляется (in sports, specifically the playoffs, a *Cinderella* is a team that does better than expected near the beginning and then quickly fades [Urban dictionary]). В данном случае происходит обращение к прецедентному сюжету сказки, который можно представить на концептуальном уровне как событийный фрейм, отдельные слоты которого (быстрое превращение в принцессу ближе к полуночи и исчезновение Золушки) актуализируются в контексте. От ПИ *Cinderella* в недавнее время «отпочковались» различные производные, такие, как, например, *Cinderella man*, которое обозначает человека, выигрывающего после серии поражений. В центре внимания находятся такие характеристики образа Золушки, как трудолюбие, старание, усердие. Кроме того, на первый план выходит слот *способ действия* – повышение социального статуса и знакомство с принцем. В американской лингвокультуре это фразеосочетание стало популярным после выхода в свет одноименного фильма с участием голливудских звезд Расселла Кроу и Рене Зелльвегер.

Еще одной культурно обусловленной единицей является дериват *Cinderelling*, который обозначает угнетение человека в семье, неуважительное отношение к нему. В данном случае происходит апелляция к прецедентной ситуации из сказки о Золушке: героиня была дискриминирована

в новой семье отца (запрет на личную жизнь, злые, враждебно настроенные сестры). Примечательно, что есть и синонимичное выражение, обозначающее тот же самый концепт, – *harry pottering* (подобно тому, как притесняли Гарри Поттера в семье Дарсли). Надо сказать, что образ Гарри Поттера воспринимается так исключительно в американской культуре, тогда как в массовой поп-культуре доминирует представление о персонаже как о юном волшебнике, отличительными особенностями которого являются круглые очки и шрам в виде молнии на лбу.

Обращение к событийному фрейму сказки о Золушке происходит при анализе единицы *Cinderella liberty*. В англосаксонской лингвокультуре это выражение вербализует концепт «увольнение до полуночи». Скрепой событийного фрейма в данном случае является слот «успеть до 0.00», апелляция к которому происходит в анализе и других неологизмов [Golubkova, Zakharova 2016; Голубкова Захарова 2017; Голубкова, Братцева 2015].

В некоторых случаях происходит и обращение к атрибутам героев, которое осуществляется через зрительные образы. Одним из таких примеров является прецедентное имя *Pickwickian*, которое в ряде контекстов обозначает курительную трубку и шляпу. Данные атрибуты были неотъемлемой чертой образа литературного героя Ч. Диккенса. Примером может послужить то, что на запрос *Pickwickian* в Интернете одними из первых появляются картинки атрибутов героя английского писателя.

В каждом случае отдельные черты литературного или мультипликационного персонажа дефокусируются, т. е. уходят на второй план. Этим обусловлено во многом появление нескольких значений у одного и того же отпрецедентного имени, а, соответственно, и нескольких концептов, обозначаемых этой номинацией. В свою очередь, концептуальные характеристики известных сказочных героев могут даже переосмысливаться, метафоризоваться, что мы и постараемся проиллюстрировать на примере деривата *Smurfing*.

Лексема *Smurfing* берет свое начало от персонажей известного бельгийского комикса. Эти вымышленные герои-гномики голубого цвета в белой одежде изобретались в большом количестве главным Смурфом и внешне никак не отличались друг от друга, за исключением трех-четырех персонажей. Что касается личностных качеств, то смурфы были отважными, решительными и любили приключения.

Апелляция к вышеперечисленным характеристикам осуществляется в ходе формирования четырех значений *Smurfing*.

Во-первых, эта единица обозначает вид сетевого терроризма, при котором в сеть компьютера-жертвы посылаются множественные широковещательные запросы, которые в результате ее переполняют, что ведет к отказу системы. Очевидно, что такие черты смурфов, как «воспроизводимость», «неразличимость», «множественность» метафоризуются и переносятся на другой концепт. При этом цвет, размер, характер персонажей уходят в дефокусированную зону. Отсылка к известным героям способствует более прочному закреплению этой единицы в лингвокультуре.

По схожей модели метафоризуются черты персонажей комиксов при формировании значения – стратегия онлайн-игр, при которой опытный игрок создает большое количество искусственных аккаунтов с целью обыграть новичков. Примечательно, что в данном случае «скрепой» значения выступает черта «искусственность», которая развивает негативную коннотацию. Данное значение очень популярно в интернет-культуре и, надо сказать, что оно продолжает развиваться.

Smurfing также вербализует концепт «онлайн-голосование с большого количества компьютеров». При формировании данного значения также высвечиваются прототипические черты эталонного имени; перенос концептуальных признаков на новый концепт обусловлен их метафоризацией, переосмыслением.

Итак, в процессе создания отпрецедентного имени неизбежна модификация семантики ПИ, при которой оно выполняет функцию опорного элемента, сохраняющего отсылку к прототипическому герою или чаще к его отдельным, высвеченным, находящимся в фокусе характеристикам. Процесс фокусирования осложняется одновременным дефокусированием нерелевантных признаков (черт) прецедентного персонажа. Также при формировании семантики отпрецедентных номинаций могут задействоваться процессы метафоризации, способствующие более сложной когнитивной дешифровке деривата. Только опираясь на лингвокультурные знания, мы можем безошибочно «угадать» значение производного от прецедентного имени.

Таким образом, прецедентные имена выражают самые разнообразные социокультурные концепты, обращение к этим именам-символам происходит постоянно в рамках того или иного лингвокультурного

сообщества. Трансляция культурно значимой информации протекает посредством апелляции к национально-специфическим чертам и атрибутам образа героя, а также посредством актуализации событийного фрейма литературного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голубкова Е. Е., Братцева А. Л. «Сказка о руководящей золушке», или Механизм распределения внимания в прецедентном феномене как источник его полифункциональности в дискурсе // Когнитивные исследования языка : сб. научных трудов. Вып. 23, Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. М.–Тамбов, 2015. С. 90–100.

Голубкова Е. Е., Захарова А. Г. Метонимия как механизм развития полисемии (на материале единиц типа Snow white syndrome) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (777). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 44-56.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.

Захарова А. Г. Прецедентное имя Robin Hood как событийный фрейм [Электронный ресурс] // События в коммуникации и когниции. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 75–86. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/746-7n.pdf (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 7 (746). Сер. Языкознание.)

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.

Латышева В. Л. Характеристика прецедентных феноменов как ядерных элементов национального языкового сознания (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 19 с.

Моисеенко Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности : дис. … д-ра филол. наук. М., 2015. 404 с.

Попова К. А., Столярова И. Н. Прецедентное имя «Шерлок Холмс» в российской и британской культурах // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 11. С. 41–47.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки (Собрание трудов В. Я. Проппа). М. : Лабиринт, 1998. 512 с.

Рыжкина Е. В. Прецедентность имени в английской фразеологии // Новое в лексикологических исследованиях: преемственность и инновации. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 112–123. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 20 (680). Сер. Языкознание.)

Стратиенко Ю. А. Сказочный текст «Питер Пэн» как база категоризации в англоязычных медийных текстах // Когнитивные исследования языка.

Вып. XXX: Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований : материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 20–22 сентября 2017 г. / отв. ред. вып. Н. А. Беседина. М.–Тамбов–Белгород, 2017. С. 186–189.

COCA (Corpus of Contemporary American English). URL : corpus.byu.edu/coca/

Golubkova E., Zakharova A. Meaning-making processes in derivatives from precedent names // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The Journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. Warsaw: De Gruyter Open, 2016, vol. I (2), December 2016. P. 37–79. Available at: www.degruyter.com/downloadpdf/j/lart.2016.1.issue-2/lart-2016-0010/lart-2016-0010.pdf

NOW Corpus (News on the Web). URL : corpus.byu.edu/now/

Urban dictionary. URL : www.urbandictionary.com/

УДК 13.11

Л. В. Саввина, А. В. Саввин

Саввина Л. В., доктор искусствоведения, профессор,
профессор каф. теории музыки, проректор по научной работе
Астраханской государственной консерватории;
e-mail: lvsavvina@mail.ru

Саввин А. В., доктор философских наук,
заведующий каф. мировой культуры ФГН МГЛУ, профессор ПСТГУ,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
e-mail: a.v.savvin@mail.ru

«МЕХАНИЧЕСКИЙ БАЛЕТ» Д. АНТЕЙЛА КАК ОБРАЗЕЦ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПАМЯТИ XX ВЕКА

Музыка XX в. отражает общие тенденции современного искусства, стремящегося выразить новую реальность в формах, соответствующих изменившемуся миропониманию и состоянию души человека с позиций неопределенности, децентрализации, в противовес устойчивости и неизменности понимания реальности в искусстве прошлого времени. Характеризуя в целом музыку XX в., можно увидеть определенный контраст, воплотившийся в специфике художественного отражения мира. Так, при всем разнообразии течений и направлений, первая половина XX в. была обусловлена доминированием художественных направлений, определяющих развитие культуры эпохи в целом, а вторая половина века – с воздействием научной области знаний: философии, математики, физики, психологии. Отсюда можно сделать вывод, что в первой половине XX столетия продолжают действовать принципы, намеченные в предыдущем веке. В музыке, как и других видах искусства, наблюдается стремление отобразить новый мир средствами другого искусства, что способствует появлению новых художественных форм, организованных на основе специфического кода, соединяющего разнородные черты: искусства временного, пространственного, визуального. Характерным признаком музыкально-художественного сознания становится синестетичность, являющаяся следствием интегративности психических процессов. Поэтому образ мира, несмотря на его противоречивость, сохраняет относительную цельность.

Вторая половина столетия ставит под вопрос существование единого и завершенного образа, ибо отражает другой реальный мир: прерывный и незавершенный. Новая картина мира потребовала и новых средств, способных выразить предполагаемый образ: на смену завершенным, замкнутым произведениям приходят принципиально открытые. Рассматривая музыкальное искусство XX в. в динамике, следует отметить постепенное нарастание тенденций к доминированию композиций с четко зафиксированной и последовательной структурой, жестким проявлением которой стали серийность и сериальность (середина XX столетия), с дальнейшим отходом от этой тенденции, ее спадом и переходом к менее отчетливым

структурам, таким как сонорная музыка, полистилистика, электронная и конкретная музыка. Эволюцию музыки XX в. в самом общем плане можно обозначить как движение к центру с постепенным возвращением на новом витке спирали к исходной точке. Это движение к кульминационной точке с последующим спадом есть проявление семиосферы музыки.

Ключевые слова: синестетичность; интегративность психических процессов; художественная память; информативная память; художественно-информативная память.

L. V. Savvina, A. V. Savvin

Savvina L. V., Doctor of Arts, Professor,
Professor of the Department of Music Theory,
pro-rector of the Astrakhan State Conservatory;
e-mail: lvsavvina@mail.ru

Savvin A. V., Doctor of Philosophy, Head of the Department
of World Culture FGN MSLU, Professor of PSTU,
St. Tikhon's Orthodox University for Humanities;
e-mail: a.v.savvin@mail.ru

"MECHANICAL BALLET" D. ANTEYLA AS A SAMPLE OF THE MUSICAL TEXT OF THE ART MEMORY OF THE XXth CENTURY

Music in twentieth century reflects the general tendencies of the contemporary art, striving to express a new reality in forms that correspond to the changed worldview and to the state of the human soul from the standpoint of uncertainty, decentralization, as opposed to the stability and immutability of understanding reality in the art of the past. Describing the music of the 20th century as a whole, one can see a contrast embodied in the specifics of the artistic reflection of the world. So, for all the diversity of trends, the first half of 20th century was due to the dominance of artistic trends that determine the development of culture of the era as a whole, and the second half of the century - with the impact of the scientific field of knowledge: philosophy, mathematics, physics, psychology. Consequently it can be concluded that in the first half of 20th century the principles outlined in the previous century continue to operate. In music, as well as in other types of art, there is an aspiration to display the new world with the means of another art. It contributes to the emergence of new artistic forms organized on the basis of a specific code which connects diverse features: the arts of the temporal, spatial, visual. A characteristic sign of musical and artistic consciousness is synesthetic, which is the consequence of the integrative nature of mental processes. Therefore, the image of the world, despite its contradictory nature, preserves relative integrity.

The second half of the century calls into question the existence of a single and completed image, because it reflects another real world: discontinuous and unfinished. The new picture of the world also demanded new means capable of expressing the

supposed image: in place of the completed, closed works, essentially open ones come. Considering the musical art of the twentieth century. in the dynamics, it should be noted the gradual increase in the tendencies towards the dominance of compositions with a clearly fixed and consistent structure, the rigid manifestation of which was seriality and seriality (mid-twentieth century), with a further departure from this trend, its decline and the transition to less distinct structures, such as the sonar music, polystylistics, electronic and concrete music. Evolution of the music of 20th century. in the most general terms, can be designated as a movement toward the center with a gradual return on a new turn of the spiral to the starting point. This movement to the culmination point with the subsequent decline is the manifestation of the semiosphere of music.

Key words: synesthetic; Integrity of mental processes; artistic memory; informative memory; artistic and informative memory.

Любое произведение искусства, в том числе и музыкальное, является носителем информации. Современное развитие средств коммуникации и постоянные контакты различных культур способствуют расширению круга участников, вовлеченных в процесс общения. Создается единый информационный мир. В то же время в этом единстве сохраняются черты двойственности, обусловленные, с одной стороны, спецификой мира искусства и мира науки и техники – с другой.

Музыка XX в. отражает общие тенденции современного искусства, стремящегося выразить новую реальность в формах, соответствующих изменившемуся миропониманию и состоянию души человека с позиций неопределенности, децентрализации, в противовес устойчивости и неизменности понимания реальности в искусстве прошлого времени. Характеризуя в целом музыку XX в., можно увидеть определенный контраст, воплотившийся в специфике художественного отражения мира. Так, при всем разнообразии течений и направлений, первая половина XX в. была обусловлена доминированием художественных направлений, определяющих развитие культуры эпохи в целом, а вторая половина века – с воздействием научной области знаний: философии, математики, физики, психологии. Отсюда можно сделать вывод, что в первой половине XX столетия продолжают действовать принципы, намеченные в предыдущем веке. В музыке, как и других видах искусства, наблюдается стремление отобразить новый мир средствами другого искусства, что способствует появлению новых художественных форм, организованных на основе специфического кода, соединяющего разнородные черты: искусства временнóго, пространственного,

визуального. Характерным признаком музыкально-художественного сознания становится синестетичность, являющаяся следствием интегративности психических процессов. Поэтому образ мира, несмотря на его противоречивость, сохраняет относительную цельность.

Вторая половина столетия ставит под вопрос существование единого и завершенного образа, ибо отражает другой реальный мир: прерывный и незавершенный. Новая картина мира потребовала и новых средств, способных выразить предполагаемый образ: на смену завершенным, замкнутым произведениям приходят принципиально открытые. Рассматривая музыкальное искусство XX в. в динамике, следует отметить постепенное нарастание тенденций к доминированию композиций с четко зафиксированной и последовательной структурой, жестким проявлением которой стали серийность и сериальность (середина XX столетия), с дальнейшим отходом от этой тенденции, ее спадом и переходом к менее отчетливым структурам, таким как сонорная музыка, полистилистика, электронная и конкретная музыка. При этом менее четко организованные структуры начала века и его завершения отличаются большей внутренней емкостью, динамичностью, тогда как более организованные структуры, обозначившиеся к середине века, менее динамичны. Эволюцию музыки XX в. в самом общем плане можно обозначить как движение к центру с постепенным возвращением на новом витке спирали к исходной точке. Это движение к кульминационной точке с последующим спадом есть проявление семиосферы музыки.

Если соотнести выделенные этапы эволюции в их отношении к внемузыкальной реальности, то в первой половине XX в. обозначается тенденция к осознанию художественного опыта, а во второй половине заметно стремление к познанию научного опыта, накопленного человечеством. С точки зрения хранения памяти два этапа противопоставляются как разные типы памяти, определяемые Ю. Лотманом как «память творческая» и «память информативная». Характерное свойство творческой памяти состоит в том, что: «Она сохраняет прошедшее как пребывающее» [Караванская 2009], поэтому смыслы в ней «не хранятся», а постоянно возрастают. В информативной памяти важен конечный результат, направленный на изобретение нового, как, например, в технической информации.

С точки зрения художественного отражения мира в XX в. можно выделить наиболее специфические стили, фокусирующие характерные

признаки культуры. Такими признаками можно считать: 1) ориентированность автора на определенный тип (художественной либо научной) реальности, воплощенный в его творчестве; 2) устойчивость, стабильность или неустойчивость, переменность, способствующие смене художественных ориентиров в творчестве того или иного композитора.

С точки зрения типов воплощенной реальности выделим три доминирующих типа памяти, которым соответствуют те или иные культурные коды: художественный, информативный и синтезирующий – художественно-информативный. Художественный тип свойствен первой половине века, в котором при доминирующей роли музыки обнаруживается воздействие кода другого искусства – живописи, литературы, поэзии, кино. А поскольку каждый вид искусства обладает присущей ему системой знаков, кодирующих информацию, то с точки зрения обмена и хранения информации *можно говорить о расширении объема музыкальной памяти, где особое значение при отражении картины мира приобретает опора на художественную память, в которой важным приемом становится перекрещивание или соприкосновение различных языков.*

Информативный тип характеризует вторую половину века – постмодернизм с его ориентацией на техническую, научную модель мира. В соответствии с типом памяти видоизменяется и музыка, в которой усиливается роль рационального начала и, как отмечалось, важен конечный результат, направленный на изобретение нового, как в технической информации.

Третий тип памяти, синтезирующий (или художественно-информативный), основан на взаимодействии первых двух типов, что приводит к стиранию граней не только между видами искусств, но и между музыкой и окружающей жизнью. Такой предельно широкий объем памяти существенно изменяет не только музыкальный код, но и коды, включенные в синтезирующий процесс.

С позиций устойчивости признаков индивидуальная музыкальная память подразделяется на немодулирующую, ориентированную на определенный тип (или типы) культуры, и модулирующую (термин Ю. Лотмана), в которой происходит смена одного вида художественной реальности, на другой (внутривидовая модуляция). В первой половине XX в. на немодулирующий тип опирается музыкальная память Скрябина, Рославца, Веберна [Саввина 2009], на модулирующий

тип – музыкальная память Шостаковича. Во второй половине века модулирующая память проявляется как переход и взаимодействие не внутри одного вида памяти, а как смена противоположных типов памяти – художественной и информативной (синтезирующий тип). Обратимся к примеру.

Джордж Антейл – американский композитор первой половины XX в. (1900–1959), оставил значительное творческое наследие в разных жанрах. Это шесть опер («Трансатлантик», «Желание», «Братья», «Венера в Африке», «Вольпоне», «Хелена Ретирс»), шесть симфоний, среди которых джазовая симфония, фортепианный и виолончельный концерты, Калифорнийская увертюра «Том Сойер», струнные квартеты, сонаты для фортепиано, скрипки, трубы. С 1936 г. работал в Голливуде, где на протяжении тридцати двух лет писал музыку к кинофильмам («Человек с равнины», «Уступи место завтрашнему дню», «Помешательство», «Мы были чужими», «Призрак розы» и другие). Друзьями композитора были Стравинский, Сати, Кокто, Пикассо, Джойс, Хемингуэй, с которыми он сблизился в Париже, куда переехал в 1923 г.

Одно из самых известных сочинений композитора – «Механический балет», написанный в 1924 г. Первоначальный замысел связан с музыкой для одноименного фильма, который из-за скандала, разразившегося вокруг него, так и не вышел на экраны. Впоследствии музыка существовала как самостоятельное произведение, исполнявшееся без зрительного ряда. В 1953 г. Джордж Антейл вновь обратился к музыке «Механического балета» и переоркестровал его для четырех фортепиано, четырех ксилофонов, двух электрических звонков, двух пропеллеров и ударных инструментов.

По своему эмоциональному накалу «Механический балет» воплощает дух времени и повествует о новом для человека мире, которым правят электроника, различного рода изобретения и техника машин. Поскольку музыка явилась непосредственным отражением основной идеи фильма, обратимся к его сюжету и образам. Фильм режиссера Фернана Леже, французского живописца и скульптора, мастера декоративного искусства, весьма эксцентричен и служит наглядным выражением модного в художественных кругах 20-х гг. XX в. идей дадаизма, яркими представителями которого были Дали, Дюшан, Тцара. Как известно, в дадаизме основной эстетический принцип был связан с нарушением логики, последовательности мысли,

поэтому Леже в качестве главной выдвинул идею автономности кино, создав так называемый чистый фильм[1]. Основным его признаком является отсутствие какого-либо сюжета, сценария, драмы или элементов документального фильма, что наглядно иллюстрировало главную мысль Фернана Леже: «Ошибкой в живописи является сюжет, а ошибка кино – сценарий» [Механический балет. URL: www.kinopoisk.ru/film/mekhanicheskiy-balet-1924-183455/]. В связи с отсутствием сценария главная идея фильма основывается на центральном образе – раскачивающемся зеркальном шаре, то летящем на зрителя, то отдаляющемся от него. При этом зритель видит в зеркальном шаре оператора, который как бы хочет сказать зрителю «ты видишь то, что вижу я, поэтому твой взгляд не принадлежит тебе» [там же]. И хотя зрителю представлено движение, на самом деле камера оператора стоит неподвижно. Эстетические взгляды Леже наглядно демонстрируют его следующие высказывания: «Настоящий фильм – это изображение предметов, абсолютно новых для наших глаз. Эти предметы производят большое впечатление, если мы сумеем показать их соответствующим образом. Необходимо найти такое положение камеры, чтобы часть какого-то предмета, не имеющего на первый взгляд никаких достоинств, получила внезапно поразительную пластическую ценность и к тому же совершенно новую. Это новое качество предметы могут получить только тогда, когда они будут изолированы от окружающей их среды и всяких *логических связей* (выделено авт. – *Л. С.*). Эти предметы следует перенести на экран в движении и придать им заранее продуманную организацию. Только тогда художник выполнит свою задачу – наполнится тем, что его окружает и будет, как губка, впитывать жизненную силу мира» [Механический балет. URL : www.kinopoisk.ru/film/mekhanicheskiy-balet-1924-183455/][2]. Чтобы выявить сущность основного замысла фильма

[1] Образец «чистой беспредметности» в живописи «Черный квадрат» Малевича был создан в 1915 г. за девять лет до создания фильма Леже.

[2] «Механическому балету» предшествовал фильм Абеля Ганса «Колесо» (1921), оказавший большое влияние на Фернана Леже. В этом фильме движение фрагментов машин напоминает абстрактные картины художников Пикассо, Брака, где круг и колесо выступают как символы, не только поддерживающие, но и всегда начинающие жизнь. Это – своеобразное колесо фортуны. В основу фильма было положено произведение Пьера Ампа «Рельс».

Фернана Леже, обратимся к понятию кода, широко используемого в семиотике. Как известно, любое произведение искусства является носителем информации, сообщение которой кодируется в языковых средствах, отражающих специфику данного вида искусства. В семиотике код определяется как «модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых для того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Эко 1998]. Из этого определения следует, что код, представляя определенный набор знаков, устанавливает соответствие означающих и означаемых: воспринимая означающее, посланное отправителем, адресат переводит их в означаемые и расшифровывает сообщение. Код характеризуется совокупностью практической деятельности, знакомой пользователям, и функционирует в широком культурном пространстве. В семиотике код имеет три значения: 1) знаковая структура; 2) правила сочетания, упорядочение символов, или способ структурирования; 3) окказиональное, взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому (У. Эко) [Эко 1998]. Попытаемся определить характерные признаки кинематографического кода фильма Леже, к которым относятся: 1) отсутствие сценария и создание «чистого», т. е. абстрактного фильма; 2) персонажами фильма становятся предметы, изолированные от окружающей среды, среди них выделяется образ летящего шара; 3) нарушение логических связей между предметами; 4) присутствие световых эффектов, соединяющие отдельные кадры, которые мерцают, туманятся, ярко вспыхивают или тают; 5) наличие организованного движения, т. е. ритма, с его помощью кадры то ускоряются, то растягиваются и замедляются. Последний признак – движение, организованное особым образом, – определило название фильма «Механический балет». Под этим названием имеется в виду танец вещей или предметов. Движение, танец становятся своеобразными знаками, определяющими правила сочетания, упорядочение символов, соответствующих определенному значению. Всё подчинено движению, восхищающему зрителя неожиданной механикой обычных вещей. Некоторые кадры, как, например, девушка, качающаяся на качелях, напоминают эпизоды из фильмов Чарли Чаплина. Идеи Леже были созвучны идеям его друга, писателя Блёза Сандрара, который усматривал параллелизм между развитием языка и промышленного оборудования. Для него в речи особое значение

имела «инструментализация», по мнению писателя, она обладала характером физического действия, механического движения. Сандрар активно проецировал литературные методы на сферу кино, которым он увлекался, и мечтал о создании нового киноязыка. В свою очередь, язык кинематографа активно внедрялся им в литературу.

Таким образом, из пяти признаков, составляющих кинематографический код Леже, первые три направлены на разрушение связей элементов целого, что находится в русле эстетических принципов дада: бессмысленность, случайность или «детский лепет». Наличие данных признаков в «Механическом балете» делает код индивидуальным, непохожим на признаки генетического кода, сложившегося к этому времени. Эти признаки осуществляют децентрализацию целого, поскольку в них действует центробежная тенденция. Поэтому передача информации от автора зрителю становится весьма затруднительной, следовательно, при оценке фильма у аудитории возникает неприятие, отторжение и непонимание основной идеи произведения. Такой текст воспринимается зрителем как абсолютно новый, отрицающий все сложившиеся традиции.

Два последних признака – игра светотенью и роль ритма – направлены на централизацию целого, способствуют усилению центростремительной тенденции. Светотень «Механического балета» напоминает неопластицизм Мондриана и связан с исканиями Леже в области живописи, где свет способен нагреваться, охлаждаться, становиться мягким или агрессивным. Изменения светотени происходит параллельно ритму смены кадров, который становится быстрей, медленней, спокойнее или более возбужденным. Несомненно, этот фильм отразил состояние человека 1920-х гг., восхищенного техникой, когда слово «индустриальный» имело позитивный смысл. Разочарование в научно-техническом прогрессе придет позже, а слово «индустриальный» уже не будет звучать жизнеутверждающе и оптимистично. Возникнут проблемы с экологией, промышленными катастрофами и стихийными бедствиями. Несмотря на то, что свет и ритм играют роль скрепляющих факторов, они все-таки привнесены Леже из живописи и музыки, и поэтому требуют от зрителя дополнительных знаний из области других видов искусств: абстрактной живописи и авангардной музыки.

Как и в кинематографе, в музыке этого периода появляются произведения, связанные с воплощением индустриальной тематики,

к которой обращались композиторы разных стран. Это «Симфония гудков» Авраамова (1922), «Pasific-231» Онеггера (1923). Увлечен тематикой машин и сам Антейл, создавший в 1923 г. произведения с названиями «Аэроплан» и «Механизмы»[1]. Работая над музыкой к фильму, Антейл, как и Леже, увлекся идеями писателя и поэта Блёза Сандрара. В частности, его разработками, связанными с описанием механизмов речи. Согласно данной концепции, речь содержит ускорения, скачки, замедления, уменьшение скорости, остановки. Иными словами, речь, как и музыка, основывается на ритме, имеющем сильные и слабые доли. Поэтическая речь, согласно Сандрару, это физический механизм, включающий наслоение фрагментов, цитат, разнородных блоков и предполагающий мощную интертекстуализацию. Для Сандрара круг больше не является кольцом, а превращается в активно движущееся колесо, порождающее новый язык[2]. Несмотря на следование основному замыслу фильма, музыка Антейла развивается по своим законам. В ней монтажность, мозаичность структуры отодвинуты на второй план: музыка идет на одном дыхании, скрепляя отдельные кадры фильма в единое целое. Этим скрепляющим фактором становится ритм. Как известно, революция в области ритма совершилась в творчестве Стравинского, к этому времени уже создавшего «Весну священную» (1913) и «Свадебку» (1923), что не могло не повлиять на творчество Антейла. Известно, что и Мессиан не обошел вниманием выразительные возможности ритма, выдвинув идею существования энергетической субстанции, «ритмического персонажа».

Музыка «Механического балета» буквально пронизана энергией ритма и основана на принципе вариантно-остинатного повторения мотивов. Этот повтор обладает двойственностью психологического восприятия: с одной стороны, он способствует непрерывности развития, а с другой – становится мощным фактором членения речи. В этой энергии многократных повторов можно увидеть точки соприкосновения

[1] Интересно, что индустриальная тема была воплощена в творчестве Прокофьева («Стальной скок», 1925), Дешевова («Лёд и сталь», 1926), Мосолова («Завод», 1927), Шостаковича («Болт», 1931) позже «Механического балета».

[2] Форма круга приобретает символическое значение и в творчестве художника Робера Делоне, друга Блёза Сандрара, по мнению которого круг обладает абсолютной формой.

с минимализмом Стива Райха и Филиппа Гласса, возникшим в американской музыке в середине XX в. Но, в отличие от минимализма, опирающегося на восточную музыку с ее бесконечно длящимся состоянием, близким нирване, у Антейла это воплощение стихии движения. Как и у Сандрара, это энергия движущихся колес: велосипеда, машины, поезда, самолета (об этом свидетельствует введение в партитуру электрических звонков и пропеллеров, являющихся атрибутами велосипедов и самолетов)[1]. Поэтому драматургическая линия произведения выстраивается в форме наплывов кругообразных движений. При этом слушатель постоянно находится в напряжении: оно создается с помощью кульминации, удержанной на протяжении всего «Механического балета». Каждая последующая кульминация превышает по силе и напряжению предыдущую. Поэтому в качестве мощных

[1] О мифологизации круговой формы в творчестве Сандрара свидетельствует его стихотворение «Конструкция» (1919), посвященное Фернану Леже, которого поэт характеризовал через образ колеса:

Цвет, цвет и цвета…
Вот Леже растет подобно солнцу третичной эпохи
И заставляет твердеть
Фиксирует мертвую природу,
Небесную кору,
Жидкое,
Туманное.
Все, что темнеет:
Небесную геометрию,
Растворяющийся отвес,
Окостенение,
Передвижение.
Все, что копошится,
И разум вдруг оживает
И облекается в свою очередь
Подобно животным и растениям…»
Чудесно. И вот
Живопись становится этой огромной движущейся
Вещью,
Колесом,
Жизнью,
Машиной,
Человеческой душой,
Затвором 75-миллиметровой пушки,
Моим портретом.

факторов задействованы натуральные звуки двух пропеллеров и двух электрических звонков.

Итак, охарактеризуем признаки музыкального кода Антейла. К ним относятся: 1) опора не на абстрактный вид искусства, как у Леже, а на принципы конструктивизма; 2) наличие на протяжении всего произведения одного образа – образа вращающегося колеса (у Леже образ шара); 3) главный музыкальный персонаж – ритм, энергия которого постоянно нарастает; 4) достаточно четкие логические связи, основанные на тембровой персонификации, в которой ведущую роль играет фортепиано, трактованное как ударный инструмент; 5) присутствие звуковых эффектов с помощью введения немузыкальных звуков (у Леже игра красками); 6) музыкальный ритм опирается на специфику литературной речи, разработанной Сандраром; 7) особая роль жеста, что способствует ассоциативной связи инструментальной музыки с жанром балета.

Первый признак музыкального кода – опора на конструктивизм. В отличие от дада Фернана Леже, конструктивизм тяготеет к четким, определенным формам, нередко имеющим связь с геометрическими фигурами: прямоугольником, квадратом, кругом. Эти фигуры вполне узнаваемы и составляют конструкцию формы. У Антейла форма круга очерчивается как на уровне всей формы (трехчастной репризной), так и на уровне отдельных разделов, построенных по принципу остинатных повторов кратких мотивов. Конструктивизм в музыке балета просматривается и сквозь призму способов отражения мира: все подчинено стихии безостановочного движения, это воплощение мускульной энергии, бодрящей и оптимистичной, не допускающей никаких остановок, спадов – только движение вперед. Поэтому векторная линия развития идет по восхождению и на кульминационном подъеме. Исследуя особенность конструктивизма в отечественной музыке, С. Караванская отмечает: «…можно с достаточной долей вероятности утверждать, что промышленная революция стала причиной появления нового эталона эстетики XX (а может быть и XXI) столетия» [Караванская 2009]. Благодаря опоре на конструктивизм в музыке, в отличие от фильма, опирающегося на чистую абстракцию, проявляются черты документализма, стремящегося запечатлеть стихию движения машин.

Если сравнивать специфику кинематографического и музыкального кодов, то они направлены на расширение объема информации,

дополняя и расширяя каждый из видов искусства. Введение языка кинематографа, живописи превращает музыкальные произведения композиторов начала XX в. в сложный текст, чья информационная система строится на получении сообщения с помощью внемузыкальных факторов: живописный, кинематографический образы играют роль возбудителей, способствуют возрастанию информации и ее структурированию. Если рассматривать процессы, происходящие в сфере музыкального искусства начала прошлого века с более широких позиций, – развития культуры в целом, то одной из причин усложнения музыкального текста является, отмеченное Ю. Лотманом, усложнение структуры личности.

Музыкальные сочинения становятся звукозрительной системой передачи информации, в которой напряжение между аудиальным и визуальным, переход от одного к другому составляет постоянный механизм, определяющий внутреннюю жизнь произведения. В этой связи следует отметить синестетичность как характерную черту музыкально-художественного сознания первой половины прошлого столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багирова Л. М. Культурологические и психосемиотические аспекты музыкальной синопсии : автореф. дис. … канд. искусствоведения. Саратов, 2002. 20 с.

Караванская С. От поездов до фабрик: эмблема русского музыкального конструктивизма 1920-х годов // Музыковедение № 2. М., 2009. С. 57–65.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПБ, 2005. 674 с.

Механический балет // КиноПоиск. URL : www.kinopoisk.ru/film/mekhanicheskiy-balet-1924-183455/

Саввина Л. Звукоорганизация музыки XX века как объект семиотики. Астрахань : Изд-во ОГОУ ДПО «АИПКП», 2009. 316 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998. 538 с.

УДК 008

М. М. Филиппова

кандидат филологических наук, доцент;
доцент каф. английского языкознания филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова»; e-mail: philippova.marga@gmail.com

ИЗУЧАЯ КОНЦЕПТ «HYPOCRISY» (ЛИЦЕМЕРИЕ) В КУЛЬТУРАХ АНГЛОГОВОРЯЩЕГО МИРА: ЧТО ПОЛЕЗНОГО МЫ МОЖЕМ ПОЧЕРПНУТЬ?

Цель данной статьи — описать возможные подходы к изучению концепта «hypocrisy» в том виде, как он функционирует в англоговорящих странах. Американцев и англичан часто обвиняют в лицемерии. При том, что лицемерие является всеобщим человеческим пороком, можно предположить, что представители разных наций понимают его по-разному и относятся к нему по-разному. Автор обобщает мнение различных исследователей по этому вопросу. Следует учесть, что концепт «лицемерие» связан с такими концептами, как «вежливость», «тактичность», «дипломатичность», «двойные стандарты» и т. п. Как и многие другие, этот концепт является частью картины мира англичан и американцев.

Ключевые слова: когнитивистика; картина мира; лингвоконцептология; концепт «лицемерие»; неискреннее выражение чувств; двойные критерии оценки; искажение языка; социальное и культурное самосознание.

M. M. Philippova

PhD, Associate Professor, Department of English Linguistics,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: philippova.marga@gmail.com

STUDYING THE CONCEPT "HYPOCRISY" IN ENGLISH-SPEAKING CULTURES: WHAT GOOD THINGS CAN WE LEARN FROM IT?

The paper aims to describe approaches to studying the concept 'hypocrisy' as functioning in the English-speaking world. Americans and the English are often accused of being hypocritical. While hypocrisy is a human universal, different nations interpret it differently. The article deals with the issue of culture-specific characteristics, and, in particular, English hypocrisy and its positive aspects. The author sums up various opinions concerning this. It is also connected with such concepts as politeness, tact, diplomacy, double standards, etc. This concept is a reflection of the English and Americans' worldview, their psychology, ethical, moral, religious and political principles.

Key words: cognitive science; worldview; linguistic conceptual studies; hypocrisy; lip service; double standards; corruption of the language; social and cultural self-awareness.

Цель статьи – определить подходы к изучению культурно-специфического концепта «hypocrisy» (лицемерие)[1]. Понятие «лицемерие» довольно популярно и широко используется в бытовом обывательском общении, в политологии, в психологии и даже в философском дискурсе, но скорее оценивается отрицательно. Лицемерию посвящены статьи, высказывания, афоризмы и даже книги. Некоторые авторы подчеркивают положительные стороны этого явления.

Существует огромное количество статей о лицемерии, посвященных различным аспектам политической жизни, религиозного сознания, этики и т. д. В Интернете можно столкнуться с дискуссиями, ставящими целью, например, определить самую лицемерную нацию. Статьи имеют броские красноречивые заголовки: The Virtue of Hypocrisy (Добродетель лицемерия)[2], The Hypocrisy of Virtue (Лицемерие добродетели), Is Hypocrisy a Vice or a Virtue? (Является ли лицемерие пороком или добродетелью?), Immoral Moralists (Аморальные морализаторы), The Political Virtues of Hypocrisy (Политические

[1] Для целей настоящей работы примем, что наиболее общий и распространенный эквивалент английского слова *hypocrisy* – это русское слово «лицемерие». Слово *hypocrisy* имеет наиболее общий смысл из всех синонимичных слов типа *sanctimony*, *pharisaism*, *cant*. Русское слово «лицемерие», как представляется, также является более общим и ходовым, чем, например, «ханжество». *Hypocrisy* переводится в англо-русских словарях как «лицемерие, ханжество, притворство»; «лицемерие» переводится в русско-английских словарях как hypocrisy, dissimulation, cant; а «ханжество» переводится как bigotry, sanctimony, hypocrisy (словарь под ред. О. С. Ахмановой) или sanctimony, hypocrisy, cant (словарь В. К. Мюллера). В этих условиях кажется довольно оправданной высказанная автору в устной беседе точка зрения авторитетного исследователя различных языков А. И. Изотова, профессора кафедры славянского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, которую можно сформулировать следующим образом: с точки зрения функционального потенциала соответствующих концептов английского и русского языков английский концепт «hypocrisy» очевидным образом соотносится как минимум с двумя русскими концептами, не совпадая ни с одним из них, а именно – с концептом «лицемерие» и с концептом «ханжество», однако это самостоятельная проблема, требующая отдельного рассмотрения. Таким образом, вопрос о кросс-культурной семантической эквивалентности данных слов – это тема следующего исследования.

[2] Зд. и далее перевод наш. – *М. Ф.*

добродетели лицемерия), Hypocrisy is the Greatest Luxury (Лицемерие — это величайшая роскошь), 5 Acts of Staggering Hypocrisy from Self-Righteous Critics (5 поступков умопомрачительного лицемерия со стороны фарисействующих критиков-ханжей), Hypocrisy Has Its Virtues (У лицемерия свои добродетели), Hypocrisy and Public Life (Лицемерие и общественная жизнь), In Defense of Hypocrisy (В защиту лицемерия), In Praise of Hypocrisy (Восхваляя лицемерие), The Land of the Free, Hypocrisy, National Identity, and the Myth of America (Страна свободных, лицемерие, национальная идентичность и американский миф – автор Келли Дент) и пр. Мы видим, что многие из этих статей, если судить по их названиям, отнюдь не нейтральны, они содержат нравственную оценку этого явления, полны оценочной лексики, слов с ярко выраженными экспрессивными коннотациями.

Авторитетные лексикографические источники обеспечивают нас различными дефинициями, цитатами и т. п. Это The Longman Dictionary of English Language and Culture, The Oxford Dictionary of Quotations, The Oxford Dictionary of Phrase, Saying and Quotation, The Oxford Dictionary of Political Quotations, The Oxford Dictionary of Allusions, Brewer's Dictionary of Phrase and Fable и т. д. Все они содержат некую информацию об этом понятии.

Почему эта тема представляет такой интерес? Хотя понятно, что это универсальная человеческая характеристика, обнаруживаемая у представителей любой нации, тем не менее известно, что англичан и американцев часто называют лицемерными, их критикуют и осуждают за лицемерие. Что касается англичан, существует давняя традиция приписывания им этого качества. Они даже признают это сами, например, такой заголовок: *We're a nation of utter hypocrites, says Alan Bennett* (the playwright attacks the English as ‘better than all the rest' at double standards’) – «Мы – нация полнейших лицемеров», – говорит Алан Беннет (драматург нападает на англичан как на людей, «лучше всех остальных», умеющих использовать двойные стандарты).

Как правильно подойти к изучению этого концепта?

В последние десятилетия активно развиваются концептологические исследования (раздел когнитивной науки). Исследуются концепты, их содержание и взаимосвязи внутри концептосферы. Многие ученые сосредоточились на определенных концептах как компонентах картины мира той или иной нации. Таким образом был изучен

широкий ряд концептов, и можно выявить определенные схемы, согласно которым это обычно делается. Концептологические исследования – это обширная область, включающая в себя более узкую сферу – лингвоконцептологические исследования, целью которых является описание концептов в их выражении языковыми средствами. Как и в нашем случае, концепт чаще всего представлен словом [Вежбицкая 1996, Арутюнова 1999].

Представители разных школ лингвистики соглашаются, что концепт – это основная единица сознания, объективируемая, в частности, при помощи языковых средств. Анализируя все языковые средства, с помощью которых передается определенный концепт, можно получить представление о содержании и структуре этого концепта и описать его. Такое описание не может быть исчерпывающим, однако, поскольку в качестве единиц сознания концепты имеют также и невербализованную (и невербализуемую) свою часть. В то же время именно анализ концептов в их языковом проявлении обеспечивает самые богатые, верифицируемые и надежные материалы для описания концептов.

Концепт называли «единицей ментальности» [Колесов 1992], «квантом знания» [Кубрякова 1996], «глобальной мыслительной единицей» [Попова, Стернин 2000], «единицей коллективного знания / сознания (отправляющей к высшим духовным ценностям), имеющей языковое выражение и отмеченной лингвокультурной спецификой» [Воркачев 2004]. Таким образом, концепт – это свойство сознания человека. В качестве функциональных единиц мышления, концепты являются и средством, и результатом категоризирующей деятельности, которой занято наше сознание. Люди мыслят концептами, а не словами. Как упоминалось, концепты объективируются при помощи языковых средств. Следовательно, язык – это один из инструментов, с помощью которых можно получить доступ к сознанию человека. И концепт, и его семантика имеют когнитивную природу. Значение – это часть концепта, фиксируемая посредством языковых знаков для целей коммуникации.

Уже при беглом взгляде на заголовки статей, посвященных лицемерию, становится ясно, что у этого концепта есть, как считают носители языка, и положительные, и отрицательные стороны. Он связан с такими концептами, как вежливость, такт (тактичность),

дипломатичность, с одной стороны, и двойные стандарты, ханжество и т. д. – с другой. Можно сказать, что этот концепт отражает фрагмент картины мира англоговорящих народов, их психологии, этических, моральных, религиозных и политических принципов.

Если посмотреть на заголовки статей и публикации, в которых они фигурируют, становится понятно, что те виды письменных произведений, в которых мы с наибольшей вероятностью обнаружим слово «лицемерие» и анализ одноименного понятия – это политический, религиозный, философский (этический) и психологический дискурс.

Чтобы проиллюстрировать типичный негативный взгляд на лицемерие, можно обратиться к интервью знаменитого английского драматурга Алана Беннета 2-го марта 2015 г. в британских СМИ. «Быть англичанином – значит, быть лицемером», – сказал он. Согласно его мнению, то, в чем Англия реально преуспела – это лицемерие. В качестве одного из участников серии передач в честь празднования 50-летия программы World at One (Весь мир заодно) 4-го канала радио «Би-Би-Си» его попросили назвать, что, как он считает, является достижениями мирового класса, характеризующими Великобританию. Он назвал лицемерие.

Алан Беннет раскритиковал пиар-индустрию, агентов по продаже недвижимости, частные школы, политиков и стремление Лондона делать деньги как те сферы, в которых лицемерие проявляется наиболее явно. В своем интервью он говорит, что считает умение устанавливать двойные стандарты областью, в которой англичане «лучше всех остальных». Он сказал: «В Англии, неискреннее выражение чувств (lip service – неискренние словоизлияния; неискреннее выражение преданности, любви; неискреннее выражение уважения; поддержка лишь на словах; лицемерие; пустые слова) – это то, что мы делаем лучше всего».

Он утверждает, что англичане слишком часто в силу лености предполагают, что проблемы, имеющие место в других странах, не существуют в их собственной стране: «Наши полицейские великолепны, при условии, что вы белый, принадлежите к среднему классу и не занимаетесь бродяжничеством. И смерть лица, находящегося под стражей или в тюремном заключении, случается только в Южной Америке. Здесь такого не бывает».

Алан Беннет добавил: «Незабываемая фраза в “Гамлете”, одна из немногих, которые не были выбраны в качестве цитаты или заголовка

для какого-нибудь произведения, это когда Клавдий устраивает так, чтобы Гамлета арестовали и казнили, стоит ему добраться до наших берегов. И в своем письме Клавдий пишет: “Сделай это, Англия”. И мы говорим, что делаем это или собираемся сделать это, но мы этого не делаем. Это делает Шотландия. И Уэльс. Но не Англия».

Писатель пожаловался, что английское лицемерие настолько вездесуще и всепроникающе, что может даже испортить сам язык: «Слова, которые сначала бывают хорошими и осмысленными, выражения типа “окружающая среда”, “энергосбережение” быстро утрачивают доверие, потому что они превращаются в политические или пиаровские лозунги и в конце концов становятся клишированными выражениями для брошюр агентов по продаже недвижимости. А это учебник по лицемерию», – сказал он.

Алан Беннет проявил добросовестность и самокритичность, включив и себя в список критикуемых и отметив: «Должен сказать, что не исключаю себя из заслуживающих эту суровую критику. Как я мог бы это сделать? Я – англичанин, я – лицемер».

Когда такое высказывание исходит от широко известного деятеля культуры, читатели начинают предполагать, что за ним стоит много положительных качеств, таких как скромность, честность, искренность, смирение и т. п. Такая самокритика выглядит правдиво и мужественно и вызывает уважение к выступающему. И всё же, драматург выразил мысль о том, что английское лицемерие – это отрицательная черта, достойная порицания.

Парадоксально, что попытка оправдать английское лицемерие была сделана не англичанином, а русским ученым – культурологом Георгием Гачевым. Он оценивает лицемерие как положительную черту английского национального характера, выстроив оригинальный социально ориентированный анализ этой характеристики, в которой англичан часто обвиняют. Можно объяснить это тем, что человек, находящийся «снаружи», а не внутри определенной культуры, видит ее особенности более отчетливо, чем находящиеся «внутри» ее.

Гачев начинает с того, что приглашает читателя поразмышлять о национальных пороках (они ведь тоже специфичны в каждом мире, говорит он): о **Лицемерии** и **Ханжестве** (Гачев пишет их с заглавной буквы и выделяет жирным шрифтом, как бы подчеркивая их концептуальный характер). На них часто указывают как на «специфические пороки джентльменов и джентлледи в английском Социуме. Но они

объяснимы и оправдываемы – как раз исходя из английского плюрализма!» [Гачев 2003, с. 164].

Согласно Гачеву, необычное и восхитительное свойство английского развития, по сравнению с другими странами, заключается в том, что ничто не уничтожалось там полностью и не вытеснялось другим элементом, который вставал на то же место, но просто слегка отодвигалось и сохранялось **рядом** со своим прежним противником.

Так монархия сосуществует с парламентом, палата лордов – с палатой общин, старые законы и прецеденты существуют рядом с новыми и т. п. То же с обычаями, ритуалами и нравами. «Англичане аккумулируют и сохраняют (‘консерваторы’ – консервируют!) все хорошие и все дурные явления во взаимном сосуществовании. Они – гении традиции. И ритуал вежливого поведения и почтительного обхождения хоть бы и с отъявленным мерзавцем есть уважение к строю Целого, к истеблишменту, который призван тут решать уравнение со столь многими неизвестными, согласовывать столь противоречащие друг другу интересы и страсти в многоразличных стратах национальной субстанции» [Гачев 2003, с. 164].

Лицемерие, таким образом, может оказаться неким проявлением скромности и воздержанности от суждения и осуждения ближнего, с презумцией и возможной неправоты своей. «Быть искренним и откровенно и напрямую выражать мнения в столь сложном социуме – такое поведение изобличало бы, скорее, твою амбициозную самоуверенность и глупость. *Enfant terrible* (*Fr.*), персонаж, столь излюбленный во французской литературе (‘Кандид’ и ‘Простодушный’ Вольтера...) и в русской (Пьер Безухов в ‘Войне и мире’ Толстого, князь Мышкин в ‘Идиоте’ Достоевского), приемлем, естествен в этих относительно прозрачных реальностях и просто устроенных социумах. Но в многоскладчатой Англии... – просто умнее держать свои мнения при себе и улыбаться человеку, которого ненавидишь, соблюдать декорум и не презирать, не обличать в открытую. Можешь, пожалуйста, давать выход этим отравляющим тебя эмоциям – ну, в сплетнях, сбоку, потом, в своем кругу и слое. Да и как знать: может, я и не прав? Так что заповедь ‘не суди!’, христианская, может и через порок лицемерия воспитываться и исполняться» [Гачев 2003, с. 164–165].

Георгий Гачев рассуждает также про **Ханжество**. Оно имеет место, когда человек притворяется нравственным, отнюдь таким в

действительности не являясь, и укоряет других, будучи сам гораздо хуже. «Однако он ставит нравственный закон выше себя (раз притворяется и сгибается перед ним) – и то уже неплохо в человеке. И он не бьет, не убивает, рукам волю не дает, но остается в рамках слова. Да, и лицемер, и ханжа – сосуды с ядом, но отрава эта все-таки удержана за стенами этих существ, в их замке и крепости, как в капсуле, наиболее отравляя их самих, а не пространство социума. И в пороке – самосделанный здесь человек, самоотравный. Втисненный в себя, спрессованный» [Гачев 2003, с. 165].

Поучительно, что сами англичане признают эту черту, что может быть признаком высокой степени социального и культурного самосознания. Не только Алан Беннет обсуждает английское лицемерие, но также, например, антрополог Кейт Фокс в своей книге «Наблюдая за англичанами. Скрытые правила английского поведения». Она рассматривает лицемерие как одну из выдающихся черт английского национального характера. В аннотации к книге говорится: «Кейт Фокс рассказывает в своей книге, как стеснительность (неуклюжесть / нескладность) и лицемерие правят нацией».

В начале своей книги К. Фокс называет лицемерие среди характеристик, которые относит к стереотипам, которые ей хотелось бы протестировать, проверить, например, английская сдержанность, вежливость, разговоры о погоде и т. п. Нужно отметить, что по большей части она приводит забавные примеры английского лицемерия, но не погружается в его положительные стороны, хотя сам тот факт, что они, с ее точки зрения, представляют собой что-то забавное и смешное, может рассматриваться как нечто позитивное.

Ее иллюстрации английского лицемерия направлены главным образом на его оправдание – что, возможно, подразумевает ее согласие с теми, кто осуждает его как порок. В то же время в начале своей книги К. Фокс высказывает предположение, что «этот отчетливо английский вид лицемерия может даже оказаться одной из ‘определяющих характеристик’, которые мы ищем» (this distinctively English brand of hypocrisy... might even turn out to be one of the «defining characteristics» we are looking for) [Fox 2004, с. 83].

Сказав о «нашем благочестивом отрицании нашей одержимости классовыми различиями» (our pious denial of our class-obsessions) и подчеркнув, что оно (это отрицание) не так уж сильно предназначено для

того, чтобы вводить в заблуждение (что звучит опять-таки как оправдание), К. Фокс объясняет, как она понимает лицемерные установки – они ей видятся как тенденция заниматься самообманом в большей степени, чем каким-либо преднамеренным обманом других. Она называет это конкретное проявление лицемерия «своего рода коллективным самообманом» (a kind of collective self-deception) [Fox 2004, с. 83]. Из психологической литературы известно, что лицемерие действительно часто подразумевает самообман, поэтому ее рассуждения звучат достоверно.

Следующий пример К. Фокс берет из этикета пабов. Это ремарка: «А кружку (порцию) для Вас?», – адресуемая бармену, что по сути является сложным окольным и косвенным способом дать чаевые. Иностранцы, которых она опросила по этому поводу, выразили скептицизм и недоверие по поводу запутанного и хитроумного этикета английских пабов (реакция американца) и категорически отказались принимать всерьез всю эту процедуру как «типично английское лицемерие» (реакция француза).

Но далее К. Фокс подчеркивает важный момент: она проводит параллель между вежливостью и лицемерием, сказав: «Безусловно, всякая вежливость – это форма лицемерия: почти по определению она подразумевает притворство» (surely, all politeness is a form of hypocrisy: almost by definition, it involves pretence) [Fox 2004, с. 97]. К. Фокс говорит о лично своем толковании понятия «лицемерие» как осознанного, преднамеренного обмана других людей, тогда как вежливый эгалитаризм англичан, как ей кажется, включает коллективный и даже подразумевающий сотрудничество между «членами коллектива» самообман. «Наши учтивости», – говорит она, – «явно не являются отражением искренних, неподдельных верований, но они и не являются циничными, расчетливыми попытками обмануть» (и в данном рассуждении явно просматривается ее отрицательное отношение к лицемерию).

Еще один пример лицемерного поведения, приведенный данным автором, – поведение владельцев нового жилья (как небольших и изящных домиков, так и величественных загородных домов), которые «стонут» по поводу всех своих трудностей, беспокойств, неудобств и «кошмаров», связанных с приобретением и усовершенствованием этого жилья. К. Фокс замечает с юмором: «Если это делается умело,

с правильно подобранным юмористическим видом долготерпения и многострадания, такой тип стенаний со стороны англичан может быть необыкновенно убедительным и в высшей степени эффективным для предотвращения зависти (Done well, with just the right air of long-suffering humour, this kind of English moaning can be remarkably convincing, and highly effective in deflecting envy) [Fox 2004, с. 120]. В то же время, говорит она, это можно понимать как одно еще проявление английского «вежливого эгалитаризма», т. е. менее гнусной и возмутительной формы лицемерия. Этот пример, как представляется, довольно хорошо иллюстрирует оценку Г. Гачевым лицемерия как полезного социального навыка.

Следующий пример К. Фокс – весьма знаменитое выражение «лицемерие викторианской эпохи». Она упоминает его в связи с поляризацией политических взглядов в Англии, где лицемерие викторианцев цитируется наряду с колониализмом и другими отрицательными явлениями политическими «левыми», чтобы доказать, что англичане всегда были «жуткими и неприятными». Викторианская эпоха действительно отличалась резкими контрастами, и об этом сообщается даже в Википедии: «Историки сейчас рассматривают викторианскую эпоху как период многочисленных противоречий, таких как распространенное культивирование внешних проявлений достоинства и сдержанности одновременно с преобладанием таких социальных явлений, как проституция и детский труд. Из попыток улучшить преобладающие суровые условия жизни многих людей при жесткой классовой системе появилось огромное количество социальных движений. Термин «викторианство» приобрел целый спектр оттенков смысла, включая значение особенно строгого набора нравственных норм, часто применяемых лицемерно».

Оказывается, лицемерие – очень популярный предмет дискуссий по обе стороны Атлантики. Например, американский пастор Стив Свон обсуждает положительные стороны лицемерия в своей статье «Мысль о лицемерии» (A Thought about Hypocrisy) (May 14, 2013): «Но оно не полностью плохое. Забавно в лицемерии то, что оно – своим лживым, исковерканным образом – является фактически комплиментом истине и добру. Ларошфуко когда-то сказал, что лицемерие – это дань, которую порок платит добродетели. Это значит, что, каким бы плохим лицемер ни был, его поведение остается косвенным

комплиментом (добродетели). Лицемер-изменщик, испорченный до мозга костей, по крайней мере не отрицает, что адюльтер – это плохо. То, что хорошо и правильно, все равно провозглашается хорошим и правильным. О лицемерах можно многое сказать, но во всяком случае есть одно хорошее качество – по крайней мере, они знают, как им следовало бы жить. Они притворяются все время! Хоть лицемерие и серьезный порок, но бóльшим пороком является тот, на который надави – и он просто меняет хорошее на плохое, с плюса на минус то, что хорошо и правильно. Я с Вами разговариваю, представители нравственного релятивизма!». Как видим, мнение С. Свона предполагает, что есть иерархия грехов, по которой лицемерие – не самый худший грех. То есть в лицемерии хорошо то, что оно не худший из грехов.

Американский журналист Алан Эренхолт начинает свою статью под названием «У лицемерия свои добродетели» Hypocrisy Has Its Virtues (February 6, 2001) так: «Нам нужно быть осторожными, а то мы изгоним своих лучших лицемеров из общественной жизни». Это заявление может показаться комичным, но аргументы у автора точные, меткие и соответствующие существу вопроса: «Я не шучу. Хоть мы и любим осуждать всякие виды лицемерия, не все они одинаковы с точки зрения нравственности. Хороший лицемер верит в те ценности, которые провозглашает, но он просто слишком слаб, чтобы жить согласно им. Он преступает нравственные нормы. Потом он сожалеет об этом. Он может преступать их снова и снова, но каждый раз будет сожалеть об этом. Плохой лицемер неискренне выражает преданность системе принципов, но не верит ни слову из того, что говорит. Чем чаще ему удается оставаться безнаказанным и выходить сухим из воды, тем больше удовольствия он получает».

Образцом хорошего лицемера в политике, говорит журналист, был Уильям Гладстон, премьер-министр Великобритании XIX в. Он был благочестивым членом англиканской церкви и страстным борцом за нравственность. Гладстон вызывал всеобщее восхищение своими смелыми прогулками по ночному Лондону, во время которых настоятельно призывал лондонских проституток из Вест-Энда пересмотреть свое поведение и встать на путь истинный. И только в середине XX в., когда наконец были опубликованы дневники Гладстона, стало ясно, что его интерес к этим женщинам шел гораздо дальше, чем простое

чтение им наставлений. У него было обыкновение, возвратившись домой после этих прогулок, пороть себя кнутом за обман, в котором он жил.

Гладстон соответствует определению лицемера. Он также соответствует определению порядочного, тревожного и беспокойного человека. Он написал в своем дневнике, что сексуальное лицемерие – «это главное бремя моей души».

Плохой лицемер – это человек типа сенатора Джозефа Маккарти, кампания которого в защиту приличий, религии и спасения американской демократии была построена на злобной клевете и очернительстве. Маккарти лгал с озорным блеском в глазах и едва ли не подзадоривал репортеров вывести его на чистую воду, зная, что они никогда это не сделают. «Вот тип лицемера, которого нам нужно бояться», – говорит А. Эренхолт.

Проблема, конечно, в том, считает этот автор, что часто мы не можем быть уверены, с каким именно типом лицемерия имеем дело. Большинство общественных деятелей, пойманных на том, что живут во лжи, приводят аргументы, хотя бы частично заставляющие нас поверить, что они искренне сожалеют и больше никогда так делать не будут, и у нас мало других вариантов, кроме как принимать всё это на веру, но всерьез.

Это различие между хорошим и плохим лицемером, предложенное А. Эренхолтом, и оппозиция «Уильям Гладстон, в отличие от сенатора Джозефа Маккарти», кажутся особенно значимыми для обсуждаемой темы. Можно сказать, что «хорошие» лицемеры вносят в общество некий положительный вклад, тогда как «плохие» лицемеры этого не делают. Таким образом, «хорошее» лицемерие можно отличить от других типов лицемерия, согласно А. Эренхолту.

На фоне всех этих рассуждений любопытно отметить довольно категоричное замечание выдающегося лингвиста В. И. Карасика, связанное с понятием «лицемерие». Исследователь упоминает его в своей книге «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», в параграфе под названием «Бытийный дискурс», в той его части, где говорится о парадоксах. В. И. Карасик приводит знаменитую цитату из У. С. Моэма о лицемерии: «Hypocrisy is the most difficult and nerve-racking vice that any man can pursue; it needs an unceasing vigilance and a rare detachment of spirit. It cannot, like adultery or gluttony, be practiced at spare moments; it is a whole-time job». («Лицемерие – это самый

трудный и нервирующий порок, которому может предаваться человек; оно требует неустанной бдительности и редкой отрешенности духа. Им нельзя заниматься, как прелюбодеянием или чревоугодием, в свободное время, это – постоянное занятие».) В. И. Карасик приводит данную цитату как образец парадокса-иллюстрации, анализируя далее ее парадоксальность и отмечая: «Но имитация чистосердечного добродетельного поведения вызывает у носителей языка ассоциации иного плана: мы не сочувствуем лицемеру, а презираем его» [Карасик 2004, с. 303]. Представляется, что в данном высказывании мы скорее наблюдаем отношение к лицемерию, типичное для русских, чем то, что демонстрируют носители английского языка – если учесть то, что говорят А. Беннет, К. Фокс и прочие авторы. Возможно, характерный для нашего времени нравственный релятивизм, упомянутый С. Своном, также играет здесь свою роль.

Подтверждение различного отношения к лицемерию представителей английской и русской культуры находим в Главе I монографии [Язык как культурный код нации 2014, с. 22]. Здесь говорится о результатах исследования, описанных в работе отечественных лингвистов [Карташкова, Куражова, Егорова 2009], которые показывают, что «англичане в первую очередь осуждают жадных, любопытных, легкомысленных, напыщенных, грубых, невоспитанных, невзрачных, некрасивых людей, а русские – лживых, лицемерных, льстивых, заискивающих, уродливых, безобразных».

Посмотрим далее рецензию Джейсона Джоунза на книгу «В защиту лицемерия: выбирая союзников в войне с добродетелью» автора Джереми Лотта [Nelson Current]. Оставляя в стороне политические разногласия, можно сосредоточиться на том, как рецензент описывает «вечные» аргументы в защиту лицемерия. Он считает, что эта книга побуждает нас помнить, что безотчетная непроизвольная, неконтролируемая антипатия по отношению к лицемерию – это морально-нравственная ошибка. По его мнению, книга «предлагает лестную, приукрашенную пародию на имеющую длительную традицию консервативную терпимость по отношению к лицемерию». Та часть его рецензии, которая суммирует предыдущие обсуждения лицемерия, особенно существенна для нашего вопроса.

Джейсон Б. Джоунз пишет: «...лицемерие и в самом деле заслуживает защиты, и обычная консервативная защита лицемерия, вне

зависимости от того, исходит ли она от Ларошфуко, Берка, Хьюма или из какого-либо другого источника, является сочувственной, нравственно серьезной и философски внятной. У такой защиты бывает умеренная версия и версия с прогрессивным подходом. Умеренная версия принимает сторону Браунинга, отмечая, что «зона доступа человека должна превышать его сферу охвата, Иначе для чего же Небеса?» (...a man's reach should exceed his grasp, / Or what's a heaven for?) Перед лицом человеческого несовершенства то, что наше личное поведение в частной жизни обычно не столь блестяще, как наша публичная самопрезентация, едва ли может кого-то удивлять. Когда человек не дотягивает до своих собственных, им самим постулированных идеалов, единственно правильной реакцией может быть только сочувствие и чувство, что «не приведи Господи»... Джордж Элиот, в своих «Впечатлениях Теофраста такого-то», попыталась отсечь ожидание какой-либо связи между общественной и частной жизнью, настаивая посредством «Теофраста такого-то», что при условии, что публичные результаты решений общественного лица являются благотворными, тогда личная нравственность в частной жизни не имеет значения.

Существует более агрессивная позиция терпимого отношения к лицемерию, выходящая за пределы афоризма Ларошфуко насчет «дани, которую порок платит добродетели». Под пером Эдмунда Берка, например, существование лицемерия следует воспринимать как признак нравственного здоровья общества. В конце концов, лицемерие прежде всего – это признак пристыженности человека, упражняющегося в нем; оно свидетельствует, публично и загодя, что действия человека, по крайней мере, не таковы, которые заслуживают похвалы. Более того, как объяснил Д. Бромвич [Bromwich 1994], по объяснению Берка, лицемерие ослабляет порок, укрепляя публичную приверженность сообщества добродетели. (Двумя способами: лицемер и его аудитория превозносят добродетель до изобличения лицемера, и затем само разоблачение превращается в возможность вновь подтвердить добродетель и осудить порок.) До некоторой степени, сам акт лицемерия делает применяющего его лучше, потому что он / она должны привычно притворяться хорошими.

Такая имеющая долгосрочную традицию аргументация в пользу лицемерия все еще, по мнению Джейсона Б. Джоунза, является весьма убедительной.

В заключение обобщим положительные стороны лицемерия:

1. Согласно Алану Беннету, лицемерие – это одно из достижений мирового класса, характерных для Великобритании.
2. Лицемерие помогает англичанам считать, что проблемы, негативно сказывающиеся на жителях других стран, отсутствуют в их собственной стране (опять-таки, согласно Алану Беннету).
3. Лицемерие объяснимо и может быть оправдано, если исходить из английского плюрализма.
4. Лицемерие требуется англичанам, чтобы быть в состоянии принимать все положительные и отрицательные социальные явления в их сосуществовании, согласно Г. Гачеву.
5. Человеку требуется лицемерие, чтобы вежливо вести себя и почтительно обращаться даже с отъявленным негодяем, что есть проявление уважения по отношению к строю всего общества.
6. Лицемерие может быть своего рода скромностью, некоторым воздержанием от суждений и осуждения своего ближнего, когда в то же самое время допускается возможность своих собственных ошибок в суждениях.
7. Благодаря лицемерию можно культивировать христианскую заповедь «Не суди!»
8. Лицемер ставит нравственный закон выше себя.
9. Лицемер и ханжа держат свой яд внутри своей «крепости», а не отравляют им социальное пространство.
10. Согласно К. Фокс, можно провести параллель между лицемерием и вежливостью: безусловно, всякая вежливость есть некая форма лицемерия: почти по определению, она подразумевает притворство. Но, как всем известно, вежливость – это явление позитивное.
11. Согласно К. Фокс, английские формы вежливости не являются отражением неподдельных задушевных убеждений, но они также не являются циничными, расчетливыми попытками обмануть.
12. Согласно той же исследовательнице, лицемерные стенания владельцев нового жилья могут быть поразительно убедительными и в высшей степени эффективными для предотвращения зависти.
13. Английский «вежливый эгалитаризм» – это менее возмутительная и ненавистная форма лицемерия, согласно К. Фокс.

14. Лицемерие – это комплимент истине и добру.
15. Согласно Алану Эренхолту, следует разграничивать хороших лицемеров и плохих. Хорошие лицемеры заслуживают того, чтобы относиться к ним иначе, чем к плохим.
16. Лицемерие заслуживает защиты, например традиционную консервативную защиту лицемерия, которая сочувственна, нравственно серьезна и философски связна и логична.
17. Согласно Эдмунду Берку, существование лицемерия следует воспринимать как признак нравственного здоровья общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова О. В. Когнитивная функция языка в свете функционального подхода к ее изучению // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ун-та имени С. А. Есенина, 2000. Т. 3. Языкознание. С. 15–23.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Шк. «Языки русской культуры», 1999. 896 с.

В Англии все наоборот. Антология английского юмора. Афоризмы, эссе, рассказы, пародии. М. : Б.С.Г.-Пресс, 2006. 702 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. М. : Русские словари, 1996. 416 с.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 237 с.

Гачев Г. Ментальности народов мира. Сходства и отличия. М. : Эксмо, 2003. 541 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.

Карташкова Ф. И., Куражова И. В., Егорова А. В. Имена животных как отражение картины мира в английской лингвокультуре. Иваново : Ивановский государственный ун-т, 2009. 152 с.

Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. № 16. 1992. С. 30–40.

Комова Т. А. Введение в сопоставительную лингвокультурологию. Великобритания – Россия / Т. А. Komova. Introduction to Comparative Studies of Language and Culture. Great Britain – Russia. A course of lectures. М. : КРАСАНД, 2010. 124 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 245 с.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 507 с.

Островская Т. А., Плаксина В. А. Философско-лингвистическое осмысление понятия «лицемерие / hypocrisy» в процессе концептуализации // Лингвокультурология. Екатеринбург : УГПУ, 2016. № 10. С. 291–299.

Плаксина В. А. Реализации кластерного концепта «Лицемерие / hypocrisy» в дискурсивном пространстве политики // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 1. С. 91–95.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. 191 с.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М. : АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. 287 с.

Филиппова М. М. Английский национальный характер : учебное пособие. М. : АСТ : Астрель, 2007. 383 с.

Язык как культурный код нации / отв. ред. А. В. Зеленщиков, Е. Г. Хомякова. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2014. 264 с.

Языки как образ мира. М. : Издательство АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 570 с.

Bromwich D. Politics by Other Means: Higher Education and Group Thinking. Yale University Press, 1994. 276 p.

Ehrenhalt A. Hypocrisy Has Its Virtues. The New York Times. US edition. February 6, 2001.

Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London : Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.

Jones J. B. In Defense of Hypocrisy: Picking Sides in the War on Virtue by Jeremy Lott. URL : www.bookslut.com/nonfiction/2006_11_010195.php

Johnston I. What does England most excel at? ‘Hypocrisy,’ says playwright Alan Bennett // The Independent. 2 March 2015.

Дата ретракции: 28.10.2020
Основание для ретракции статьи – дублирование статьи в нескольких публикациях: *Шиженский Р. В.* Современное русское язычество как пример «воображаемого сообщества» // Colloquium heptaplomeres. 2017. № 4. С. 73–81.

УДК 298.9

Р. В. Шиженский

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий каф. истории России и вспомогательных
исторических дисциплин факультета гуманитарных наук
Нижегородского государственного педагогического университета
имени Козьмы Минина; e-mail: heit@inbox.ru

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО КАК ПРИМЕР «ВООБРАЖАЕМОГО СООБЩЕСТВА»

Появившись в конце 70-х гг. XX столетия, современное русское язычество, заявило о себе не только как о новом религиозном проекте. В нарративах лидеров и идеологов языческий конструкт претендует на статус мировоззрения, синкретизируя политику, мифологию, социально-культурные проекции. Создаваясь как движение-протест, движение-вызов, русское язычество выбрало в качестве идеологической платформы аутентичность – как религиозную, так и национальную. В статье на основании широкого круга источников (интервью с лидерами языческих групп, сочинений идеологов, материалов Интернета) рассматриваются особенности русского языческого национализма. В качестве методической площадки, позволившей определить характерные черты национализма и сравнить их с отечественной версией язычества, автор использовал гипотезу о воображаемых сообществах Бенедикта Андерсона. В ходе исследования определены следующие концепты русского языческого национализма: во-первых, попытка построения собственного микромира (горизонтального товарищества) с использованием гиперболизированной антитезы «свой» «чужой»; во-вторых, наличие языческого культа корней и безымянных героев; в-третьих, конструирование собственной альтернативной истории; в-четвертых, «языческая осязаемость», достигаемая через обрядовые практики, визуализацию, активное использование печатного языка, путешествия и зоны религиозной свободы (капища, школы и гипотетические языческие монастыри).

Ключевые слова: современное русское язычество; национализм; сообщество; община; параллель; идеолог.

R. V. Shizhenskiy

PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of Russian History
and Peripheral Historical Courses, Faculty of the Humanities,
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Nizhny Novgorod; e-mail: heit@inbox.ru

THE MODERN RUSSIAN PAGANISM AS AN EXAMPLE OF “IMAGINED COMMUNITY”

Having appeared in the second half of the 70s of the XX century, the contemporary Russian paganism declared itself not only as a new religious project. In narratives of

ОТОЗВАНА 28.10.2020

leaders and ideologues the pagan construct claims to gain the status of the world outlook by syncretizing politics, mythology, social and cultural perspectives. One of the focal issues of the neo-paganism, relevant both at the dawn of the phenomenon and currently, is the issue related to self-identification of the movement proselytes. Being created as the movement of protest, the movement of challenge, the Russian paganism chose the authenticity, both religious and national, as the ideological platform. The article, on the basis of a wide range of sources (interviews with leaders of pagan groups, ideologues' written works, information from the Internet) deals with particular features of the Russian pagan nationalism. The author employs the hypothesis about the imagined communities of Benedict Anderson as methodological grounds which helped to identify the characteristics of nationalism and compare them with the domestic version of the paganism. The study resulted in determination of the following concepts of the Russian pagan nationalism: firstly, an attempt to create its own microcosm (horizontal fellowship) using the hyperbolized antithesis "friend / foe"; secondly, the existence of the pagan cult of roots and nameless heroes; thirdly, design of own alternative history; fourthly, "the pagan tactility" achieved via ritual practices, visualization, active use of the printed language, travel and areas of religious freedom (pagan temples, schools, and hypothetical pagan monasteries).

Key words: contemporary Russian paganism; nationalism; community; common; parallel; ideologue.

Круг проблем, связанных с идеологическими проектами языческого «микромира», и de jure, и de facto является основополагающим как для массы носителей данного мировоззрения, так и для научного сообщества, изучающего феномен современного русского политеизма. В свою очередь, открытым остается вопрос о национализме как важнейшем элементе идеологии младоязыческих групп. Определение «градуса» «язычника национальствующего», следует рассматривать как ключевую тему отечественных и зарубежных научных штудий [Шнирельман 2012, с. 52], посвященных русскому «родноверию» (от словосочетания «родная вера») [Шиженский 2016, с. 82] последней трети XX – начала XXI вв. В данной связи весьма интересным представляется рассмотрение основных националистических дискурсов в современном русском язычестве, используя гипотезу профессора Б. Андерсона. Последняя была представлена британским политологом в знаменитой книге «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма».

Подтверждение теоретических выводов Андерсона – своеобразный языческий параллелизм идейному багажу исследователя, фиксируется уже на стадии понятийного комплекса. Так, в разделе

ОТОЗВАНА 28.10.2020

«Понятия и определения» британский ученый обращается к рассмотрению нации – ключевого элемента системы национализма. Нация в представлении Андерсона – это воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности [Андерсон 2001, с. 28–29].

Отметим, роль нации Андерсона, применительно к современному русскому языческому сообществу, выполняет как все движение в целом, так и отдельное объединение – община. Одним из ярчайших универсумов, характерных для младоязычества, безусловно, является самоопределение, построенное на гиперболизированной антитезе «свой» «чужой». При этом общность / нация), по мнению Андерсона, в настоящее время воображается ограниченной и свободной. Дискурсы, позволяющие язычнику XXI в. ограничить свое «Я» рамками общины и вместе с тем считать себя членом свободного социума – «языческого мира», крайне разнообразны и принадлежат к целой линейки источниковых страт. К последним относятся внешние, наиболее быстро узнаваемые элементы, обозначенные нами как «первичные»: обрядовое облачение, повседневная одежда, «обогащенная» языческой атрибутикой (этническая / псевдоэтническая вышивка, соответствующие аппликации, слоганы и т. д.), ювелирные изделия, содержащие языческую символику, либо являющиеся репликой эпохи «золотого века», характерный татуаж и наиболее выявляющий, подчеркивающий элемент языческой аутентичности, – амулет, оберег. Соответственно, к внутренним, «вторичным», признакам следует отнести использование прозелитами движения особого языка и ономастикона [Казаков 2011], непосредственное участие в празднично-обрядовом цикле, создание языческого символа веры, погружение в специализированную ойкумену литературы, кино, музыки и сети Интернет. Наконец, можно выделить «третичный» элемент, позволяющий консолидировать разноплановые объединения и отдельных адептов данного феномена в единую общность язычников. Этот элемент представлен как фигурами идеологов современного политеизма: харизмой, ораторским и интеллектуальным багажом, так и идеологическими проектами

ОТОЗВАНА 28.10.2020

языческих лидеров, позволяющих, в частности, время от времени напоминать пастве о единстве. В данной связи следует обратить внимание на создание в последнее время своего рода надобщинных консультативных органов: «Сибирское Вече – объединения языческих общин Сибири» (31.03.2015.) [Сибирское Вече 2016], «Вечевой центр Содружества языческих объединений России» (27.06.2016) и т. п. Кроме того, активно развиваются «традиционные» союзы: «Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры» (основан в 1997 году) и «Содружество общин «Велесов Круг»» (основан в 1999 году); продолжается поиск новых мировоззренческих форм через авторское язычество Н. Н. Сперанского (Велимира), В. С. Казакова (Вадима), И. Г. Черкасова (Велеслава), Б. А. Гасанова (Богумила), М. А. Ионова (Белояра), Д. А. Гаврилова (Иггельда), Е. А. Нечкасова (Askr Svarte) [Шиженский 2014, с. 171–176; Шиженский 2014, с. 177–184; Шиженский 2014, с. 102–116; Суровегина 2015, с. 117–120] и др.

Нация Андерсона близка языческой составляющей русской религиозной карты конца XX – начала XXI вв. еще одной особенностью. Общим является воображение и нации, и современной русской языческой диаспоры сообществом – «глубоким горизонтальным товариществом» [Андерсон 2001, с. 30]. Большинство российских политеистических групп и лидеров-одиночек, в своих уставных документах, отдают предпочтение вечевым формам управления [Велимир 2013, с. 50; Устав ССО СРВ 2017; Текущий состав Пятиглава переизбран на новый двухлетний срок 2017]. Кроме того, горизонтальность проявляется и в гендерных отношениях. Женщины русских языческих общин при разделении хозяйственных обязанностей, наравне с мужским полом формируют мифологемы, принимают активное участие в ритуальных практиках, занимают ведущее положение в «сословии» служителей культа и реализуют «свое язычество», в том числе, через нарративы [Верея (Светлана Зобнина) 2006, с. 40; Арина Веста 2015, с. 185].

Параллелизм национализма воображаемых сообществ и современного русского язычества не исчерпывается наличием общих положений между нацией и общиной / движением в целом. Во многом идентичными являются и культурные корни рассматриваемых концептов. Как отмечает Андерсон, важнейшим символом современной культуры национализма являются монументы и могилы Неизвестного

ОТОЗВАНА 28.10.2020

солдата: «Несмотря на то, что в этих пустых могилах нет ни поддающихся идентификации смертных останков, ни бессмертных душ, они прямо-таки наполнены признаками национального воображения» [Верея (Светлана Зобнина) 2006, с. 40; Арина Веста 2015, с. 185]. Героизация – анонимная и персональная, еще один яркий образчик современного славянского язычества. В качестве примера, сошлемся на нарративы нативистов первой и второй «волны»: А. А. Добровольского (Доброслава), В. С. Казакова и Н. Н. Сперанского (Велимира). В работах обозначенных идеологов воспеваются подвиги балтийских (руян, вильцев) и восточных (вятичей) славян, противостоящих христианизации, отмечается роль русских сект, ватаг разбойников, борющихся за народную свободу [Влх. Велимир 2012, с. 271; Доброслав 2004, с. 67; Доброслав 2004; с. 53; Казаков 2017]. Не обходят писатели от нативизма и тему символизма Великой Отечественной войны, находя языческое в монументах «Вечный огонь», «Родина-Мать», культах победы и оружия, символизме военного плаката и образах художественного кино той эпохи [Сперанский 2014; Наговицын 2017]. В этот же ряд можно поставить и сверханонимного человека языческого «золотого века»: эпохи, хронологически потерявшейся между палеолитом и утверждением на землях славянских племен христианства. Соответственно, культурные корни=культ корней, неотъемлемая часть и национализма, и язычества, в современном их проявлении. Причем языческая / национальная «безымянность» усиливается идеей высшей жертвенности, фатальности, смерти за Родину [Андерсон 2001, с. 170]. И пишется эта немая история одинаково и у язычников, и у националистов – «от настоящего к прошлому». Развивая данное положение, британский ученый выделяет «чревовещание наоборот» – способность говорить от лица анонимных умерших как еще одну константу национализма. Современное русское язычество также активно использует данную методу, особенно в беллетристике. Весьма показателен монолог киевского князя Владимира Святославича – исторического антигероя отечественных политеистов, вышедший из-под пера одного из первых младоязыческих поэтов И. И. Кобзева:

Вдруг ударил Владимир по столу:
– Аль ты наших слов не слыхал, певец?
Аль решил на своем упорствовать?
Твой Дажбог – не бог. И не бог – Перун.

ОТОЗВАНА 28.10.2020

Русский люд их, как сказку, выдумал.
И чтоб впредь ни в слове, ни в звоне струн
Не слыхать нам про этих идолов!
Мы иного господа чтить велим.
Хватит бесу молиться черному!
Всех перунов днесь мы огнем спалим,
Как нечистую силу чертову! [Кобзев, 2016]

Сюда же вписываются и массы языческих демотиваторов, несущие изображения безымянных славянских витязей, заявляющих с черных квадратов: «Мой Бог меня рабом не называл», «Я УМЕР В БОЮ, ПОПАЛ В ВАЛЬХАЛУ / а ты будешь молиться, поститься и умрешь рабом, иудео-христианин» [Шиженский 2012, с. 77–78].

Дальнейшие поиски вывели Андерсона на анализ религиозного сообщества. Данная культурная система (система координат), по мнению исследователя, в пору своего расцвета соответствовала сегодняшнему национализму. Вполне естественно, что язычество конца XX – начала XXI вв., являясь в значительной своей части феноменом религиозным, содержит определенный набор характеристик, свойственных и религиозным сообществам, рассматривая последних в русле гипотезы британского ученого. «Священный язык и скрижали» [Андерсон 2001, с. 34], истинность и неслучайность письменного знака позволили, по мнению Андерсона, социумам прошлого говорить о «нашей вере» = «истиной вере», уже в этой коннотации, противопоставлять свое – истинное и чужое – ложное. Как отмечалось выше, современные русские язычники также активно модулируют собственный язык, вводят в оборот проекции священных текстов: обрядников, разнообразных «книг основ», «книг учений» [Велеслав 2003; Изборник Обрядный. Родноверческое Богословие 2005; Сперанский 2015; Влх. Богумил 2015]. Последние содержат не только символ веры, обрядовый календарь, пантеон и т. д., но и формируют языческое «Я», пошагово формируя «истинного родновера». В качестве примеров приведем некоторые положения, характеризующие «языческую самость». В книге «Азбука начинающего язычника» Скрытимир Волк (С. С. Лифантьев), считающий себя представителем классического направления, обращает внимание на мировоззренческие особенности данной группы, в том числе на следующие:

ОТОЗВАНА 28.10.2020

<...> 2) При наличии сексуальной магии, половые отношения вне брака у нас, мягко говоря, не приветствуются, а за различные извращения предусмотрены изгнание и жесткие наказания, так как это «противостояние христианскому ханжеству» противоречит языческой сути полового контакта – зачатию и плодородию, равно как и языческому же принципу всеобщей и равной ответственности. Потому у нас гораздо меньше разврата, чем у современных «цивилизованных людей»; 3) Алтарями и изображениями богов нам служит сама природа – леса, вода и земля. Для лучшего восприятия бога новичками и ради отдельных психологических моментов мы ставим идолов и идольцев, но всегда помним о том, что изображение не является самим богом; <...> 5) Будучи терпимы ко остальным верам, после кровавого крещения и поповского безверия, большинство из нас – христоборцы. Остальные же не считают Христа виноватым, но винят в искажении его учения и последствиях оного остальных христианских идеологов – от древних апостолов до последнего современного дьяка; <...> 7) Самое главное – мы чтим Правду, которой является свод законов, определяющих бытие и чистоту мира; Правду, пред которой и боги, и люди одинаково в ответе за свои деяния. Живем в согласии с правдой: не лжем, не убиваем ради забавы, не отнимаем чужого имущества, не забиваем слабых и не бросаем больных и одиноких, помогаем друзьям и случайным людям всем, что нам по силам, не терпим не-Правды, но если таковая случается – пресекаем ее и ликвидируем последствия ее появления <...> [Лифантьев 2016, с. 675–676]

или

«Что значит быть Родновером?» Это значит жить по Совести, в ладу с самим собой и окружающей Природой. <…> Прилагать все силы для того, чтобы быть Сильным, Мудрым и Здравым, достойным славы своих Предков <…> Это значит Ведать, непосредственно переживать действительность, а не слепо верить в химеры. Ведать и помнить, что ты есть Сын Божий, Славный Родич Рода Божьего, а не униженный и недостойный “раб Божий” [Влх. Велеслав 2010, с. 19]

или

Основы мировоззрения родноверов таковы: мир сотворен Богами; дух и материя едины и находятся в непрерывном взаимодействии; мир одновременно един и множествен; природа имеет одухотворенное начало; люди потомки Богов <…> [ССО СРВ. Славянская Родная Вера 2014, с. 21].

ОТОЗВАНА 28.10.2020

Нельзя не согласиться с профессором в том плане, что нация, в нашем случае языческая группа (все сегодняшнее русское язычество), стала «мыслимой» благодаря изображениям: визуальным и акустическим, при этом всегда персональным и партикулярным. Выбор своего (личного) бога из обширного пантеона, создание своего бубна, авторский крой и вышивка праздничной рубахи, просмотр своих демотиваторов по теме, праздничное коллективное пение (формирующее, по Андерсону, переживание одновременности) и т. п. – быстро впитывается массой общинников и со временем формирует языческую историю, превращает воображаемое язычество в осязаемое. В своем труде Андерсон уделяет особое внимание языковой общности как фундаменту нации, позволяющей «пригласить человека в воображаемое сообщество» [Андерсон 2001, с. 162]. Соединение последней с исторической фатальности позволяет политологу определить статус нации как нечто в одно и то же время открытое и закрытое. Тем же статусом обладает и современное русское язычество – приглашающее неофитов на праздничные действа при одновременной обособленности, диаспоральности, проявляющейся как на микроуровне (скажем, через авторский прием новых членов в общину), так и на макроуровне (общей ностальгией по потерянной родине эпохи золотого века).

Идентична и источниковая база национального сознания (по Андерсону), и современного языческого конструкта («вымышленного мира») [Силантьев 2017, с. 181–189]. Роль реактива в обоих случаях великолепно исполнила печать, вернее, «печать-как-товар» [Андерсон 2001, с. 58]. Если для британского исследователя первым автором бестселлеров, сумевшим продать новые книги, опираясь на свое имя, стал Лютер, то для русского языческого поля последней трети XX столетия, такой фигурой, безусловно, являлся А. А. Добровольский (Доброслав), за годы своей просветительской деятельности сумевший выпустить более сорока работ. Как и в случае с протестантизмом, одним из важнейших факторов распространения идеи через книгу стала дешевизна доброславовских изданий. Со временем эстафету пионера языческого печатного слова приняли В. С. Казаков, Н. Н. Сперанский, Б. А. Гасанов, И. Г. Черкасов и многие другие. Появились и активно работали(-ют) с писателями от политеизма специализированные издания: «Ладога-100», «Велигор» и т. д.

ОТОЗВАНА 28.10.2020

Андерсон отмечает, что печатные языки закладывали основы национального сознания тремя разными способами. Два способа набором функциональных характеристик идентичны становлению русского язычества XX в.

Во-первых, они создавали унифицированные поля обмена и коммуникации ... [люди] обрели способность понимать друг друга через печать и газету. В этом процессе они постепенно стали сознавать присутствие сотен тысяч или даже миллионов людей в их особом языковом поле, но одновременно и то, что *только эти* сотни тысяч или миллионы к нему принадлежали. И именно эти сочитатели, с которыми они были связаны печатью, образовали в своей секулярной, партикулярной, зримой незримости зародыш национально воображаемого сообщества [Андерсон 2001, с. 65].

Выделяемый способ характерен и для влияния «языческого печатного языка». Если на заре своего становления коммуникатором, связывающим отдельных идеологов рассматриваемого феномена, выступали эпистолярные источники, объявления [Суровегина 2016, с. 93–94], самиздатовские листовки и рукописные растиражированные «волховники» [Родолюбие, Коляда Вятичей 2000], то впоследствии осознание существования в России собственного языческого мира, пусть и не насчитывающего сотни тысяч членов, проявилось, как уже отмечалось, через нарративы лидеров, газетную и журнальную периодику («Коляда Вятичей», «Союз венедов. Слава!», «Родноверие») и одно из важнейших открытий конца XX в. – Интернет.

«Во-вторых, печатный капитализм придал языку новую устойчивость, которая в долгосрочной перспективе помогла выстроить образ древности, занимающий столь важное место в субъективном представлении о нации...» [Андерсон 2001, с. 65]. Учитывая тот факт, что «древность», «исконность» – понятия, формирующие современное русское язычество уже на инстинктивном уровне, поиск архаики, с учетом высокого процента эквивалентной связи «исторического» славянского язычества с сегодняшним, позволяет идеологам выстраивать образ древности. Историчность достигается либо через прямое утверждение отсутствия прерывности языческой традиции, сохранение языческих воззрений в той или иной форме на протяжении всей русской истории [Манифест языческой Традиции 2007, с. 1; Васильев 2017], либо через второстепенный канал восприятия данного

ОТОЗВАНА 28.10.2020

постулата. К примеру, через публикацию исторических источников, историографии, посвященной изучению язычества древних славян в едином издании с современными нарративами – плодом творчества сегодняшних волхвов. Наиболее удачные примеры подобного эклектизма принадлежать И. Г. Черкасову (волхву Велеславу), верховоде «Русско-Славянской Родноверческой Общины “Родолюбие”». В монографическом издании «Радения в храме Морены», после авторских глав: «Из Книги великой нави», «Из тайных речений в Храме Морены» идет весьма объемная глава «Лики Мары / Морены в трудах российских историков и этнографов XVIII–XX вв.». Тот же принцип лег в основу книг «Славянская книга мертвых», «Родные Боги Руси» [Волхв Велеслав 2014; Волхв Велеслав 2015; Волхв Велеслав 2009] и т. д.

Стоит отметить, что уникальность становления и функционирования российских языческих групп, претендующих на славянскую мировоззренческую аутентичность, не ограничивается влиянием распространения печатного языка. К печатному языку присоединяется (идет ему в параллель) путешествие. По мнению Андерсона, «в эпоху до появления книгопечатания реальность воображаемого религиозного сообщества зависела, в первую очередь, от бесчисленных, непрекращающихся путешествий» [Андерсон 2001, с. 75]. Ноу-хау младоязычества заключается в отсутствии хронологической преемственности, в синкретизме, одновременном сосуществовании двух этих источников, формирующих данное «воображаемое сообщество». Анализируя образ путешествия на примере одной из моделей – паломничества, британский исследователь выделяет две системообразующие характеристики подобных походов: восприятие религиозно значимых городов (Рим, Мекка и т. д.) центрами сакральных географий и переживаемость, «наглядная воплощенность» центральности через постоянный поток паломников, «движущихся в их [городов] сторону из отдаленных и *иным образом никак не связанных друг с другом местностей* [Андерсон 2001, с. 75].

Создание сакральных центров характерно и для русского языческого сообщества, причем с момента зарождения феномена. Одним из первых опытов создания «языческого Константинополя» следует признать проект семьи Добровольских, организовавших общину в Кировских лесах (д. Васенево) в 1990 г. Со временем

ОТОЗВАНА 28.10.2020

дом А. А. Добровольского (Доброслава) становится сезонным центром празднично-обрядовой практики (праздник Купалы, обряд расскрещивания–имянаречения), годовым, постоянно действующим лекторием, объединяющим язычников из разных регионов Российской Федерации [Шиженский 2013, с. 33–35]. В настоящее время одним из активно развивающихся сезонных центров русских нативистов является «Красотынка» (Калужская область) – представляющий собой комплекс религиозных объектов одной из старейших «родноверческих» объединений России – «Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры». Вместе с тем воображаемые сообщества эпох, предшествующих книгопечатанию, «совпадают» с языческим движением и двойственностью хореографии великих религиозных паломничеств. Подобно сообществам, язычники в своей массе делятся «на огромные толпы ... обеспечивающие плотную, физическую реальность церемониального перехода ... и в то же время небольшой сегмент грамотных двуязычных адептов ... выполняющих объединяющие обряды, истолковывая соответствующим группам приверженцев смысл их коллективного движения» [Андерсон 2001, с. 75]. Соответственно, разница между рассматриваемыми сообществами, в данном случае, сводится к коннотации «двуязычия». Если для Андерсона двуязычие понимается в прямом смысле – как обладание носителем двумя языками, то в случае с нативизмом, под двуязычием мы будем понимать мифолого-обрядовый апгрейд жреческо-волховского сословия, позволяющий владеть сакральными знаниями и посвящать в них неофитов.

В параллелизм воображаемых сообществ и русского язычества укладывается и топографическая аномальность священного пространства. Наличие необычности в расположении храма, мечети, школы и т. п. позволяет британскому ученому говорить о данных объектах как зонах свободы, твердынях религиозной и националистической борьбы [Андерсон 2001, с. 185]. Действующие «капи» (капищные комплексы), гипотетические языческие школы и монастыри (наиболее продуманная проекция «Великого Капища» языческого монастыря представлена в работах Н. Н. Сперанского) [Велимир. Языческий религиозный центр… 2013; Велимир. Языческая церковь… 2013], создаваемые в труднодоступных зонах городских лесопарков и на частной территории (к примеру, на участках под индивидуальное жилищное

ОТОЗВАНА 23.10.2020

строительство) на короткое время – время праздника, естественным образом эскапирует городских нативистов в некий языческий союз вольных. Свобода, религия, национализм – это и материальное воплощение старых «поруганных» богов, и использование официально запрещенных символов, и вечевые сходки равных, и все тот же сакральный язык славлений и обрядов новых волхвов.

К идиомам национализма профессор относит, в том числе, лексики родства и родного дома. Андерсон пишет: «Обе идиомы обозначают нечто такое, с чем человек от природы связан. Как мы видели ранее, во всем, что «дано от природы», всегда есть нечто невыбираемое. Тем самым *нацио*нальность уподобляется цвету кожи, полу, родословной или эпохе, в которую довелось родиться, т. е. всему тому, что не дано изменить. И в этих «природных узах» человек ощущает то, что можно было бы назвать «прелестью *Gemeinschaf”*» [Андерсон 2001, с. 159].

Подавляющее число славянских (шире – европейских) языческих объединений выстраивают социально-политические проекции, основываясь на приведенных идиомах. К примеру, культ Родины, родного дома, общины – основополагающий дискурс почвенничества волхва Велимира (Н. Н. Сперанского) и массы рядовых адептов. Цвет кожи и родословная (расовая, национальная принадлежность) как образцы «природных уз» – фундаментальный элемент арийства, экоанархизма Доброслава (А. А. Добровольского) и одализма (от древненорвежских терминов: «родина», «наследственное имущество», «благородное семейство») норвежского радикального языческого писателя Варга Викернеса [Патриотизм и личностное совершенство 2008; Велимир 2009; Шиженский 2015, с. 49–73; Шиженский 2014, с. 197; Доброслав, с. 16–18; Викернес 2011, с. 15–16, 122; Викернес 2007, с. 77, 104].

Переходя к выводам, прежде всего следует отметить безусловное наличие национализма в идеологических конструктах русских языческих объединений последней четверти XX – первого десятилетия XXI в. Более того, применительно к российской действительности концепция истоков и распространения воображаемых сообществ Б. Андерсона отметилась значительной «националистической процентовкой», охватившей практически все основные локусы существующего политического, социально-культурного и религиозного феномена русского язычества. К наиболее ярким проявлениям национализма последнего относятся:

ОТОЗВАНА 28.10.2020

Во-первых, заявка на создание частично изолированного от российского социума собственного микромира (горизонтального товарищества). В принцип изолированности данного сообщества заложена идея определения идентичности через гипертрофированное представление о «своем» и «чужом» пространстве и, как следствие, применение этой антитезы на всех уровнях социализации. Соответственно, горизонтальность – «равность» в рядах сегодняшних приверженцев доавраамического мировоззрения мыслится достижимой через копное (вечевое) право и гендерное равноправие, реализуемое, в том числе, в сегменте служителей культа.

Во-вторых, создание и аксиомизация собственного пантеона безымянных и исторически фиксируемых героев (племен, участников различных религиозных, политических объединений, отдельных персоналий). Активный поиск исторически, хронологически целостного (не прерывающегося) языческого культа корней, истиной родины: потерянной или другой.

Исходя из предыдущего пункта, в-третьих, создание проекций альтернативной истории, в том числе основанных на тоске по «золотому веку» и утопиям идеологов, направленным на строительство нового языческого «Civitas Solis». Героизация «удобных» исторических событий и господство сослагательного наклонения в трактовках «немой» истории.

В-четвертых, упор на «языческую осязаемость», языческую значимость через детальную проработку праздничной и обрядовой составляющих. Активное использование печатного языка (монографий и лекций лидеров, специализированную религиозную практическую литературу, листовки, календари и т. п.). Наконец, паломнические путешествия и создание зон языческой свободы: капищ, храмов, лекториев и гипотетических языческих монастырей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Арина Веста. Священный смысл языческих обрядов / Веста А. М. Велигор, 2015. 185 с.

Васильев М. С. Русский языческий манифест // Васильев М. С., Георгис Д. Ж., Сперанский Н. Н., Топорков Г. И. URL : slavya.ru/delo/docum/manifest.htm (дата обращения: 16.01.2017).

ОТОЗВАНА 28.10.2020

Велимир. Дарна – учение о жизни в Природе и обществе / Велимир. Троицк : Тровант, 2009. 71 с.

Велимир. Смысл и перспективы языческого движения // Дерево Жизни / Велимир. Троицк, 2009. № 44. 4 с.

Велимир. Языческий религиозный центр, его задачи и проблемы создания // Информационный портал языческой традиции. URL : triglav.ru/forum/index.php?showtopic=399 (дата обращения: 07.06.2013).

Велимир. Языческая церковь, кто За и кто Против? – высказываемся // Информационный портал языческой традиции. URL : triglav.ru/forum/index.php?showtopic=428 (дата обращения: 05.06.2013).

Велеслав. Обрядник / Велеслав. М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2003. 96 с.

Верея (Светлана Зобнина). Русская вера – Родоверие / С. Зобина. М. : Ладога-100, 2006. 40 с.

Викернес В. Речи Варга II / В. Викернес. Тамбов, 2011. 224 с.

Викернес В. Скандинавская мифология и мировоззрение / В. Викернес. Тамбов, 2007. 232 с.

Волхв Велимир. Родноверие / Волхв Велимир. М.: Самотека, 2012. 272 с.

Волхв Велеслав. Радения в Храме Морены / Волхв Велеслав. М. : Амрита, 2014. 640 с.

Волхв Велеслав. Славянская Книга Мертвых / Волхв Велеслав. М. : Свет, 2015. 576 с.

Влх. Богумил. Книга оберегов / Влх. Богумил. Обнинск : Оптима-пресс, 2015. 147 с.

Влх. Велимир. Дар шаманизма – дар волхования. М. : Велигор, 2012. 368 с.

Влх. Велеслав. Основы Родноверия. Обрядник. Кологод / Влх. Велеслав. СПб. : ООО «Ведическое Наследие», 2010. 437 с.

Влх. Велеслав. Родные Боги Руси / Влх. Велеслав. М., 2009. 523 с.

Доброслав. Светославие (очерки языческого мирочувствования) / Доброслав. Киров : ВЯТКА. 2004. 95 с.

Доброслав. Цыпленки тоже хочут жить! / Доброслав. Б.м., б.г. 140 с.

Доброслав. Язычество: Закат и Рассвет / Доброслав – Киров : ВЯТКА, 2004. 80 с.

Изборник Обрядный. Родноверческое Богословие. Обнинск : ОГИЦ Полиграфия, 2005. Выпуск 1.

Информационная группа Вечевого центра (ИВЦ). URL : vk.com/club133279720 (дата обращения: 20.12.2016).

Казаков В. С. Именослов. М. : Русская Правда, 2011. 416 с.

Казаков В. С. Славянские обряды и обычаи на Калужской земле / В. С. Казаков // Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры. URL : www.rodnovery.ru/stati/91-slavyanskie-obryady-i-obychai-na-kaluzhskoj-zemle (дата обращения: 11.01.2017).

ОТОЗВАНА 28.10.2020

Кобзев И. И. Падение Перуна / И. И. Кобзев – URL: http://www.ikobzev.ru/ (дата обращения: 27.12.2016).

Лифантьев С. С. Азбука начинающего язычника / С.С.Лифантьев – URL: https://vk.com/doc91788436_261481610?hash=8344b8b7d096cbaf06&dl=58332118c9b6899fb7 (дата обращения: 22.12.2016).

Манифест языческой Традиции / Гаврилов Д. А., Брутальский Н. П., Авдонина Д. Д., Сперанский Н. Н. М.: Издательство Ладога-100, 2007. 40 с.

Наговицын А. Е., Гаврилов Д. А. О современных тенденциях возрождения традиционных политеистических верований / А. Е. Наговицын, Д. А. Гаврилов // Язычество. URL : yazichestvo.tk/knowlegebase/article?k=5 (дата обращения: 11.01.2017).

Патриотизм и личностное совершенство // Дерево Жизни. Троицк, 2008. № 34.

Родолюбие, Коляда Вятичей. Волховник. Б.м, 2000. 6 с.

Сибирское Вече. URL : vk.com/sibveche (дата обращения 20.12.2016).

Силантьев Р. А. Теология вымышленных миров. К обоснованию новой научной дисциплины // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. Вып. 3 (771). С. 181–189.

Союз венедов. Слава! Вестник Родового Славянского Веча. СПб., 2008. № 5.

Сперанский Н. Н. (Волхв Велимир). Волхвы против глобализма / Н. Н. Сперанский. М. : Самотека, 2014. 488 с.

Сперанский Н. Н. (Волхв Велимир). Книга Природной Веры 1. Вечное знание / Н. Н. Сперасннкий. М. : Самотека, 2015. 528 с.

ССО СРВ. Славянская Родная Вера. Б.м., 2014. 132 с.

Суровегина Е. С. Интервью с Белояром // Colloquium heptaplomeres. 2015. № 2. С. 117–120.

Суровегина Е. С. Интервью с волхвом Вадимом // Colloquium heptaplomeres. 2016. № 3. С. 93–94.

Текущий состав Пятиглава переизбран на новый двухлетний срок // Информационный портал Языческой Традиции. URL : www.triglav.ru/news.php?readmore=78 (дата обращения: 10.01.2017).

Устав ССО СРВ // Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры. URL : www.rodnovery.ru/dokumenty/ustav-sso-srv (дата обращения: 10.01.2017).

Шиженский Р. Интервью с Велимиром // Colloquium heptaplomeres. 2014. № 1. С. 171–176.

Шиженский Р. Интервью с Велеславом // Colloquium heptaplomeres. 2014. № 1. С. 177–184.

Шиженский Р. Интервью с Богумилом // Colloquium heptaplomeres. 2015. № 2. С. 102–116.

Шиженский Р. В. Особенности изучения феномена современного славянского язычества на примере историографического анализа фигуры лидера

ОТОЗВАНА 28.10.2020

общины «коляда вятичей» Н. Н. Сперанского (Велимира) // Сектоведение. Жировичи: Издательство Минской духовной академии, 2016. Т. V. С. 82.

Шиженский Р. В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского). 2-е изд., испр. и доп. Н.-Новгород : Типография «Поволжье», 2015. 216 с.

Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). 2-е изд., испр. и доп. М. : Орбита-М, 2013. 272 с.

Шиженский Р. В. Языческий демотиватор – «мировоззренческая наглядность» современной России // История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 ноября 2012 г. Пенза – Колин – Белосток : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. С. 77–78.

Шиженский Р. В. «Я – язычник!» – к вопросу о самоопределении прозелитов славянского pagan-движения (на примере ярославской общины «Велесово «Урочище») // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2014. № 7.

Шнирельман В. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М. : Издательство ББИ, 2012. 306 с.

Kaarina Aitamurto. Paganizm, Traditiolizm, Nationalizm. Narratives of Russian Rodnoverie. Academic dissertation. Helsinki, 2011.

ОТОЗВАНА 28.10.2020

В. А. Васильев, А. С. Блинова

Васильев В. А., доктор философских наук, профессор,
профессор каф. философских наук МГЛУ;
e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

Блинова А. С., аспирант каф. философских наук;
старший преподаватель каф. лексикологии
и стилистики немецкого языка МГЛУ;
e-mail: asblinowa@gmail.com

И. А. ИЛЬИН О ПУТИ ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируются воззрения русского философа Ильина И. А. на важную философско-нравственную проблему духовного обновления человека. Она отражает не только наш внутренний мир, но и общественные отношения, традиции, нормы поведения; несет в себе нравственные ориентиры в достижении духовных ценностей.

Ключевые слова: духовность; совесть; любовь; терпение; благо; зло.

V. A. Vasiliev, A. S. Blinova

Vasiliev V. A., Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor,
Department of Philosophy, MSLU; e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

Blinova A. S., Postgraduate Student, Department of Philosophy;
Senior Lecturer, Department of German Lexicology and Stylistics, MSLU;
e-mail: asblinowa@gmail.com

I.A. ILYIN ABOUT THE WAY OF THE SPIRITUAL RENEWAL OF A PERSON

The article analyzes the views of the Russian philosopher I.A. Ilyin on the important philosophical and moral problem of the spiritual renewal of a person. It reflects not only our inner world, but also social relations, traditions, norms of behavior, carries moral guidelines in the achievement of spiritual values.

Key words: spirituality; conscience; love; patience; good; evil.

Необходимость обращения к духовной жизни человека Ильин объясняет социальными потрясениями, которые приводят к падению

нравственности, духовных ценностей. В частности, анализируя процессы в России после Октябрьских событий, Гражданской войны, вынужденной эмиграции миллионов россиян, он отмечает, что злу удалось освободить себя от всяких нравственных норм и открыть свое истинное лицо. Во Второй мировой войне подлинное зло впервые открылось человеческому духу с такой откровенностью. Чтобы противостоять социальному злу человек должен быть духовно сильным. Однако человеческая природа устроена так, отмечает Ильин, что ей легче всего удается удовлетворение материальных и телесных наслаждений и труднее достигается духовное совершенствование. Поэтому путь духовного восхождения потребовал от Ильина анализа человеческой природы. «Зло начинается там», – считает Ильин, – где начинается *человек*, и притом именно не человеческое тело во всех его состояниях и проявлениях *как таковых*, а человеческий *душевно-духовный мир* – это истинное местонахождение добра и зла» [Ильин 1993, с. 313].

Как творение Божие, пишет Ильин, человек имеет душу и дух. Душа в огромной своей части состоит из *бессознательных* влечений, склонностей и привычек, из *полусознательных* ощущений, настроений, ассоциаций. Это весь поток не телесных, а духовных переживаний, помыслов, болевых ощущений; приятных и неприятных, значительных и незначительных состояний; воспоминаний и праздных фантазий и т. д. Сердцевиной души является дух, который есть *дыхание Божие* в природе человека или *сокровенный внутренний свет* во всех существующих вещах. Он освещает жизнь, дабы она не превратилась в невыносимую мертвую пустыню, и он же придает человеку силы, чтобы тот укрепился в духе и обрел духовность. С его деятельностью связаны душевные состояния, в которых человек живет благородными стремлениями, обращенными на познание истины, на созерцание красоты, на совершение добра. «Духовное начало в человеке есть источник и орудие *божественного откровения;* оно дает человеку нечто такое, из-за чего стоит жить, стоит воспитывать себя и других, нести страдания» [Ильин 1996 с. 112].

В человеческой духовности, отмечает Ильин, противодействуют добро и зло. Добро состоит в осознанной преданности Божественному. Зло по своему естеству противорелигиозно, ибо оно устраняется от Божественного. Добро есть *одухотворенная любовь;* зло – *противодуховная вражда.* Добро есть любящая сила духа; зло – слепая сила

ненависти. Зло есть злая воля и злое чувство; и лишь потом – злое внешнее дело и система злых внешних поступков. Зло не внешнее, а *внутреннее.* Как бы ни были велики и стихийны внешние, вещественные, разрушения и уничтожения, они не составляют зла. Правда, стихийные естественные бедствия могут развязать зло в слабых человеческих душах, деморализовать их. Люди сильного духа отвечают на внешние бедствия укреплением в добре, духовным очищением [Ильин 1996, с. 43–47].

Если настоящее местонахождение добра и зла находится во внутреннем мире человека, то и пороки, подчеркивает Ильин, также следует искать в нем самом. Его душевная и духовная жизнь скрыта от людей и непосредственно доступна только его собственному самонаблюдению. Зная это и сильно переоценивая свою скрытность и недоступность, люди в большинстве своем строят поведение на вытекающей отсюда возможности самораздвоения: одно «Я» остается про себя, а второе Я состоит из того, что обнаруживается перед другими. При этом человек охотно забывает о себе многое неприятное и дурное, перетолковывает всё это в лучшую сторону и потому идеализирует себя. Только тот, кто систематически исследовал свое бессознательное и свой характер, может понять и измерить, насколько люди в действительности имеют ограниченное и неверное представление о самих себе.

При таком наивном восприятии себя человек обычно не подозревает, что его телесная внешность выражает и верно передает его душу во всем ее бессознательном и сознательном состоянии. Тело (глаза, выражение лица, походка, манеры, смех, голос, интонация и все внешние поступки) не только укрывает душу, но и обнаруживает ее. Человек как бы говорит на двух языках сразу: на языке тела и на языке души. И благодаря этому удвоенному бытию тело человека «пробалтывает» то, что душа, может быть, хотела бы скрыть не только от других, но и от себя. В силу такой цельности и глубины бессознательного общения ни доброе, ни злое событие в жизни человека не остается исключительным достоянием его изолированной души. Каждый внутренний акт злобы, ненависти, зависти, мести, презрения, лжи изменяет ритм душевной жизни самого человека и столь же неизбежно, хотя и незаметно, выражается через тело и передается всем окружающим. Волна зла идет тем сильнее и заметнее, чем сильнее душа предается этим состояниям. И точно так же каждый внутренний акт доброты, любви,

прощения, благоговения, искренности влияет на душевную жизнь и, выразившийся во взгляде, в лице, в походке, незаметно передается окружающим.

Следует признать, что по своему проявлению зло многогранно, на свете существует много мерзостей, против которых уместными и естественными кажутся моральное негодование, духовное отвращение, справедливый гнев, определяемый нашей совестью. А что есть совесть? В одном древнем труде сказано: «Совесть – это весть о спасении души». И с точки зрения Ильина, совесть «есть один из чудеснейших даров Божиих, полученных нами от Него. Это как бы сама Божия сила, раскрывающаяся в нас в качестве нашей собственной глубочайшей сущности. То, на что указывает нам совесть, к чему она зовет, о чем она нам вещает, есть *нравственно-совершенное;* не «самое приятное», не «самое полезное», не «самое целесообразное» и т. п., но нравственно-лучшее, совершенное» [Ильин 1993, с. 110]. Совесть нужна человеку, и не только в великие моменты его жизни, но и в ежедневных делах, и в обыденных отношениях. Она есть внутренний акт самоосвобождения от зла, живой и могущественный источник справедливости.

Люди порой пытаются «замуровать» совесть в тайниках своей души, вытесняют ее возможные укоры. Дело может дойти до того, что каждый намек на совесть или на совестный акт будет встречаться с затаенной иронией или прямым издевательством. «Отвращение может перенестись с совестного переживания и на то, к чему оно призывает, и тогда самая *идея добра, доброты, добродетели* может стать человеку ненавистной и отвратительной. Душа становится циничной, черствой и холодной» [Ильин 1993, с. 117].

Если человеку не удается вытеснить совестные укоры и как бы заставить замолчать свою совесть, считает Ильин, то весь внутренний мир его остается расколотым и ослабленным. Часто совесть проявляется в душе неожиданно, но захватывающе и властно. В бессловесной тишине совесть овладевает нашим сердцем и нашей волею. А слова и мысли просыпаются в нас лишь позже, при попытке описать и объяснить совершившийся поступок. В тот миг, когда совесть овладевает нашей душой, у нас нередко бывает ощущение, будто в нас что-то проснулось или восстало, исчезают «трезвые» расчеты, стихают большие страсти и мелкие пристрастия. Совесть научает человека

забывать о себе и делать самоотверженные поступки; утверждает, созидает и укрепляет духовно-личностное начало в человеке.

Если бы мы предались всецело голосу совести, размышляет Ильин, то вся наша жизнь сложилась бы из одних дел любви, мужественной верности, радостного исполнения долга, правды и великого служения добру. В действительности жизнь идет иначе: мы слышим этот голос и не слушаемся его; а когда изредка слушаемся, то внутренняя раздвоенность лишает нас цельности и душевной радости. Совесть же взывает к нам, печалится и укоряет. Поднимается недовольство, особого рода печаль и тоска, называемая в народе угрызением совести. Если человек делает то, что должен делать по долгу совести, то наступает светлая радость жизни, потому что он совершает то, чего желает его собственная воля. И то, чего она желает, будет не порочно, а добродетельно. И это лучшее станет для него внутренней необходимостью, единственной возможностью и осуществленным делом. Так возникает совестная цельность человеческой души.

Современное человечество, отмечает русский философ, утрачивает духовность и пытается создать культуру без творческой энергия любви, веры, без сердца, без созерцания, без совести. Человек становится «дельцом» и эгоистом. Он вытесняет из себя совесть, потому что ее живые напоминания о себе не укладываются в быстрый ритм жизни. Часто за всем этим скрывается ложный стыд выглядеть в глазах окружающих бедным и незаметным. Люди учатся осознавать, что «бессовестным» живется гораздо легче: им просто чужда потребность в объективной правоте, и вместо душевной самооценки и духовного *самочувствия* в них живет личное самолюбие и тщеславие, охотно удовлетворяющееся житейским успехом и купленной лестью. Если совесть вытравляется из жизни, ослабевает чувство долга, расшатывается дисциплина, уходит чувство верности, исчезает из жизни начало служения; повсюду воцаряются продажность, взяточничество, измена и дезертирство; всё превращается в бесстыдное торжище, и нравственная жизнь становится невозможной.

По Ильину, совесть есть не только источник праведности и святости, но и живая основа элементарно упорядоченной или тем более расцветающей культурной жизни, но пока люди живут в состоянии внутреннего раскола, от которого они страдают и который не умеют преодолеть. Это результат расхождения между нашими лично-

эгоистическими побуждениями и нашим божественным призванием, которое мы переживаем как внутреннее влечение, как духовную жажду. Влечение духа требует от нас всегда нравственно лучшего. Дело не в том, чтобы все стали праведниками, отмечает Ильин, а в том, «чтобы каждое новое поколение расчищало в себе внутренние пути, ведущие к совести, и держало бы открытыми те священные ворота, за которыми она скрывается. Ибо *бессовестное поколение,* если оно придет когда-нибудь, погубит жизнь человека и его культуру на Земле» [Ильин 1993, с. 141].

Важный путь совершенствования человеческой духовности определяется, с точки зрения Ильина, божественным даром любви. Человеку даны две разновидности любви: инстинкта (чувства) и духа. Любовь инстинкта сводится к наслаждению чужим присутствием, исчерпывается жалостью к чужому телесно-душевному страданию. Она ищет того, что человеку субъективно нравится, что несет в себе удовольствие. Подобная любовь без духа слепа, своекорыстна, подвержена опошлению и уродству. Она не есть еще добро, но лишь возможность добра. Напротив, духовная любовь ищет подлинно хорошее – доброту и бескорыстие, благородство души и справедливость. Она тяготеет к достоинству, всегда искренне желает духовного совершенствования. Духовная любовь, отмечает Ильин, есть «некий *голод души по Божественному*». Она не исключает инстинктивную или чувственную любовь, а только прожигает ее Божиим лучом, очищает и облагораживает. Сила инстинкта и сила духа сочетаются, чтобы не разлучаться; и тогда чувственная любовь становится верным и точным знаком духовной близости и духовной любви.

Любить ближнего, значит, любить в нем начало Божественное, осуществить связь духа с духом, а затем уже связь души с душою и тела с телом. Всё в человеческой судьбе решает сердце, наполненное любовью, которая может подсказать нам, что делать, чем жить, за что бороться, за что идти на смерть. Она одухотворяет всё дарование человека, наполняет мысль живым содержанием. Любовь есть духовное отождествление любящего с любимым. Видимое эмпирическое разъединение и замкнутость не исчезают, но любовное отношение преодолевает эту атомистическую изолированность. Любящая душа воспринимает чужую жизнь своим сердцем, приемлет чужой интерес и чужое содержание, сосредоточивается на удовлетворении

и совершенствовании принятого в свое сердце другого человека. Любовь как добродетель есть самый глубокий и могучий источник духовного опыта. Она наполняет любящего добротой, делает его счастливым и вызывает потребность осчастливить близких, наслаждаться их счастьем как излучением своего собственного. Любящий человек проявляет полное самоотречение. Для него любимый становится центром его жизни, которому он служит, нисколько этим не унижаясь, и которому он приносит многое в жертву.

Любовь предполагает связь всех людей со всеми, поскольку род человеческий душевно и духовно един. Душевно един, ибо все люди, независимо от того, знают они об этом или не знают, желают этого или не желают, связаны друг с другом всеобщей взаимной связью в добре и во зле; и эта связь налагает на них взаимные обязательства и подчиняет их определенным духовным правилам. Род человеческий духовно един, ибо творчески восходит к единой истине, единому добру и единой красоте.

Путь духовного совершенства, с точки зрения Ильина, объединяет любовь, совестливость со смирением и скромностью. Смирение начинается там, где человек преклоняется перед Всевышним. Это состояние души не является достоянием только избранных, прошедших путь религиозного очищения. Смирение повышает духовную ценность каждого человека. Истинному смирению присущи простота и доброта, легкость и скромность. Если у человека нет цели в жизни или она определяется сугубо корыстными интересами, скромность будет ему казаться чем-то странным. Его желание показать себя будет причиной заносчивости, тщеславия и гордыни. Гордыня не ведает скромности и смирения. Достаточно заметить в выдающемся человеке признак гордыни, самодовольства, высокомерия или тщеславия, как он тут же меркнет в наших глазах, и мы теряем к нему всякий интерес. И происходит это не потому, что мы чувствуем себя приниженными, отодвинутыми в сторону, как если бы величие его унижало нас. И не потому, что нас возмущает в нем недооценка наших качеств. «У нас еще появляется ощущение, что *его заносчивость снижает его собственную ценность*» [Ильин 1998, с. 531].

Тщеславие, как и гордыня, результат порочной души и отсутствия духовности. Тщеславный человек, считает Ильин, совершает несколько ошибок. Во-первых, он принимает себя за очень важную

персону; во-вторых, ему кажется, что он чрезвычайно многого достиг в жизни; и, в-третьих, ему хочется, чтобы эти великие «достижения» были повсеместно признаны и превознесены. Чтобы избежать подобного порока, человек должен приучиться к невысокой оценке того, чего достиг. Если он силен, то пусть не считает себя сильным; если умен, то он не должен причислять себя к «умнейшим»; если человек порядочный, то пусть не переоценивает свою добродетель. Кто сознает свои слабости и недостатки, тот будет бороться с ними, побеждать их и совершенствоваться. Настоящий человек вырабатывает особую духовную культуру, стараясь ее не преуменьшать и не преувеличивать. Это и есть источник истинной скромности, секрет духовного роста. Конечно, замечает Ильин, скромный человек не так скоро обретет значение и вес, как самоуверенно ступающий по жизни горделивый «самообожатель», но в истинной скромности есть нечто милое, трогательное, пленительное.

Омерзителен такой порок, считает русский философ, как ненависть. Это нравственная болезнь для самого ненавидящего и его окружения. Всё подчинено душевному спазму отрицания, пропитывается ненавистью и опирается на нее. Ненавистник внутренне не может отделить себя от своего врага. У него неутолимая потребность видеть его в черном свете, желать ему зла. Он унижает его, заставляет страдать и наслаждается его воображаемой гибелью. Он мечтает о «наказании» и упражняет свою душу в злобе и мерзостях. Всё, что он замышляет, что желает своему врагу, выражает все уголки его собственной души. Кто хотя бы раз видел глаза, горящие ненавистью, никогда их не забудет. Они говорят о личной злобе и предвещают беду. Луч ненависти заряжен злобной энергией и направлен от одного духовного очага к другому. Когда мы встречаемся в жизни с настоящей ненавистью, в нас просыпается чувство большого несчастья, потом огорчения и ощущения своего бессилия.

Можно ли проникнуть в душу своего ненавистника, вопрошает Ильин, и погасить или преобразить его ненависть? Это возможно сделать, считает он, если установить причину подобного отношения к нам. Нет ли и нашей вины в том, что мы страдаем? Два человека всегда связаны друг с другом единой нитью. Его или моя ненависть обрывает эту нить. Особенно легко люди зажигаются ненавистью в тех случаях, когда страсти преобладают над разумом, а обоюдные

обвинения становятся несправедливыми. Ненависть и вражда лишают обе стороны возможности объективности суждений, заглушают добродетель. Ненависть исцеляется только любовью, которая рассеивает напряжение злобы, злой инстинкт теряется, вовлекается в атмосферу мира и гармонии.

Весьма тонким душевным пороком, который легко принимается наивными людьми, подмечает Ильин, является лесть. Она начинается там, где один хочет взять верх над другим человеком с помощью похвалы. И тут важно не то, что один хвалит, а другой становится податливым, а то, что неоправданно делаются комплименты. Настоящий лжец необъективен в своей похвале. Его главное намерение – склонить к себе того, кого он хвалит. Лесть выступает своеобразным подкупом, который бывает искусно завуалированным, едва заметным. Однако льстец должен иметь чувство меры, не переходить рамки здравого смысла, учитывать степень проницательности и тщеславия того, перед кем он рассыпается в чрезмерной похвале. Опытный тонкий льстец никогда не будет прибегать к откровенным дифирамбам, а сначала «проложит себе путь» незначительными учтивыми фразами и только затем так выразит свой восторг, облачая его в форму «истинного» восхищения, что «жертва» ничего не заметит.

Наивные и недалекие люди внемлют даже самой неуклюжей форме лести. Серьезные и умные натуры легко чувствуют фальшь протягиваемых им льстецами даров. Чем выше духовный уровень человека, тем безразличнее для него лесть. Однако в человеке живет детская легковерность к похвале, скрытая жажда признания, своеобразная симпатия к тому, кто льстиво преувеличивает наши достоинства. Поэтому от всякой лести в нас вкрадывается что-то необъективное относительно своих деяний и возможностей. Из этой тяги к лести между людьми незаметно образуются нравственные беды. Следует согласиться с мнением Ильина, что лесть особенно становится безнравственной, когда проявляется в деятельности политика. Льстивыми обещаниями он подкупает людей, которые с легкостью хватаются за щедрые посулы, предоставляя возможность использовать их наивную доверчивость в корыстных целях.

Следуя учению Ильина, можно сделать вывод о том, что, слабея духом, человек разлагается нравственно, он гибнет от активизации в нем зла. Оно прокрадывается в его душу, пробуждает чувство

обиды, зависти, вражды, мстительности, ненависти и злобы; подкупает выгодою, почетом, властью; старается подорвать в душе чувство собственного достоинства. Злой человек есть живой очаг зла. Даже если он злится только «про себя», то и в этом случае он зол и вреден для окружающих. Добрый человек непроизвольно облагораживает других своим личным благородством. Когда мы смотрим в глаза по-настоящему доброму человеку, мы ощущаем струящийся из них мягкий свет, в котором нам сразу же становится тепло и уютно. В них нет сарказма, настороженности, жестокости, неприятия, а только участливое внимание к нашим тяготам, бедам. Это приветный лучик из темноты в светящемся окне родного дома.

Следует отметить, что в рассуждениях о пути духовного обновления человека Ильин не выступает сторонником сурового стоицизма. Ничто человеческое ему не чуждо. Людям свойственны естественная радость бытия, чувственные наслаждения. Человек инстинктивно жаждет удовольствия, стремится быть счастливым. Будучи счастливы, люди обретают в себе духовность, совершенствуются в нравственных деяниях, привносят в мир красоту. Всё великое рождается в любви, страсти, радости, удовольствии, но для этого необходима активная работа души, обратить взор к проблемам воспитания и самовоспитания. Все люди непрерывно воспитывают друг друга всяким своим проявлением: ответом и интонацией, улыбкой и ее отсутствием, просьбой и требованием, общением и бойкотом. Люди воспитывают друг друга не только своими поступками, но и вялым, безвольным уклонением от поступка. Эти внешние условия воспитания души требуют интенсивной душевной самоотдачи, чтобы каждый человек желал нравственного самосовершенствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ильин И. А. Соч. : в 10 т.

Т. 1. М. : Русская книга, 1993. 543 с. ;

Т. 5. М.: Русская книга, 1996. 605 с. ;

Т. 8. М.: Русская книга, 1998. 573 с.

УДК 947/57

А. Ю. Евдокимов

профессор каф. теологии факультета гуманитарных наук МГЛУ;
e-mail: alexevdo@yandex.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ

Экологическая теология – научное направление, относительно новое (по крайней мере, по названию), но в то же время, не содержащее ничего нового с позиций оценки взаимодействия цивилизации и биосферы. Анализ информации здесь позволяет сделать вывод, что экологическая теология в ее современном виде, очевидно, способна только накапливать констатирующую информацию по экологичности различных религий, но не решать проблемы духовного воспитания человека.

Ключевые слова: экологическая теология; экологический кризис; мегаэкология; экология религии; религии.

A. U. Evdokimov

Professor of the department of theology of the faculty of Humanities,
Moscow State Linguistic University; e-mail: alexevdo@yandex.ru

ECOLOGICAL THEOLOGY: ISSUES AND PROBLEMS

Ecological theology in its modern form, obviously, is a scientific direction capable only of accumulating stating information on the ecological compatibility of various religions;

Key words: ecological theology; environmental crisis; megaecology; ecology of religion; religion.

Глобальный экологический кризис современности (резкое ухудшение состояния окружающей природной среды и даже ее деградация), осознанный человечеством в середине XX в., ставит два извечных вопроса: кто виноват и что делать? И это при том, что далеко не все мыслители и специалисты-экологи осознают первичность не экологического кризиса, но кризиса духовного. В мировоззренческой системе либерализма указанные вопросы давно «решены» – виноваты «иудео-христиане» [Мамедов 1998; Уайт 1990], а решать проблему необходимо в религиозной (соединение всех религий воедино), законодательной (природоохранной) сферах и с помощью современных технологий: природоохранных, ресурсосберегающих и на основе новых «экологически безопасных» энергоресурсов [Евдокимов 2008; Евдокимов 2014].

Необходимо отметить, что всё же значительная часть западных и российских мыслителей отлично осознают духовную причину кризиса – потребительское отношение человека к биосфере. В связи с этим на первый план закономерно выходят вопросы религиозного характера, поскольку религии, являясь системообразующим элементом в любой культуре и цивилизации, определяют характер взаимоотношений человека с окружающей природной средой.

Направление «экологическая теология» по самому своему названию указывает на тесное соотношение религии и экологии. **Религия** как духовный системообразующий элемент культуры и цивилизации; **экология** как наука о связях в окружающем мире (в том числе – между биосферой и цивилизацией) и **мегаэкология** как мировоззренческая и методологическая основа современного знания и образования; сюда же следует отнести и **социоестественную историю** как науку о взаимодействии биосферы и цивилизации на различных исторических этапах [Евдокимов 2008; Евдокимов 2012; Кульпин 1996].

Экологическая теология – научное направление, относительно новое (по крайней мере, по названию), но в то же время, не содержащее ничего нового с позиций оценки взаимодействия цивилизации и биосферы, поскольку в основе глобального экологического кризиса современности, повторим, лежит кризис духовный, то есть – непосредственно связанный с религией [Евдокимов 2008; Евдокимов 2012; Шафаревич 1993; Шафаревич 2005; Шипунов 1980; Шипунов 1988; Шипунов 1990]. Этот факт давно уже констатирован на Западе (но только констатирован, увы) и не подвергается сомнению православно и даже некоторыми либерально мыслящими учеными в России [Олейников 1997; Пантин 1997; Пантин 2003].

Вопрос заключается в следующем: является ли экологическая теология научным направлением, способным хоть в какой-то мере способствовать разрешению экологических проблем, или же она способна только накапливать констатирующую информацию по различным религиям и не более того.

Конкретизации здесь подлежит в первую очередь раскрытие понятий «теология» и «богословие», зачастую трактуемых как аналоги в русском и греческом языках, хотя это и далеко не так (проблемы лингвоэкологии). Современное либеральное определение не делает, естественно, никаких различий – «богословие, или теология (калька

греч. θεολογία, от *греч.* θεός – Бог и *греч.* λόγος – слово, учение, наука) – систематическое изложение и истолкование какого-либо религиозного учения, догматов какой-либо религии»[Богословие 1998]. Справедливо отмечается при этом, что богословие следует отличать от религиоведения и философии религии.

Данное определение, однако, относится только к теологии. В православном понимании богословие и теология отнюдь не одно и то же! По учению Церкви богословие является эмпирическим познанием Бога, является даром [Богословие как наука и как дар 2017]: «Таким образом, в абсолютном смысле слова богословом является тот, который достиг созерцания Бога, созерцания нетварного Света, а в относительном смысле богословом является и тот, кто говорит о познании, которое имеют обоженные. Это происходит и с наукой. По преимуществу учеными являются те, которые исследуют различные природные явления и предлагают новое знание, а также те, которые передают знание исследователей». Таким образом, теология как учение о Боге есть всего лишь систематизация вероучения данной религии.

Подчеркнем еще раз, что проблема правильного раскрытия понятий «богословие» и «теология» является, в том числе, и проблемой лингвоэкологии (экологии слова).

Экологическая теология ориентируется именно на теологию в западном, либеральном, понимании и поэтому, очевидно, не в состоянии решать сколько-нибудь серьезные проблемы, кроме простой констатации отношения к проблемам экологии в православии, католицизме, исламе и т. д.

Экология (*греч.* οἶκος – дом и λόγος – наука) – наука о взаимоотношениях и взаимовлиянии между живыми организмами (в том числе – человеком и обществом в целом) и средой их обитания. Со второй половины XX столетия экология естественным образом выходит за рамки биологии и даже более того – становится **мегаэкологией** (большой экологией) и **метаэкологией** (межпредметной областью знания) – методологической и мировоззренческой основой всего современного знания и образования. Происходит это опять же по причине осознания человечеством реальности глобального экологического кризиса. В материальной сфере суть кризиса заключается не только и не столько в негативных изменениях окружающей среды, сколько в подрыве способности биосферы к самовосстановлению

и саморегуляции, что начинает действовать уже и против самого человечества. В связи с этим любая область современного знания (естественнонаучная, техническая, гуманитарная) должна рассматриваться с точки зрения взаимоотношения общества и биосферы – это есть **процесс экологизации знаний**. Ни один из теоретических и практических вопросов сейчас уже нельзя решать без учета связей в окружающей среде. По этой причине и возникает экологическая теология.

Экологический кризис современности является резким ухудшением взаимоотношений в системе «цивилизация / природа». Для осознания происходящего и попытки нахождения выхода из сложившейся ситуации необходимо в первую очередь установление причины резкого осложнения взаимоотношений цивилизации и окружающей природной среды – биосферы, экосистемы высшего порядка на планете (целеустремленная совокупность живого вещества, пространства и условий его существования).

В деятельности отдельного человека и всего общества, цивилизации, первичным является духовное начало – мировоззрение, т. е. система взглядов на мир в целом. От того, как отдельный человек и человечество в целом представляет себе окружающий мир, свое место и роль в нем, зависит и характер его деятельности.

Поэтому причиной экологического кризиса следует считать кризис духовный, т. е. либеральное, потребительское мировоззрение, предполагающее первенство личности перед религией, обществом, нацией, государством и окружающей природной средой (сформировалось на Западе, начиная с эпохи Ренессанса и Реформации). Именно поэтому вопросы экологии в современном мире приобрели мировоззренческий и нравственный характер.

Характерны мысли, высказанные по данному поводу видными российскими учеными: «Экологический кризис не является лишь случайным (и поэтому легко устранимым) дефектом современной технологической цивилизации. Он связан с основными идейными концепциями, на которых она покоится. Природа и современное технологическое мышление основываются на совершенно различных принципах функционирования, на разной логике». Концепция этичности для человека в современных условиях утрачена и заменена концепцией целесообразности. «Поэтому очевидно, что экологический кризис – это не технологический производственный кризис,

а духовный. Как таковой он имеет непосредственное отношение к христианству» [Шафаревич 2005; Шипунов 1980; Шипунов 1988; Шипунов 1990)].

Таким образом, локальные экологические кризисы во все времена являлись следствиями кризисов духовных, а история в этом аспекте предстает как «великий учебник экологии». Следовательно, мегаэкология естественным образом включает в себя и гуманитарный аспект. В связи с этим возникает необходимость преодоления разобщенности естественнонаучной и гуманитарной областей знания. В гуманитарной области естественным образом на первом месте находится религия.

Экология в последние десятилетия XX в. превратилась в комплекс знаний, включающий разделы естественно-научных, технических и гуманитарных дисциплин. По оценке ряда ученых, это порядка 100 дисциплин (10 основных разделов, в том числе – экология человека, социальная экология, экология поселений и экология культур [Реймерс 1993]. Из этого следует, что ***гуманитарная составляющая экологического знания занимает около половины всего объема***. Появляется даже термин «гуманитарная экология».

На сегодняшний день либеральная направленность гуманитарной составляющей мегаэкологии очевидна. Этот факт вполне естественен – любая система стремится к состоянию с наименьшей потенциальной энергией, а, говоря словами Писания: «…широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф 7:13). Возникают новые научные направления и понятия – экологическое мировоззрение, экологическая идеология, экософия («глубинно-экологическая мудрость» – мудрость человеческая) экополитика, экологическая этика и эстетика, экология религии и др. Развитие глобального экологического кризиса способствовало возникновению специфических экологических подходов к культурно-историческому процессу, во многом сближающихся с восточным миропониманием – индуизмом, буддизмом и даосизмом.

Экософия – глубинная экология (А. Наесс, У. Андерсон, У. Фокс); забота о природе становится заботой о себе, все преграды между «я» и природой рушатся, человек начинает мыслить «изнутри» природы, мораль оказывается излишней. Личность превращается в «эко-я», она готова «сбросить с себя бремя отождествления только

с человеческой сущностью» [Сид 1992]. Человек начинает говорить от имени Земли, лесов и гор.

В рамках **глубинной экологии** предлагаются способы слияния с природой: ритуальные формы действий, медитативные упражнения, пробуждение «эволюционной памяти», «эко-дыхательные» упражнения, подключающие «Я» человека к большому экологическому «Я». Человек утрачивает индивидуальную свободу, подчиняясь душе природы, растворяясь в ней.

Персоналистическая экология рассматривает отношения человека к природе в интимно-личностных, этических, эстетических, религиозных аспектах. Изменение взаимоотношений общества и природы начинается с изменения самой структуры нашего «я». Традиционное противопоставление «Я» и окружающего мира заменяется представлением о том, что наше «Я» – это поле, которое постоянно расширяется, углубляется, сливаясь со всем существующим на планете. Идеи персоналистической экологии ориентированы на «сотрудничество» с природой, «руководство» природой, «расширение возможностей» природы. Часто эти идеи связаны с христианством – отношения человека и природы должны приобрести характер симфонии. Библейский Эдем – идеальный образ природы, возврат к единению с природой. Грехопадение – это деспотически-потребительское отношение к природе, выраженное в рационализации взглядов на природу как объект анализа и носитель стоимости. Мироощущение христианина способно за видимой ограниченностью природы прозреть божественный замысел движения тварного мира к совершенству, к единению с Творцом. В этом случае «Я» не растворяется в душе природы, напротив, зрелость «Я» есть залог существования и «возрастания» природы. Пантеистический характер перечисленных направлений очевиден.

Д. С. Лихачевым было введено понятие **экология культуры**. О терминологической корректности данного термина можно было бы и поспорить. <…> Но тем не менее мысль известного ученого совершенно ясна. Это понятие отражает «новое», «экологичное» отношение к культуре и вообще к исторический памяти человечества. А нового то ничего здесь и нет! Экология культуры подчеркивает необходимость сохранения культурной среды, культурного наследия (не умаляя необходимость сохранения природной биологической среды). Культурная среда в этом научном направлении рассматривается как

непременное условие для осуществления духовной жизни человека, для его **духовной оседлости**, привязанности к родным местам, как следование заветам предков. Экология культуры признается одним из разделов экологической эстетики, которая исследует проблемы эстетического с точки зрения взаимосвязи человека и окружающей среды (человек преобразует не только природу, но и самого себя). В конце 1970-х гг. Д. С. Лихачев поставил вопрос о нравственной экологии: «Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения» [Большаков 1997].

Проблемы экологии естественным образом затрагиваются и в культурантропологии [Орлова 2004]. Формирующаяся с середины XX в. ветвь неоэволюционизма носит разные названия: экологическая антропология, культурная география и др.

Атеистический характер всех изложенных взглядов вполне очевиден, хотя подчас преподносится в довольно завуалированной и даже религиозной форме.

Сравнительно ***новая классификация религий – по их экологичности***, вещь весьма непростая, поскольку представители конкретных религий рассматривают свою как исключительно экологичную. Критерием оценки религий с позиций экологии, безусловно, является результат воздействия культуры и цивилизации на биосферу. Таким образом, ***можно говорить об «экологичных» и «неэкологичных» религиях***. С позиций атеизма экологичными будут все языческие религии, пантеизм, а христианство и иудаизм – неэкологичными (ислам по «странному» недоразумению попадает в экологичные религии, несмотря на свою Ветхозаветную основу). Такое «понимание» вопроса проникает даже в школьные учебники [Мамедов 1998].

Как следствие сближения истории, культурологии и религиоведения, в 1960–1980-е гг. за рубежом возникла **экология религии** – как направление религиоведческих исследований. Здесь, согласно основной концепции, экология в первую очередь влияет на религию, хотя не исключается и обратное влияние.

В современной научной, учебной и публицистической литературе довольно часто можно встретить обвинения христианства в инициировании экологического кризиса, базирующиеся на принципиальном незнании христианства как такового, или на сознательном искажении сущности христианского вероучения и христианской культуры (работы Н. М. Мамедова с соавторами, в частности). Исследовательских работ, проводимых в этой области с православных позиций, на наш взгляд сегодня недостаточно, хотя нельзя не отметить таких ученых как М. Я. Лемешев, Е. В. Романенко, К. В. Кивва, Н. Н. Крупенио [Лемешев 2004; Крупенио 2000].

Критика христианства была инициирована статьей Л.Уайта «Исторические корни нашего экологического кризиса» (1967). Уайт считает, что «разрушив языческий анимизм, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» [Уайт 1990]. Выход из кризиса Уайт видит не в совершенствовании науки и техники, так как они выросли из христианского отношения человека к природе, а в смене религии или переосмыслении старой. А так как новая религия, в идеале дзен-буддизм, вряд ли приживется, по его мнению, то предлагается следовать еретической идее равенства всех тварей католического святого Франциска Ассизского.

Подобный взгляд выдвинул английский историк А. Тойнби. В статье «Религиозные основы современного экологического кризиса» (1973) ответственность за экологический кризис Тойнби возложил на целый ряд мест из Священного Писания, которые отводят человеку роль венца природы и ее хозяина (Быт. 1:26). Единственным выходом, по его мысли, является возврат к язычеству. В числе более экологичных религий Тойнби упоминает древнегреческие языческие культы, буддизм, синтоизм, даосизм и зороастризм.

Практически одновременно с ним с критикой христианства выступил известный философ контркультуры Т. Роззак. Эта тема присутствует, в частности, в его известной книге «Там, где кончается пустыня» (1973). Подобно Тойнби, Роззак усмотрел источник экологического кризиса, прежде всего, в христианском представлении о человеке как о венце природы.

Тема религии стала одной из основных в пятом докладе Римскому клубу – «Цели для человечества» (1977), подготовленном группой

исследователей под руководством Э. Ласло. В ней, в частности, была предпринята попытка выявить контуры новой экологичной религии, составленной из элементов индуизма, буддизма, даосизма, ислама и христианства.

Изложенное не является чем-то новым. Подобные взгляды гораздо раньше и гораздо ярче высказал В. В. Розанов: полюбив «Иисуса сладчайшего», человек перестает любить мир; христианство внушает ненависть к миру, призывая «не любить мир, ни того, что в мире», «оставить отца, мать, жену, мужа»; оно логически ведет к самоуничтожению, самосожжению, самозакапыванию. Христианство, по Розанову, – «религия, в центре которой гроб, религия мертвого бога», оно разрушает «зародышевое начало мира»; на этом основывается и вся современная культура, какой бы атеистической она не была. Как и во всем творчестве Розанова, мы видим односторонность и противоречивость, – он говорит о гробе, не вспоминая о Воскресении, говорит о ненависти к миру, будто не знает слов о спасении мира (а не суде над ним), причем под ненавистью к миру в христианстве подразумевается мир человека-потребителя и стяжателя, а не мир как природа и Вселенная в целом (в старом правописании – мiр, снова проблема лингвоэкологии).

При всей атеистичности, материалистичности и примитивности вышеприведенных рассуждений, нельзя не заметить в них и значительную долю истины. Однако православие, признавая первичным духовное начало («В начале было Слово…» (Ин 1:1)), утверждает обратное – не природа определяет религиозные взгляды человека, но человек, осознавая свою роль в этом мире, в первую очередь влияет на природу.

С позиций православия язычество есть закономерная деградация от истинного знания о Боге к обожествлению тварного. Обожествление это, однако, шло по разным направлениям. Два направления развития (с позиций эволюционизма) или деградации (позиция креационизма) можно представить следующим образом:

1. Обожествление сил природы, природных стихий, поклонение солнцу, ветру, воде, деревьям, огню, осознание человека органичной частью природы – такие системы глубоко экологичны; при этом – единство духовной и светской власти, осуществляемое главой рода, старейшиной, вождем, князем, которые одновременно являются

и верховными жрецами; жреческое сословие находится на вторых ролях (язычество древних славян).

2. Возникновение в обществе влиятельного жреческого сословия, создающего собственную идеологию для укрепления своего господства; развитие идолопоклонства, человеческих жертвоприношений и оргиастических культов эротической направленности; в этом случае цивилизация может продолжать двигаться по экологичному пути (индуизм, духовное наслаждение властью над самим собой и над окружающими, достигаемое с помощью методов йоги, искушение духа – наслаждение от осознания себя частью божества), а может стать глубоко неэкологичной, двигаясь по пути искушения плоти (Месопотамия).

3. Средний вариант – искушение ума, отчасти подавляющее физиологический гедонизм и создающее экологичные культуры и цивилизации (Древний Египет, Китай).

Важно отметить при этом сохранение понятия о Боге – искра света, первобытное знание, сохранившееся, несмотря на стирание информации. Даже в обычаях человеческих жертвоприношений проявляются остатки утраченной информации – такие жертвы приносились в моменты общих тяжких бедствий для умилостивления богов, а именно – невинные дети, отроки и девушки – мысль о том, что страданиями невинных искупаются грехи виновных; другое – принесение в жертву преступников, полагая, что грехи таких лиц служат причиною кары богов.

Говоря об «экологичности» религий, необходимо дать определение понятию «экологическое сознание» – совокупность представлений «о взаимосвязях в системе «человек – природа» и в самой природе, существующего отношения к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней». Определение дано в атеистической мировоззренческой системе, естественным образом господствующей везде и всюду [Дерябо 1996]. Подход с таких позиций предполагает идею постепенного отхода человека от природы, противопоставлении ей, что логически было завершено в христианстве. Эту сугубо антихристианскую позицию следует рассмотреть подробно.

Характерная для эволюции экологического сознания десакрализация (обезбоживание) природы заложена изначально – гносеологически. Познавая мир, человек развенчивает природу. По К. Г. Юнгу,

«сложность души росла пропорционально потере одухотворенности природы». Уже в античную эпоху природа стала объектом научного изучения, при этом, она хотя и не лишилась «души», но душа у нее была менее «качественная», чем человеческая. Христианство же полностью лишило природные объекты права иметь душу.

В процессе социогенеза экологическое сознание претерпело значительную эволюцию. На начальном этапе развития люди не отделяли себя от природы, мыслили себя ее частью. Такой взгляд определялся полной зависимостью человека от окружающей среды. Взаимодействие с природой в архаическую эпоху носило в целом прагматический характер, поскольку главной его целью было обеспечение роду физического выживания. Для первобытного человека природа – это его жилище, живность, растительность – все, что обеспечивает существование рода, при – роде. «Род целиком погружен в природу не только физически, но и духовно; он как бы растворяется в ней» [Дерябо 1996].

Уже в архаическую эпоху начинается процесс отчуждения человека от природы. Постепенно складывается анимистическая картина мира, утверждаются представления о родстве с тотемом, покровительствующим конкретному роду.

В эпоху Древнего Мира, когда складывается политеистическая система, происходит дальнейшее отстранение человека от природы. Возникает «равенство в отчуждении» – человек и природа равны перед богами, но отдалены друг от друга. В эпоху Античности зарождается идея превосходства человека над животными и над всем окружающим миром. Цицерон: «Природа, заставив все другие существа наклоняться к земле, чтобы принимать пищу, одного только человека подняла и побудила смотреть на небо» («О законах»). Римский историк Саллюстий: «Всем людям, стремящимся отличаться от остальных, следует всячески стараться не прожить жизнь безвестно, подобно скотине, которую природа создала склоненной к земле и покорной чреву. Вся наша сила ведь – в духе и теле: дух большей частью повелитель, тело – раб; первый у нас – общий с богами, второе – с животными» («О заговоре Катилины»).

Средние века – «христианство, сформировав представление о жестко иерархической картине мира … в которой человеку отведено высшее из всего земного положение, об отсутствии какой-либо

самоценности природного, санкционированном Богом прагматическом использовании природы, завершило отчуждение от нее…» [Дерябо 1996]. Противопоставленность человека и мира природы, согласно этой концепции, определена волей Бога: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле (Быт 1: 26–28).

Подобные мысли демонстрируют в первую очередь глубочайшее незнание сути христианства, неплохо было бы прочесть и далее: «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, **чтобы возделывать его и хранить его**» (Быт 1:15, выделено автором. – *А. Е.*).

С такими взглядами на христианство можно было бы отчасти и согласиться (имея в виду протестантизм) – да только здесь вполне очевидна не эволюция, а деградация христианства, что подтверждает креационный взгляд на исторический процесс.

Но вот что характерно. Эволюционный подход сначала приводит к **антропоцентризму**: человек воспринимается как венец эволюции, прогрессивное развитие человечества ведет к его полному господству над всем ходом жизни на планете, превращает его во всемогущее божество, приходящее на смену низверженных религий. «Венец эволюции» – это отголосок понятия «венец творения», но в приложении к атеизму, это, в конце концов (как следствие экологического кризиса), приводит к **биоцентризму**: человек – всего лишь один из биологических видов, причем далеко не самый главный, а, пожалуй – просто вредный для биосферы; в лучшем случае – к **экоцентризму** (в центре внимания – сохранение экологического равновесия). Возникновение биоцентризма вполне оправданно – ведь негативная роль падшего человечества в истории говорит сама за себя и при отсутствии христианского миропонимания ведет к развенчанию человека

в принципе, забывая, что он создан по образу и подобию Божию и что его природа всего лишь испорчена грехопадением и надо любить человека-грешника, ненавидя лишь сам грех, к чему и призывает христианство.

Нельзя не отметить многообразие научных направлений в либеральной научно-мировоззренческой системе. Воистину: «Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела» (Еккл 12: 11–12).

Вернемся к основному вопросу, обозначенному в начале статьи: является ли экологическая теология научным направлением, способным хоть в какой-то мере способствовать разрешению экологических проблем, или же она способна только накапливать констатирующую информацию по различным религиям и не более того. В пользу последнего говорит характер современных научных работ в этом направлении – не выходящих, как правило, за рамки обзоров и констатаций и носящих, как правило, либеральный, а зачастую – откровенно антихристианский характер [Карако 2017]. Никакой толерантности в отношении православия при этом нет и, естественным образом, быть не может. Мы имеем обилие направлений и изобилие мнений. Здесь уместно вспомнить Платона: «Знание направлено на бытие, чтобы познать его свойства. <…> Мнение же … направлено лишь на то, чтобы мнить» (Платон, диалог «Государство»). Таким образом, в теории познания Платон четко различал знание и мнение: первое относится к знанию об идеях, второе связано с чувственным миром; знание приводит к абсолютной истине, мнение касается только внешней стороны вещей, ведет к нарастании энтропии в обществе, росту хаоса, беспорядка, приближает «предсмертное смешение» по мысли К. Н. Леонтьева.

По существу – это самый сложный аспект проблемы. И не просто сложный – возможность консенсуса здесь равна нулю, а пресловутая толерантность (признание мнений «инаких» [Асмолов 2002]), как и во всех прочих случаях, ведет исключительно к нарастанию хаоса в социоестественных системах – многополярный мир утопичен, нереален, это противоречит всем естественнонаучным законам, утверждающим биполярность. Аналогично в Библии: «Как напротив

зла – добро, и напротив смерти – жизнь, так напротив благочестивого – грешник. Так смотри и на все дела Всевышнего: их по два, одно напротив другого» (Сирах 33: 14). Сколько-нибудь серьезное использование термина и понятия «многополярность» известно исключительно в политических целях, где такое использование также весьма неоднозначно и по сути своей глубоко лицемерно.

Православный взгляд на решение проблем экологии вполне однозначен: решить их полностью не представляется возможным («земля и все дела на ней сгорят», 2 Пет 3:10). Возможно лишь «отодвигание времени», достигаемое деятельностью в религиозной, образовательной, законодательной и технологической областях (последовательность по значимости). С научной точки зрения это обусловлено разнонаправленностью процессов в биосфере и техносфере [Евдокимов 2008; Некрасов 1969]. «Конец света» (научный аналог – «экологическая катастрофа», «разрушение биосферы») есть, однако, не гибель всего и вся, но переход в качественно иную сферу бытия («ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» 2 Пет 3:13).

Православный и научный взгляды на время разрушения биосферы «удивительным» образом совпадают – «Мню … осьмая тысяча прейдет» (от Сотворения мира, Серафим Саровский [Серафим Саровский, 2008], напомним, что сейчас идет 7526 год), а до разрушения биосферы по научным прогнозам остается от десятков лет (умеренный пессимизм), до 2–4 столетий (умеренный оптимизм) [Моисеев 1994; Моисеев 1996; Моисеев 1999].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асмолов А. Г. Формирование установок толерантного сознания как теоретическая и практическая задача // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М. : Независимый институт коммуникавистики, 2002. URL : www.tolerance.ru/RP-formir.php?PrPage= (дата обращения 16.02.18)

Богословие. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

Богословие как наука и как дар. URL : www.pravoslavie.ru/37784.html (дата обращения 31.12.17)

Большаков А. А. Древняя Русь IX–XIII вв. Очерки истории и антропоэкологии. М. : МНЭПУ, 1997. 102 с.

Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-н/Д, 1996. 480 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 480 с.

Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект. М. : Институт русской цивилизации, 2012. 672 с.

Евдокимов А. Ю. Экологичность христианства: взгляд преподавателя // Этнодиалоги. Альманах. № 3. М. : Издательский дом «Этносфера», 2010. С. 225–228.

Евдокимов А. Ю. Религия и экология // Угрешский сборник : Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. Вып. 1. Дзержинский, 2011. С. 172–191.

Евдокимов А. Ю. Религия и экология // Этнодиалоги. Альманах. № 3 (36). М. : Издательский дом «Этносфера», 2011. С. 296–317.

Евдокимов А. Ю., Клименко О. И. Религиозный аспект проблем экологии // Социокультурное пространство города как условие развития личности : Науч.-практ. конф. студ., аспирантов и проф.-препод. состава. Норильск : Филиал МГУКИ, 2012. С. 15–21.

Евдокимов А. Ю. Религия, экология, культура – взаимосвязи и проблемы // Религиозная коммуникация в пространстве профессионального образования : тезисы докладов Межотраслевой науч.-практ. конф. 28–29 января 2014, МГЛУ. С. 11–12.

Карако П. С. Философия и религия. URL : elib.bsu.by/bitstream/123456789/8169/1/pages%20from%20ph&ss_2010-4.%2067-76pdf.pdf (дата обращения 30.11.17)

Крупенио Н. Н. Информационное загрязнение окружающей среды России // Христианство и проблемы экологии. IX Международные Рождественские образовательные чтения : сборник докладов конф. М., 2000. С. 96–108.

Кульпин Э. С. Бифуркация Запад–Восток. Введение в социоестественную историю. М. : Московский лицей, 1996. 200 с.

Лемешев М. Я. Православие, семья и земля в русской цивилизации // Православие, экология, нравственность : сб. тр. VIII Конференции. М., 2004. С. 36–48.

Мамедов Н. М., Суравегина И. Т., Глазачев С. Н. Основы общей экологии : учебник для старших классов общеобразовательной школы. М. : МДС, 1998. 272 с.

Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы (эколого-политологический анализ). М. : МНЭПУ, 1994. 46 с.

Моисеев Н. Н. Экология и образование. М. : Юнисам, 1996. 192 с.

Моисеев Н. Н. Быть или не быть … человечеству? М., 1999. 264 с.

Некрасов Б. В. Основы общей химии. Т. 2. М. : Химия, 1969. 400 с.

Олейников Ю. В. Экологический фактор современной социоестественной истории России. Серия «Социоестественная история» / под ред. Э. С. Кульпина. Вып. IX. Билль о правах человека и природы. М. : Институт востоковедения РАН, 1997. С. 121–127.

Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология : учебное пособие для вузов. М. : Академический проект, 2004. 480 с.

Пантин В. И. Смена технологических укладов как фактор взаимодействия человека и природы в эпоху индустриального общества «Человек и природа» // Человек и природа – проблемы социоестественной истории : материалы VI Науч. конф. / под ред. Э. С. Кульпина. Вып. X. М. : Институт востоковедения РАН, 1997. С. 78–84. (Сер. «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России».)

Пантин В. И. Развитие технологических укладов в России в XX в.: роль системы ценностей и вмещающего ландшафта // VII конф. СЕИ. 2003. URL : yandex.ru/images/search?text=Пантин%20В.И.%20VII%20конф.%20СЕИ%2С%202003.%20Развитие%20технологических%20укладов%20в%20России%20в%20XX%20в.%3А%20роль%20системы%20ценностей%20и%20вмещающего%20ландшафта&stype=image&lr=213&noreask=1&source=wiz (дата обращения 16.02.18)

Реймерс Н. Ф. Начала экологических знаний. М. : МНЭПУ, 1993. 262 с.

Сид Дж., Мэйси Дж., Флеминг П. и др. Думая как гора: на пути к Совету всех существ. М., 1992. 126 с.

Серафим Саровский о конце света. URL : isi2012-ks.blogspot.ru/2012/07/2892-3167.html 03.01.18 (дата обращения 30.11.17)

Уайт Л. Исторические корни нашего экологического кризиса. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М. : Прогресс, 1990. С. 188–203.

Шафаревич И. Р. Христианство и экологический кризис. Фрязино : Содружество «Православный паломник», 1993. 48 с.

Шафаревич И. Р. Записки русского экстремиста. М. : Алгоритм, 2005. 320 с.

Шипунов Ф. Я. Организованность биосферы. М. : Наука, 1980. 291 с.

Шипунов Ф. Я. Оглянись на дом свой. М. : Современник, 1988. 238 с.

Шипунов Ф. Я. Биосферная нравственность // Юный натуралист. 1990. № 11–12. С. 7.

УДК 215

Р. А. Силантьев, А. Р. Крганов, А. В. Саввин

Силантьев Р. А., доктор исторических наук, профессор
каф. мировой культуры МГЛУ; e-mail: rsilantiev@mail.ru

Крганов А. Р., аспирант каф. мировой культуры МГЛУ;
председатель Духовного собрания мусульман России;
e-mail: gulistan-60@mail.ru

Саввин А. В., доктор философских наук,
заведующий каф. мировой культуры ФГН МГЛУ, профессор ПСТГУ,
МГЛУ, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
e-mail: a.v.savvin@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТРУКТУР ФЕТХУЛЛАХА ГЮЛЕНА В РОССИИ КАК ПРИМЕР МАСШТАБНОЙ ЭКСПАНСИИ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Статья посвящена деятельности в России структур турецкого религиозного проповедника Фетхуллаха Гюлена, которые ориентировались преимущественно на образовательную и культурную сферы. Авторы статьи отмечают крупный масштаб мероприятий «фетхуллахчилар» и положительно оценивают оперативную реакцию российских властей на очередной вызов национальной безопасности.

Ключевые слова: Фетхуллах Гюлен; Саид Нурси; Турция; пантюркизм; фетхуллахчилар; Нурджулар; сеть лицеев; национальная безопасность; экстремизм; образовательная деятельность.

R. A. Silantiev, A. R. Krganov, A. V. Savvin

Silantiev R. A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department
of World Culture, MSLU; e-mail: rsilantiev@mail.ru

Krganov A. R., post-graduate student of the Department
of World Culture, MSLU; Chairman of the Spiritual Assembly
of Muslims of Russia; e-mail: gulistan-60@mail.ru

Savvin A. V., Doctor of Philosophy, Head of the Department
of World Culture FGN MSLU, Professor of PSTU, MSLU,
St. Tikhon's Orthodox University for Humanities; e-mail: a.v.savvin@mail.ru

ACTIVITY OF FETHULLAH GÜLEN STRUCTURES IN RUSSIA AS AN EXAMPLE OF A SCALE EXPANSION OF DESTRUCTIVE IDEOLOGY

The article is devoted to the activities of the structures of Turkish religious preacher Fethullah Gülen in Russia, who focused mainly on the educational and cultural spheres. The authors of the article note the large scale of "fethullahakhshirar's"

activities and positively assess the operative response of the Russian authorities to the next challenge to national security.

Key words: Fethullah Gülen; Said Nursi; Turkey; Pan-Turkism; Fethullahchilar; Nurdjular; network of lyceums; national security; extremism; educational activities.

В 90-е годы XX столетия в России начала крайне динамично изменяться религиозная ситуация. Внутриполитический курс на уничтожение религии был резко изменен руководством страны на другую крайность – тотальную вседозволенность и фактическую бесконтрольность в религиозной сфере. Воспользовавшись ситуацией, зарубежные миссионеры стали быстро осваивать новое пространство, эксплуатируя идею возрождения традиционной религиозной культуры, необходимости духовного поиска и проч. На фоне резкого разворота во внешней политике России на Запад, как правило, сам факт визита представителя зарубежного религиозного центра уже открывал ему доступ к руководителям не только региональной власти, но и к первым лицам Федерального центра.

Одной из таких организаций, попытавшихся закрепиться в России, стали гюлениты («фетхуллахчилар»). В отличие от многих зарубежных религиозных центров, гюлениты сделали акцент на внедрении собственных образовательных программ и смогли открыть в России десятки собственных турецких лицеев в Центральной Азии, Крыму, Поволжье, на Кавказе, что свидетельствует об их огромном экономическом и административном ресурсе.

Отечественный исследователь Р. Р. Сулейманов пишет, что Фетхуллах Гюлен (род. в 1941 г.) является одним из крупнейших турецких проповедников, сумевший создать огромную империю своих последователей. В основе его учения лежит идея восстановления существовавшей в Османской империи связи между религией и государством. При этом усиление роли ислама должно происходить не только через традиционные для религиозных общин институты – мечети и медресе, но и через светские образовательные учреждения, культурные центры, светские по характеру СМИ, бизнес» [Сулейманов 2016, с. 78–84].

Р. Р. Сулейманов отмечает, что последователи Ф. Гюлена, являясь приверженцами исламизации общества, прикрываются идеями «диалога цивилизаций». Используя собственные структуры, скрывая свои истинные конечные цели, они научились добиваться расположения влиятельных политиков, чиновников, представителей интеллигенции.

Гюлену удалось сформировать собственный джамаат по законспирированной иерархичной структуре, которая не видна для непосвященных. Являясь последователем турецкой секты «Нурджулар» проповедника Саида Нурси (1877–1960), Гюлен фактически смог сформировать собственное религиозное направление, которое можно считать ответвлением секты «Нурджулар», развившееся в итоге в самостоятельную религиозную группу. После кончины Нурси его религиозный орден раскололся на 7 направлений. Гюленисты представляют направление Мустафы Сунгура (1929–2012) и «Ени Азия» («Новая Азия») [Сулейманов 2016, с. 43].

Именно это обстоятельство объясняет акцент на образовательной деятельности, поскольку «фетхуллахчилар» решили формировать своих последователей с детства, буквально с младших классов школы, чтобы потом продвинуть своих сторонников на ключевые экономические, политические, силовые посты.

В 1999 г., опасаясь ареста на родине после конфликта с властями, Гюлен переехал из Турции в США. Следует обратить внимание, что и в 1990-е гг., и в настоящее время, несмотря на открытое противостояние с джамаатом Гюлена и «Нурджулар», правительство Турции часто признает их деятельность полезной в контексте реализации доктрины пантюркизма.

В России богословы относятся к «Нурджулар» и джамаату Гюлена как к модернистским проявлениям ислама. Несмотря на то, что «Фетхуллахчилар» фактически уже является самостоятельным направлением, отечественные правоохранительные органы идентифицируют их как часть секты «Нурджулар», которая в 2008 г. была признана экстремистской организацией Верховным судом Российской Федерации [Сулейманов 2016, с. 78–84].

Точную дату проникновения гюленитов («фетхуллахчилар») в Россию назвать крайне сложно. Возможно, активизация последователей Гюлена в России произошла после встречи Ф. Гюлена с муфтием Равилем Гайнутдином в начале 1990-х гг. «Заместитель председателя Совета муфтиев России шейх Фарид Асадуллин рассказал «НГР» о том, как в 1993 г. в рамках визита в Турцию он и муфтий Равиль Гайнутдин встречались в Стамбуле с Гюленом. «На нас он произвел впечатление человека респектабельного и авторитетного, придерживающегося «срединной» линии в исламе», – сообщил Асадуллин. – В круг

общения Гюлена входит вся политическая элита Турции, включая нынешнее руководство страны. Он окружен вниманием и почетом учеников и последователей, занимающих в исламском мире твердые позиции. Некоторые из них приезжают в нашу страну, занимаются проповеднической деятельностью. Но это люди очень лояльные», – писал об этом журналист «Независимой газеты» Андрей Мельников [Мельников 2008].

За 10 лет беспрепятственной деятельности в России гюлениты смогли широко развернуть свою работу и создать целую сеть средних учебных заведений. В западной части страны их интересы представлял фонд «Толеранс», на Северном Кавказе – фонд «Торос» и фирма «Эфляк», в Поволжье – фирма «Серхат», на Урале и в Сибири – фонд «Уфук» [Амелина 2003].

Всего сторонникам Ф. Гюлена удалось открыть до 50 лицеев, как правило, содержавших в своем названии прилагательное «турецкий» – «татарско-турецкий лицей», «хакасско-турецкий лицей» и т. д. Подобного рода «учебные» заведения в 1994–2001 гг. появились в Нижнем Новгороде, Челябинске, Ростове-на-Дону, Черкесске, Майкопе, Иркутске, Абакане, Улан-Удэ и во многих других городах. Наибольшее количество – целых семь «турецких» лицеев – было зарегистрировано в Татарстане [Метелева 2002]. Как видно из географии лицеев, особое внимание уделялось тюркоязычным народам. Параллельно аналогичные колледжи открывались в Средней Азии и в Закавказье. Интересно отметить, что из других новых религиозных движений в российской образовательной сфере также пытались работать мормоны и муниты, но по качеству и количеству гюлениты превзошли их на порядок. Это утверждение справедливо не только относительно России, но и в мировом масштабе.

Помимо вышеуказанных фондов и фирм, мощным инструментом влияния гюленитов стала образованная в 1998 г. международная организация «Платформа «Диалог Евразия»». О внешней респектабельности «Диалога Евразия» свидетельствует тот факт, что ее председателями в разное время были известный писатель Чингиз Айтматов и директор Института востоковедения РАН Ростислав Рыбаков.

Именно через «Платформу «Диалог Евразия»» гюлениты добились признания российским истеблишментом. Уже в октябре 2008 г. в Госдуме Российской Федерации был проведен «круглый стол»

о роли в истории двух «великих мыслителей-пацифистов» [Махатмы Ганди и Фетхуллаха Гюлена. URL : kavpolit.com/articles/zhirinovskij_o_fethullahe_gjulene-2436/].

Под эгидой «Диалога Евразии» был учрежден журнал «ДА», который стал главным русскоязычным СМИ гюленитов. Параллельно книжный рынок России начал насыщаться гюленитской литературой.

На русском языке с 2004 по 2009 гг. было издано восемь книг Гюлена такие, как «Пророк Мухаммад – венец рода человеческого» в двух томах, «Вера в потустороннюю жизнь», «Жизнь и исламская вера», «Критерии, или Огни в пути», «Сомнения, порожденные веком» в двух томах, «Фетхаллах Гюлен: очерки – перспективы – мнения», в том числе «Пророк Мухаммад – венец рода человеческого», к первому тому которой написал предисловие сам муфтий Равиль Гайнутдин, председатель Совета муфтиев России. Он писал: «Можно с уверенностью сказать, что предлагаемая вниманию читателей книга «Пророк Мухаммад: венец рода человеческого» – первое в России издание, знакомящее с содержательным аналитическим трудом нашего современника из Турции, известного ученого-богослова, писателя и мыслителя Фетхуллаха Гюлена, признанного во всем исламском мире.

Роль книги трудно переоценить, так как автор вложил в нее глубокие знания с целью оказать позитивное воздействие на формирование истинного представления об Исламе, Пророке Мухаммаде (да благословит его Аллах и приветствует) и духовно-нравственных ценностях, стремясь помочь выходу из тьмы неверия, невежества и всякого рода предрассудков.

На всем, что пишет Фетхуллах Гюлен, лежит печать строгой последовательности, логической завершенности и исключительной заинтересованности в истине. Поэтому нет сомнений в актуальности данного произведения как сегодня, так и для будущих поколений.

Информация, представленная в книге Ф. Гюлена, безусловно, станет интересной широкому кругу российских читателей. Во-первых, она окажется полезной не только для мусульман, но и для всех тех, кто имеет склонность к религии и духовности. Во-вторых, занимающиеся изучением религий и их историй, смогут пользоваться данной книгой в качестве справочного пособия по жизнеописанию пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) и пророческих свойств, что станет еще одним источником мудрости, способным утолить жажду познания многих.

Нашему миру сейчас крайне необходима мобилизация религиозных ресурсов в интересах достижения всеобщего мира, диалога и гармонии, а также уничтожения ненависти, тайной вражды и нетерпимости, разделяющих людей. Ведь разъяснение нами истинных жизненных ценностей, нашедших отражение и на страницах книги Гюлена, становится ключом к пониманию действительности, ценности каждого прожитого дня, важности добрых деяний и служения на благо других.

Надеюсь, данный труд расширит Ваши представления об основах мусульманской религии, откроет новые грани в понимании общечеловеческих ценностей, станет важным вкладом в дело мира, взаимопонимания и толерантности во имя светлого будущего».

В результате деятельностью такого влиятельного зарубежного холдинга на территории России заинтересовались спецслужбы и приняли соответствующие меры. «Турецкая религиозно-националистическая секта действовала в России через созданные ею фонды и коммерческие фирмы и решала широкий спектр задач в интересах разведки. В том числе осуществлялся сбор информации о происходящих на Северном Кавказе процессах, велась пантюркистская и панисламистская обработка российской молодежи, рассматривались кандидаты на вербовку в целях формирования протурецкого лобби в местных властных структурах, проникновения в правоохранительные органы и общественные объединения», – рассказывали журналистам глава ФСБ Николай Патрушев в конце 2002 г. [Eurasian News Fairway. URL : fairway-info.com/turkey-89/].

Первыми под запретительные меры попали гюленитские колледжи, которые в результате были закрыты или перепрофилированы. Попытка последователей Гюлена защитить колледжи аргументом о высоком уровне предлагаемого образования в России не была воспринята. Совершенно логично, что для инфильтрации своих людей в органы власти и другие ключевые сферы гюленитам было необходимо обучать своих сторонников крайне качественно. Проекты Фонда Сороса и других агентов влияния США в России прекрасно проиллюстрировали, насколько управляемыми становятся те люди, которых с детства учили в нужном ключе. Особенных успехов гюлениты добились в Татарстане, где выпускники турецких колледжей осуществили попытку массового вхождения в региональную элиту.

Однако вопрос о высоком уровне преподавания в сети турецких лицеев остается дискуссионным. Например, в Чувашской Республике в 1990-х гг. гюленитами был открыт «Чувашско-турецкий лицей» в Чебоксарах, вскоре ставший одним из самых известных учебных заведений региона. Параллельно по линии Ассамблеи тюркских народов в Турию отправились десятки чувашских студентов, многие из которых вернулись уже эмиссарами Гюлена.

Интересно отметить, что гюлениты экономили на квалификации преподавателей своих лицеев, при этом искусственно завышая рейтинги. В результате чувашский лицей оказался в эпицентре скандала. «Лицей лишился сразу шестерых иностранных преподавателей. Миграционная служба попросила их покинуть Россию. Причина – несоответствие дипломов учителей российским стандартам. Иностранцы имели на руках лишь копии документов, к тому же весьма небрежно переведенных на русский язык. Администрация лицея тут же “всколыхнула” общественность. И вдруг – сюрприз! Преподаватели из Турции, оставшиеся в России, предъявили миграционной службе дипломы об окончании российских вузов, действительно дающие им право работать. Только вот у директора Хасана Октана и учителя английского Йылдыза Эзгюра «корочки» оказались фальшивыми <...>. Защитники лицея говорят о крупных успехах его учащихся и выпускников, скромно умалчивая о том, что туда набирают учиться с девятого класса наиболее талантливых ребят. Так что успехи лицеистов обусловлены скорее трудом местных педагогов, а не суперэффективностью турецкой системы. И, главное, скандал вокруг лицея – вовсе не частное дело. Потому что в него вложены немалые бюджетные деньги. А вот турки предпочитают помогать все больше учебниками да преподавателями. Целесообразно ли вообще за счет налогоплательщиков содержать такие учебные заведения? И кого там готовят на российские деньги – патриотов своей страны или Османской империи? Между прочим, в России подобных учебных заведений около двадцати. Подавляющее большинство учителей в них – граждане Турции, не имеющие подтверждения уровня их образования», – писала об этом «Комсомольская правда» [Идея Османской империи живет. И уже побеждает в России? URL : www.kp.ru/daily/22539/9041/].

В 2001 г. Рособрнадзор обратил внимание на гюленитские лицеи, и через год сеть была практически ликвидирована. Чувашско-

турецкий лицей был перепрофилирован и переименован в Национальный лицей имени Г. Лебедева.

После ликвидации колледжей под запрет попала гюленитская литература. Российские суды стали запрещать труды идеолога секты Саида Нурси. На защиту гюленитов встали дружественные им муфтии и имамы. Так, например, в апреле 2009 г. разразился скандал вокруг списка одобренной экспертным советом Духовного управления мусульман европейской части России (ДУМЕР) исламской литературы, который был размещен нынешним муфтием Москвы Ильдаром Аляутдиновым на официальном сайте московской Соборной мечети. В этом перечне оказалось несколько книг из Федерального списка экстремистских материалов: «Посох Муссы» и «Основы искренности». При этом Аляутдинов специально пояснил, что «нет никаких мотивов, чтобы запрещать эту литературу и называть ее экстремистской. Это просто-напросто кому-то выгодно, кем-то заказано – ограничивать людей в их свободе читать данные книги. Так можно и Тору, и Коран, и Евангелие взять и вырывать из контекста какие-то кусочки. Нас попросили провести независимую каноническую экспертизу данных трудов, мы ее провели» [ИНТЕРФАКС Религия. URL : www.interfax-religion.ru/?act=news&div=29689].

Ситуация развивалась в сторону запрета книг самого Гюлена, поэтому его лоббисты сделали оригинальный упреждающий ход – сами обратились в Научно-консультативный совет по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма при Минюсте России с просьбой дать оценку восьми книгам Ф. Гюлена.

В результате проведенного исследования Совет признал, что книги ничего не разжигают и вполне могут публиковаться [Минюст России. URL : minjust.ru/ru/press/news/zaklyucheniya-nauchno-konsultativnogo-soveta-pri-ministerstve-yusticii-rossiyskoy]. Возможно предположить, что на такое решение повлиял член Совета, заместитель Равиля Гайнутдина, человек, симпатизирующий Ф. Гюлену, Фарид Асадуллин. Важно отметить, что четыре члена совета (журналистка Валентина Дудкина-Трубецкая, будущий священник Георгий Максимов, ученые Сергей Кузнецов и Татьяна Анисимова) обнародовали свое особое мнение, в котором не согласились с решением большинства и сообщили, что «полагаем своей обязанностью предупредить

ООО Издательский дом «Научная книга» о вероятности судебных исков, вызванных наличием в некоторых из этих книг ясно выявляемых признаков религиозного радикализма и нетерпимости, нарушающих законные права верующих, неверующих и атеистов» [Минюст России. URL : minjust.ru/ru/press/news/zaklyucheniya-nauchno-konsultativnogo-soveta-pri-ministerstve-yusticii-rossiyskoy].

В результате этого спора правыми были признаны выразители особого мнения. После того, как Гюлен поссорился с Эрдоганом, его лобби в России существенно ослабло, и в 2015 г. Ленинский районный суд Оренбурга признал экстремистскими книги «Пророк Мухаммад – венец рода человеческого», «Сомнения, порожденные веком», «Критерии или Огни в пути» и «Жизнь и исламская вера» [Минюст России. URL : minjust.ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=%D0%93%D1%8E%D0%BB%D0%B5%D0%BD].

После закрытия сети лицеев важнейшей сферой деятельности гюленитов в России стала культура. Они создали десятки «обществ российско-турецкой дружбы», «культурных представительств Турции» и подобных организаций, стали активно посещать российские вузы, муниципальные учреждения, влиятельные НКО и прочие структуры с предложениями заключить соглашение о сотрудничестве и бесплатно посетить Турцию.

В современной России перспективы успешной деятельности гюленитов минимальны. Опасаясь действий Президента Турции Р. Эрдогана, от них отвернулись даже самые надежные союзники. Например, функционеры Совета муфтиев России теперь полностью разделяют негодование главы Турции в отношении «агента Запада» Гюлена [Реальное время Казань. URL : realnoevremya.ru/articles/39634]. Некогда влиятельная Платформа «Диалог Евразия» практически заморозила свою деятельность, а вместо Чингиза Айтматова ее теперь возглавляет украинский профессор Володимир Сергейчук. На сайте журнала «ДА» последние публикации датируются 2014 г., что также говорит о сворачивании активной деятельности.

В заключение можно констатировать, что власти России достаточно оперативно отреагировали на вызов гюленитов и локализовали это явление. Те же страны постсоветского пространства, которые таких мер не предприняли, со временем столкнулись с самыми серьезными проблемами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амелина Я. Пятая колонна Турции // Наш континент, 5 декабря 2003. С. 8.

Гюлен Ф. Пророк Мухаммад – венец рода человеческого. М. : ООО «Издательство Новый Свет», 2004.
Т. 1 / пер. с тур. В. Гафарова. 363 с. ;
Т. 2 / сокр. пер. с тур. А. Разореновой. 304 с.

Гюлен Ф. Вера в потустороннюю жизнь / пер. с тур. Кутлукхана Шакирова, Ирины Николаевой, Рашида Акказиева. М. : ООО «Издательство Новый Свет», 2006. 112 с.

Гюлен Ф. Жизнь и исламская вера / пер. с тур. Фарида Багирова. 2-е изд-е. М. : ООО «Издательство Новый Свет», 2009. 400 с.

Гюлен Ф. Критерии или Огни в пути / пер. с тур. Фарида Багирова. М. : ООО «Издательство Новый Свет», 2006. 231 с.

Гюлен Ф. Сомнения, порожденные веком. М.: ООО «Издательство Новый Свет», 2004. 3-е изд-е.
Т. I / пер. с тур. С. С. Байрамовой, В. Гафарова, З. Байрамова. 200 с. ;
Т. II / пер. с тур. В. Гафарова, З. Байрамова, И. Николаевой. 180 с.

Гюлен Ф. Фетхаллах Гюлен: очерки – перспективы – мнения / пер. с англ. и тур. О. Жаркевич, Е. Напольновой, А. Исмаилова. М. : ООО «Издательство Новый Свет», 2006. 157 с.

Мельников А. Призрачная империя Фетуллы Гюлена // НГ-Религии. 6 февраля 2008. С. 11.

Метелева С. Аллах с нами // Московский комсомолец. 6 декабря 2002. С. 3.

Сулейманов Р. Р. Татаро-турецкие лицеи в Татарстане как проводники идеологии Фетхуллаха Гюлена // Современные евразийские исследования. 2016. № 1. С. 78–84

Сулейманов Р. Р. Религиозная экспансия Турции в Татарстан в постсоветсткий период // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2 (47). С. 43.

Джаннат С. Маркус, Ахмерова Д. Дамир Мухетдинов, ДУМ РФ: «У Татарстана еще будет шанс блеснуть в восстановлении отношений России и Турции» // Реальное время. Казань. 12.08.2016. URL: realnoevremya.ru/articles/39634

Жириновский о Фетхуллахе Гюлене // Кавполит. 2014. URL : kavpolit.com/articles/zhirinovskij_o_fethullahe_gjulene-2436/

Заключения научно-консультативного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма // Минюст России. 22.12.2015. URL : minjust.ru/ru/press/news/zaklyucheniya-nauchno-konsultativnogo-soveta-pri-ministerstve-yusticii-rossiyskoy

Идея Османской империи живет. И уже побеждает в России? // Комсомольская правда. 24.04.2001. URL : www.kp.ru/daily/22539/9041/

Нарышкин А. Турция хочет завоевать Сибирь с помощью сект // Eurasian News Fairway. 07.02.2016. URL : fairway-info.com/turkey-89/

Силантьев Р. Удар в спину сторонникам Гюлена // Независимая газета. 07.09.2016. URL : www.ng.ru/facts/2016-09-07/5_gulen.html

Федеральный список экстремистских материалов // Минюст России. URL : minjust.ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=%D0%93%D1%8E%D0%BB%D0%B5%D0%BD

Эксперт Минюста считает одобрение московским муфтиятом экстремистских книг вызовом властям страны // ИНТЕРФАКС Религия. 09.04.2009. URL : www.interfax-religion.ru/?act=news&div=29689

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University

Гуманитарные науки

Humanitarian Sciences

Выпуск 1 (789)

Issue 1 (789)

Над выпуском 1 (789) работали:

кандидат филологических наук К. К. Нечаева;
доктор филологических наук, профессор А. П. Бондарев;
кандидат культурологии, доцент М. А. Полетаева;
доктор философских наук, профессор В. А. Васильев

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 23.01.2018
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 27,2
Заказ № 31

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна